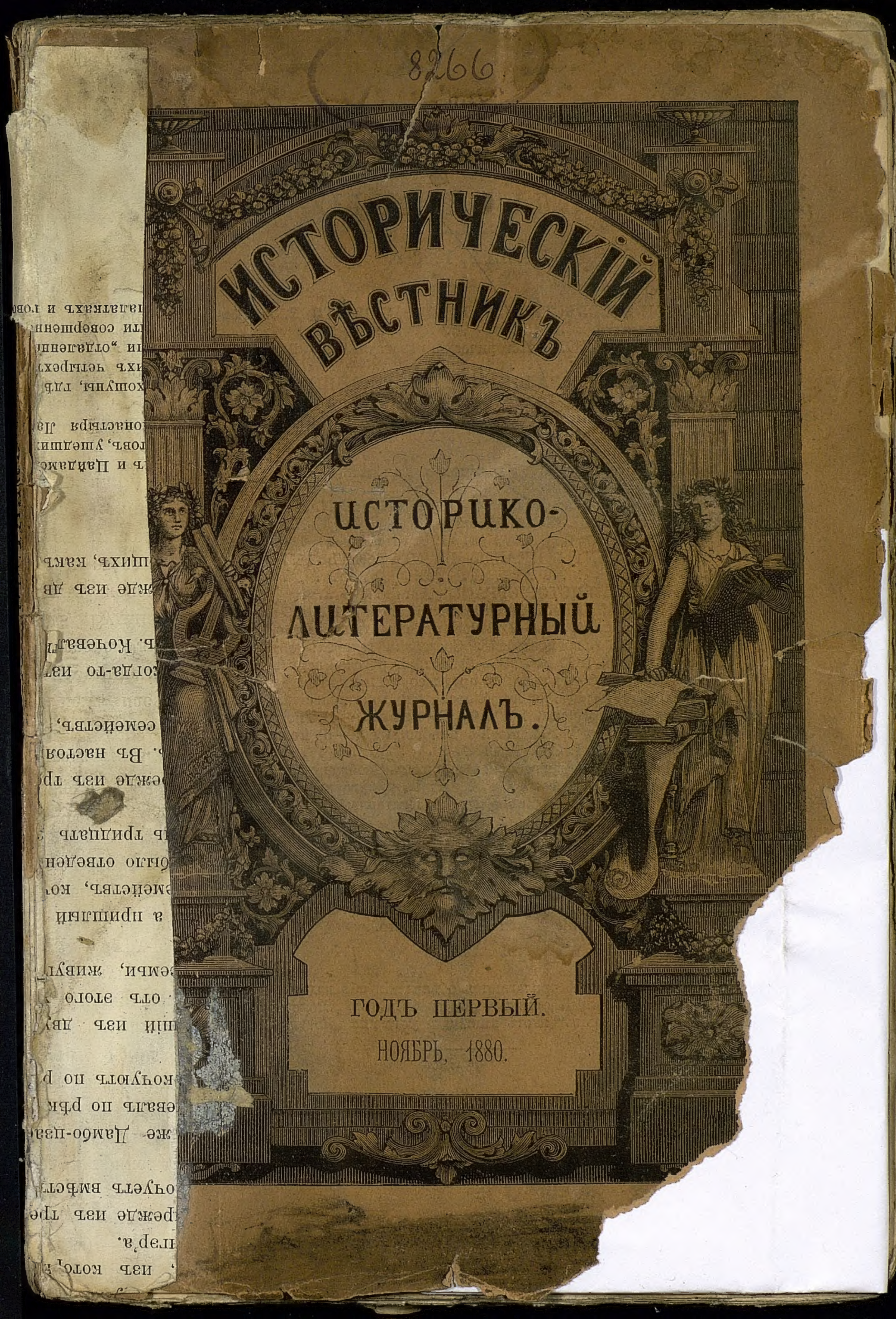

Историческій
Вѣстникъ
Историко-
литературный
журналъ.
ГОДЪ ПЕРВЫЙ.
НОЯБРЬ, 1880.

СОДЕРЖАНІЕ

НОЯБРЬ, 1880 г.

8266

РУССКІЙ ПОСОЛЪ ВЪ АНГЛІЮ ВЪ 1662 ГОДУ КНЯЗЬ П. С. ПРОЗОРОВСКІЙ СО СВИТОЮ.

По фотографіи г. Лушева, снятой съ современнаго подлинника, писаннаго масляными красками и принадлежащаго княгинѣ Е. П. Кочубей, рѣз. на деревѣ Панемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 24 сентября 1880 г.

Типографія А. С. Суворина Эртелевъ пер., д. 11—2.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1881 ГОДУ

ЖУРНАЛА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

(ВТОРОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ" будетъ издаваться **въ 1881 году** въ томъ же объемѣ, по той же программѣ, и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ текущемъ году.

Въ первыхъ книжкахъ **„Историческаго Вѣстника"** 1881 года, будутъ, между прочимъ, напечатаны слѣдующія статьи:

„Черниговка". Быль второй половины XVII вѣка **Н. И. Костомарова.** — „Ольховнякъ". Разсказъ изъ воспоминаній возвратившагося на родину изъ Сибири: **Его-же.** — „Несчастный". Неизданная повѣсть **Т. Г. Шевченки.**—„Дворянинъ-старовѣръ". Историческая повѣсть **Д. Л. Мордовцева.**—„Старые годы". Историческіе разсказы **В. С. Соловьева.**— „Решидъ-бей". Историческая повѣсть изъ эпохи переселенія Кавказскихъ горцевъ въ Турцію **В. И. Немировича-Данченко.**— „Религіозные мечтатели и нововѣры". Современные этюды **Н. С. Лѣскова.**—„Живые мертвецы". Очерки русскаго сектаторства **В. Н. Майнова.**—„Морская экспедиція польскихъ повстанцевъ въ 1863 году". **Н. В. Берга.**—„Потомокъ нормандскихъ герцоговъ на Камѣ". Изъ преданій прошлаго вѣка. **П. А. Пономарева.** — „Школьные годы". Отрывокъ изъ воспоминаній **В. Г. Авсѣенки.**—„Выдержки изъ дневника" **В. И. Аскоченскаго.**—„Воспоминанія объ А. П. Ермоловѣ" **А. В. Фигнера.** — „Воспоминанія о Я. П. Бутковѣ" **А. П. Милюкова.** — „Русскій путешественникъ по иностраннымъ государствамъ въ прошломъ вѣкѣ". **Его-же.**—„Очерки русскаго придворнаго быта въ прошломъ столѣтіи". **Е. П. Карновича.** — „Русскій дипломатъ князь Б. П. Козловскій". **Князя П. П. Вяземскаго.**— „Декабристъ среди людей шестидесятыхъ годовъ", **В. О. Михневича.**— „Карточная игра и картежники на Руси съ древнѣйшихъ временъ". **Его-же.**— „Августъ-Людвигъ Шлецеръ". Проф. **К. Н. Бестужева-Рюмина.**— „Взглядъ на развитіе Московскаго единодержавія". **И. Е. Забѣлина.**— „Обзоръ простонародной литературы". **Его-же.** — „Очерки Украинской литературы нынѣшняго вѣка". Проф. **Н. И. Петрова.**—„Эпизодъ изъ литературы сороковыхъ годовъ". Акад. **М. И. Сухомлинова.**—„Университетская жизнь въ Кіевѣ. 1869–1877". Проф. **В. И. Модестова.**—„Афанасій Прокофьевичъ Щаповъ". Проф. **Н. Я. Аристова.** — „Разбойники и бѣглые

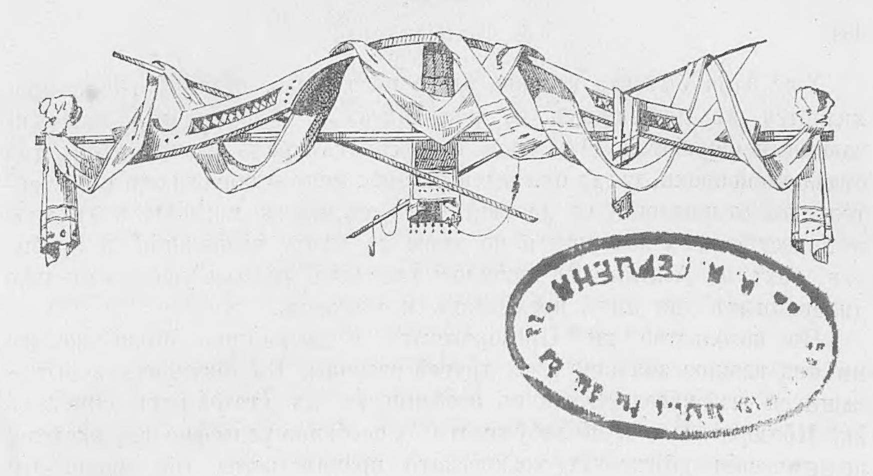
послѣ Петра Великаго". **Его-же.** — „Московскія Вѣдомости во время французской революціи". Проф. **А. И. Кирпичникова.** — „Московскій словесникъ-моралистъ" (И. М. Снегиревъ). **Ѳ. И. Булгакова.** — „Послѣдніе пятнадцать лѣтъ въ исторіи русскаго просвѣщенія", **Его-же.** — „Шесть мѣсяцевъ въ Средней Азіи". Путевыя записки. Проф. **Н. В. Сорокина.** — „Двѣ политики въ Славянскомъ вопросѣ". Проф. **А. А. Кочубинскаго.** — „Народные обычаи Абруццъ". Проф. **И. В. Цвѣтаева** и др.

Въ приложеніи къ **„Историческому Вѣстнику"** будутъ напечатаны два переводныхъ историческихъ романа: **„Графиня Шатобріанъ"** соч. **Лаубе**, и **„Кромвель"** соч. **Роденберга.**

Къ первымъ тремъ книжкамъ **„Историческаго Вѣстника"** будутъ приложены портреты нашихъ современныхъ историковъ: **К. Н. Бестужева-Рюмина, И. Е. Забѣлина и Д. И. Иловайскаго**, гравированные въ Парижѣ извѣстнымъ граверомъ **Панемакеромъ.**

„Историческій Вѣстникъ" выходитъ ежемѣсячно, книжками въ объемѣ до 16 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Подписная цѣна въ годъ, со всѣми приложеніями, **десять руб. съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора въ Петербургѣ: книжный магазинъ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина) Невскій просп., № 60. **Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ:** Московское отдѣленіе книжнаго магазина **„Новаго Времени"**, Никольская, домъ Ремесленной Управы.

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ АНГЛІЮ ВЪ 1662 Г.[1]

I.

Значеніе посольства князя Прозоровскаго въ Англію.—Его бытовая и политическая сторона.—Цѣль посольства и мотивы, вызвавшіе его.—Характеристика политическихъ убѣжденій, выразившихся въ немъ.

ВЪ 1662 году царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ къ англійскому королю Карлу II, въ качествѣ пословъ, стольника князя Петра Семеновича Прозоровскаго, дворянина Ивана Аѳонасьевича Желябужскаго и дьяка Ивана Давыдова „съ поздравленіемъ короля о принятіи имъ, по долговременномъ изгнаніи, англійскаго королевства въ свое правленіе и съ возвѣщеніемъ взаимной дружбы и ссылки". Объ этомъ посольствѣ въ дѣлахъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранилось нѣсколько интересныхъ документовъ[2].

---

[1]) Статья эта составлена по документамъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

[2]) Сюда относятся: 1) отправленіе въ Англію великихъ пословъ: стольника князя Петра Семеновича Прозоровскаго, дворянина Ивана Желябужскаго, дьяка Ивана Давыдова... тутъ же и статейный списокъ бытности ихъ въ Англіи (въ 3-хъ копіяхъ); 2) расходныя книги денежной и соболиной казны бывшихъ въ Англіи пословъ: стольника князя Петра Прозоровскаго и дворянина Ивана Желябужскаго съ товарищи; 3) отписка находившагося въ Англіи посла Ивана Желябужскаго... 4) отправленіе въ гонцахъ тайныхъ дѣлъ подъячаго Юрья Никифорова вслѣдъ за посланными въ Англію послами кн. Прозоровскимъ и И. Желябужскимъ съ наказами, грамотами и рѣчью для пословъ къ королю; 5) отправленіе въ Англію жильца Павла Богина съ извѣстіемъ о слѣдующемъ въ Англію россійскомъ посольствѣ... тутъ же и статейный списокъ бытности его, безъ начала; 6) статейный тайный списокъ пословъ кн. Прозоровскаго и И. Желябужскаго о истребованіи у короля въ долгъ нѣсколько тысячь ефимковъ; тутъ же и извѣтъ ихъ объ нанесенной имъ тамо отъ резидента Ивана Гебдона насмѣшныхъ ругательствахъ и обидахъ; 7) отписка бывшаго въ Англіи посла И. Желябужскаго о порученной ему по тайному наказу коммисіи касательно взаймы

Уже одна бытовая сторона этого посольства, насколько она проявляется въ дошедшихъ до насъ актахъ, дѣлаетъ ихъ заслуживающими обработки. Они живо возсоздаютъ предъ нами картину той отдаленной эпохи, когда они были писаны, ясно изображаютъ и обстоятельства отправленія въ далекій путь великихъ пословъ, и трудное путешествіе ихъ по сушѣ и по морю къ мѣсту назначенія, и пребываніе ихъ въ Англіи, гдѣ пришлось русскимъ людямъ увидать столько диковинныхъ для нихъ предметовъ и обычаевъ.

Но посольство кн. Прозоровскаго и дворянина Желябужскаго имѣетъ важное значеніе и съ другой стороны. Въ документахъ, относящихся къ посольству и въ особенности въ статейныхъ спискахъ кн. Прозоровскаго и Желябужскаго [1]), особенно рельефно выражаются политическія убѣжденія московскаго правительства той эпохи. Это объясняется самыми задачами посольства. Какъ уже видно изъ заглавія его, оно не преслѣдовало какихъ либо спеціальныхъ политическихъ или торговыхъ интересовъ. Главною цѣлью его было, поздравивъ англійскаго короля съ возстановленіемъ на престолѣ, установленіе съ нимъ любительной ссылки. По этому поводу и въ наказѣ [2]) о томъ, что должны были говорить и какъ вести себя послы въ Англіи, и въ рѣчахъ ихъ, и въ граматахъ, посланныхъ отъ царя Алексѣя Михайловича къ Карлу II, ясно формулированы тѣ основанія, которыя побудили московское правительство къ отправленію посольства.

Вотъ почему мы сочли не безъинтереснымъ заняться разработкою документовъ, касающихся посольства кн. Прозорскаго и Желябужскаго, документовъ нигдѣ еще, ни въ полномъ составѣ, ни въ извлеченіи, не изданныхъ и только лишь вскользь [3]) упоминаемыхъ.

Чтобы вполнѣ уяснить себѣ смыслъ и значеніе посольства въ

денегъ у торговыхъ людей. Тутъ же и статейный списокъ о примѣченныхъ имъ достойныхъ вещахъ; 8) отписка россійскаго въ Англіи резидента Ивана Гебдона о бытности тамъ россійскихъ пословъ кн. Прозоровскаго и Ивана Желябужскаго и о не порядочныхъ послѣдняго поступкахъ; 9) челобитная Ивана Гебдона. Кромѣ того, къ посольству кн. Прозоровскаго и И. Желябужскаго имѣютъ отношеніе и многіе другіе документы изъ числа англійскихъ дѣлъ; мы будемъ ссылаться на нихъ при самомъ изложеніи по мѣрѣ надобности.

Весьма многія изъ этихъ дѣлъ написаны чрезвычайно неразборчиво (скорописью XVII вѣка) и къ тому же сохранились очень дурно: чернила выцвѣли, бумага часто истлѣла, что дѣлаетъ чтеніе ихъ чрезвычайно затруднительнымъ.

[1]) Статейными списками называются дневники, веденные послами и гонцами во время ихъ путешествія и пребыванія въ чужой землѣ. При статейномъ спискѣ обыкновенно приложены наказъ, — описаніе обстоятельствъ отправленія, окладъ жалованья и кормовъ, грамоты къ чужимъ государямъ и проѣздныя и т. п. Въ московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ ихъ сохранилось до 270. Нѣкоторые изъ нихъ были напечатаны.

[2]) Наказъ всегда содержитъ въ себѣ подробныя наставленія посламъ относительно ихъ образа дѣйствій за границей. По нему можно судить о цѣляхъ и желаніяхъ московскаго правительства.

[3]) У Соловьева—12 томъ, стр. 240.

Англію кн. Прозоровскаго и Ивана Желябужскаго, мы не можемъ ограничиться изложеніемъ однихъ обстоятельствъ ихъ путешествія въ Англію и пребыванія въ ней. Мы должны отдать себѣ отчетъ, какія цѣли оно преслѣдовало, какими мотивами было вызвано, какими убѣжденіями руководствовались русскіе послы, при какихъ, наконецъ, условіяхъ внутренней и внѣшней политической жизни московскаго государства оно происходило. Это тѣмъ болѣе необходимо, что посольство кн. Прозоровскаго не представляетъ одиночнаго явленія въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Оно, напротивъ, входитъ въ рядъ другихъ многочисленныхъ сношеній [1]), которыми ознаменовалось правленіе „тишайшаго" царя. Такимъ образомъ посольству въ Англію кн. Прозоровскаго съ товарищами никакъ нельзя придавать случайный характеръ.

Опредѣленіе цѣли посольства можетъ быть сдѣлано безъ особаго труда. Цѣль эта сквозитъ и въ наказѣ посламъ, и въ граматахъ Алексѣя Михайловича, и на каждой почти страницѣ обширнаго статейнаго списка. Она состоитъ, какъ мы уже замѣтили,—въ поздравленіи Карла II со вступленіемъ на престолъ и въ возвѣщеніи ему желанія быть съ нимъ въ любительной ссылкѣ, т. е. въ дружественныхъ и постояныхъ сношеніяхъ; другими словами—въ международномъ общеніи.

Конечно, путешествіе въ Англію было въ то время такъ трудно, что московское правительство не могло обойтись, что-бы кстати не дать посламъ и другихъ порученій. Такъ, въ наказѣ имъ было предписано, чтобы они справились въ Англіи о какомъ то самозванцѣ и ворѣ Фридрихѣ Алебертусѣ, который будто бы называлъ себя въ Англіи Бѣлорусскимъ царевичемъ и по свѣдѣніямъ, полученнымъ московскимъ правительствомъ, испрашивалъ себѣ вспоможенія отъ англійскаго короля. Посламъ велѣно было разузнать про это и заявить англійскому королю, чтобы онъ этого вора приказалъ схватить и передать русскимъ. Затѣмъ одному изъ пословъ, И. Желябужскому, было дано щекотливое порученіе попросить у короля уплаты денегъ, взятыхъ имъ въ долгъ у царя Алексѣя Михайловича. Во время изгнанія Карлъ II обращался ко многимъ государямъ съ просьбою о денежной субсидіи. Онъ не забылъ и московскаго царя. Въ 1650 году пріѣхалъ отъ него черезъ Псковъ посолъ съ граматою, въ которой, послѣ обычныхъ привѣтствій и пожеланій, было написано, что Карлъ II проситъ у Алексѣя Михайловича вспоможенія въ размѣрѣ 50,000 фунтовъ, т. е. до 100,000 рублей по стоимости ихъ въ то время „для

[1]) Такъ напр., въ 1646 году были отправлены посольства въ Голландію, Швецію и Польшу; въ 1654 въ Испанію и во Францію; въ 1656 въ Венецію; въ 1659 во Флоренцію; въ 1663 въ Англію; въ 1667 къ нѣмецкому императору, въ Данію и къ турецкому султану; также были дипломатическія сношенія съ курфирстомъ Бранденбургскимъ и съ папою. По части азіатскихъ дѣлъ ѣздили послы русскіе въ 1649 въ Грузію, въ 1653 въ Персію и въ 1654 въ Китай.

нашего надобья тому нашему послу, а ему наказано привести къ намъ какіе есть признаки вашея славныя любви и тѣмъ накрѣпко одолжить насъ вѣчно противъ воздавать во всякомъ любви",—говорится въ довольно плохомъ современномъ переводѣ граматы англійскаго короля; „а въ подлинной расплатѣ приказали мы нашему послу въ дву наказехъ за нашею большою печатью англійскія земли укрѣпить насъ тѣмъ обычаемъ, какъ въ наказѣ писано". Грамата писана была въ С.-Жерменѣ. Не велики было средства московскаго государя, но онъ не отказалъ своему „любительному брату", какъ онъ продолжалъ называть Карла, не смотря на изгнаніе. Въ отвѣтной граматѣ Алексѣя Михайловича писано, что онъ „велѣлъ дати по вашему королевскому величеству на вспоможенье и на ссуду изъ нашея казны соболей на 20,000 рублевъ" [1]). Про эту ссуду и поручено было напомнить королю. Въ свою очередь московскій государь приказалъ попросить у короля нѣсколько тысячь ефимковъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ возвратить ихъ товарами, пенькою, поташемъ, погодно, какъ будетъ положено въ договорѣ. Желябужскому было также велѣно попытаться занять денегъ и у купцовъ [2]). Эти два порученія, какъ очень деликатныя, изложены были въ особомъ „тайномъ наказѣ" [3]) Желябужскому, а въ общемъ наказѣ не значатся. Кромѣ того, на пословъ было возложено обычное порученіе, по возможности узнавать и записывать свѣдѣнія о разныхъ диковинныхъ вещахъ. Но всѣ эти порученія очевидно находятся на второмъ планѣ. Главною цѣлью посольства было установленіе любительной ссылки съ англійскимъ королемъ независимо отъ потребностей и обстоятельствъ минуты.

Это стремленіе къ общенію съ другими народами составляло величайшую заботу Алексѣя Михайловича и представляетъ одну изъ наиболѣе характеристичныхъ сторонъ его царствованія. Оно не есть слѣдствіе личной прихоти царя. Въ этомъ отношеніи Алексѣй Михайловичъ является послѣдователемъ прежнихъ государей и предшественникомъ Петра Великаго, болѣе рѣшительнымъ образомъ повернувшаго Россію на западъ. Съ другой стороны, стремленіе московскаго правительства къ тѣсному сближенію съ другими государствами не было, конечно, и одной идеей, абстрактнымъ принципомъ: оно вытекало изъ самыхъ потребностей русской жизни въ ту эпоху. Русскіе люди уже успѣли сознать, какъ они во многихъ отношеніяхъ далеко отстали

---

[1]) „Пріѣздъ въ Москву и отпускъ аглинскаго посла лорда барона Джана Кульпипера съ извѣщеніемъ о бывшемъ въ Англіи бунтѣ и убивствѣ короля Карла I и съ прошеніемъ о помочи деньгами на мятежниковъ. 1650 марта 20—іюня 28." Это не единственный случай вспомоществованія иностраннымъ государямъ.

[2]) „Отписки бывшаго въ Англіи посла Ивана Желябужскаго о порученной ему по тайному наказу коммисіи касательно взаймы денегъ у торговыхъ разныхъ націй людей. Тутъ же и статейный списокъ о примѣченныхъ имъ въ разныхъ государствахъ достойныхъ вещахъ."

[3]) Тамъ же.

отъ своихъ западныхъ сосѣдей. Они видѣли, что иностранцы, хотя и басурманы, и обычаи ихъ, съ русской точки зрѣнія, нехорошіе, всетаки умнѣе, ученѣе, богаче ихъ. Всякій разъ почти какъ приходилось русскимъ сталкиваться съ нѣмцами, они испытывали неудачи. Въ военномъ отношеніи они далеко не могли тягаться съ иноземцами; они были слабѣе и въ отношеніи къ наукамъ, промысламъ, торговлѣ. „Намъ съ ними не стянуться", говорили русскіе про иноземцевъ. Потребность воспользоваться и готовыми плодами западной цивилизаціи, насколько они соотвѣтствовали русскимъ нуждамъ, и поучиться у иноземцевъ всякой наукѣ и художеству, и обезпечить себѣ правильный, безобидный сбытъ своихъ произведеній, чтобы имѣть средства пріобрѣсти чужеземные продукты,—вотъ тѣ реальныя побужденія, которыя двигали Россію на Западъ. И въ этомъ стремленіи Россіи къ сношеніямъ съ другими народами проявляется одинъ и тотъ же общій для всѣхъ государствъ и народовъ законъ. Дѣло въ томъ, что на извѣстной ступени развитія ни одинъ народъ, при нормальныхъ условіяхъ, не можетъ уклониться отъ общенія съ другими народами и чувствуетъ въ этомъ настоятельную потребность. Различіе между отдѣльными народами состоитъ въ этомъ отношеніи лишь въ томъ, что для одного народа этотъ моментъ наступаетъ раньше, для другого—позднѣе. Для нашего отечества онъ наступилъ, въ силу особенныхъ историческихъ и географическихъ условій, сравнительно поздно. Раскинувшись на широкой равнинѣ, которая служила дорогой для массы дикихъ племенъ, въ теченіе столѣтій приливавшихъ изъ Азіи въ Европу, русскій народъ долженъ былъ выносить на себѣ первый натискъ дикарей. Населяя, по выраженію С. М. Соловьева, Украйну Европы, русское государство представляло какъ бы военную линію, которая сдерживала бы эту грубую азіатскую силу. Для сопротивленія постоянно прибывавшимъ племенамъ потребны были громадныя усилія, оставившія неизгладимый до сихъ поръ слѣдъ на нашей исторіи.

Не малымъ тормазомъ для развитія нашего отечества служила и обширность страны, малочисленность и бѣдность населенія, отдаленность отъ моря. Нужны были чрезвычайныя усилія, огромныя жертвы, чтобы русскій народъ при столь не благопріятныхъ условіяхъ могъ сплотиться въ государство. Для этого потребно было много времени и вотъ почему Россія такъ долго была изолирована отъ другихъ народовъ. Только управившись съ Азіей и съ своими внутренними дѣлами, она могла почувствовать потребность въ сближеніи съ другими государствами. Эта пора наступаетъ для нея въ XVII в. и мы видимъ, что московское правительство употребляетъ всѣ усилія, дѣлаетъ всевозможныя попытки, чтобы завязать правильныя сношенія съ Европой. Одну изъ такихъ попытокъ и представляетъ посольство въ Англію кн. Прозоровскаго и И. Желябужскаго съ возвѣщеніемъ любительной ссылки и братской дружбы.

Но, стремясь къ общенію съ другими народами, Россія выходила на этомъ пути уже сложившимся государствомъ, съ выработанными политическими убѣжденіями, опредѣленными интересами, ясно сознанными потребностями. Такое самосознаніе рельефно проявляется въ каждомъ словѣ документовъ, касающихся посольства кн. Прозоровскаго.

Прежде всего такъ и сквозитъ глубокое сознаніе московскаго государя о своемъ личномъ царскомъ достоинствѣ. Воспитанный въ преданіяхъ московскаго двора, онъ естественно придавалъ этому достоинству нѣсколько теократическій характеръ. Московскій государь былъ искренно убѣжденъ, что его поступки руководятся Божьими повелѣніями. Въ грамотахъ къ Карлу II, въ рѣчахъ пословъ, религіозный элементъ сказывается довольно рѣзко [1].

Сознаніе своего высокаго положенія проявлялось внѣшнимъ образомъ въ требованіи къ себѣ уваженія въ отношеніи церемоніала. Отсюда крайная щепетильность московскаго государя ко всей обрядовой сторонѣ пріемовъ его посольства. Въ наказѣ подробно говорится какъ должны вести себя послы и что требовать, чтобы не умалить государева достоинства. Послы должны были постоянно наблюдать, кто шелъ по правую руку, кто по лѣвую, не сидѣлъ ли кто на болѣе почетномъ мѣстѣ, чѣмъ они, не присутствовали ли иностранные послы на пріемахъ у короля, и т. п. Въ особенности же вмѣнялось имъ въ обязанность требовать, чтобы король слушалъ грамоту московскаго государя, или спрашивалъ о его здоровьѣ, снявъ шляпу и вставъ съ мѣста. Кромѣ того, посламъ было наказано отзываться о нравственныхъ и даже физическихъ качествахъ государя не иначе какъ хвалебно; въ наказѣ были прописаны даже тѣ выраженія, которыя они должны были при этомъ употреблять. Они въ тоже время должны были засвидѣтельствовать, какимъ уваженіемъ и любовью пользуется государь ихъ со стороны не только подвластныхъ ему, но также и иноземныхъ народовъ. Въ подробностяхъ своего внѣшняго проявленія это сознаніе московскаго царя о своемъ высокомъ положеніи иногда принимаетъ довольно наивный характеръ. Но въ своихъ основаніяхъ оно имѣетъ много серьезнаго и ничего неестественнаго не представляетъ.

Кромѣ признанія своего личнаго достоинства московскій государь требуетъ уваженія и къ своимъ правамъ и аттрибутамъ какъ монарха, царя и великаго князя всея Великія, Малыя и Бѣлыя Руси самодержца, и проч. Онъ настаиваетъ на безусловномъ признаніи своихъ правъ надъ всѣми принадлежащими ему землями. Отсюда требованіе

---

[1]) „А великаго государя грамота послана къ аглинскому королю такова:

„Милосердія ради милости Бога нашего въ нихъ же посѣти насъ востокъ свыше, во еже направити ноги наша на путь миренъ его убо Бога нашего въ троицѣ славимого милостію, мы великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя россіи самодержецъ.“—Статейный списокъ Прозоровскаго и Желябужскаго.

соблюденія другими государями всѣхъ подробностей титула московскаго государя въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ самъ себя „описуетъ". Надъ такою щепетильностью по отношенію къ титулу у насъ не разъ смѣялись. Но эти насмѣшки по меньшей мѣрѣ неосновательны. Въ настоящее время перечисленіе въ титулѣ всѣхъ наименованій царствующей особы уже утратило свое значеніе. Бываютъ случаи, когда оно даже излишне. Но въ ту отдаленную эпоху, про которую мы говоримъ, соблюденіе со стороны другихъ государей полнаго титула служило актомъ международнаго признанія московскаго государя дѣйствительнымъ обладателемъ всѣхъ тѣхъ странъ, названіе которыхъ помѣщено въ его полномъ титулѣ. А такое признаніе имѣло конечно большое политическое значеніе.

Требуя соблюденія своего титула, московскій государь всегда старался не умалить и титула государей, съ которыми находился въ сношеніяхъ. Съ этою цѣлью велись особыя книги, Титулярники, въ которыхъ записаны были титулы владѣтельныхъ особъ въ той самой формѣ „какъ они сами себя описуютъ" [1]). Въ наказѣ Прозоровскому и Желябужскому не одинъ десятокъ мелко написанныхъ страницъ посвященъ вопросу о титулѣ.

Сознаніе своего высокаго личнаго и государственнаго значенія служило московскому государю исходной точкой и для опредѣленія своихъ отношеній съ правительствами другихъ государствъ. Онъ считалъ возможнымъ имѣть дружественныя сношенія только съ законными правителями. Съ узурпаторами, революціонерами, онъ вступать въ дружественныя отношенія не желалъ. Конечно, на практикѣ приходилось иногда уклоняться отъ строгаго примѣненія этого правила, но всё таки нельзя не видѣть, что принципъ легитимизма игралъ важное значеніе при Алексѣѣ Михайловичѣ. Этотъ принципъ особенно рѣзко выразился въ переговорахъ съ Оливеромъ Кромвелемъ по вопросу о торговлѣ англичанъ въ Россіи. Эти переговоры тѣсно связаны и съ исторіей посольства кн. Прозоровскаго и Желябужскаго и мы поэтому считаемъ не лишнимъ остановиться на нихъ.

Сношенія московскаго государя съ Англіей прервались въ 1649 г. когда казненъ былъ король Карлъ I. Къ этому же времени относится и лишеніе англичанъ тѣхъ великихъ вольностей и привиллегій, которыми они, въ ущербъ русскимъ интересамъ, такъ долго пользовались въ московскомъ государствѣ. Убіеніе короля, какъ большое злое дѣло, было однимъ изъ мотивовъ лишенія ихъ этихъ привиллегій; по крайней мѣрѣ въ оффиціальныхъ грамотахъ къ Англіи московское правительство весьма охотно ссылается на этотъ мотивъ. Англійскіе купцы не теряли однако надежды на возстановленіе своихъ привиллегій; по этому поводу въ 1654 году прибылъ въ Москву послан-

---

[1]) Въ московскомъ Гл. Архивѣ М. И. Д. сохранилось нѣсколько такихъ Титулярниковъ.

никъ Уильямъ Придаксъ отъ Оливера Кромвеля [1]). По всему видно, что пріѣздъ Придакса не понравился Алексѣю Михайловичу. Посолъ англійскаго протектора былъ принятъ очень сухо, если не болѣе. Уже по части церемоніала ему пришлось испытать много унизительнаго съ точки зрѣнія того времени. Такъ напр. царь не всталъ, спрашивая о здоровьѣ Кромвеля. Придаксъ заявилъ неудовольствіе. „Государство наше ничѣмъ не убыло, говорилъ онъ, испанскій, французскій, португальскій короли и венеціанскіе статы воздаютъ владѣтелю нашему честь какъ и прежнимъ королямъ". Послу отвѣчали, что другія государства царю не примѣръ. Придаксъ жаловался и на то, что сняли съ него шпагу и что приставъ сидѣлъ съ нимъ въ саняхъ по правую сторону. За это передъ нимъ даже не извинились. „Какъ въ Московскомъ государствѣ повелось, такъ и дѣлаютъ", сказали ему бояре, бывшіе въ отвѣтѣ; а тебѣ въ чужомъ государствѣ выговариватъ про чины не годится". Возстановленія привиллегіи англійскимъ купцамъ Придаксъ конечно не добился. Въ отвѣтной грамотѣ англійскому протектору, написанной довольно вѣжливо, хотя и съ высока, уклончиво говорится, что московскому правительству теперь не досугъ заняться этимъ вопросомъ [2]).

Затѣмъ никакой посылки къ Кромвелю не послѣдовало, точно также какъ и милостиваго указа для англійскихъ купцовъ. Напротивъ, Алексѣй Михайловичъ чѣмъ могъ содѣйствовалъ возстановленію законнаго короля Англіи на престолѣ.

Такимъ образомъ въ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ московскій государь соблюдалъ тотъ принципъ, который теперь носитъ названіе легитимизма. Къ этому принципу мы не можемъ отнестись отрицательно; въ ту отдаленную эпоху онъ былъ явленіемъ совершенно естественнымъ и мы не видимъ, чтобы онъ принесъ вредъ нашему отечеству.

Къ тому же у московскихъ государей при тѣсной связи, которая существовала между ними и народомъ, при ясномъ представленіи о его нуждахъ и потребностяхъ, примѣненіе этого принципа на практикѣ часто выходило чрезвычайно удачно для народныхъ интересовъ. Такъ между прочимъ было и въ приведенномъ примѣрѣ. Алексѣй Михайловичъ ловко воспользовался „премѣненіемъ" въ англійскомъ государствѣ, какъ однимъ изъ предлоговъ отобрать у англичанъ привиллегіи, невыносимыя для русскихъ купцовъ. Московскій государь никогда не жертвовалъ народными интересами ради какого либо абстрактнаго принципа или личной симпатіи. Интересы народа всегда стояли на первомъ планѣ въ ряду государственныхъ заботъ его и въ

---

[1]) „Пріѣздъ въ Москву англійскаго посланника Ульяма Придакса отъ Оливера Кромвеля владѣтеля надъ статы Англійской, Шкотской, Урландской земель для исходатайствованія купцамъ англійскимъ торговать въ Россіи безпошлинно...." 1654 г. Англійскія дѣла, № 2, св. 18.

[2]) Объ этомъ говоритъ и С. М. Соловьевъ въ XII т. своей Исторіи Россіи.

этомъ состоитъ одно изъ основныхъ положеній, которыми руководствовалось московское правительство въ XVII вѣкѣ въ сношеніяхъ съ Западомъ.

Итакъ, сознаніе своего личнаго и государственнаго достоинства, легитимизмъ, народные интересы, вотъ тѣ главные пункты, около которыхъ группировались убѣжденія московскаго правительства въ его сношеніяхъ съ другими народами.

Въ рѣзкомъ противорѣчіи съ столь высокими задачами, преслѣдуемыми московскимъ правительствомъ, находится та скудость средствъ, которыми оно могло располагать. Бѣдность свѣдѣній о другихъ государствахъ и ихъ отношеніяхъ между собою, недостаточность образованія. бѣдность финансовъ—вотъ что тормозило дѣятельность государственныхъ людей Россіи въ то время. „Воплемъ отчаянія, по выраженію С. М. Соловьева, на неимѣніе средствъ начиналось и кончалось царствованіе государей этой эпохи. При династіи Романовыхъ Москва наполнялась иностранцами, которымъ даются привилегіи для учрежденія разныхъ промысловъ и предпріятій. Вызываются ученые, военные. Но на все это нужны деньги, а денегъ нѣтъ, народъ обремененъ податями“.

И въ томъ посольствѣ, которымъ мы занимаемся, эта скудость выразилась весьма рельефно. Сознавая недостаточность своихъ свѣдѣній объ иностранныхъ государствахъ, царь Алексѣй Михайловичъ въ наказѣ посламъ велѣлъ имъ тщательно развѣдывать про внутреннее состояніе и взаимность отношеній государствъ между собою. Но все было въ этой области такъ ново и диковинно для русскихъ, что изъ отписокъ ихъ не видать, чтобы они уяснили себѣ сущность положенія дѣлъ въ Европѣ. Только нѣсколько лѣтъ спустя одинъ изъ московскихъ пословъ съумѣлъ дать московскому правительству обстоятельный отчетъ о конституціи Англіи. Да и то это сдѣлано было иностранцемъ, который былъ облеченъ званіемъ русскаго посла [1]. Изъ дневника пребыванія Прозоровскаго и Желябужскаго въ Англіи видно, что имъ мало знакомы иноземные обычаи; это не разъ вызывало возможность столкновеній, которыя устранялись только особенною любезностью и предупредительностью со стороны англичанъ. Но бѣдность свѣдѣній не была еще такъ велика, какъ бѣдность средствами матеріальными. Не Богъ знаетъ что̀ стоило отправить посольство въ Англію—всего тысячъ 10 рублей, да и то эти деньги сбирались нѣсколько мѣсяцевъ. Московское правительство не было въ состояніи выдать сразу жалованье и прогоны лицамъ, принимавшимъ участіе въ посольствѣ [2].

[1]) Статейный списокъ Андрея Виніуса 1667 г. Англійскія дѣла, св. 18, № 4.

[2]) „Марта въ 3 день велено дати Великаго Государя жалованья дворяномъ которымъ быти съ стольникомъ съ княземъ Петромъ Семеновичемъ.

„Февраля въ 26 день велено дати Великаго Государя жалованья для аглинскіе жъ посылки жильцу Павлу Богину по окладу ево на два гсда.

Это противорѣчіе между высокими стремленіями московскаго правительства и скудостью средствъ какъ умственныхъ, такъ и матеріальныхъ, составляетъ одну изъ наиболѣе характеристическихъ чертъ царствованія Алексѣя Михайловича. Оно вездѣ проявляется и въ описаніи посольства Прозоровскаго и Желябужскаго.

II.

Лица, участвовавшія въ посольствѣ. — Матеріальныя его средства. — Поминки. — Царскія граматы. — Путешествіе по Россіи до Риги. — Пріемъ въ Ригѣ. — Путешествіе по морю до Зунда. — Встрѣча съ англійскимъ кораблемъ. — Пріѣздъ въ Англію.

Съ первыхъ же словъ статейнаго списка Желябужскаго и князя Прозоровскаго видно, какъ серьезно было озабочено московское правительство отправленіемъ посольства въ Англію. Долгомъ первой важности было, конечно, избраніе лицъ, которымъ можно было бы дать столь мудреное порученіе. Выборъ палъ на дворянина Ивана Желябужскаго, князя Петра Семеновича Прозоровскаго и дьяка Ивана Давыдова. Въ статейномъ спискѣ послы пишутъ о себѣ почти всегда вмѣстѣ, такъ что по статейному списку очень трудно разобрать, какую роль игралъ каждый изъ нихъ. Но изъ другихъ документовъ [1]), относящихся къ этому посольству, можно судить, что князь Прозоровскій имѣлъ, главнымъ образомъ, представительное значеніе, тогда какъ Желябужскому даны были болѣе сложныя и деликатныя порученія, въ родѣ, напримѣръ, займа денегъ, истребованія долга и т. п. Дьякъ Давыдовъ исправлялъ секретарскія обязанности [2]). При посольствѣ былъ переводчикъ Андрей Ѳоротъ, иностранецъ, чиномъ полковникъ. Были и другіе переводчики изъ русскихъ, но они

„Іюня 5-го дано Великаго Государя жалованья аптекарскаго приказу толмачу Ивану Романову да рейтарского строю Томосова полку прапорщику Вилиму Хеймзу“. Жалованье было выдано въ 18 пріемовъ.—„Отправленіе въ Англію пословъ Прозоровскаго и Желябужскаго.“

[1]) Отписка Желябужскаго и тайный наказъ ему и другимъ.

[2]) О всѣхъ этихъ лицахъ намъ удалось собрать очень мало свѣдѣній. Желябужскій ѣздилъ заграницу въ первый разъ. Потомъ онъ былъ въ большой милости у царя и ему давались не однократно весьма важныя порученія. Въ Англіи онъ произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе—его упрекаютъ въ гордости и сварливомъ характерѣ. Онъ поссорился съ Иваномъ Гебдономъ—резидентомъ въ Голландіи.

О князѣ Прозоровскомъ есть довольно свѣдѣній въ разныхъ актахъ. Но у него былъ братъ, также Петръ Семеновичъ, такъ что почти нельзя разобрать, къ которому изъ братьевъ относятся эти свѣдѣнія. Про нашего князя Петра Семеновича съ полною достовѣрностью можно сказать лишь то, что онъ почти постоянно участвовалъ въ пріемѣ пословъ. Про характеръ его отзываются, что онъ мягокъ и обходителенъ. См. тѣ же документы. Родословная кн. Долгорукаго, I, 191. Акты Археографической Экспедиціи, т. IV, стр. 382, 385, 388, 389, 394, 401, т. V стр. 28, и др.

стояли на второмъ планѣ и изъ статейнаго списка не видно ихъ дѣятельности. За то Андрей Ѳоротъ всегда выдѣлялся и послы часто прибѣгали къ его содѣйствію не только въ дѣлѣ перевода, но и въ другихъ болѣе важныхъ случаяхъ.

При посольствѣ ѣхалъ и священникъ. Съ послами былъ отправленъ, кромѣ того, цѣлый штатъ дворянъ, жильцовъ, конюховъ, солдатъ, собольщиковъ и другихъ, всего до 100 человѣкъ. Московское правительство видимо желало придать посольству пышный и торжественный характеръ.

Матеріальныя средства, которыми было снабжено посольство, состояли частью изъ денегъ, частью изъ натуральныхъ продуктовъ, съѣстныхъ, питейныхъ или мѣховыхъ. Денегъ было отпущено около 7,000 рублей. Небольшая сумма была выдана голландскими ефимками. Съ послами было отправлено нѣсколько бочекъ меду вишневаго, малиноваго и инбирнаго. О томъ, сколько кому меду выпить, приложена при статейномъ спискѣ особая роспись. Большому, именитому человѣку полагалось и больше меду пить.

По особой росписи были отправлены съ послами поминки, т. е. подарки англійскому королю и королевѣ. Ихъ было на значительную сумму. Они, главнымъ образомъ, состояли изъ мѣховыхъ товаровъ. Интересны были экземпляры живыхъ птицъ и животныхъ [1]).

Съ послами была отправлена грамата къ англійскому королю. Въ виду особой торжественности посольства, она имѣла весьма изящный и богатый видъ [2]).

На тотъ случай, еслибы пословъ на пути въ Англію задержали, имъ были выданы проѣзжія граматы ко всѣмъ государямъ, черезъ владѣнія которыхъ они должны были проѣзжать.

Самый путь ихъ былъ опредѣленъ на Новгородъ, Псковъ, Ригу, потомъ моремъ до Англіи. Чтобы дать возможность англійскому королю достойнымъ образомъ приготовиться къ встрѣчѣ посольства, былъ посланъ въ Англію впередъ, въ качествѣ гонца, дворянинъ Иванъ Богинъ [3]). Съ нимъ же было предписано воеводамъ всѣхъ го-

[1]) Изъ росписи, приложенной къ статейному списку видно, какія были посланы въ Англію поминки:

9 кречетовъ, 3 сокола, 4 ястреба, 2 бабы, 2 колпи, 3 цапли,—всего 23 птицы; 2 куницы, 2 горностая, 6 верблюдовъ и лисицъ живыхъ; бархату (восточнаго) на 65 р.; цки горностайные съ рукавы по 28 р. 2 цки; 4 шубы собольи — 2,200 руб., соболей на 2,955 руб.; ковры на 50 р.; 20 пуд. костей рыбья зуба; 4 турецкихъ лука, 2 аргамака; 10,000 пудовъ 1000 берковцевъ пеньки. (Пенька посылалась только подъ видомъ подарка для продажи).

[2]) „Бѣлая грамота, писана на середнемъ александрѣйскомъ листу, каймы съ фигуры и богословье и государево имя по „Московского“ писано золотомъ, подпись дьячья на загибке, запечатана государственною большою печатью на красномъ воску подъ кустодью, послана въ камкѣ червчатой въ полъ аршина.“

[3]) „Отправленіе въ Англію жильца Павла Богина съ извѣщеніемъ о слѣдующемъ за нимъ въ Англію россійскомъ посольствѣ.“ Англійскія дѣла, св. 19, об. 1.

родовъ, на которые должны были ѣхать послы, заготовить имъ подводы и дать приставовъ на дорогу.

Самые сборы были очень продолжительны, они длились около восьми мѣсяцевъ. Наконецъ, 27 мая 1662 года великихъ пословъ позвали къ рукѣ государя. 11 іюня они отправились въ далекое и трудное путешествіе.

Ѣхали великіе послы, какъ имъ было указано, до шведской границы на Тверь, Новгородъ, Псковъ. Здѣсь уже знали о ихъ пріѣздѣ и приготовили имъ подводы и гдѣ нужно струги (лодки) и дали приставовъ до границы. Путешествіе шло, не смотря на предписаніе ѣхать на спѣхъ, очень медленно. До Пскова ѣхали 10 недѣль. За Псковомъ пословъ нагналъ гонецъ изъ Москвы, привезшій имъ еще 3,500 ефимковъ золотомъ для найма корабля. Такихъ гонцовъ съ разными порученіями изъ Москвы присылали посламъ во время ихъ путешествія нѣсколько разъ. Съ ними послы отписывали въ Москву объ обстоятельствахъ своего путешествія. Изъ Пскова посланъ былъ въ Ригу переводчикъ Ѳоротъ для найма кораблей. Передъ отъѣздомъ изъ Пскова туда пріѣхалъ изъ Англіи Богинъ, который ѣздилъ возвѣстить Карлу II о посольствѣ князя Прозоровскаго и Ивана Желябужскаго. Эта встрѣча была напередъ разсчитана московскимъ правительствомъ и Богину велѣно было предъявить посламъ свой статейный списокъ. Они прочли этотъ важный для нихъ документъ и поѣхали къ шведской границѣ.

Первый городъ, въ который они пріѣхали, былъ Новгородикъ. Шведы приняли ихъ вѣжливо, даже стрѣляли въ честь ихъ изъ двухъ пушекъ, но приставовъ и провожатыхъ до Риги, о чемъ просили ихъ послы, дать не могли за недостаткомъ людей. Точно также не могли дать русскимъ посламъ пристава и въ другомъ городѣ, черезъ который они проѣзжали по дорогѣ въ Ригу. За то пріемъ въ Ригѣ отличался торжественностью. Еще далеко отъ Риги встрѣтилъ ихъ посланный отъ „державца“ города Риги, который долженъ былъ состоять при нихъ приставомъ. Послы, подъѣзжая къ городу, заранѣе условились въ церемоніалѣ пріема. За три версты до города встрѣтили ихъ кареты съ депутатами отъ города и отъ „генерала“. При въѣздѣ въ городъ стрѣляли изъ пушекъ. Въ Ригѣ имъ приготовлены были помѣщенія, за которыя однако нѣмцы не позабыли взять съ пословъ деньги за „постоялое“.

Во время пребыванія русскаго посольства въ Ригѣ, возникъ интересный вопросъ объ осмотрѣ товаровъ, которые они везли съ собою и о наложеніи на нихъ таможенной пошлины. Русскіе послы энергично протестовали противъ этого. Они доказывали, что имѣютъ, въ силу принятыхъ посольскихъ обычаевъ и „докончанья“ съ шведскимъ королемъ, право на безпошлинный и безпрепятственный провозъ товаровъ въ Англію. Генералъ долго не соглашался и, наконецъ, потребовалъ отъ русскихъ пословъ подписки въ томъ, что съ ними не

ѣдутъ торговые люди и не везутъ товаровъ для продажи. Русскіе не пошли и на это. Они упрямо отказывались давать какую бы то ни было подписку и говорили, что не позволятъ осматривать свои товары, предоставляя генералу „учинить грабительство" и ломать коробы и ящики, если они посмѣютъ сдѣлать это. На такое крайнее средство не рѣшились нѣмцы. Генералъ просилъ пословъ дать письменное ручательство, если не за своею подписью, то по крайней мѣрѣ за подписью Ѳорота. Онъ видимо боялся обвиненія со стороны своего правительства въ томъ, что пропустилъ русскіе товары по нерадѣнію. Наконецъ, согласились на это русскіе послы и пререканія кончились благополучно. Передъ отъѣздомъ русскіе были приглашены на торжественный обѣдъ, на которомъ пили за здоровье государей московскаго и шведскаго. Дня черезъ два послѣ этого послы отплыли изъ Риги.

Путешествіе по морю произвело сильное впечатлѣніе на русскихъ пословъ, повидимому, въ первый разъ плывшихъ на кораблѣ [1]).

И ѣхали они къ тому же по Балтійскому морю въ самое неблагопріятное время. Въ октябрѣ на немъ всегда свирѣпствуютъ бури. „И октября 2 числа поднялась на морѣ погода, писали они въ своемъ дневникѣ, и корабль носило по морю... И былъ на морѣ вѣтеръ и погода противная и отнесло корабль въ сторону... И настала погода великая и корабль носило бурею"...

До Зунда ѣхали они около двухъ недѣль.

Въ Зундѣ корабль присталъ къ городку.

На корабль сейчасъ же явились „караульщики", т. е. чиновники, которымъ порученъ былъ осмотръ товаровъ и взиманіе съ нихъ пошлинъ и увезли съ собой хозяина корабля. Это было въ эпоху величайшаго стѣсненія судоходства по проливамъ и было совершенно въ порядкѣ вещей. Но послы знали о своемъ преимущественномъ положеніи и сейчасъ же послали на берегъ переводчика Андрея Ѳорота съ протестомъ. Кромѣ того, они возложили на него порученіе испросить дозволеніе свободной покупки необходимыхъ припасовъ и присылки лодокъ для перевозки припасовъ на корабль. Послы требовали, чтобъ имъ немедленно же послѣ этого дали свободный отпускъ ѣхать дальше. Отвѣтъ былъ весьма благопріятный: къ кораблю прислали нѣсколько казенныхъ датскихъ лодокъ безъ всякаго за это вознагражденія и дозволили покупать все, что угодно было посламъ безпошлинно. Объ отпускѣ же послали на спѣхъ въ Копенгавъ (Копенгагенъ) къ самому королю. Король, въ свою очередь, не задержалъ отвѣтомъ.

Во время стоянки русскаго посольства въ Зундѣ, къ кораблю ихъ пристали лодки съ стоявшаго неподалеку отъ него англійскаго судна.

[1]) „И октября 2-го ѣхали моремъ... и ни на которой сторонѣ земли не видали".

Узнавши, что на кораблѣ ѣдутъ русскіе послы, бывшіе въ лодкѣ объявили, что они присланы отъ англійскаго короля встрѣтить ихъ и пригласить ихъ на англійскій корабль со всею свитою и товарами. Князь Прозоровскій и Желябужскій согласились переѣхать, но это оказалось не совсѣмъ удобно. На англійскомъ кораблѣ было до 300 человѣкъ команды, такъ что не хватало мѣста ни для людей, ни для поминковъ, которые везли съ собою послы. Рѣшено было свиту, припасы, животныхъ и птицъ, оставить на наемномъ голландскомъ кораблѣ.

Пробывъ за противнымъ вѣтромъ еще нѣсколько дней въ Зундѣ, оба корабля вышли въ открытое море. Бурей ихъ разъединило, такъ что въ Гревзендъ послы пріѣхали задолго до прибытія въ этотъ городокъ голландскаго корабля съ ихъ свитою.

III.

Пребываніе въ Гревзендѣ. — Переговоры съ голландскимъ резидентомъ. — Болѣзнь Прозоровскаго.—Пріѣздъ въ Лондонъ.—Торжественная встрѣча.—Переговоры о церемоніалѣ.—Аудіенція у короля.

Въ Гревзендѣ пріѣхалъ къ посламъ на кораблѣ Иванъ Гебдонъ, московскій резидентъ въ Голландіи. Онъ привезъ имъ питья и яствъ отъ англійскаго короля, который велѣлъ ему спросить о здоровьѣ ихъ. Послы поблагодарили и затѣмъ обратились къ Гебдону съ просьбою оффиціально извѣстить короля о ихъ прибытіи; самимъ послать къ королю съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ имъ казалось неприличнымъ и несогласнымъ съ ихъ достоинствомъ. Кромѣ того, они попросили Гебдона вообще содѣйствовать имъ въ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія.

Въ отвѣтъ на это, Гебдонъ наговорилъ имъ массу любезностей, твердилъ имъ о преданности своей московскому государю, но ничего не хотѣлъ дѣлать для нихъ, если они не покажутъ ему граматы къ нему отъ царя. Безъ граматы или письма отъ Алексѣя Михайловича Гебдонъ отказывался отъ всякаго участія въ дѣлахъ посольства. Граматы такой у пословъ не было. Долго уговаривали они его, выставляя ему на видъ, что онъ, какъ человѣкъ состоящій на службѣ у московскаго царя, обязанъ помогать имъ и что государь не оставитъ его заслугъ безъ награды. Хитрый англичанинъ не подавался: ему видимо хотѣлось, чтобы послы отъ имени царя обѣщали ему что-нибудь опредѣленное въ уплату за труды. Мало по малу споры приняли довольно острый характеръ. Послы упрекали Гебдона въ неблагодарности и въ недовѣріи; Гебдонъ заявилъ, что если не будетъ исполнено его желаніе, то онъ туда сбѣжитъ, гдѣ не найти его никогда; пусть тогда послы дѣлаютъ, какъ знаютъ! говорилъ онъ. Но, видя

что послы твердо стоятъ на своемъ, онъ сообразилъ, что въ концѣ концовъ для него будетъ невыгодно совершенно поссориться съ ними: онъ смирился и, выпросивъ у пословъ обѣщаніе похлопотать за него предъ государемъ, поѣхалъ въ Лондонъ извѣстить короля о пріѣздѣ московскаго посольства. Этимъ, впрочемъ, не ограничилось его двухсмысленное поведеніе относительно пословъ, пребываніе которыхъ въ Англіи было ему, повидимому, такъ непріятно. Онъ и позднѣе старался вредить имъ, хотя и не пропускалъ случая попользоваться отъ нихъ. По донесенію Желябужскаго, Гебдонъ утаивалъ деньги, которыя получалъ отъ короля на содержаніе русскаго посольства, и содержаніе давалъ имъ плохое. Королю же онъ жаловался, что русскіе потребляютъ непомѣрное количество припасовъ и вина. Услышавъ про эту жалобу, послы дали королевскому правительству роспись, сколько нужно имъ припасовъ, и по этой росписи просили выдавать имъ. Желябужскій жаловался также, что лучшія комнаты на посольскомъ дворѣ Гебдонъ занялъ самъ или раздалъ своимъ пріятелямъ изъ нѣмцевъ, а русскимъ отвелъ помѣщенія похуже; нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ помѣстилъ „въ такую палатишку, что и войти въ нее скаредно“. Самъ Гебдонъ писалъ про Желябужскаго доносы въ Москву, причемъ обвинялъ его во всякихъ безобразіяхъ. Обвиненія его, однако, не подтвердились.

Таковы были люди, къ которымъ принуждены были обращаться русскіе для содѣйствія. Не мудрено, что результаты выходили иногда неблагопріятные.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Гебдона, явился къ посламъ „ближній королевскій человѣкъ Чарлусъ Катаррель“, поздравилъ ихъ съ благополучнымъ пріѣздомъ, вѣжливо спросилъ о здоровьѣ и пригласилъ сойти на берегъ, гдѣ было приготовлено помѣщеніе. Послы благодарили, спросили въ свою очередь о здоровьѣ короля и поѣхали на берегъ.

Встрѣча была блестящая. Лодки были красиво убраны; на берегу дожидались парадныя кареты; народу собралось много и всѣмъ велѣно было кричать и махать шляпами. Посреди густой толпы зрителей послы важно проѣхали въ назначенный для нихъ домъ.

Посламъ довольно долго пришлось прожить въ Гревзендѣ. Сначала они поджидали голландскій корабль со свитою и поминками; а когда пришелъ этотъ корабль, внезапно заболѣлъ кн. Прозоровскій и проболѣлъ слишкомъ мѣсяцъ. Король безпрестанно присылалъ спрашивать о его здоровьѣ и вообще выражалъ большое нетерпѣніе увидать пословъ. Во время болѣзни кн. Прозоровскаго, велись переговоры о церемоніалѣ встрѣчи и пріема посольства въ Лондонѣ. Здѣсь во всей полнотѣ проявилась требовательность и щекотливость московскихъ пословъ относительно внѣшней, обрядовой стороны ихъ порученія. Они требовали, напр., чтобы вся свита ихъ ѣхала отъ пристани до посольскаго двора въ Лондонѣ верхами на лошадяхъ, чтобы по-

дарки везли на показъ предъ народомъ вмѣстѣ съ ними. Англичане соглашались на эти требованія, но всякій разъ ставили посламъ на видъ, что просьба ихъ исполняется только ради особой дружбы и братской любви короля ихъ къ московскому царю.

Болѣзнь Прозоровскаго продолжалась такъ долго, что онъ принужденъ былъ отказаться отъ желанія участвовать въ торжественномъ въѣздѣ въ Лондонъ и согласился, чтобы его прямо провезли водою до посольскаго двора.

11 октября поѣхали послы изъ Гревзенда. Прозоровскаго, больного, перенесли на судно, гдѣ ему приготовлена была постель. Судно было роскошно убрано. Борты его были разцвѣчены и раззолочены; надъ палубой возвышался навѣсъ, устроенный, какъ записали послы въ своемъ дневникѣ, „по каретному", т. е. такъ, какъ въ каретахъ. Навѣсъ этотъ былъ сдѣланъ изъ краснаго бархата, вышитаго золотомъ и серебромъ. Свита и запасы помѣстились на другихъ судахъ. Не доѣзжая верстъ семь до Лондона, приставъ, сопровождавшій пословъ, объявилъ имъ, что они могутъ теперь пересѣсть на собственное потѣшное судно короля, которое встрѣтило ихъ на этомъ мѣстѣ. На потѣшномъ суднѣ привѣтствовалъ ихъ отъ имени короля „ближній человѣкъ его Вилимъ (Виліамъ) Крафтъ". Желябужскій и Давыдовъ пересѣли на эту лодку; Прозоровскій же остался на прежнемъ суднѣ, чтобы прямо ѣхать до посольскаго двора. Съ этого времени послы шли по Темзѣ до Лондона среди многочисленныхъ кораблей и лодокъ, которыя по мѣрѣ приближенія къ Лондону все тѣснѣе и тѣснѣе толпились по рѣкѣ. Съ кораблей палили въ честь пословъ изъ пушекъ; съ лодокъ привѣтствовали ихъ громкими голосами.

На пристани встрѣтили пословъ лондонскій воевода и „Ерлъ" (герцогъ) Клевелендъ; поздравивъ ихъ съ благополучнымъ пріѣздомъ и спросивъ о здоровьѣ, англичане пригласили пословъ сойти на берегъ.

Густая толпа народа съ любопытствомъ смотрѣла на гостей изъ далекой страны. У пристани дожидались парадныя кареты и лошади верховыя для свиты; вдоль улицъ выстроены были войска. Послы размѣстились въ экипажахъ, дворяне сѣли на лошадей, сокольники посадили къ себѣ на руку птицъ и шествіе медленно двинулось къ посольскому двору. Противъ этого зданія находились палаты старой королевы-матери; изъ окна палатъ этихъ смотрѣли на блестящій кортежъ король и молодая королева; составитель статейнаго списка съ видимымъ удовольствіемъ записалъ это обстоятельство. Вообще замѣтно, что послы были очень довольны сдѣланнымъ имъ въ Лондонѣ пріемомъ.

Князь Прозоровскій слишкомъ мѣсяцъ пролежалъ больной на посольскомъ дворѣ. Вотъ почему аудіенція у короля могла состояться только въ концѣ декабря. Король безпрестанно посылалъ спрашивать о здоровьѣ князя Прозоровскаго. Во время болѣзни его тянулись переговоры о церемоніалѣ. Интересно, что московскіе послы не только заботились

о томъ, чтобы имъ оказано было какъ можно болѣе почету, но настаивали также и на томъ, чтобы англичане не сдѣлали чего либо унизительнаго для ихъ собственнаго достоинства. Такъ напримѣръ они ни за что не хотѣли быть въ шапкахъ при королѣ или королевѣ, хотя англичане и требовали этого, согласно сложившимся у нихъ понятіямъ о приличіяхъ. Послы нашли невозможнымъ не снять шапокъ при королѣ и поставили на своемъ.

22-го декабря послы отправились въ королевскую палату на аудіенцію. „Убравшись по посольскому обычаю", сѣли они въ королевскія кареты и, сопровождаемые свитою и всѣми отправленными съ ними поминками, поѣхали по лондонскимъ улицамъ, среди толпившагося народа и разставленныхъ шпалерами войскъ. Въ „Совѣтной Палатѣ" встрѣтилъ ихъ „Ерлъ" Клевеландъ и „Ерлъ" Ѳома Честеръ и пригласили идти въ королевскую палату. Идти пришлось имъ дворомъ, такъ какъ разоренные во времена революціи каменные переходы были еще не возстановлены.

При входѣ въ королевскую комнату, послы поклонились, какъ предписано было въ наказѣ, обычнымъ „рядовымъ" поклономъ. И король и королева встали при этомъ. Послы сейчасъ же сняли шапки. Подойдя къ королю подали они ему царскія граматы. Король и пословъ и всю свиту ихъ „позвалъ къ рукѣ". Когда кончилась эта церемонія, князь Прозоровскій началъ говорить поздравительную рѣчь по наказу. Рѣчь была очень длинная. Въ наказѣ она занимаетъ страницъ сорокъ убористой скорописи. Король, безъ шляпы и стоя, слушалъ ее до половины; потомъ ему надоѣло стоять и онъ сѣлъ. Князь Прозоровскій сейчасъ же пересталъ говорить и Желябужскій замѣтилъ королю, что изъ дружбы къ своему любительному брату московскому государю ему слѣдовало бы и всю рѣчь прослушать стоя. Король сейчасъ же всталъ и затѣмъ уже не садился во все время, когда говорили рѣчи послы. А такихъ рѣчей было сказано не мало—цѣлыхъ восемь, и изъ нихъ пять очень продолжительныхъ. Послы говорили отъ царя, отъ царицы, отъ царевича, отъ себя, говорили особыя рѣчи королевѣ. У королевы они тоже цѣловали руку. Потомъ они поднесли поминки. Нѣкоторые изъ нихъ король принялъ самъ, а потомъ велѣлъ только проносить ихъ предъ собою; не безъ удовольствія разсматривалъ онъ присланные ему цѣнные и рѣдкіе предметы. На обѣдѣ, на который приглашены были послы, они сидѣли „въ ближнихъ мѣстахъ". За обѣдомъ пили за здоровье московскаго царя и его семейства; въ отвѣтъ на это послы пили чашу вина за здоровье короля и королевы. Лишь поздно вечеромъ возвратились послы домой.

IV.

Переговоры объ „отвѣтѣ“.—Требованія англичанъ.—Стойкость русскихъ.—Свѣдѣнія о мнимомъ Бѣлорусскомъ царевичѣ.—Переговоры о денежномъ займѣ.—Отпускъ въ Россію.—Результаты посольства.

На аудіенціи король обѣщалъ разсмотрѣть грамату московскаго государя и дать на нее отвѣтъ. Этого отвѣта посламъ пришлось ждать очень долго. Не смотря на ближнія и довольно частыя сношенія съ Россией у англичанъ не было переводчика. Потомъ когда нашли переводчика и дали перевести ему царскую грамату, онъ куда то исчезъ и не возвращалъ ни граматы, ни перевода. Только чрезъ двѣ недѣли отдалъ онъ переводъ. Тогда пословъ попросили къ „отвѣту“.

За одинъ разъ послы не успѣли обо всемъ переговорить съ англичанами и чрезъ нѣсколько дней пословъ попросили во второй разъ въ „отвѣтъ“.

Въ совѣщаніяхъ съ англійскими государственными людьми ясно выразилось стремленіе англійской политики и образъ дѣйствія московскаго правительства.

Англичане все время очень упорно настаивали на томъ, чтобы московскій государь возратилъ англійскимъ торговцамъ всѣ тѣ привиллегіи и вольности, которыми они пользовались раньше.

Со словъ торговыхъ людей они жаловались, что англичане не только стѣснены въ правахъ торговли въ московскомъ государствѣ, но даже изгнаны изъ внутреннихъ его областей, причемъ дворы и имущества ихъ были разграблены. Англичане просили, чтобы московскій государь объяснилъ причину такихъ поступковъ.

Русскіе послы очень осторожно уклонялись отъ рѣшительнаго отвѣта. Они знали почему было отказано англійскимъ купцамъ въ прежнихъ привиллегіяхъ, столь тяжелыхъ для русскихъ торговцевъ; но, согласно наказу, объяснили прекращеніе привиллегій „толикою смутою“ въ англійскомъ королевствѣ и „противностью“ англичанъ своему законному государю. Съ этой точки зрѣнія главною причиною прекращенія привиллегій являлась дружба Алексѣя Михайловича къ англійскому королю. Они прямо отрицали фактъ разграбленія англійскихъ дворовъ въ Россіи и даже сочли нужнымъ обидѣться по этому поводу; черезъ пристава выговаривали они королю, „чтобъ его королевское величество тѣмъ мужичьямъ сплетнямъ не вѣрилъ, и полагался бы на любительную и братскую дружбу московскаго царя, а не на росказни торговцевъ.“ Послы говорили также, что не имѣютъ отъ своего государя наказа по торговымъ вопросамъ. Только Желябужскій подъ конецъ не выдержалъ и сказалъ въ частномъ разговорѣ съ англійскими торговцами, что имъ прежнихъ вольностей не видать. Это произвело переполохъ. Англійское правительство стало бояться, не пере-

бываетъ ли у англичанъ право торговли въ Россіи какое нибудь другое государство, напримѣръ Голландія. Московскимъ посламъ было тотчасъ же объявлено, что король отправитъ къ ихъ государю великое посольство для учиненія торговыхъ договоровъ.

По вопросу о томъ человѣкѣ, который называлъ себя Бѣлорусскимъ царевичемъ, англичане отвѣтили, что ему дано было отъ короля небольшое денежное вспомоществованіе. Король обѣщалъ, что въ другой разъ онъ непремѣнно прикажетъ схватить всякаго такого человѣка и отошлетъ его къ царю. На возвратномъ пути онъ былъ убитъ своими людьми, которыхъ за это переловили и казнили. Въ Англіи онъ разсказывалъ, что землю у него отбили татары.

Вообще личность этого человѣка представляется довольно загадочною. Въ самомъ дѣлѣ, имя онъ носилъ специфически нѣмецкое—Фридрихъ Албертусъ; называлъ себя Бѣлорусскимъ царевичемъ; разсказывалъ онъ, что землю у него отвоевали татары. Все это взятое вмѣстѣ крайне неправдоподобно. По всей вѣроятности, этотъ мнимый царевичъ былъ дѣйствительно какой нибудь проходимецъ или по просту „воръ", какъ говорили послы.

Когда Желябужскій деликатно напомнилъ королевскимъ сановникамъ о деньгахъ, взятыхъ Карломъ II еще въ эпоху его изгнанія въ долгъ у московскаго государя, король сейчасъ велѣлъ уплатить эту сумму. Но когда послы сами попросили отъ имени Алексѣя Михайловича денегъ взаймы, то король отказалъ, говоря, что онъ на королевствѣ вновѣ, казною не запасся и самъ нуждается въ деньгахъ. Передъ отъѣздомъ послы узнали, что англичане не приняли и тѣхъ десяти тысячъ пудовъ пеньки, которые московское правительство послало въ Англію для продажи.

Вообще, нельзя не замѣтить, что подъ конецъ пребыванія московскаго посольства въ Англіи, англичане сдѣлались по отношенію къ нему гораздо холоднѣе. Королевское правительство было видимо разочаровано въ своихъ надеждахъ добиться отъ русскихъ торговыхъ выгодъ.

Отпускъ князя Прозоровскаго (Желябужскій уже уѣхалъ во Флоренцію), можетъ служить примѣромъ того, какъ измѣнились отношенія англичанъ къ московскому посольству. Обстановка отпуска не имѣла ничего сходнаго съ торжественностью перваго пріема пословъ. Карета съ послами подъѣхала къ заднему крыльцу. На крыльцѣ никто не встрѣтилъ ихъ. Король принялъ ихъ въ своей спальной палатѣ. Изъ королевской свиты въ ней было только нѣсколько человѣкъ, да и тѣ въ будничной одеждѣ. Эта подробность еще сильнѣе оттѣнялась богатымъ костюмомъ князя Прозоровскаго, принарядившагося по „посольскому обычаю".

Въ очень краткой рѣчи король сухо благодарилъ пословъ и ихъ государя и выразилъ надежду, что отправляемый имъ въ Россію посолъ будетъ имѣть успѣхъ у московскаго государя.

Тѣ подарки, которыми наградилъ король князя Прозоровскаго и его товарищей, были очень невысокой стоимости; цѣнность ихъ была, можетъ быть, даже ниже тѣхъ поминковъ, которые московскіе послы отъ себя поднесли королю.

Затѣмъ никакихъ другихъ сколько нибудь торжественныхъ проводовъ князь Прозоровскій не удостоился.

5-го іюля, скромно сѣлъ онъ на корабль и чрезъ нѣсколько недѣль прибылъ къ Архангельску, откуда отправилъ въ посольскій приказъ отписку о скоромъ пріѣздѣ англійскаго посланника.

Пріѣздъ этого посланника въ Москву стоитъ въ близкой связи съ посольствомъ, которымъ мы занимались, и мы скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Посломъ изъ Англіи пріѣхалъ графъ Карлейль [1]). Цѣлью пріѣзда онъ выставилъ укрѣпленіе дружбы между государями и возвращеніе привиллегій англійскимъ купцамъ. Съ большимъ почетомъ встрѣтило его московское правительство. Вѣжливо отвѣчало оно на первую половину порученія Карлейля и рѣшительно отказало во второмъ. Англійскія привиллегіи были уничтожены главнымъ образомъ потому, что шли въ разрѣзъ съ интересами русскихъ купцовъ. Этими интересами русское правительство ни за что не хотѣло пожертвовать и вотъ почему Карлейль потерпѣлъ неудачу. Не смотря на всѣ старанія онъ добился только того, что разрѣшено было торговать въ Архангельскѣ и въ Москвѣ десяти англичанамъ, да и то не безпошлинно.

Графъ Карлейль уѣхалъ крайне раздраженный. При отъѣздѣ онъ наговорилъ московскимъ боярамъ дерзостей. Но бояре отвѣчали ему хотя и не безъ ироніи, но очень сдержанно. Вообще московское правительство по возможности желало сохранить съ Англіею тѣ дружественныя отношенія, для укрѣпленія которыхъ было предпринято посольство князя Прозоровскаго.

Съ цѣлью предупредить наговоры со стороны Карлейля и избѣжать разрыва съ Англіей, московскій государь на спѣхъ послалъ къ англійскому королю стольника Дашкова для объясненій по этому дѣлу [2]).

Едва ли когда русскому послу пришлось потерпѣть такое безчестье, какое пришлось вынести отъ англичанъ Дашкову. Въ Англіи съ нимъ обошлись крайне невѣжливо и не скрывали передъ нимъ злобы и презрѣнія къ московскому правительству. О братской дружбѣ и любительной ссылкѣ не было уже и помину. Рядъ оскорбленій смѣнилъ тѣ почести, которыя такъ усердно расточало англійское правительство князю Прозоровскому.

Таковъ былъ тотъ тяжелый путь, по которому должны были идти на служеніе своему отечеству государственные люди той эпохи. Но

[1]) Англійскія дѣла, 1664 г., № 4, св. 12.
[2]) Англійскія дѣла, 1664 г., св. 14, № 2.

не смотря на всѣ препятствія они не падали духомъ и не жертвовали интересами народа для выгоды другого государства.

Приложенный къ настоящей статьѣ портретъ князя Прозоровскаго сдѣланъ съ фотографіи художника А. М. Лушева, снятой на бывшей въ 1870 г. въ Петербургѣ выставкѣ историческихъ портретовъ, съ подлинника (вышиною 2 аршина 7 вершковъ и шириною 1 аршинъ 15 вершковъ), принадлежащаго княгинѣ Еленѣ Павловнѣ Кочубей, рожд. Бибиковой.

Въ двухъ разныхъ изданіяхъ каталога этой выставки, портретъ князя Петра Семеновича Прозоровскаго, значится подъ №№ 8 и 20; но князь названъ тамъ россійскимъ посланникомъ при итальянскихъ владѣтеляхъ, при чемъ сказано, что онъ изображенъ съ своими сыновьями, между тѣмъ, какъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и въ „Памятникахъ дипломатическихъ сношеній" не сохранилось никакого слѣда такого посольства въ Италію; а изъ статейнаго списка о посольствѣ Прозоровскаго въ Англію видно, что его сопровождали туда: товарищъ по посольству, Желябужскій, дьякъ Давыдовъ и переводчикъ Ѳоротъ, изъ числа коихъ, одинъ Желябужскій отправился посланникомъ въ Италію, предъ самымъ отъѣздомъ Прозоровскаго въ Россію. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти именно лица изображены во весь ростъ на одной картинѣ съ Прозоровскимъ. Желябужскій держитъ въ рукѣ одинъ изъ тѣхъ посольскихъ топоровъ—аттрибутъ званія посла—которые до сихъ поръ можно видѣть въ московской Оружейной Палатѣ. По стилю живописи очевидно, что художникъ принадлежалъ къ итальянской школѣ; въ XVII же столѣтіи итальянецъ тѣмъ болѣе могъ написать въ Лондонѣ портретъ русскихъ посланниковъ, что почти за 60 лѣтъ предъ тѣмъ итальянецъ же написалъ въ Лондонѣ портретъ русскаго посла Микулина (см. № 8 сборника Древняя и Новая Россія 1876 г. и изд. Коммиссіей печатанія грамотъ и договоровъ, Москва, 1878 г., соч. Н. В. Чарыкова: „Посольство дворянина Микулина").

Достовѣрность такого предположенія подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что оба портрета были куплены въ Лондонѣ русскими любителями старины,—портретъ Микулина, консуломъ Смирновымъ (см. тамъ же); а портретъ Прозоровскаго покойнымъ гофмейстеромъ княземъ Вас. Викт. Кочубеемъ, о чемъ въ его семействѣ еще живо преданіе.

Теперь эта картина принадлежитъ его вдовѣ и дочь ея, М. В. Дурново, рожд. княгиня Кочубей, супруга бывшаго московскаго губернатора, въ 1877 г. принесла въ даръ Московскому Главному Архиву превосходную копію въ размѣрахъ оригинала, съ группы, представляющей Прозоровскаго и его свиту.

А. Лодыженскій.

ТУЛЬСКІЙ КРЕЧЕТЪ.

Историческій разсказъ.

А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываеть, птицъ възбиваеть, не дасть гнѣзда своего въ обиду.

Слово о полку игоревѣ.

I.

Тихимъ лѣтнимъ вечеромъ, когда сумерки уже совсѣмъ спустились на землю, сверху по рѣчкѣ Упѣ, мѣрно покачиваясь, плыла лодка. Тула, къ которой приближалась лодка, не ясно вырѣзывалась на темной синевѣ неба, то высокою, словно мачта колокольнею, то неровными уступами крѣпостной стѣны, и огоньки, мигавшіе то тамъ, то сямъ въ отдаленіи, казались свѣтляками въ Иванову ночь. Слышенъ былъ иногда тихій плескъ воды отъ опускавшихся въ нее и подымавшихся веселъ...

— Да ты перестань, Воскря, веслами-то баловать: и такъ доплывемъ—рано еще...

— Нѣтъ, Поноша, мнѣ пора домой: къ завтрему, къ пріѣзду государыни, мой Кречетъ велѣлъ изготовить всеподданнѣйшій докладъ по одному весьма деликатному дѣлу.

— Успѣешь—ты вѣдь извѣстный на все намѣстничество строчила...

— Не слушайте, Воскря, Францеля Венеціана,—пойте, а то скоро городъ—не ловко будетъ, послышался молодой женскій голосъ.

— Ладно...

И здоровый мужской голосъ затянулъ протяжную, нѣсколько заунывную пѣсню:

Не было вѣтру, не было вѣтру—вдругъ навя-ãнуло,
Не ждала гостей, не ждала гостей—вдругъ наѣ-èхали:
Полонъ дворъ, полонъ дворъ—воро-ны-ихъ коней...

— Да, и къ намъ завтра гости нагрянутъ... Коней-то, коней-то что будетъ!

— Да, до шести-сотъ лошадей на каждой станціи заготовили— не шутка это.

— Еще бы! подъ одной свитой государыни четырнадцать большихъ каретъ, да подъ дворцовой челядью со всѣми приспособленіями да уготовленіями сто-двадцать-шесть меньшихъ каретъ, фургоновъ, повозокъ и всякой иной околесины...

Полны горницы, полны горницы—моло-ды-ихъ гостей,
Полны свѣтлицы, полны свѣтлицы—красныхъ дѣ-эвушекъ...

— А что народу, говорятъ, по всей дорогѣ нагнали! — иныхъ, говорятъ, верстъ за сто и больше отъ тракту сбивали словно на барщину—дорогу ровнять.

— Да это что!—дорогу и мосты поправить всегда не лишнее. А то вотъ что выдумалъ нашъ Кречетъ—свѣтлѣйшему Потемкину подражать: велѣлъ согнать народъ къ дорогѣ тысячами, да чтобъ всѣ были въ праздничномъ одѣяніи, въ красномъ да пестромъ, да чтобы „у всѣхъ на лицахъ изображено было неизрѣченное блаженство и нарочитое радостное умиленіе, со вѣрноподданически почтительною веселостію сопряженное“, какъ именно значится въ ордерахъ, что мы разослали по пути слѣдованія государыни...

— Ха-ха-ха! неизрѣченное блаженство при голодухѣ-то!

— Вотъ смѣшно! почтительное веселіе сопряженное! смѣялся женскій голосокъ.

— Да, смѣйтесь, милые государыни мои,—а мнѣ было не до смѣху, когда Кречетъ-то приказалъ мнѣ таковые ордеры строчить...

Подломилися, подломилися—сѣни но-ѳвыя,
Съ частымъ-мелкими, съ частымъ-мелкими—переру-убами...

— Этого мало. Со всего намѣстничества мы велѣли согнать весь скотъ и лошадей къ почтовому тракту, чтобы когда будетъ ѣхать государыня, такъ видѣла бы по обѣимъ сторонамъ дороги пасущіяся стада скота и табуны лошадей и чтобы пастушки одѣты были по буколикѣ, эдакими, знаете, амурами да пейзанами и чтобы на свирѣляхъ нѣчто чувствительное наигрывали...

— Ха-ха-ха! какой вы, право, шутникъ!

— Да я вовсе не шучу, государыни мои: мы нарочито такъ распорядились.

— Что вы! можно ли это!

— У насъ все можно... Я третьёгодни проѣзжалъ съ губернаторомъ осматривать этотъ путь для доклада намѣстнику, такъ диву дался: тѣ деревушки, у которыхъ, за неимѣніемъ корму, голодная скотина крыши соломенныя съѣла — такъ теперь покрыты казенной

соломой заново, избы подмазаны и выбѣлены, а иныя деревушки совсѣмъ снесены, которыя по бѣднѣе...

— А какъ-же мужики?—гдѣ они будутъ жить?

— Это ихъ дѣло... На мѣсто ихъ разрушенныхъ избушекъ Заборовской Иванъ Андреичъ, губернаторъ—премилый баринъ! — наставилъ разныхъ разрисованныхъ декорацій съ гротами и нимфами—издали-то, дескать, примутъ за настоящее... Рай да и только!

— Гдѣ-жъ вы набрали этихъ нарисованныхъ деревень съ нимфами?

— А напрокатъ взяли у тѣхъ губернаторовъ, у потемкинскихъ, гдѣ государыня уже проѣзжала и умилялась благосостояніемъ ея подданныхъ...

— Ахъ какой наглый обманъ! протестовалъ свѣжій женскій голосокъ.

— Обманъ—точно-съ—и наглый, — да что подѣлаете съ Кречетомъ-то, съ Михаилъ Никитичемъ? У него все на показъ да на прокатъ взятое—даже честность... Я докладывалъ ему: не надо-де государыню обманывать — она-де милостивая мать наша — пожалѣетъ о бѣдности своего народа, войдетъ въ его положеніе... Такъ и слушать не хочетъ: съ ней-де ѣдутъ иностранные послы, такъ они-де осрамятъ нашу матушку Россію на всю Европу...

Не плачь-но, не плачь-но—душа Марьюшка,
Я построю тебѣ, построю тебѣ—сѣни но-овыя...

Пѣсня замирала далеко въ сонномъ воздухѣ. Лодка почти не двигалась...

— Ахъ какъ хорошо! всегда бы тутъ стоять—всю ночь до зари, задумчиво сказалъ другой женскій голосъ.

— Нѣтъ, я люблю больше утро, чѣмъ ночь, отвѣчалъ тотъ голосъ, что пѣлъ: — когда просыпается природа — ахъ, какъ она тогда хороша!

— Точно просыпающаяся Аполинарія Николаевна, замѣтилъ тотъ, котораго окликали Поношей.

— А развѣ вы видѣли меня просыпающуюся, гадкій Поношка! рѣзко отозвался женскій голосъ.

— А какъ-же-съ! очень часто-съ...

— Ахъ гадкій Поношка! когда-жъ это?

— Всякій разъ когда вы играете со мной въ „Титовомъ милосердіи“ и когда является... (Молчаніе).

— Кто! кто является?

— Онъ... (Опять молчаніе).

— Ахъ! говорите, гадкій Поношка, кто онъ?

— „Титъ“... „милостивый“...

— Ну ужъ! вотъ еще!..

Лодка силою теченія все ближе и ближе подвигается къ городу. Въ темнотѣ рисуется едва замѣтный силуэтъ моста, перекинутаго

черезъ Упу. Городскіе огоньки блестятъ ярче, отражаясь въ водѣ. Явственнѣе доносится лай собакъ.

— А что еще пишетъ Храповицкій вашему Кречету изъ Крыма?

— Много интереснаго: въ восхищеніи отъ Крыма, Севастополя и отъ Бахчисарая... Государыня не нарадуется этому пріобрѣтенію, и всю честь сего дѣла относитъ къ Потемкину: жаль, говоритъ императрица, что не тамъ построенъ Петербургъ... Всѣ-де завоеванія императора Петра на сѣверѣ не стоютъ одного Крыма.

— Да оно и точно.

— Описываетъ еще тріумфальныя ворота въ Перекопѣ и въ Кременчугѣ: на перекопскихъ написано золотомъ: предпослала страхъ и принесла миръ; а на кременчугскихъ: возродительницѣ сихъ странъ.

— А если все это только декораціи съ амурами?

— Что-жъ! безъ амуровъ и трава не ростетъ.

— Не цвѣтетъ, скажи... Такъ ли, Аполлинарія Николавна?

— Я почемъ знаю...

Слышно было, какъ въ городскомъ саду, подъ крѣпостными стѣнами, трещалъ соловей...

— Вонъ и у него амуры на умѣ... Ужъ какъ малъ, а все-жъ и его, какъ говоритъ Тредьяковскій

...безпокоитъ Венеринъ амуръ —
Всякую голову мучитъ свой дуръ.

Лодка привернула къ берегу и пристала къ мосткамъ, сильно качнувшись. Дамы ахнули и ухватились за мужчинъ...

— То-то, за соломенку хватаетесь, Аполлинарія Николавна...

— Какая соломенка! цѣлое бревно...

— Гдѣ ужъ намъ до тоненькаго „Тита!“

Изъ лодки вышли трое мужчинъ и двѣ дамы въ соломенныхъ шляпкахъ. Тотъ, котораго звали Францелемъ Венеціанамъ и который разсказывалъ о приготовленіяхъ къ встрѣчѣ Екатерины, сталъ было прощаться.

— Ни-ни, милый человѣкъ, ни за что! останавливалъ его тотъ, котораго звали Попошей.

— Нѣтъ, ей-же-Богу, у меня дѣло есть—этотъ всеподданнѣйшій докладъ, отбивался Францель Венеціанъ.—Да и будетъ ужъ — погуляли: обѣдали, пили, катались, природою наслаждались...

— А ужинать? — Нѣтъ, братъ Францель Венеціанъ, безъ ужина не отпущу.

— Да, да, оставайтесь, Семенъ Никифоровичъ, настаивали и дамы: безъ васъ будетъ скучно.

— Эхъ—была не была!—И Семенъ Никифоровичъ махнулъ рукой.

II.

На другой день, именно въ день пріѣзда императрицы Екатерины II въ Тулу, 20-го іюня 1787 года, къ Семену Никифоровичу Венпцеву—такъ звали катавшагося на лодкѣ правителя канцеляріи тульскаго и калужскаго намѣстника Кречетникова—рано утромъ прибѣжалъ дежурный чиновникъ и велѣлъ его разбудить.

Францель Венеціанъ—такъ звали Венпцеева въ пріятельскомъ кружкѣ—съ трудомъ открылъ глаза: послѣ вчерашняго кутежа голова его вмѣщала въ себѣ невообразимый хаосъ, а лицо и глаза были красны. Онъ безсмысленно смотрѣлъ на посланнаго...

— Что тамъ случилось? спрашивалъ онъ, хватаясь за голову: ахъ моя бѣдная башка!

— Да случиться ничего, Семенъ Никифоровичъ, не случилось, отвѣчалъ посланный:—только Михайло Никитичъ требуетъ васъ сію минуту.

— Ахъ Боже мой! это всеподданнѣйшій докладъ ему нуженъ... Доложите, что сейчасъ принесу.

Чиновникъ ушелъ. Венпцеевъ отчаянно махнулъ рукой...

— Ахъ, проклятое бражничанье! — что я теперь буду дѣлать!— вѣдь у меня и строчки нѣтъ готовой... Дѣло-то помню, да на бумагѣ ничего нѣтъ... Архипъ!

Въ комнату вошелъ не бритый, сухой старикъ, стриженный подъ гребенку, съ грязнымъ передникомъ и въ башмакахъ на босу ногу.

— Чего изволите, баринъ?

— Воды со льдомъ принеси въ сарай, да побольше,—окачиваться буду.

— Слушаю-съ... Государыню встрѣчать изволите?

Венпцеевъ съ нетерпѣніемъ махнулъ рукой и подошелъ къ зеркалу...

— Бражникъ—сущій бражникъ, бормоталъ онъ.—Ахъ проклятая гулянка!—Ну, и вертись теперь съ докладомъ, какъ вьюнъ на пескѣ.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ, съ лицомъ однако все еще краснымъ, но нѣсколько болѣе благообразнымъ, Венпцеевъ былъ уже въ кабинетѣ Кречетникова. Этотъ сановникъ, причислявшій себя къ „орламъ изъ стаи Екатерины“, въ самомъ дѣлѣ старался казаться орломъ и корчилъ изъ себя Потемкина: лицо его всегда силилось „внушать“, и потому отдавало деревянностью и надутостью... Языкъ, особенно съ подчиненнымъ, былъ отрывистъ, кочковатъ, голосъ грубый, словно лаянье большой собаки...

— Готовъ докладъ?

— Готовъ-съ, ваше превосходительство.

— Ну такъ читайте!

Веницеевъ нетороцливо полѣзъ въ портфель, выпулъ нѣсколько папокъ съ бумагами, положилъ на столикъ у окна, взялъ бѣлые, не исписанные листы, и, закрывшись ими, сталъ медленно и внятно читать изложеніе „деликатнаго дѣла“. Кречетниковъ, ходя по кабинету съ заложенными за спину руками, слушалъ его и иногда взглядывалъ въ большое зеркало, стараясь сдѣлать то внушительное, то очаровательное лицо, не замѣчая, что оно при этомъ дѣлалось совсѣмъ глупымъ... По временамъ онъ выглядывалъ въ окно и прислушивался къ шуму голосовъ на улицѣ, по которой съ зари сновалъ народъ... Веницеевъ все болѣе и болѣе входилъ въ роль: конецъ доклада вышелъ особенно звучнымъ, точно ломоносовская ода...

— Прекрасно, прекрасно! соблаговолилъ Кречетниковъ похвалить чтеца, когда онъ кончилъ.

Веницеевъ поклонился и сунулъ бумагу въ папку.

— Теперь только подписать—подайте сюда...

Веницеевъ замялся и схватилъ папку подъ мышку.

— Подайте-же, я подпишу, настаивалъ Кречетницовъ: у меня сегодня пропасть дѣлъ.

Веницеевъ сразу припомнилъ и вчерашнее катанье по Упѣ, и эту проклятую пѣсню — „не было вѣтру — вдругъ навянуло“, и ночную пирушку съ актрисами... „Не было горя—вдругъ навянуло“, ныло у него въ тяжелой, недоспанной головѣ... „навянуло!“...

— Ну что же!

— Виноватъ, ваше превосходительство... Я читалъ то, что еще... не написано...

— Не написано!

— Виноватъ... вотъ здѣсь...

Кречетниковъ схватилъ бумагу—на ней не было ни слова...

— Какъ! вы осмѣлились не исполнить моего приказанія!... Императрица будетъ въ Тулу непремѣнно къ обѣду, а я не представлю ей этого доклада... Вы, сударь...

Кречетниковъ задыхался... Веницеевъ ждалъ, когда пройдетъ первая вспышка...

— Вы, вы, сударь... Вы не исполняете вашихъ прямыхъ обязанностей, невнимательны къ моимъ приказаніямъ!...

Веницеевъ молчалъ, глядя на бѣлые листы бумаги...—„Навянуло“... ахъ чортъ—вотъ исторія...

— Императрица сама изволитъ интересоваться этимъ дѣломъ, а вы меня подводите...

Кречетниковъ снова зашагалъ по кабинету и нечаянно увидалъ свое лицо въ зеркалѣ: оно было не привлекательно... совсѣмъ не внушительное и не очаровательное...

Веницеевъ поймалъ моментъ...

— Прошу одного снисхожденія: позвольте мнѣ выполнить вчерашнее приказаніе въ присутствіи вашего превосходительства, заговорилъ онъ.

— Поздно, сударь, поздно... Вы все бражничаете!

— Осмѣливаюсь увѣрить ваше превосходительство...

Кречетниковъ быстро повернулся къ Веницееву...

— Меня не въ чемъ увѣрять, когда я знаю, что вы всю ночь не были дома—вы находились въ кругу вашихъ пріятелей, весьма подозрительной нравственности...

„Вотъ тебѣ и на!.. Не было вѣтру—вдругъ навянуло... Ахъ, Поношка, Поношка... Ну, и задамъ же я тебѣ, ракалья“... Онъ молчалъ, понуривъ голову... „Пронеси, Господи“...

— Что-жь теперь намъ дѣлать, сударь?—а?

— Еще успѣемъ-съ...

— Это невозможно!—Кречетниковъ глянулъ на часы.

— Честію ручаюсь, что все будетъ готово.

— Хорошо—садитесь здѣсь и работайте, а я пойду—у меня просители—у меня голова кругомъ идетъ...

Онъ принялъ торжественную осанку и какъ пѣтухъ зашагалъ навстрѣчу куръ...

„У тебя кругомъ идетъ, а у меня вверхъ ногами“, бормоталъ про себя Веницеевъ, усаживаясь за столъ и нагибаясь къ бумагамъ: „помоги мнѣ, памятушечка моя—ты всегда меня выручала!...

„Не было вѣтру, не было вѣтру—вдругъ навянуло“...

— Ахъ, отвяжись ты, проклятая! невольно вымолвилъ онъ вслухъ.

Веницеевъ писалъ, не подымая головы. Изрѣдка только онъ перелистывалъ лежавшее передъ нимъ дѣло, задумывался, грызъ перо, теръ переносицу, какъ бы въ ней ища вдохновенія, и снова писалъ. Привычная рука не дрожала... Перо скрипѣло ровно, энергически выводя круглыя буквы съ завитушками...

„А Поля-то прелесть... услада сердечная... Что это онъ вралъ о „Титовомъ милосердіи“, невольно вспомнилось ему, когда онъ передохнулъ:—говорятъ, императрица охотно слушаетъ сію пьесу...

„Не было вѣтру, не было вѣтру“...

— Тьфу ты дьяволъ!

И перо опять заскрипѣло... Бѣлые листы исписывались и сохли въ сторонѣ...

— Безъ песку... она, говорятъ, не любитъ, чтобъ пескомъ засыпали... Надо на „матернее милосердіе“ напирать... А то „Титъ“—ишь ты, ракалья—только Полю смущаетъ... Да, да — „матернее милосердіе“, „матернее око“, „матернее сердце“—это хорошо...

Опять перелистыванье дѣла, треніе переносицы и скрипъ пера...

— Го-го-го-го! — мотрите-тко, какое есть! саженное! доносилось съ улицы рокотанье толпы:—Екатерина, значитъ,—съ естемъ золотымъ пишется...

— Финисъ — важно! откинулся на стулѣ Веницеевъ: — вотъ и кончено...

„Не плачь-по, не плачь-по, душа Марьюшка“...

— Вотъ навязалась!.. А увижу ли близко самоё государыню и этого—любимчика — Мамонова?.. „Бражничаете“... гмг... и какъ онъ пронюхалъ?..

Въ кабинетъ вошелъ Кречетниковъ.

— Готово?

— Готово-съ, ваше превосходительство — только сшить, вскочилъ Веницеевъ.

— Подайте, я самъ прочту.

Кречетниковъ уже боялся быть обманутымъ второй разъ. Веницеевъ подалъ ему написанное и ждалъ, съ скрытой улыбкой поглядывая на своего начальника... На улицѣ становилось все шумнѣе.

Кречетниковъ долго и внимательно читалъ...

— Такъ—такъ... стиль хорошъ... и матернее око—это на мѣстѣ...

Записка прочитана наконецъ... „А около естя, гляди-тко, голеньки робятки“, доносилось съ улицы. — „Это аньделочки — съ крылышками“...—„Какіе аньделочки!—амуры-ста!“—„Что ты врешь!..“

— Прекрасно!—Теперь только я васъ прощаю, выронилъ слово громовержецъ, подписывая докладъ.—Будетъ чѣмъ императрицу встрѣтить—она уже на пути къ намъ...

III.

Екатерина дѣйствительно находилась уже „на пути царственнаго шествія“ въ Тулу...

Что это было за шествіе!..

Извѣстно, что императрица выѣхала изъ Петербурга для обозрѣнія, какъ выражалась сама, „своего маленькаго хозяйства“, еще зимой въ январѣ 1787 года. Современные “хвалители Семирамиды сѣвера“ такъ описывали это „шествіе“: „Начало года, вѣщаетъ историкъ Сумароковъ—представитъ намъ событіе великолѣпнѣйшее, достопамятное въ эпохахъ міра!.. Екатерина предпринимаетъ обозрѣть новое свое царство Тавриду, и цари поспѣшатъ во срѣтеніе ей!.. Шествіе слѣдовало на 14 большихъ каретахъ и на 126 саняхъ. Они занимали собою въ дорогѣ болѣе версты. Поселяне смотрѣли на то съ изумленіемъ. Порядокъ и довольство, соблюдаемые при дворѣ, сохранялись съ точностію и въ пути. Передовые гофъ-фурьеры приготовляли въ назначенныхъ мѣстахъ трапезы, ночлеги. Императрица, по обыкновенію, пробуждалась въ 6 часовъ и занималась дѣлами. Останавливались для обѣдовъ въ 2. По вечерамъ, послѣ разговоровъ и игры въ бостонъ, расходились въ 9 часовъ. Лишь перемѣнные чертоги напоми-

нали о разлукѣ съ Петербургомъ. Какое пріятное общество изъ просвѣщенныхъ людей! Какая свобода, простота!... Сколько разныхъ анекдотовъ!.. Иностранные министры сидѣли съ императрицею поочередно. Тогда продолжались жестокіе морозы, доходившіе до 17 градусовъ, и шествующіе кутались въ соболяхъ, попирали ногами богатые ковры... Повсюду встрѣчи отъ намѣстниковъ, губернаторовъ, дворянства, купечества! Повсюду колокольные звоны! Ночью горѣли на улицахъ костры дровъ... Простолюдины сбѣгались къ окнамъ своей повелительницы: она запретила отгонять ихъ и, показываясь, удовлетворяла любопытству...

Это ли не „событіе, великолѣпнѣйшее, достопамятное въ эпохахъ міра"!..

Другой „хвалитель", французскій посолъ графъ Сегюръ, лично слѣдовавшій въ этомъ „шествіи", гласитъ: „Наши кареты на высокихъ полозьяхъ какъ будто летѣли... Въ это время—во время самыхъ короткихъ дней въ году, солнце вставало поздно, и черезъ шесть или семь часовъ наступала уже темная ночь. Но для разсѣянія этого мрака восточная роскошь доставила намъ освѣщеніе; на небольшихъ разстояніяхъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, горѣли огромные костры изъ сваленныхъ въ кучу сосенъ, елей, березъ, такъ что мы ѣхали между огней, которые свѣтили ярче дневныхъ лучей. Такъ величавая властительница сѣвера среди ночного мрака изрекла свое: „да будетъ свѣтъ"!.. Можно себѣ представить—какое необычайное явленіе представляла на этомъ снѣжномъ морѣ дорога, освѣщенная множествомъ огней, и величественный поѣздъ царицы сѣвера со всѣмъ блескомъ самаго великолѣпнаго двора"...

Нѣтъ, мы себѣ этого представить не можемъ... Гдѣ намъ!

Мы можемъ представить себѣ только „явленіе обычайное" не „царей спѣшащихъ во срѣтеніе царицѣ", а „поселянъ", „простолюдиновъ", согнанныхъ къ дорогѣ съ строжайшимъ наказомъ, чтобы „у всѣхъ на лицахъ изображено было неизреченное блаженство, съ почтительною веселостію сопряженное"...

Съ самаго ранняго утра Заборовскій вихремъ носился по дорогѣ, окруженный капитанъ-исправниками и другими, высшими и низшими чинами полиціи. Сколько челюстей было выбито въ это достопамятное утро, сколько скулъ своротено на сторону, сколько спинъ отодрано за то, что на голодныхъ и измученыхъ лицахъ не достаточно изображалось „неизрѣченное блаженство" или же оно недостаточно „сопрягалось съ почтительною веселостію"!..

У одной группы мужиковъ и бабъ, пригнаныхъ къ дорогѣ изъ самаго дальняго угла тульскаго уѣзда, Заборовскій замѣтилъ блѣдную, съ отекшимъ лицомъ бабу, которая вынимала изъ сумки какіе-то, какъ показалось Заборовскому, комья грязи и раздавала по кусочку этой невообразимой чернети плачущимъ дѣтямъ.

— Что это у тебя бабка? подскакалъ онъ къ группѣ.

Растерявшаяся баба изумленно смотрѣла на него. Мужики посымали шляпы и шапки.

— Какіе это у тебя комья грязи? допытывался губернаторъ.

— Хлѣбецъ святой, батюшка, отвѣчала догадавшаяся баба.

— Хлѣбъ! такой хлѣбъ!

— Такой, кормилецъ... Да и такова, родимый, ужъ нѣту-ти...

Заборовскій вспылилъ и накинулся на всю группу.

— Лѣнтяи! пьяницы! весь хлѣбъ за зиму пропили!.. Если я еще у кого увижу тутъ кусокъ такой грязи на мѣстѣ запорю! въ Сибирь сошлю! помните это!

У другой группы онъ увидѣлъ мужика въ лохмотьяхъ: старикъ-мужичекъ, опираясь на клюку, казалось, съ „неизрѣченнымъ блаженствомъ" смотрѣлъ на господъ, блиставшимъ золотомъ и мишурой... Въ самомъ дѣлѣ, онъ первый разъ въ жизни видѣлъ такой блескъ, какого доселѣ не видалъ ни на попахъ въ ризахъ, ни на образахъ въ своей бѣдной сельской церквишкѣ, и искренно радовался, что хоть „предъ смёртушкой" Богъ сподобилъ видѣть его „экое—ахъ!"

— Ты какъ попалъ сюда, оборванецъ! осадилъ своего коня Заборовскій какъ разъ передъ носомъ зазѣвавшагося старика въ лохмотьяхъ.

— Ахъ золотой мой! въ экихъ ризахъ, батюшка! съ умиленіемъ бормоталъ старикъ, уставившись очарованными глазами на блиставшаго златомъ губернатора.

— Какъ ты смѣлъ сюда явиться! еще съ большимъ гнѣвомъ закричалъ Заборовскій.

— Пришелъ, золотой мой, матушку нашу кормилицу посмотрѣть—помолиться на ейный образъ...

— Въ такихъ то лохмотьяхъ, пьяница!

— Такъ-ту золотой мой, ничево-ничевошутьки — я такъ и въ церкву хожу, къ самому Боженькѣ...

— Да вамъ приказано было одѣться чисто, по праздничному—намъ Богъ великій праздникъ посылаетъ: всепресвѣтлѣйшую императрицу встрѣчаемъ, а вы канальи!..

— Ахъ, золотой мой, у меня нѣтути ничевошутки праздничново—это и праздничное.

И старикъ добродушно встряхнулъ своими лохмотьями и улыбался безъ всякой горечи...

— Такъ вонъ отсюда! дальше отъ дороги!.. А увижу — закатаю!

Въ третьемъ мѣстѣ онъ дѣйствительно „закаталъ" пастушка, который отлучился „до вѣтру" отъ пригнаннаго къ дорогѣ стада...

Не даромъ въ „Дневникѣ" Храповицкаго черезъ нѣсколько дней послѣ этого записано: „Надежда на Заборовскаго въ хорошемъ управленіи губерніями, ему порученными: въ немъ замѣчена твердость"...

Въ то время когда Заборовскій сѣкъ „пастушка", вдали, разставленные вдоль дороги конные махальщики замахали—и все оцѣпенѣло въ ожиданіи...

IV.

Въ „Дневникѣ" Храповицкаго подъ 20-мъ іюня этого года записано: „Пріѣхали къ обѣду въ Тулу".

Мое перо не въ силахъ изобразить всю прелесть и торжественность царственнаго вшествія въ этотъ городъ, съ такимъ искуствомъ устроеннаго Кречетниковымъ и Заборовскимъ, и еще менѣе перо мое въ состояніи будетъ изобразить чувства, одушевлявшія собравшихся изъ сосѣднихъ уѣздовъ и губерній россіянъ. Мы предоставимъ описаніе это очевидцу, слова котораго воспроизведены въ 1842 году „Москвитяниномъ":

„Еще за нѣсколько дней до прибытія великой государыни — говоритъ почтенный очевидецъ—множество дворянъ и даже простолюдиновъ пріѣхали и пришли къ намъ изъ Рязанской, Тамбовской, Воронежской и Калужской губерній, чтобы видѣть ее, поклониться ей и, если можно, сказать: „Матушка! мы твои вѣрные подданные, любимъ, обожаемъ тебя и благословляемъ судьбу, благодаримъ Бога что мы русскіе"...

„Съ самой зари того незабвеннаго дня, въ который ожидали высочайшаго прибытія, все уже поднялось на ноги, всѣ, какъ говорится, разряженные въ пухъ, спѣшили на Кіевскую улицу, чтобы занять лучшее мѣсто. Рогатки, брошенныя поперегъ переулковъ, упирающихся въ Кіевскую улицу, прервали сообщеніе. Канаты протягивались отъ крѣпости до тріумфальныхъ воротъ, сооруженныхъ по этому случаю, и ѣзда по ней совершенно прекратилась. Однѣ колонны гражданъ торопливо шли за городъ, другія въ поле; но вся масса народа двигалась и стояла по Кіевской улицѣ. Многіе помѣстились на кровляхъ домовъ, у открытыхъ окошекъ которыхъ чинно и жеманно сидѣла тульская аристократія и дамы средняго состоянія. И всѣ говорили объ одномъ предметѣ, и всѣ одушевлялись одною мыслію, однимъ желаніемъ: скорѣе увидѣть матушку-царицу. Да, съ позволенія вашего, понимаете ли вы это слово: „Матушка!" Не думаю! надобно жить нашимъ умомъ, нашими чувствами и въ наше время, чтобы вполнѣ понять всю его силу и значеніе. Вѣдь его не выразятъ ни какія сладкія слова, не объяснитъ никакой академическій лексиконъ: это языкъ нашего народа, языкъ цѣлой націи великой имперіи, которой подсказало его сердце и звуки русскаго слова выразили: мать отечества!.. Посмотрѣли бы вы тогда на этотъ веселый народъ, послушали бы вы его радостнаго говору!.. Не ищите народности въ книгахъ—она живетъ въ толпѣ простолюдиновъ. Трудно ее схватить: она почти неуловима"...

„Въ восемь часовъ утра намѣстникъ нашъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ проѣхалъ верхомъ по Кіевской улицѣ за городъ, отдавая на пути приказанія его окружающимъ. Какъ теперь помню,

день былъ прекрасный. Уже солнце подходило къ полдню, а матушки все еще не было. Да скоро ли ты, наша родная къ намъ пожалуешь, говорили многіе, и всѣ смотрѣли туда, отколь ожидали ненаглядную... И вотъ въ исходѣ перваго часа громъ артиллеріи, бѣглый оружейный огонь, звонъ колоколовъ и отдаленное ура раздались и потрясли воздухъ. Сладостныя, блаженныя минуты! вы памятны намъ, старожиламъ. Наконецъ какъ бы пришедъ въ себя отъ упоительнаго самозабвенія, сказали другъ другу: „Матушка ѣдетъ! матушка ѣдетъ!“ и парадная карета вся въ золотѣ, съ короною на имперіалѣ, съ восьмью опущенными стеклами, въ которой сидѣла императрица, быстро въѣхала въ городъ и помчалась внизъ къ крѣпости. Намѣстникъ и губернаторъ, оба верхами, скакали первый по лѣвую, а второй по правую сторону кареты. Кромѣ военныхъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, цѣлый эскадронъ драгуновъ съ обнаженными палашами конвоировали великую. Вслѣдъ за ней тянулись вереницею придворные экипажи: мы потеряли имъ счетъ—такъ много было ихъ въ этомъ блестящемъ и великолѣпномъ поѣздѣ. Августѣйшая путешественница, съ милостивыми взглядами, съ очаровательною улыбкой, изволила раскланиваться на обѣ стороны торжествующему народу, оглашавшему воздухъ радостными кликами. Императрица остановилась во дворцѣ, находившемся на оружейномъ заводѣ—тамъ, гдѣ нынѣ воздвигнуто громадное зданіе, извѣстное подъ именемъ паровой машины. Волны народа хлынули на дворцовую площадь. Оба берега Упы и оба моста, перекинутые чрезъ эту рѣку, амбразуры на крѣпости, обращенной къ заводу,—унизаны были любопытными...“

„Между тѣмъ какъ множество красивыхъ лодокъ скользило по Упѣ и все находилось въ дѣятельномъ движеніи, матушка царица благоволила подойти къ открытому окну и привѣтствовала народъ поклономъ. Народъ, увидѣвъ самодержавную, вмѣсто отвѣта грянулъ свое любимое: ура! Но стоявшіе позади государыни графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ и оберъ-камергеръ Шуваловъ дали знакъ рукою, и все замолкло. Великая вторично поклонилась и довольно громко сказала: „Здравствуйте дѣти!“ Тогда восклицаніямъ не было конца, многіе упали на колѣни, и у каждаго прошибла горячая слеза на глазахъ“...

„О, если бы можно было ювелиру оправить въ золото эту крупную, горячую слезу народную, какъ оправляютъ они дорогіе каменья,—она была бы для насъ драгоцѣннѣе брилліанта!“...

„Въ вечеру того же дня государыня была въ театрѣ, находившемся на площади, гдѣ теперь построенъ экзерцицъ-гаузъ. Общее желаніе публики требовало: „Титова милосердія“. Но по высочайшей волѣ отмѣнили эту трагедію, а дали „Хвастуна“, сочиненнаго Княжнинымъ. Тогда „Хвастунъ“ былъ въ почетѣ: рѣдкіе не знали изъ этой комедіи хоть нѣсколько стиховъ. Спектакль шелъ превосходно. Госу-

дарыня изъявляла удовольствіе свое, апплодировавъ актерамъ, изъ которыхъ двухъ тогда же приказано было отправить на казенный счетъ въ Петербургъ. Нашъ Пономаревъ (это знакомый уже намъ „Поноша“, что вчера вмѣстѣ съ Веницеевымъ, „Воскрею“ и двумя дамами-актрисами катались на лодкѣ по Упѣ, пѣли, а потомъ всю ночь прокутили у „Поноши“ на именинахъ)—Пономаревъ сдѣлался извѣстенъ впослѣдствіи. Заборовскій поднесъ Екатеринѣ Великой—оду, сочиненную на ея прибытіе г. Воскресенскимъ (это „Воскря“ то, что вчера пѣлъ „не было вѣтру—вдругъ на вяпуло“), студентомъ московскаго университета, уже служившимъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія. Воскресенскому прислали приличный подарокъ и сверхъ того ему приказано было сказать, что его стихотвореніе „очень хорошо“...

„Когда императрица поѣхала изъ театра, блистательная иллюминація уже освѣщала весь городъ. Огромная прозрачная картина съ ея вензелевымъ именемъ (это картина „съ ѐстемъ золотымъ“, какъ толковалось на улицѣ) и эмблематическими изображеніями во вкусѣ того времени (это—„анделочки голеньки“) поставлена была напротивъ дворца, по ту сторону Упы. Къ каждому боку этой великолѣпной картины примыкали два ряда высокихъ пирамидъ, обнизанныхъ тысячами шкаликовъ. Дворецъ, соборъ, оружейный заводъ и крѣпость казались облитыми яркимъ, ослѣпительнымъ огнемъ. По рѣкѣ плавала большая шлюбка, убранная разноцвѣтными фонарями, въ которой находились пѣсенники. Два оркестра военной музыки, помѣщенные на платформахъ, попеременно играли лучшія пьесы знаменитыхъ композиторовъ. Вездѣ волновался народъ веселый, радостный, счастливый, словомъ—каждый изъ насъ забылъ собственное горе и заботы, сопряженныя съ хлопотливостью, забылъ и вражду, все, все забылъ, кромѣ одной отрадной мысли, что мы завтра увидимъ нашу самодержавную, нашу добрую, привѣтливую государыню, нашу матушку-царицу. Умники говорятъ, что на землѣ нѣтъ блаженства—пустое! будьте вѣрными подданными, исполняйте совѣстливо и честно ваши обязанности, и вы согласитесь со мною, что и на землѣ можно еще получить радости небесныя“...

Дѣйствительно, гдѣ „умникамъ“ понять это! Да „умники“ и не съумѣли бы изобразить все такъ, какъ это сейчасъ изображено — куда имъ...

V.

Тѣмъ же вечеромъ, скорѣе ночью, послѣ театра, далеко за полночь уже, у Веницеева собрались его пріятели, которыхъ онъ созвалъ, какъ выражался самъ, „для вспрыснутія монаршей милости“. Что это была за „милость“—пока еще никто изъ друзей Веницеева не зналъ. На „спрыснутіе“ явились Поноша—закадычный другъ Веницеева, который былъ большой любитель театра и поэзіи, другой актеръ,

который всегда игралъ императора Тита въ „Титовомъ милосердіи“ и котораго за это и прозвали „Титомъ милостивымъ“, знакомыя уже намъ дамочки-актрисы, Аполлинарія Николаевна и Наташа Дикова и, наконецъ, Воскресенскій-Воскря. Все это была таже кампанія, которая наканунѣ пріѣзда Екатерины въ Тулу каталась на лодкѣ вверхъ по Упѣ: къ нимъ присоединился не бывшій тогда и „Титъ милостивый“.

Венищеевъ былъ въ наилучшемъ расположеніи духа да и гости были веселы и одушевлены, исключая Аполлинаріи Николаевны, которая смотрѣла задумчиво и грустно.

Гости собрались въ кабинетѣ хозяина, въ просторной комнатѣ, удобно меблированной и не заваленной ни книгами, ни бумагами, а только украшенной нѣсколькими картинами буколическаго содержанія. У дверей стоялъ все тотъ же небритый Архипъ, но только въ башмакахъ уже не на босу ногу.

— Подавай прежде змѣю шипучую, а потомъ закуску, а потомъ опять змѣю. скомандовалъ хозяинъ.

Архипъ исчезъ и тотчасъ же явился назадъ съ подносомъ и „змѣею“ въ засмоленой бутылкѣ, и поставилъ все это на столъ.

— Да ты прежде, Францель Венеціанъ, скажи, какая тебѣ „милость“ вышла, сказалъ Пономаревъ.

— А ты. Поноша, скажи „покажи“, а не „скажи“. весело перебилъ его хозяинъ.

— Ну „покажи“—посмотримъ.

Хозяинъ досталъ изъ стола маленькую шкатулочку и поставилъ на столъ.

— Открой, лаконически сказалъ онъ.

— А если тамъ мышь? отстранился Пономаревъ... Я мышей боюсь.

— Не мышь...

— А если это Пандоринъ ящичекъ? замѣтилъ Воскресенскій.

— Не Пандоринъ, а мой.

Воскресенскій приподнялъ крышку.

— Золотая табакерка!

— Вынь!

Онъ вынулъ.

— Батюшки, какая тяжелая! чуть не уронилъ...

— Ахъ какая прелесть! ахнула Наташа Дикова.

— Открой—понюхай! командовалъ хозяинъ.

Воскресенскій открылъ табакерку.

— Батюшки! червонищи!

— Поздравляемъ! поздравляемъ! заговорили всѣ, протягивая хозяину руки.—За что это?

— Архипъ! выпусти змѣю!

Архипъ сталъ откупоривать бутылку.

— Разскажи же—за что, Францушка? спросилъ Пономаревъ.

— А вотъ слушайте. Воротившись отъ тебя съ пирушки далеко за полночь, я не помню какъ добрелъ до постели...

— Я васъ довелъ, баринъ, вмѣшался Архипъ, возясь съ бутылкой.— Вы все еще изволили говорить сами съ собой: „имѣю счастіе всеподданнѣйше доложить“...

— Такъ-такъ! это я спьяну то сочинялъ докладъ государынѣ, что мнѣ Кречетъ приказалъ изготовить къ утру... Воображаю, что мололъ...

Пробка хлопнула и ударилась объ потолокъ.

— Ахъ! вскрикнула Наташа Дикова.

— Ничего-съ, сударыня, это не смертельно... Въ бокалы змѣю! распоряжался хозяинъ.—Ну-съ, государи мои, умеръ я, лежу въ гробу у Морфея—вдругъ меня будятъ: къ намѣстнику-де-докладъ подавай... А у меня въ головѣ—адъ кромѣшный и скрежетъ зубовъ—пожаръ въ головѣ... „Заливай, говорю, Архипъ, пожаръ!“—Залили маленько... Являюсь къ Кречету, словно куръ изъ щей.—„Что всеподданнѣйшій докладъ?“ рычитъ левъ.—„Готовъ-съ“, говорю... Вынимаю бумагу—а на бумагѣ пустыня аравійская: хоть бы буковка... Напрягаюсь—читаю словно пономарь: и „матернее милосердіе“ тутъ и все эдакое...—„Прекрасно!“ рычитъ: „давайте подпишу!“—Туда-суда...—„Давай!“ рычитъ...—„Нечего, говорю, дать: пустыня аравійская“... Ну и пошла писать...

Вдругъ всѣ расхохотались. Хозяинъ оглянулся и самъ что называется покатился со смѣху.

Подлѣ стола, опершись одною рукою на столъ, а другую заложивъ за жилетъ, стоялъ Пономаревъ „въ позѣ высокомѣрія“. Всѣ узнали въ этой позѣ Кречетникова: такъ хорошо Пономаревъ его передразнивалъ...

— Такъ вы, сударь, осмѣлились не исполнить мое приказаніе!

— Виноватъ, ваше высокопревосходительство.

Пономаревъ сдѣлалъ видъ, что Кречетниковъ, польщенный „высокопревосходительствомъ“, дѣлаетъ еще болѣе глупое лицо, но смягчается.

— Ну такъ вотъ-съ, ваше высокопревосходительство, я и сѣлъ тамъ же строчить—и настрочилъ... А когда пріѣхала государыня, то черезъ часа два ко мнѣ въ канцелярію влетаетъ самъ Заборовскій... „Великая государыня, говоритъ васъ требуетъ“... У меня, признаюсь, душа дальше пятокъ ушла... Иду ни живъ, ни мертвъ... Принимаютъ милостиво, съ очаровательною, ангельскою улыбкою... А тутъ кругомъ—кладбище да небеса: кресты да звѣзды, ленты да косы, боги олимпійскіе, а не люди... Слышу ангельскій гласъ—это сама изволитъ говорить: „Вашъ докладъ я прочитала съ особеннымъ удовольствіемъ. Охраняйте Михайла Никитича: онъ человѣкъ военный и легко можетъ ошибиться въ дѣлахъ гражданскихъ“... Да мнѣ вотъ сію сокровищницу, скинію завѣта (онъ указалъ на золотую табакерку)—въ лапы

мои скверныя и вложила... Я—бацъ на полъ, къ ножкамъ ангельскимъ—да и ну ревѣть кабаномъ... Такъ меня самъ Кречетъ изволили любезно вывести...

— Браво! закричалъ Пономаревъ.—Урра!

— Урра! подхватили гости, а дамы хлопали въ ладоши.

— Теперь берите змія за хвостъ—разомъ, государыни мои и государи! воскликнулъ хозяинъ.

Всѣ взяли по бокалу. Хозяинъ поднялъ свой надъ головою, а другой рукой приглашалъ гостей къ вниманію.

— За драгоцѣнное здравіе мудрѣйшей изъ царей земныхъ и царицъ—матери отечества!

— Урра! уррра!

Когда было выпито за здоровье императрицы и гости сѣли, Воскресенскій всталъ и поднялъ руку.

— Смотрите, господа—что это! громко сказалъ онъ, выставляя указательный палецъ.

На пальцѣ блеснуло что то иридіевыми блестками.

— Что такое! что—покажи, Воскря!

На пальцѣ оказался золотой перстень съ брильянтомъ.

— Откуда это?

— Государыня пожаловала за поднесенную ей оду...

— Твою?

— Мою.

— Ахъ тихоня!—Когда-жъ ты поднесъ ее?

— Не я поднесъ, а губернаторъ... И мнѣ изволили прислать сіе благополучіе и повелѣли сказать, что стихотвореніе мое „очень хорошо"...

— Каковъ тихоня! Не даромъ онъ вчера все пѣлъ:—„Не было вѣтру—вдругъ навянуло"... И точно вдругъ на всѣхъ „навянуло"... На нее, на матушку нашу, мало молиться...

Всѣ разсматривали перстень, хвалили. Одна Аполлинарія Николаевна сидѣла грустная и молчаливая.

— Вы что такая скучная, богиня моя? ласково спросилъ ее хозяинъ.

— У насъ горе, отвѣчалъ вмѣсто нея Пономаревъ.

Аполлинарія Николаевна вспыхнула.

— Какое у васъ горе, богинюшка? настаивалъ хозяинъ.

— Большое, снова отвѣчалъ Пономаревъ:—ужъ **намъ** (онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ „намъ") не придется больше вмѣстѣ съ милою богинюшкою играть „Титово милосердіе".

— Почему же?

— Да и на насъ съ „Титомъ милостивымъ" тоже „навянулъ"...

— Что такое?—Я ничего не понимаю.

— Такъ слушай и понимай. Когда мы сегодня кончили „Хвастуна" и не успѣли опомниться отъ радости, что намъ сама всеми-

лостивѣйшая государыня изволила своими ангельскими ручками плескать, какъ за кулисы входитъ самъ...

Пономаревъ остановился...

— Кто самъ? допытывался хозяинъ.

Вдругъ всѣ разсмѣялись... Пономаревъ опять изображалъ Кречетникова...

— Государыня императрица, началъ онъ голосомъ и манерою намѣстника, и лицо его было надуто и необыкновенно смѣшно—изволила остаться весьма довольною вашею и вашею (онъ кивнулъ по направленію къ „Титу милостивому") игрою, и повелѣть соизволила объявить вамъ свою монаршую волю и милость: государыня приказала отправить васъ на петербургскую сцену на счетъ ея величества...

Веницеевъ со слезами на глазахъ бросился цѣловать обоихъ актеровъ...

— А какъ же мы-то тутъ безъ васъ? какъ бы спохватился онъ.

— И вы съ нами, отвѣчалъ Пономаревъ.

— Какъ же это, Поноша, другъ?

— А вотъ какъ... Вашъ Кречетъ скоро высоко возлетитъ и очутится въ Питерѣ—и ты съ нимъ, а значитъ и съ нами.

— Ну, другъ,—это еще покрыто мракомъ...

— Нѣтъ не мракомъ... Не далѣе какъ сегодня я уловилъ за кулисами разговоръ его съ губернаторомъ, хоть они шептались: соколъ-то твой говорилъ Заборовскому, что государыня осталась необыкновенно довольна всѣмъ, что видѣла по дорогѣ въ предѣлахъ его намѣстничества, и сказала якобы ему: „спасибо вамъ, Михайло Никитичъ: я нашла въ Тульской губерніи то, что желала бы найти во всѣхъ другихъ губерніяхъ"...

— Это правда: государыня такъ именно и изволила выразиться.

— Но это не все, перебилъ его Пономаревъ: — главное-то изъ того, что я подслушалъ, не сказалъ.

— Что же это такое, другъ?

— А вотъ что... Соколъ-то твой и говоритъ Заборовскому: „вамъ Иванъ Александровичъ, говоритъ, я обѣщаю свое намѣстничество—исходатайствую, а за себя я уже просилъ Нарышкина, Льва Александровича, чтобъ меня-де поставили поближе къ государынѣ—въ Питеръ... Хоть онъ-де, говоритъ, Нарышкинъ, играетъ роль шута у государыни—новаго-де Балакирева изображаетъ, однако-де въ милости у государыни обрѣтается, въ фаворѣ, ибо смѣшитъ ее послѣ обѣда для пищеваренія—и онъ-де мнѣ обѣщалъ свою протекцію"...

— О! въ такомъ случаѣ изъ этого ничего кромѣ зла не выйдетъ, замѣтилъ Веницеевъ.

— Почему же?

— Ты не знаешь Заборовскаго, другъ мой: онъ подкапывается очень искусно подъ Кречета, и повѣрь мнѣ—напакоститъ ему за сегодняшній разговоръ—вотъ увидишь.

— Чѣмъ же онъ можетъ напакостить?

— А тѣмъ, что сегодня же передаетъ Нарышкину этотъ разговоръ—самъ выскочитъ, а Нарышкинъ завтра же такого поднесъ Кречету, что тотъ и не расхлебаетъ...

VI.

Нарышкинъ дѣйствительно „поднесъ"...

Утро. Солнце только-что выглянуло изъ-за горизонта и брызнуло пурпуромъ на золотые кресты и церковныя маковки, на зубчатыя верхушки крѣпостной стѣны. День обѣщаетъ быть тихимъ, жаркимъ. Стрижи и ласточки, какъ просыпанный въ воздухѣ макъ, рѣютъ вокругъ церквей и надъ крѣпостными стѣнами, словно торопясь прожить свой короткій вѣкъ и уловить всѣ его не хитрыя радости...

Императрица, съ перомъ въ рукѣ, откинувшись на креслѣ, задумалась. Передъ нею на столѣ лежитъ не конченное письмо. Лѣвой рукой она задумчиво перебираетъ и какъ бы выглаживаетъ кружева своего бѣлаго утренняго капота...

„Да, невиданное, небывалое царство... Что царство македонское, что Римъ, что Византія, что имперія Карлова!... Встали бы они да посмотрѣли на мое царство... мое... вотъ въ этой слабой женской рукѣ оно, въ моемъ женскомъ сердцѣ оно все, необъятное... И я его всего не видѣла, не исходила—жизни не хватитъ, чтобы видѣть все то, что мое... И я его пріумножила... Ангальтъ-Цербстъ... о, мое маленькое, дѣтское гнѣздышко!... гдѣ оно? — маленькое, маленькое, дорогое... А въ этомъ гнѣздышкѣ я мечтала быть принцессой такого-же маленькаго гнѣздышка, какого-нибудь Зигмарингена... Бѣдное гнѣздышко!—я промѣняла тебя на орлиное гнѣздо...

„Царица савская... царица сѣвера... нѣтъ, и юга, знойнаго, жаркаго юга... царица Тавриды... царство Митридата Великаго стало моею губерніею... тавроскифы мои подданные... Я была въ гостяхъ у дочери Агамемнона—у Ифигеніи—моей подданной... Царство Гиреевъ—мое царство... Херсонесъ, гдѣ крестился Владиміръ святой, Херсонесъ—мой... Кафа, гдѣ томились въ цѣпяхъ и продавались на рынкахъ невольники—моя Кафа... Что пріобрѣлъ Петръ на сѣверѣ—то бѣдно, жалко... что пріобрѣла я на югѣ—богато, роскошно... Это лучшіе алмазы въ моей коронѣ...

„Скоро двадцать пять лѣтъ, какъ я царствую... 28-го іюня будетъ двадцать пять лѣтъ—черезъ недѣлю... А какъ недавно было то, кажется, недавно, словно вчера... Ночь, мрачная, томительная, а впереди—либо монастырская келья, либо темный казематъ, либо... и вдругъ яркій день и тронъ—мой, весь мой — отъ нижней ступеньки до орла... и корона моя—шапка Мономаха на головѣ ангальтъ-цербстской дѣвочки...

„Тяжела, говорятъ, шапка Мономаха... да, но только не для меня... Вотъ ни одного сѣдого волоска она не вилела своею тяжестью въ мою женскую косу“...

И императрица выпула изъ-подъ чепца прядь волосъ и задумчиво перебирала ихъ въ рукѣ...

„Нѣтъ, не посеребрила моей головы шапка Мономаха... А какъ, казалось бы, я должна была бы постарѣть! какъ посѣдѣть!—чего не передумала моя голова за всю Россію въ эту цѣлую четверть столѣтія!“...

За дверью послышалось шуршанье бумагою.

— Кто тамъ?

— Храповицкій, ваше величество.

— Что?

— Стихи принесъ, что приказывали переписать—о Тавридѣ.

— Войди.

Въ комнату неслышными шагами вошелъ кругленькій, толстенькій, съ пухлыми щеками и завитою косою человѣчекъ, и, низко поклонившись, подалъ императрицѣ четко исписанный листъ бумаги.

— Жарко сегодня?

— Прежарко, ваше величество.

— Потѣешь?

— Преужасно потѣю, ваше величество.

— Купайся чаще.

Екатерина встала и подошла къ окну. Передъ дворцомъ уже кучился народъ, глазѣя на окна, словно бы изъ каждаго должна была вылетѣть жаръ-птица. Полицейскіе съ алебардами внушительно показывали глазѣющимъ кулаки—„не шумаркай-де—шишкни—ни-ни—разбудишь“.

Едва императрица показалась у окна, какъ народъ, не смотря на полицейскихъ, рявкнулъ: „Матушка! ура! го-го-го-го!“

Екатерина отодвинулась съ улыбкою вглубь комнаты, но она не могла не замѣтить, что сквозь толпу пробирался ко дворцу Нарышкинъ, который несъ на плечѣ что-то круглое, черное, взоткнутое на трость, а въ лѣвой рукѣ—какія-то двѣ птицы, вродѣ утокъ...

„Что бы это было такое?—Что еще выдумалъ Левушка?—проказу какую нибудь?—это не даромъ“...

Она обратилась къ безмолвно стоявшему у дверей Храповицкому.

— Тамъ я замѣтила Льва Александровича Нарышкина—онъ несетъ что-то такое странное... Вели дежурному камеръ-юнкеру позвать его ко мнѣ.

Храповицкій исчезъ.

„Я сегодня замечталась, такъ Левушка навѣрное чѣмъ-нибудь холоднымъ окатитъ мои грезы... Честный, вѣрный другъ... Сколько лѣтъ ужъ онъ бережетъ меня—четвертый десятокъ будетъ... не чета другимъ, не корыстолюбецъ, ничего не ищетъ“...

Въ комнату, отвѣшивая низкіе поклоны, вошелъ Нарышкинъ. Онъ былъ весь красный—видимо усталъ. На трости у него оказался черный, какъ черноземъ, ржаной хлѣбъ, проткнутый насквозь, а въ рукѣ пара застрѣленныхъ кряковыхъ утокъ.

— Что это такое, Левъ Александровичъ? спросила, улыбаясь, изумленная императрица.

Нарышкинъ, преспокойно, неторопливо, съ серьезнымъ лицомъ, положилъ на столъ свою ношу и обтеръ фуляромъ вспотѣвшій лобъ.

— Это я принесъ вашему величеству тульскій ржаной хлѣбъ, да пару утокъ, которыхъ вы жалуете...

„Что-нибудь не такъ“, промелькнуло въ головѣ императрицы, „подъ этой шуткой кроется что-нибудь серьезное... тульской хлѣбъ... урожай хорошъ... хлѣбъ дешевъ... народъ благоденствуетъ“...

— А по какой цѣнѣ за фунтъ купили вы этотъ хлѣбъ“? вдругъ спросила она.

— По четыре копѣйки за фунтъ, государыня.

Первый разъ, кажется, въ жизни Екатерина недовѣрчиво посмотрѣла на своего „шпыня Левушку“.

— Быть не можетъ! съ силою сказала она. — Это цѣна неслыханная...

— И невиданная, ваше величество.

— Какъ же мнѣ донесли, что въ Тулѣ такой хлѣбъ...

— Такой ли, государыня?—На „такой ли“ Нарышкинъ сдѣлалъ особенное удареніе.

Императрица подошла къ короваю и стала внимательно разсматривать эту черную, отвратительную массу „нечистаго“, какъ говорятъ мужики, хлѣба, то есть хлѣба не изъ одной муки.

— Да это не хлѣбъ! съ ужасомъ воскликнула императрица:—это земля!—почти земля!

— Нѣтъ, ваше величество,—это... почти хлѣбъ...

— Боже мой! и эти комья земли ѣдятъ люди!

— Нѣтъ, государыня, пейзане... добрые мужички...

Императрица посмотрѣла на него строго...

— Не забывайтесь, Левъ Александровичъ!... Въ такомъ дѣлѣ остроуміе неумѣстно...

Нарышкинъ почтительно поклонился. На лицѣ императрицы выступили гнѣвныя пятна...

— Какъ же мнѣ донесли, что въ Тулѣ здѣсь ржаной хлѣбъ не дороже одной копѣйки мѣдью?...

— Нѣтъ, государыня,—это неправда; вамъ донесли ложно. Я самъ покупалъ на торгу этотъ хлѣбъ и знаю ему цѣну.

Императрица въ волненіи заходила по кабинету, боясь выглянуть въ окно...

— Удивляюсь, продолжала она;—какъ же меня увѣрили, что въ здѣшней губерніи былъ обильный урожай въ прошломъ году?

— Нынѣшняя жатва, ваше величество, можетъ будетъ удовлетворительна, а теперь, пока, голодно...

Императрица снова посмотрѣла на Нарышкина, подошла къ столу, взяла лежавшій на немъ писанный листъ бумаги и молча подала своему шутливому оберъ-шталмейстеру.

Нарышкинъ посмотрѣлъ на бумагу, пробѣжалъ ее — это былъ вчерашній рапортъ Кречетникова — и снова положилъ на письменный столъ.

— Прочли?

— Прочелъ-съ... Можетъ быть это ошибка... Впрочемъ, иногда рапорты бываютъ не достовѣрнѣе газетъ...

Императрица опять подошла къ столу и долго смотрѣла на то, что изображало собою подобіе хлѣба... Она глубоко задумалась... Съ площади доносился неясный гулъ голосовъ...

„Такъ вотъ оно, мое величіе... на чемъ покоится оно... вотъ мои гордыя мечтанія... Бѣдные люди!... Такъ вотъ отчего не посѣдѣли мои волосы подъ шапкой Мономаха... оттого... оттого, что въ моемъ царствѣ есть такой чорный хлѣбъ... онъ чернитъ мою сѣдину... Изъ окна золотой кареты я не вижу, что ѣстъ мой добрый народъ... А я мечтала, я радовалась“...

Краска все болѣе и болѣе заливала ея лицо...

Она быстро оборотилась къ Нарышкину и протянула ему руку...

— Благодарю, всѣмъ сердцемъ благодарю васъ, другъ мой! вы одинъ у меня честный и вѣрный другъ... Еслибы не вы, я не знала бы правды...

Она говорила съ жаромъ, со слезами на глазахъ... Нарышкинъ упалъ на колѣни и цѣловалъ ея руки...

— Матушка! матушка! вы великая царица! вы святая, великая женщина.

— Благодарю... благодарю... нѣтъ, я... я все таки женщина...

— Святая, великая!

— Встаньте, мой другъ.

Императрица подняла его. Нарышкинъ всталъ. Въ глазахъ Екатерины блеснулъ опасный огонекъ...

— Такъ Кречетниковъ обманулъ меня?

— Нѣтъ, государыня... это изъ усердія... чтобъ не огорчить васъ...

— Не огорчить! А что подумали бы обо мнѣ мои добрые подданные, которые питаются вонъ этимъ хлѣбомъ изъ земли?...

— И то не всѣ его имѣютъ...

— Что подумали бы они, еслибъ я приняла здѣсь балъ, предложенный мнѣ дворянствомъ, и веселилась бы въ то время, когда самые трудолюбивые изъ моихъ подданныхъ...

Она не договорила и посмотрѣла на хлѣбъ...

— Не имѣютъ даже и такого хлѣба? подсказалъ Нарышкинъ.

— Да... Я и то дурно сдѣлала, что была вчера въ театрѣ.

— Нѣтъ, государыня, осмѣлюсь думать, что вы изволите хорошо поступить, посѣтивъ здѣшній театръ.

— Почему же? удивилась Екатерина.

— Роль „Хвастуна" прекрасно игралъ какой-то здѣшній актеръ Пономаревъ...

— Да, я замѣтила его и велѣла взять на петербургскую сцену.

— Точно такъ, ваше величество... А изволили ли вы замѣтить, кого напоминалъ „Хвастунъ?" кого игралъ Пономаревъ?

Императрица задумалась, потомъ улыбнулась...

— А!... немножко Кречетникова, кажется... да, да... то-то я вспоминала, на кого онъ похожъ...

— На Михайла Никитича.

— Точно, точно...

Она посмотрѣла на Нарышкина. Тотъ улыбался, стоя въ самой почтительной позѣ.

— Какое же отношеніе между театромъ и этимъ хлѣбомъ и — голодомъ? (императрица показала на столъ, гдѣ лежалъ хлѣбъ, потомъ на окно, за которымъ носились волны народнаго говора).

— Непосредственное-съ, отвѣчалъ Нарышкинъ: въ театрѣ я думалъ о Михайлѣ Никитичѣ, объ его умѣньѣ „хвастаться" — и сегодня самъ пошелъ на торгъ...

— И — открыли этотъ хлѣбъ?

— И открылъ-съ этотъ хлѣбъ...

— Да, правда... у васъ государственный умъ...

— Нѣтъ-съ, инстинктъ ищейки вашего величества...

— Вы неподражаемы, Левушка... Что жъ я буду дѣлать съ этимъ хлѣбомъ?

Нарышкинъ задумался... Онъ повидимому не рѣшался отвѣчать... Наконецъ онъ поднялъ голову...

— Что же? переспросила императрица.

— Взять съ собою въ Петербургъ — помѣстить въ Эрмитажѣ, а кусокъ послать Вольтеру...

Яркая краска снова залила лицо императрицы... Она съ минуту колебалась, но потомъ снова побѣдила себя...

— Еще разъ благодарю васъ, глубоко благодарю... Какой урокъ! какой жестокій урокъ вы мнѣ преподали!...

Она закрыла лицо руками... Нарышкинъ ползалъ у ея ногъ и цѣловалъ край ея капота...

— Прости! матушка, прости!... величайшая, священнѣйшая, мудрѣйшая изъ женщинъ!...

— Нѣтъ, нѣтъ! счастливы государи, у которыхъ есть такіе друзья, какъ у меня...

На порогѣ показался красивый, съ женственнымъ лицомъ, съ высокомѣрной осанкой молодой человѣкъ, и съ нѣмымъ удивленіемъ

смотрѣлъ на эту живую сцену... Глаза императрицы блеснули какимъ-то внутреннимъ тепломъ...

То былъ Мамоновъ...

VII.

Черезъ два часа послѣ вышеприведенной сцены, въ томъ же кабинетѣ совершается обрядъ „волосочесанія“, какъ его называетъ Храповицкій въ своемъ „Дневникѣ“. „Волосочесаніе“ приближается къ концу. Императрица, выслушавъ докладъ оберъ-камергера Шувалова о томъ, что на ружейномъ заводѣ уже все приготовлено для принятія ея величества и что въ сверлильномъ отдѣленіи ожидаетъ императрицу особый цилиндръ и серебряный молотокъ, которымъ, мастера надѣются, всемилостивѣйшая государыня соизволитъ собственноручно ударить по раскаленному цилиндру,—смотрится въ зеркало, которое поднесли къ ней двѣ камеристки. Мамоновъ, стоя у окна, тщательно разсматриваетъ свои розовые, изящно выхоленные ногти. Нарышкинъ не менѣе серьезно занятъ ловлею большой мухи на другомъ окнѣ. Въ сторонѣ, у маленькаго столика, пыхтитъ и потѣетъ Храповицкій, занятый „перлюстраціею“, присланной изъ Петербурга иностранной почты. Сзади императрицы, отражаясь въ зеркалѣ, стоитъ только что допущенный къ аудіенціи Кречетниковъ.

На столѣ все тотъ же роковой каравай хлѣба и двѣ кряковыя утки...

Императрица видитъ въ зеркалѣ, какъ Кречетниковъ косится на этотъ хлѣбъ, причемъ лицо его, за минуту счастливое и самодовольное, то блѣднѣетъ, то багровѣетъ...

— Очень рада, Михайло Никитичъ, что въ городѣ и въ губерніяхъ, вамъ порученныхъ, все обстоитъ благополучно, ласково говоритъ императрица, всматриваясь въ зеркало и отстраняя какой-то волосокъ отъ своего мраморнаго лба.

Кречетниковъ молча кланяется и силится подавить вздохъ.

— Я и за себя, какъ женщина, рада, когда все благополучно: меньше сѣдѣю...

Кречетниковъ опять кланяется и косится на хлѣбъ...

— Васъ, кажется, интересуетъ этотъ хлѣбъ и утки?

Кречетниковъ кланяется и что-то невнятно мычитъ.

— А это мнѣ принесъ какой-то добрый мужичекъ: „нашей говоритъ, деревенской хлѣба-соли матушкѣ-царицѣ на поклонъ приволокъ“...

Она снова пригнулась къ зеркалу и поправила височки.

— Я поблагодарила его, и спрашиваю — почемъ у нихъ такой хлѣбъ продается въ деревнѣ? Говоритъ—по четыре копѣйки... Я не повѣрила...

Нарышкинъ, наконецъ, поймалъ муху двумя пальцами, и она у

него отчаянно зажужжала. Императрица оглянулась и чуть замѣтная улыбка скользнула по ея лицу...

— Четыре копѣйки—это цѣна небывалая...

— Такъ точно, ваше императорское величество... но скоро урожай, растерянно заговорилъ Кречетниковъ.

— А до урожая?—теперь еще іюнь...

— Будутъ приняты мѣры, ваше императорское величество... тотчасъ-же...

— Да, да — надобно поскорѣе помочь горю, чтобы не случилось большой бѣды.

— Слушаю-съ... непремѣнно-съ...

— А заводъ вы мнѣ сами покажите.

— Слушаю-съ, ваше императорское величество!

Нарышкинъ пріотворилъ окно и выпустилъ муху на свободу...

— Ура! ура! урра! послышалось съ площади...

VIII.

Прошло полтора года.

Въ морозный январскій вечеръ 1789 года, на сценѣ петербургскаго театра идетъ сенсаціонная и патріотическая по тому времени пьеса—„Титово милосердіе". Театръ полонъ. Не смотря на внѣшній 20-ти градусный морозъ, отъ котораго кучера и извощики спасаются либо собственными кулаками, либо кабакомъ, въ театрѣ жара невообразимая. Разряженныя, напудренныя „щеголихи" и „модницы", съ изящными мушками на щекахъ, и на подбородкахъ, и надъ соболиными бровками и вездѣ, гдѣ имъ указывала сидѣть мушиная символика, постоянно махались вѣерами, разливая вокругъ себя горячее море благовоній, не забывая въ то же время „махаться" и въ переносномъ смыслѣ съ своими „петиметрами", „ферлакурами" и вздыхателями. Парики и подвитыя косы „ферлакуровъ" и „петиметровъ" представляли необозримую выставку парикмахерскихъ художественныхъ произведеній.

Императрица сидѣла, полуприкрытая драпировками, въ боковой ложѣ. Въ углубленіи, изъ-за ея спины выглядывали — то красивое, видимо скучающее лицо Мамонова, то круглыя, насмѣшливыя щоки сатира—Левушки Нарышкина, то лукавые глаза Шувалова.

Императрица видимо была въ хорошемъ расположеніи духа.

Пьеса шла очень удачно. Публика усердно аплодировала. Актеръ, игравшій „Тита", былъ очень хорошъ: онъ обращался съ остальнымъ персонажемъ пьесы необыкновенно милостиво, но за то съ царственнымъ величіемъ, такъ что императрица, глядя на него, невольно закусывала губы, чтобы скрыть улыбку.

— А узнаете, государыня, кто играетъ „Тита"? тихо спросилъ Мамоновъ.

— Какъ же: это Пономаревъ, котораго я отняла у Тулы.

— Но кого онъ напоминаетъ, ваше величество, своею царственною осанкою? лукаво спросилъ Нарышкинъ.

— Да, кого-то напоминаетъ...

— А вы извольте, государыня, присмотрѣться къ первому ряду креселъ.

— А что тамъ?

— Не замѣчаете?—вотъ величественно косится сюда...

— Ахъ—да, да! онъ поразительно его передразниваетъ...

Въ первомъ ряду креселъ императрица дѣйствительно узнала того, на кого ей указывалъ Нарышкинъ:—плоскій широкій затылокъ, круто заплетенная густая коса, надменно поднятыя плечи и грудь, глупое, вызывающее улыбку величіе на лицѣ;—это былъ онъ—Кречетниковъ.

— Тульскій кречетъ, воображающій себя орломъ изъ стаи Великой Екатерины.

— Да, да, улыбнулась послѣдняя:—но онъ меня сегодня порадовалъ.

— Чѣмъ, сударыня?

— Да вы знаете, что благодаря нераспорядительности генералъ-провіантмейстера Маврина, войскамъ, въ столицѣ расположеннымъ, угрожаетъ голодъ: такъ Михайло Никитичъ мнѣ доложилъ, что онъ берется помочь горю...

— Это тульскимъ-то хлѣбомъ государыня?

— Да: онъ говоритъ, что въ одной богородицкой волости есть до двухсотъ-тысячъ четвертей хлѣба лежачаго.

— А если это такой же хлѣбъ, дешевый, какой вы изволили вывезти изъ Тулы для Эрмитажа и для Вольтера?..

Императрица сверкнула глазами...

— Нѣтъ—нѣтъ... не напоминайте мнѣ объ этомъ...

Она обернулась назадъ и нечаянно уловила пристальный, нѣжный взглядъ Мамонова, устремленный на одну изъ противоположныхъ ложъ... Мамоновъ не замѣтилъ, что его взглядъ былъ пойманъ, а Екатерина, принявъ прежніе положенее, пытливо, но осторожно, не показывая виду, стала искать глазами невѣдомый ей предметъ, приковавшій къ себѣ взоры и вниманіе молодого царедворца... Она нашла этотъ предметъ... Да, да—это она, безспорно она... Ее пожираетъ онъ глазами... Это княжна Дарья Щербатова... Не даромъ онъ посылалъ ей лучшихъ фруктовъ, какіе были отобраны только для него... Вонъ у нея на лицѣ чуть замѣтная „мушка взаимности“... Это онъ съ нею „махается“... Негодница!.. Она тоже глядитъ на него, вѣеромъ машетъ—къ себѣ примахиваетъ...

Выраженіе мягкости разомъ застыло на лицѣ Екатерины: его замѣнило холодное величіе. Нарышкинъ замѣтилъ это — продувной сатиръ давно все замѣтилъ, но и виду не показывалъ, что чувствуетъ грозу въ воздухѣ, чувствуетъ ее давно — и ждетъ перваго удара...

быть удару — облачко, черное, зловѣщее, разомъ налетѣло на полуденное солнце... Надо отвратить ударъ...

— Александръ Матвѣичъ, кажется, очарованъ тульскимъ кречетомъ—глазъ съ него не спускаетъ весь вечеръ, закидываетъ онъ.

Переносятъ взоръ на Мамонова, на Кречетникова... Мамоновъ дѣйствительно смотритъ туда, на первый рядъ креселъ, на Кречетникова...

— Я ухожу, у меня голова разболѣлась...

Императрица встаетъ. За нею встаютъ всѣ...

Уходя, Мамоновъ оборачивается и кидаетъ тревожный, тоскливый взглядъ на предательскую ложу... Тамъ махаютъ вѣеромъ...

IX.

— Пономa! другъ сердечный!

— Францель Венеціанъ! какими судьбами!

— Да съ Кречетомъ налетѣли сюда.

— А! видѣлъ... такъ и ѣлъ меня глазами... Ну, облобызаемся же.

— Облобызаемся... А! и Аполлинарія Николаевна! наше вамъ, съ походцемъ!

— Здравствуйте, Семенъ Никифоровичъ... Что въ Тулѣ?

— Объ васъ вспоминаютъ... А что онъ?

— Кто онъ?

— Ну извѣстно онъ, курсивъ, большими литерами... Не онъ ужъ „Тита“ играетъ?

— Не онъ...

Аполлинарія Николаевна зардѣлась... Пріятели обнимались, жали другъ другу руку, разспрашивали — кто про Тулу, кто про Петербургъ... Это было за кулисами, тотчасъ по окончаніи „Титова милосердія“.

— Совсѣмъ къ намъ теперь, дружище? а? спрашивалъ Пономаревъ Веницеева.

— Да совсѣмъ было, еслибъ чадушко опять не напуталъ.

— Какой чадушко?

— Да, соколъ-то нашъ ясный—совсѣмъ дѣло изгадилъ.

— Кречетниковъ?

— Кому же больше! Такого мастера путать и гадить на заказъ не сдѣлать.

— Въ чемъ же дѣло-то?.. растолкуй.

— Да вотъ въ чемъ: свѣтлѣйшій, Потемкинъ-то, благоволитъ моему дураку... чадушкѣ-то, соколу, и обѣщалъ замолвить за него словечко у государыни, какъ пріѣдетъ сюда. А ждутъ свѣтлѣйшаго на дняхъ... Вотъ мы и прискакали сюда. Насъ приняли милостиво: государыня изволила даже говорить чадушкѣ-то моему о томъ, какъ

думаетъ встрѣтить свѣтлѣйшаго послѣ его славныхъ побѣдъ надъ турками, велитъ украсить въ Царскомъ тріумфальныя вороты разными арматурами, а на транспарантѣ въ честь его написать стихи изъ оды Петрова „На взятіе Очакова:“

„Ты въ плескахъ внидешь въ храмъ Софіи.“

— Ого! протянулъ Пономаревъ:—куда хватило...

— Да, братъ: думаютъ, что съ весной нашъ свѣтлѣйшій и „таврическій“ войдетъ въ Царьградъ съ побѣднымъ вѣнкомъ на головѣ...

— Ну, такъ чѣмъ же напуталъ соколъ твой?

— Да... Императрица, къ слову, замѣтила, что ее безпокоитъ недостатокъ провіанта для войскъ, здѣсь расположенныхъ, а мой-то вралъ, изъ усердія и хвастовства, и бухни, что у насъ въ Тулѣ лежачимъ хлѣбомъ хоть прудъ пруди. Государыня обрадовалась, приказала тотчасъ же закупить у насъ хлѣбъ, велѣла дураку моему распорядиться... Онъ прилетѣлъ, требуетъ меня, велитъ писать о хлѣбѣ: я ему напоминаю, что онъ самъ же недавно подписалъ рапортъ о томъ, что въ его намѣстничествѣ хлѣба едва ли хватитъ для весеннихъ посѣвовъ — и вдругъ такой шкандалъ!—Какъ говорю вы, неспросясь, эдакъ отвѣтили государынѣ?—Сорвалось, говоритъ!—Ну, значитъ сорвалось и наше счастье.

— Господа! гдѣ тутъ господинъ Веницеевъ? послышался голосъ режиссера.

— Что вамъ угодно? Я Веницеевъ.

— Пожалуйте въ фойе—васъ проситъ тульскій и калужскій генералъ-губернаторъ, генералъ-поручикъ Михайло Никитичъ Кречетниковъ.

— Сейчасъ иду... И-ну чадо! опять, полагаю, что-нибудь напуталъ...

X.

Во дворцѣ, въ кабинетѣ императрицы, Храповицкій, сидя за особымъ столомъ, осторожно шуршитъ бумагами, сортируя почту. Онъ видимо напряженно прислушивается къ тому, что происходитъ въ слѣдующей комнатѣ, за дверью, но кажется, привычный слухъ его ничего не можетъ уловить...

Но вотъ слышно немного сморкаются... „Плачутъ, должно“...

Опять шуршанье бумагой и опять напрасное прислушиванье...

— Плюньте, матушка, явственно слышится оттуда, изъ-за двери. „Это Захаръ... успокоиваетъ“...

Опять сморканье, болѣе рѣшительное, энергическое... „Ну, слава Богу—кажись успокоились“...

Отворяется дверь и оттуда выходитъ Захаръ въ бѣломъ фартукѣ и съ полотенцемъ въ рукѣ. Захаръ очень пасмуренъ.

— Ну что, Захаръ Константинычъ? заискивающе спрашиваетъ Храповицкій.

Захаръ только махнулъ рукой.

— Гнѣвны? снова спрашиваетъ Храповицкій.

— Смутны, нехотя отвѣчаетъ Захаръ.

— А съ чего, Захаръ Константинычъ?

— Паренекъ дуритъ...

— Ахти! удивляется Храповицкій. Чтожъ онъ, дурачокъ!

— Да онамедни въ театрѣ съ княжной Щербатовой махался—перемигивался, такъ замѣтили.

— Ахъ дурачокъ, дурачокъ!

— То-то, и я ему говорилъ такъ же, такъ поди съ нимъ—не внемлетъ: житье мое здѣсь, говоритъ, настоящая тюрьма...

— Ахъ парень, парень! съ жиру бѣсится — отъ своего счастья бѣгаетъ.

— И я тоже говорю—такъ нѣтъ: скучно, слышь, ему, надоѣло, что послѣ всякаго собранія, гдѣ есть дамы, привязываются, дескать, ревнуютъ...

Храповицкій укоризненно покачалъ головой...

Изъ той комнаты раздался звонокъ. Храповицкій вздрогнулъ и торопливо принялся опять за свою почту. Захаръ, перекинувъ полотенце на другое плечо, тихо пошелъ на звонокъ.

— Ахъ, дуракъ, дуракъ, вотъ истинно дуракъ! бормоталъ самъ съ собою Храповицкій... И съ кѣмъ связался! съ кѣмъ вздумалъ махаться! и это послѣ Фицгерберта-то—съ аглицкими объѣдками...

Захаръ вышелъ съ радостной улыбкой и какъ-то весело перекрестился...

— Что? зачѣмъ звали?

— Слава Богу—успокоились, а то ничѣмъ не угодишь—все гнѣваются...

— А выдутъ?

— Сказали—выдутъ: почту бы приготовили, да Кречетникову приказано явиться.

— Почта готова.

— А паренька, говоритъ, велю свѣтлѣйшему пожурить, какъ пріѣдетъ—все его ждутъ.

Захаръ ушелъ, разводя руками и самъ съ собою что-то разговаривая. Храповицкій разложилъ почту на большомъ столѣ, всталъ и подошелъ къ зеркалу. Лицо его было красновато, какъ послѣ выпивки.

— Ишь не доспалъ — рожа-то красная... А все этотъ тульскій калифъ затащилъ, угостилъ... да и дома тоже на ночь... Дурная привычка.

За той дверью послышались шаги. Храповицкій отскочилъ отъ окна и нагнулся надъ бумагами.

Отворилась дверь изъ той комнаты и въ кабинетъ вошла импера-

трица. Въ ней теперь казалось болѣе женственнаго, чѣмъ царственнаго. Глаза смотрѣли немножко припухшими, усталыми и мягкими: замѣтно было, что она плакала, хотя теперь на лицѣ не осталось и слѣда горя, и оно было спокойно.

Храповицкій низко поклонился. Ему милостиво отвѣчали.

— Привелъ почту въ порядокъ?

— Привелъ, государыня.

— А прочелъ рапортъ вице-губернатора?

— Не успѣлъ, ваше величество.

— Прочти.

Храповицкій отыскалъ на столѣ требуемую бумагу и пробѣжалъ ее глазами.

— А? каковъ лгунишка Кречетниковъ! — что доноситъ здѣшній вице-губернаторъ?

— Здѣшній вице-губернаторъ рапортуетъ—отвѣчалъ Храповицкій, глядя въ бумагу—что по сообщенію Кречетникова богородицкіе поселяне просятъ по четыре рубля за куль муки съ поставкою въ Тулу...

— А! каково! Зачѣмъ было лгать?—кто просилъ?

Въ это время дверь изъ переднихъ покоевъ, изъ пріемныхъ апартаментовъ, отворилась, и на порогѣ показался юный, розовый какъ дѣвушка, съ дѣвическою косою и черными агатовыми глазами дежурный камеръ-юнкеръ, юноша лѣтъ двадцати, и вытянулся въ струнку. Глаза императрицы ласково остановились на немъ.

— А, Зубовъ... Что тамъ?

— По приказанію вашего императорскаго величества—генералъ-поручикъ Кречетниковъ—ожидаетъ повелѣній, отчеканилъ юноша.

— Пусть войдетъ.

Юноша стукнулъ ножкой объ ножку, и исчезъ за дверью.

— Какой милый мальчикъ, выронила императрица.

— И хорошо воспитанъ, государыня,—скроменъ какъ дѣвушка и музыку любитъ, вставилъ Храповицкій, почтительно вытягиваясь, чтобъ положить бумагу передъ императрицей.

На порогѣ показалась знакомая уже намъ фигура тульскаго намѣстника. Всегда юпитеровски-величественный и какъ Нарцисъ самодовольный, онъ выступалъ теперь немножко мокрой курицей—съ склоненною на бокъ повинною головой, съ опущенными руками... „Изъ усердія, единственно изъ усердія—повинную принесъ — повинную мечь не сѣчетъ", говорила вся его фигура. Даже Храповицкій немножко улыбнулся: „точь-вточь соблудившая псица „Муфта"...

— Вы, Михайло Никитичъ, поторопились порадовать меня вашимъ хлѣбомъ—напрасно, сказала императрица тономъ неудовольствія.

— Виноватъ, ваше императорское величество, былъ смиренный поклонъ:—можетъ быть не такъ донесъ здѣшній вице-губернаторъ.

— Не такъ рапортовалъ вашъ, а не мой вице-губернаторъ, строго замѣтила государыня, и, взявъ со стола бумагу, подала оторопѣвшему сановнику:—прочтите сами.

— Дрожащими руками взялъ „великолѣпный калифъ Тулы", какъ его назвали пересмѣшники, поданную ему бумагу и сталъ разсматривать ее какъ какую-нибудь хитрую ткань.

— Видите—богородицкіе поселяне просятъ по четыре рубли за куль, пояснила императрица уже спокойнымъ тономъ.

— Да-съ, точно, ваше величество... это недоразумѣніе... Я немедленно разъясню—напишу... самъ на мѣстѣ разслѣдую...

Въ это время какъ бы изъ-за спины императрицы выросъ Мамоновъ... Онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго... По глазамъ замѣтно было, что и онъ плакалъ... Императрица испытующимъ, но ласковымъ взглядомъ посмотрѣла на него: ей, казалось, стало жаль этого блѣднаго, заплаканнаго лица...

— Я разслѣдую-съ... я хлѣбъ найду, продолжалъ бормотать Кречетниковъ, весь красный.

— Хорошо, хорошо, постарайтесь, сказала, повидимому, сжалившаяся и надъ нимъ императрица, дѣлая видъ, что отпускаетъ его.

Кречетниковъ торопливо положилъ бумагу на столъ, поклонился, пробурчалъ—„постараюсь... священная воля... хлѣбъ лежачій" — поперхнулся и, снова поклонившись, отретировался за дверь...

— А! какъ нахвасталъ! съ улыбкой обратилась государыня къ Мамонову:—да еще имѣлъ безстыдство сказать, что не такъ донесъ здѣшній вице-губернаторъ... А!—я ненавижу ложь—это подлость, но еще гнуснѣе взворачивать вину на другого...

Мамоновъ ничего не отвѣчалъ: онъ, казалось, и не слыхалъ того, что ему говорили... Правой рукой онъ держался за грудь, какъ бы чувствуя тамъ острую боль...

— Une oppression de poitrine, n'est-ce pas? участливо спросила государыня.

— Да, ваше величество, больно, тихо отвѣчалъ молодой царедворецъ.

Императрицѣ стало еще болѣе жаль его... Видимо желая его развлечь, она заговорила о Кречетниковѣ.

— Каковъ!—и это уже во второй разъ такая исторія съ хлѣбомъ... Помните?

— Помню, государыня.

— А какъ онъ открывалъ Калужскую губернію—а?

— Этого я не слыхалъ, ваше величество.

— Это исторія презабавная... Къ открытію губерніи прибылъ Платонъ, что нынѣ митрополитъ московскій. Спрашиваетъ—все ли готово къ открытію? — Кречетниковъ отвѣчаетъ, что все, только слѣдуетъ просмотрѣть церемоніалъ. Присылаетъ церемоніалъ къ Платону. Платонъ одобряетъ всѣ статьи, кромѣ одной, гдѣ сказано было, чтобы

во время шествія въ церковь намѣстника, то есть вотъ этого самаго Кречетникова, во всѣхъ церквахъ производимъ былъ колокольный звонъ... Каково!

— Да, это скромно, улыбнулся Мамоновъ.

— Очень скромно, согласилась императрица:—только Платонъ не соглашался. Началась переписка—Платонъ стоитъ на своемъ. Наконецъ, Кречетниковъ самъ ѣдетъ къ Платону, настаиваетъ. Платонъ и отвѣчаетъ ему: „эта почесть—говоритъ—воздается только царскому величію".—Только этимъ и усмирилъ его. Но за то онъ у себя въ домѣ поставилъ тронъ и хоть не сидѣлъ на немъ, но стоялъ на ступеняхъ этого трона, подъ балдахиномъ, и говорилъ рѣчь къ собранію дворянъ.

— Воображаю, государыня, какъ онъ былъ смѣшонъ, замѣтилъ Мамоновъ.

— Да... но послѣ онъ былъ жалокъ, продолжала, увлекаясь, императрица.—Послѣ открытія губерніи, онъ пріѣхалъ сюда — лично представить мнѣ отчетъ обо всемъ... А я уже знала о колокольномъ звонѣ: мнѣ Платонъ же и донесъ... Встрѣчаю его ласково, благодарю, разспрашиваю обо всемъ. Онъ сіяетъ отъ удовольствія. А я таинственно и спрашиваю его: „да Платонъ-то, говорю, усердно ли вамъ содѣйствовалъ?"—Съ полнымъ усердіемъ, говоритъ, ваше величество".—„Да не было ли, говорю, съ его стороны какихъ-нибудь странныхъ желаній: напримѣръ, не требовалъ ли, говорю, онъ отъ васъ пушечной пальбы при въѣздѣ своемъ въ городъ?"—Нѣтъ, говоритъ, государыня.—„А я, говорю, что-то такое слышала; но согласитесь, говорю, что вѣдь это было бы такъ же смѣшно, какъ еслибъ вы, говорю, потребовали, чтобъ онъ сопровождалъ васъ колокольнымъ звономъ"...

Мамоновъ разсмѣялся самымъ искреннимъ смѣхомъ. Даже Храповицкій почтительно хихикалъ.

— Тутъ только понялъ онъ, къ чему я вела рѣчь, заключила свой разсказъ императрица.

На порогѣ опять вытянулась стройненькая фигурка юноши съ агатовыми глазами.

— Кто тамъ? былъ ласковый вопросъ.

— Господинъ директоръ академіи наукъ, княгиня Дашкова, ваше величество! отрапортовалъ красивый юноша.

— Господинъ—княгиня, улыбнулась императрица:—я жду ее.

IX.

Въ 7-му часу вечера на 5-е февраля этого (1789) года прибылъ наконецъ въ Петербургъ съ новозавоеваннаго юга „великолѣпный князь Тавриды".

Кречетниковъ, послѣ деликатной головомойки съ „лежачимъ хлѣбомъ“, теперь опять высоко поднялъ голову и не иначе смотрѣлъ на свѣтъ божій какъ черезъ человѣческія головы, ибо все казалось ему ниже его недосягаемой персоны; такъ онъ увѣренъ былъ въ расположеніи къ нему Потемкина. Потемкинъ, дѣйствительно, покровительствовалъ ему по неуловимымъ капризамъ своего характера или, можетъ быть, по такому же неуловимому закону контрастовъ, въ силу котораго блондины предпочитаютъ брюнетокъ, сила покровительствуетъ безсилію, старость льнетъ къ дѣтямъ, геній снисходитъ къ посредственности: понимая хорошо недалекость и пѣтушиные замашки „тульскаго калифа“, зная его неудержимую слабость къ прекрасному полу и заносчивость, называя его не иначе какъ „мадамъ“—любимое слово Кречетникова, — Потемкинъ все-таки покровительствовалъ ему.

Однимъ словомъ, съ пріѣздомъ Потемкина „тульскій кречетъ“ оказался „въ мытехъ“ и сталъ „высоко взбивать птицъ“ болѣе мелкихъ чиновныхъ пташекъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. О „хлѣбѣ“ и о головомойкѣ онъ совсѣмъ забылъ, сколько не напоминалъ ему объ этомъ Веницеевъ.

На другой же день послѣ пріѣзда Потемкина, по личнымъ указаніямъ императрицы, на театрѣ въ Эрмитажѣ давали самую новую и модную тогда пьесу—„Горе богатырь“ комическую оперу, сочиненную самою государынею при композиторскомъ содѣйствіи придворнаго капельмейстера Мартини. Въ оперѣ этой, какъ толковали тогда и какъ понимаютъ это теперь, Екатерина осмѣивала попытки шведскаго короля Густава III овладѣть Петербургомъ. Какъ извѣстно, попытки эти окончились срамомъ для „Горе богатыря“.

„На ѳеатрѣ“, какъ записано у Храповицкаго, кромѣ самой императрицы, Потемкина, Мамонова, Льва Нарышкина, Храповицкаго и другихъ приближенныхъ, присутствовали и иностранные послы, Кобенцель и Сегюръ. Мало того, виднѣлась въ рядахъ знати и пѣтушиная фигура Кречетникова: быть приглашеннымъ въ Эрмитажъ—это высокая честь, и онъ чувствовалъ сердцемъ, мозгомъ, ногтями и каждымъ волоскомъ, что вполнѣ достоинъ этой чести.

Пьеса шла блистательно. Особенный, конечно почтительный взрывъ одобреній вызвалъ дуэтъ самого „Горе богатыря„ съ Гремилой.

— Это слава его „гремитъ“ по всему свѣту, лукаво замѣтилъ Потемкинъ, слегка кланяясь императрицѣ.

Лицо Екатерины было необыкновенно оживлено. Это оживленіе и искусная прическа сгладили всѣ тончайшія морщинки, проведенныя безжалостною шестидесятою весною ея жизни на ея прекрасномъ, философскомъ челѣ. Она казалась совсѣмъ молодою, свѣжею, полною энергіи. Не даромъ, на канунѣ, за туалетомъ, она сказала Храповицкому и Шувалову: „я увѣрена, что, имѣя уже шестдесятъ лѣтъ, проживу еще двадцать съ нѣсколькими годами“...

— Да, съ улыбкой отвѣчала императрица: „Гремила“ родная сестра „Шумихѣ“ и также удачливы, какъ Ѳома съ Еремой... Et vous, monsieur le comte? обратилась она къ сидящему около нея Сегюру.

— Oh! c'est ravissant! восторженно отвѣчалъ тотъ, какъ истый французъ: c'est... c'est... du genie...

— Merci, monsieur, отвѣчали уклончиво.

— Oh! votre majesté! qui se sent morveux, se mouche... C'est bien delicat de répondre par des plaisanteries à des manifestes et déclarations impertinantes...

Въ антрактѣ, когда опустилась занавѣсь, глазамъ изумленныхъ зрителей представилась слѣдующая картина, эффектно изображенная на этой новой занавѣси: Екатерина на тронѣ; она держитъ въ рукѣ лавровый вѣнокъ и возлагаетъ его на голову склонившагося на ступеняхъ трона Потемкина; надъ вѣнкомъ надпись изъ иммортелей:

„Ты въ плескахъ внидешь въ храмъ Софіи“.

Восторженное „браво!“ „да здравствуетъ Екатерина!“ заглушили оркестръ который игралъ:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися храбрый Россъ...

Потемкинъ, насупившись, грызъ ногти... Онъ порывался было уйти, но императрица ласково удержала его... Сегюръ любезно улыбался и едва замѣтно кланялся ему, показывая видъ, что аплодируетъ будущему покорителю Цареграда...

— Да это и правда, сказала императрица, какъ бы отвѣчая на мысль французскаго посла: я увѣрена, что у меня скоро будетъ князь „Таврическій-Цареградскій“.

— Въ этомъ увѣренъ и Кречетниковъ, кивнулъ въ его сторону Потемкинъ, продолжая кусать ногти.

— Да, онъ увѣренъ въ побѣдахъ Потемкина...

— Какъ и въ своихъ надъ прекраснымъ поломъ...

Императрица невольно разсмѣялась, глянувъ туда, куда ей указывалъ Потемкинъ: она увидѣла, какъ Кречетниковъ, словно индѣйскій пѣтухъ съ красными щеками и шеею, топтался около княжны Щербатовой, заслоняя ее отъ Мамонова, который видимо злился...

— Охъ, отобьетъ у нашего паренька кралю, подмигнулъ Потемкинъ.

Императрица отвернулась: такъ смѣшонъ показался ей Кречетниковъ въ роли „ферлакура“.

— Отобьетъ, отобьетъ...

Храповицкій усиленно вытиралъ фуляромъ свой влажный лобъ...

— Потѣешь? улыбнулась ему Екатерина.

— Преужасно, ваше величество, былъ стереотипный отвѣтъ.

— А Сегюръ и Сенъ-При увѣрены, серьезно заговорила императрица, обращаясь къ Потемкину, что Турецію подѣлить можно...

— И даже должно, такъ же серьезно отвѣчалъ Потемкинъ.

— А какъ?

— Дать куски Англіи и Франціи... конечно и Австріи.

— А Гишпаніи?

— И Гишпаніи тоже малое „морсо“.

— А Италіи? задумчиво спросила императрица.

— Италіи нѣтъ... Италія только въ географіи да на картѣ.

— И то правда, нѣтъ ее, нѣкому больше давать „куски“.

— А остатка довольно будетъ для великаго князя Константина Павловича, улыбнулся Потемкинъ: съ него довольно.

— Да, pour un cadet de la maison, очень довольно, улыбнулась и императрица, а потомъ серьезно прибавила: бабка и отецъ—здѣсь, внукъ и сынъ Константинъ, во градѣ Константина Великаго...

— Такъ и пророчествовано, задумчиво пояснилъ Потемкинъ, какъ бы прислушиваясь къ музыкѣ.

— Да... Зачѣмъ не быть обѣимъ отраслямъ въ такой связи, какъ дворы бурбонскіе Франція и Гишпанія, а Романовы—Россія и Турецiя.

По окончаніи пьесы вниманіе императрицы снова было привлечено неподражаемымъ тульскимъ намѣстникомъ. Екатерина, вставая, взглянула было собственно по тому направленію, гдѣ сидѣла княжна Щербатова уже не съ „мушкою взаимности“ а съ „мушкою отвергнутой пассіи“, но вмѣсто княжны увидѣла Кречетникова, который восторженно обнималъ кого-то.

— Кого это хочетъ задушить „мадамъ“? спросила она Потемкина, указывая на Кречетникова.

— Львова... Они съ Кречетниковымъ старые друзья.

— А о хлѣбѣ, какъ я вижу, онъ совсѣмъ забылъ, замѣтила императрица: онъ твердо вѣритъ евангелію.

— Я заставлю его и о хлѣбѣ вспомнить, отвѣчалъ свѣтлѣйшій.

Императрица оглянулась: она замѣтила всѣхъ... не было только одного, кого она искала: не было Мамонова...

Прошло нѣсколько недѣль. Кречетниковъ давно воротился изъ Петербурга въ свою намѣстническую резиденцію и, упоенный благосклонностью къ нему свѣтлѣйшаго, опочилъ на лаврахъ. Каждый день принималъ просителей въ торжественной „аудіенціи“, утверждалъ журналы намѣстническаго правленія, выслушивалъ доклады, во время которыхъ, подражая Потемкину, грызъ ногти, катался на своихъ любимыхъ „королькахъ“ — маленькія, изящныя лошадки, чудилъ „по-потемкински“, то-есть гонялъ иногда курьеровъ за „тѣстомъ калужскимъ“, которое любилъ Потемкинъ, въ Калугу, но не для Потемкина, а для себя, гонялъ и въ Вязьму за „вяземскими пряни-

ками", въ Астрахань—за „воблой", въ Коломну—за „постилой", въ Борзну—за „бубликами" и такъ далѣе.

О покупкѣ хлѣба для Петербурга хотя и отдалъ приказъ, но скоро и объ этомъ забылъ, а больше, по вечерамъ, въ дворянскомъ собраніи, волочился за хорошенькими „дворяночками"... „Мадамъ„, „мадемуазель"—„у насъ въ Петербургѣ"—„при дворѣ"—„сама императрица"—„мой другъ свѣтлѣйшій"—только и раздавалось по собранію.

Но больше всего ему нравились „аудіенціи": тутъ онъ окончательно подавлялъ всѣхъ царственнымъ величіемъ и „екатеринскою очаровательностію"... Выходы къ „аудіенціи" совершались съ такою неизмѣнною помпою: когда просители и чающіе „представиться" собирались въ залу и наступалъ назначенный часъ „выхода", то по звонку изъ внутреннихъ апартаментовъ два ливрейныхъ офиціанта, въ пудрѣ, башмакахъ, съ нашивками на всѣхъ частяхъ тѣла, въ огромныхъ треуголкахъ и съ булавами, отворяли настежъ двери изъ гостиной съ такимъ трепетомъ, какъ будто бы оттуда долженъ былъ выйти огнь небесный и всѣхъ пожрать; тогда изъ дверей выступали два новыхъ офиціанта, но безъ шляпъ, а лишь съ глупыми, то-есть важными лицами, а за ними уже—слегка улыбающійся отъ этой дурацкой церемоніи Веницеевъ несъ портфель, не подъ мышкою—этого не дозволялось—а впереди, словно евангеліе выносилъ дьяконъ либо скинію завѣта несли трепетные левиты... За этою скиніею уже выступалъ, словно журавль въ болотѣ, самъ Кречетниковъ: онъ потому напоминалъ журавля, что тонкія ноги его всегда были обтянуты шолковыми чулками, а башмаки съ золотыми пряжками высились на тонкихъ, какъ у китаянокъ, красныхъ каблукахъ.

Въ утро описываемаго нами дня, въ пріемной залѣ намѣстника толпилось очень много чающихъ: тутъ были и военные, и статскіе, мужчины и женщины, и въ числѣ послѣднихъ виднѣлось не одно молодое, красивенькое личико. Дежурный чиновникъ обходилъ всѣхъ просителей и непросителей, спрашивалъ ихъ имена и мѣстожительства и записывалъ въ свою памятную книжку. Тѣ, которые были въ этой залѣ въ первый разъ, съ удивленіемъ, а иные со страхомъ, посматривали на царскій тронъ, стоявшій по серединѣ комнаты и осѣняемый балдахиномъ съ золотымъ двуглавымъ орломъ и кистями: на тронѣ помѣщался мраморный бюстъ императрицы въ лавровомъ вѣнкѣ.

— Ваше званіе и фамилія? спросилъ дежурный чиновникъ, подходя къ одному просителю, стоявшему сзади всѣхъ въ статскомъ платьѣ.

— Свободный художникъ Сбавь-Спѣси изъ Петербурга, отвѣчалъ статскій.

— Какъ-съ?

— Сбавь-Спѣси, сударь... Моя фамилія малороссійская.

Дежурный чиновникъ записалъ.

— А по какому дѣлу?

— По порученію свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго.

— Къ его превосходительству Михайлу Никитичу?

— Нѣтъ-съ... Къ одному зазнавшемуся дураку...

Чиновникъ не зналъ, какъ понять подобную шутку, и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на дерзкаго незнакомца. Но этотъ послѣдній преспокойно вынулъ изъ-за кафтаннаго борта бумагу и подалъ изумленному чиновнику. Тотъ развернулъ — читаетъ — ничего не можетъ сразу понять... Бланкъ дѣйствительно Потемкина... „Свободному художнику Сбавь-Спѣси", бормочетъ чиновникъ, пробѣгая бумагу: „поручаю вамъ немедленно отправиться въ Тульскую губернію къ извѣстному вамъ зазнавшемуся дураку и снять съ него портретъ"...

Чиновникъ еще болѣе недоумѣваетъ... Но на бумагѣ печать—гербовая именная печать свѣтлѣйшаго и его собственноручная подпись... Эта подпись ему знакома... Что жъ бы это значило?... Ясно, что это одна изъ тысячи причудъ свѣтлѣйшаго, которому и Михайло Никитичъ сталъ подражать...

Въ этотъ моментъ изъ внутреннихъ покоевъ раздался звонокъ. Дежурный чиновникъ, сунувъ незнакомцу его странную бумагу, поспѣшилъ къ своему посту — къ столу у окна.

Просители торопливо становились на мѣсто, оправлялись, откашливались. Военные старались молодцовато выпятить грудь, какъ будто у нихъ тамъ дѣлалось стѣсненіе. Дамы обдергивались, охорашивались по своему, словно птички передъ полетомъ. „Свободный художникъ" стушевался гдѣ-то назади...

Одновременно съ этимъ, первые два офиціанта бурно распахнули обѣ половинки двери, точно оттуда долженъ былъ выбѣжать кто нибудь бѣшенный или выпорхнуть большая птица. Но вмѣсто бѣшенаго показались два плавно выступавшихъ офиціанта съ глупыми, по наказу, т. е. важными лицами. За ними — милѣйшій Семенъ Никифорычъ Веницеевъ въ роли архідіакона, красненькій, гладко выбритый и съ портфелью въ рукахъ... Лукавое лицо его выражало скромно: „смотрите на нашего дурака"... За Веницеевымъ — самъ „дуракъ", громовержецъ, съ высоко поднятою головой, съ выпяченной грудью и животомъ какъ у беременной бабы, въ шолковыхъ чулкахъ на тонкихъ ногахъ безъ икоръ и въ блестящихъ башмакахъ съ красными каблуками, которые, казалось отъ стыда краснѣли... Увидѣвъ молоденькихъ просительницъ, вѣроятно „дворяночекъ", тульскій Юпитеръ, подражая настоящему Юпитеру, сдѣлалъ изъ себя подобіе кобелька только вмѣсто хвоста округлилъ локти полубубликомъ...

— Браво, Кречетниковъ! брависсимо! раздался вдругъ сзади просителей шальной возгласъ.

Всѣ вздрогнули. Дежурный чиновникъ поблѣднѣлъ. Офиціанты разинули рты, да такъ и остались. Самъ Кречетниковъ, какъ отъ удара хлыста, выпрямился... Одинъ Семенъ Никифорычъ лукаво улыбался...

— Браво! брависсимо! продолжай! что остановился!

Это стоялъ на стулѣ, за просителями, незнакомецъ, назвавшій себя „свободнымъ художникомъ“, и хлопалъ въ ладоши...

Лицо Кречетникова, смущенное, красное, разомъ преобразилось: куда дѣвалось олимпійское величіе!...

— Ахъ, какъ я радъ, что тебя вижу! воскликнулъ онъ ласково, заискивающе, подходя къ незнакомцу и протягивая обѣ руки: — надолго ли къ намъ пріѣхалъ?

Но незнакомецъ не унимался — стоялъ на стулѣ и весело хлопалъ...

— Нѣтъ-нѣтъ! воротись въ гостиную — позабавь еще разъ пышнымъ выходомъ...

Кречетниковъ окончательно потерялся — краснѣлъ, блѣднѣлъ... просители переглядывались...

— Перестань шутить... дай я тебя обниму, бормоталъ сраженный олимпіецъ.

— Нѣтъ, не сойду съ мѣста, пока неудовлетворишь моей просьбѣ...

— Полно... къ чему эти шутки... довольно...

— Нѣтъ-нѣтъ — выйди еще разъ: ты мастерски играешь свою роль...

Кречетниковъ готовъ былъ расплакаться... Незнакомецъ сжалился надъ нимъ, сошелъ со стула, обнялъ его и, не глядя на просителей и оторопѣвшихъ офиціантовъ, прошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ гостиную.

— Это тебѣ урокъ отъ свѣтлѣйшаго, сказалъ онъ серьезно и тихо: благодари Бога, что только этимъ обошлось, а могло быть и хуже... ты знаешь его... Это тебѣ за то, что ты забылъ о „хлѣбѣ лежачемъ“, а государыня объ немъ каждый день спрашиваетъ... Ее тоже ты довольно знаешь... Вотъ меня свѣтлѣйшій, любя тебя, и прислалъ къ тебѣ, чтобъ хорошенько взмылить голову и дѣло сдѣлать: тебя спасти отъ высочайшаго гнѣва и успокоить всемилостивѣйшую государыню... Гвардія безъ хлеба — самъ знаешь, чѣмъ это пахнетъ...

Таинственный незнакомецъ былъ извѣстный въ то время острякъ и шутникъ генералъ Львовъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ Потемкина.

На этотъ разъ торжественная „аудіенція“ не состоялась, а послѣ уже она совершаема была гораздо скромнѣе.

— Теперь мы хоть немножечко поумнѣли, говорилъ бывало Веницеевъ, вспоминая неожиданный наѣздъ „свободнаго художника“.

Д. Мордовцевъ.

ПРОГУЛКА ПО РАЗВАЛИНАМЪ РИМА И ПОМПЕЙ.[1]

IV.

Кто не видалъ своими глазами древней страны Осковъ, Кампаніи, и въ особенности, не любовался небомъ, моремъ и всей роскошной природой на берегахъ Неаполитанскаго залива, тотъ не знаетъ и даже не можетъ представить себѣ, что есть на земномъ шарѣ уголокъ, который по всей справедливости можетъ быть названъ земнымъ раемъ. Все въ этихъ благодатныхъ мѣстахъ создано для того, чтобы лелѣять воображеніе, возбуждать человѣка къ жизни, призывать его къ наслажденію. Теплый, нѣжащій своею мягкостью лѣтомъ и зимою воздухъ, глубокая синева яснаго неба, свѣтлая и манящая къ себѣ зыбь укрощенныхъ волнъ Средиземнаго моря, видъ сторожащихъ входъ въ заливъ большихъ и малыхъ острововъ—Капри, Искіи, Прочиды и Низиды, замыкающія на востокѣ горизонтъ высокія и защищающія отъ сѣверовосточныхъ вѣтровъ Апеннины, дышащія ароматомъ растенія, богатыя сочными плодами деревья, неистощимая въ плодородіи почва, вся эта облитая солнцемъ, полная жизни, смѣющаяся и ликующая природа заключаетъ въ себѣ столько чарующаго и привлекательнаго, что становится безъ всякаго усилія мысли понятнымъ, почему эта мѣстность искони была любимымъ мѣстопребываніемъ человѣка и съ незапамятныхъ временъ была усѣяна цвѣтущими городами, въ которыхъ кипѣло здоровое, веселое, преданное нѣгѣ и наслажденію населеніе.

Въ отдаленнѣйшую эпоху исторіи по берегамъ Неаполитанскаго залива стали селиться среди коренного населенія греки, этруски, затѣмъ самнитяне и наконецъ римляне. Въ послѣдній вѣкъ респуб-

[1]) Окончаніе. См. № 10 „Историческаго Вѣстника“.

лики берега эти были усѣены виллами римскихъ магнатовъ, многочисленные остатки которыхъ на байскомъ берегу до сихъ поръ напоминаютъ о значеніи, какимъ пользовались эти благословенныя мѣста среди богатыхъ и знатныхъ людей римской республики и затѣмъ имперіи. Жизнь въ Неаполѣ всегда считалась пріятнѣйшимъ мѣстопребываніемъ, съ которымъ напр. не хотѣлъ разстаться Виргилій и о которомъ Стацій говоритъ съ такимъ чувствомъ удовольствія, посылая туда жить жену свою, римлянку; Байи, гдѣ были самыя знаменитыя минеральныя воды въ древности, еще въ римской комедіи седьмого столѣтія отъ основанія Рима играютъ роль мѣста, полнаго удовольствій и опаснаго для самой твердой супружеской привязанности; Путеоли (нын. Пуццоли) были однимъ изъ самыхъ богатыхъ торговыхъ городовъ Италіи и окрестности этого города были любимымъ мѣстомъ временнаго мѣстопребыванія римской знати, между прочимъ Цицерона, Лукулла, императора Нерона. Теперь эта наиболѣе роскошная въ древности сторона неаполитанскихъ окрестностей представляетъ собой, пожалуй, скорѣе печальную, чѣмъ веселую картину: столько тамъ развалинъ и такъ она запущена въ гигіеническомъ отношеніи! Только дивная природа, извилистое море, острова и мысы, да бездна историческихъ воспоминаній и соединяемыхъ съ мѣстами и названіями ихъ преданій, восходящихъ ко временамъ Гомера, придаютъ прогулкѣ отъ Неаполя до Мизенскаго мыса очарованіе, какого не дадутъ самыя здоровыя и выхоленныя новой культурой мѣстности средней Европы. Жизнь, дѣятельность и вся полнота наслажденія, доставляемаго пребываніемъ въ этомъ, ни съ чѣмъ несравнимомъ углу міра, перешли на восточную сторону залива, туда, гдѣ дымится и по временамъ извергаетъ пламя Везувій, гдѣ процвѣтали Геркуланъ, Помпеи, Стабіи, Нукерія, гдѣ теперь Портичи, Резина, Торре делль Греко, Торре делль Аннунціата, Кастелламаре, Сорренто. По этому берегу пролегаетъ и желѣзная дорога, здѣсь путешественникъ наслаждается необозримымъ моремъ апельсинныхъ садовъ, тутъ онъ видитъ роскошныя виллы, утопающія въ зелени, въ этихъ мѣстахъ онъ стремится пожить хотя нѣсколько дней, сюда наконецъ, онъ прежде всего направляется изъ Неаполя, чтобы погулять по узкимъ улицамъ постепенно освобождаемаго изъ подъ пепла древняго города.

5 февраля 63 года по Р. Х. произошло въ Кампаніи землетрясеніе. „Помпеи, знаменитый городъ Кампаніи, въ значительной части обрушился“—говоритъ по этому поводу Тацитъ въ своей Лѣтописи. Но не одни Помпеи пострадали отъ этого неожиданнаго и, по общепринятому тогда ученію Каллисѳена, невозможнаго зимой несчастія. Пострадалъ кромѣ Помпей, какъ повѣствуетъ современникъ этого событія, философъ Сенека, въ своихъ „Естественныхъ вопросахъ“, и Геркуланъ (по древнему Геркуланей), часть котораго также обрушилась, произошли кое-какія поврежденія въ Нукеріи (теперь

Ночера), да и Неаполь не остался безъ убытковъ. Въ окрестностяхъ этихъ городовъ землетрясеніе отозвалось не только на зданіяхъ, но и на животныхъ: погибло стадо въ шестьсотъ овецъ, добавляетъ свой разсказъ Сенека. Слышно также было въ Римѣ въ то время, что много статуй разбилось отъ землетрясенія и что были люди, которые помѣшались отъ страха, наведеннаго на жителей необычайнымъ событіемъ.

Какъ ни велико было это несчастье въ мѣстности, густо населенной и привыкшей къ довольному существованію, но оно было ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, которое постигло ее спустя шестнадцать лѣтъ, 23 августа 79 года. Помпеи едва успѣли отстроиться послѣ землетрясенія, какъ много вѣковъ пребывавшій спокойнымъ Везувій сталъ извергать огонь, уголь, камень и пепелъ и, не переставая свирѣпствовать такимъ образомъ въ продолженіи трехъ дней, похоронилъ подъ пепломъ только-что возстановленные Помпеи и вмѣстѣ съ ними Геркуланъ и Стабіи. Это страшное въ древней исторіи событіе, сопровождавшееся землетрясеніемъ во всей окрестной мѣстности, подробно описано въ двухъ письмахъ Плинія младшаго къ Тациту. Авторъ этихъ писемъ, находясь на противоположномъ берегу залива, въ Мизенѣ, былъ очевидцемъ происходившаго изверженія, при которомъ погибъ дядя его, знаменитый натуралистъ Плиній старшій, который, стоя съ флотомъ въ Мизенѣ, не утерпѣлъ, чтобы не посмотрѣть ближе на необычную дѣятельность Везувія. Изверженіе пепла, подъ которымъ погибли цвѣтущіе города, прилегающіе къ восточному берегу Неаполитанскаго залива, было такъ сильно, что, по сообщенію Діона Кассія, части его доносились въ Африку и въ Сирію, а въ Римѣ воздухъ былъ наполненъ имъ до такой степени, что было помрачено солнце. Такъ какъ катастрофа продолжалась цѣлыхъ три дня, то это обстоятельство давало жителямъ засыпаныхъ городовъ возможность спастись; но далеко не всѣ воспользовались этою возможностью. Какъ всегда бываетъ во время смятенія, порождаемаго страшнымъ и неожиданнымъ бѣдствіемъ, какъ напримѣръ большимъ пожаромъ, многіе не знали, что дѣлать и гдѣ найти спасеніе. Въ то время какъ, по словамъ Діона Кассія, нѣкоторые среди дыма, пламени, землетрясенія, выбѣгали изъ домовъ на улицу, другіе съ улицы бѣжали въ дома, ища тамъ убѣжища; въ то время какъ люди находившіеся на морѣ, старались скорѣе ступить на твердую землю, другіе, не считая себя безопасными на сушѣ, бросались къ морю. Находилось однако и въ Геркуланѣ и въ Помпеяхъ много безпечныхъ людей, которые, среди всеобщаго ужаса, не хотѣли выходить изъ театра. Но, вообще говоря, народа, насколько позволяютъ судить помпейскія раскопки, погибло сравнительно немного: полагаютъ, что изъ двадцати или тридцати тысячъ жителей, населявшихъ Помпеи, нашли смерть во время катастрофы не болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Такимъ образомъ погибли три города, между которыми главнымъ были

Помпеи. Но въ то время какъ надъ Геркуланомъ и Стабіями съ теченіемъ времени возникли новые города, Резина и Кастелламаре, что дѣлаетъ невозможными сколько-нибудь значительныя раскопки безъ ущерба для теперешнихъ зданій и жителей, Помпеи оставались покрытыми только изверженіями Везувія. Такимъ-то образомъ не только сохранился, но и предстаетъ теперь передъ нашими глазами древній городъ, съ улицами, троттуарами, площадями, домами, храмами, театрами, гробницами, съ домашней утварью, съ комнатными украшеніями, съ произведеніями всевозможныхъ ремеслъ и искусствъ, наконецъ—съ остатками пищи, употреблявшейся жителями. Есть на что взглянуть любопытному путешественнику.

Полчаса ѣзды изъ Неаполя по желѣзной дорогѣ, и мы въ Помпеяхъ. Входимъ мы туда, какъ и всѣ другіе прибывающіе изъ Неаполя, черезъ сводообразныя ворота, носящія теперь названіе porta della Marina. Въ этой мѣстности, при входѣ въ городъ, въ древности были устроены глубоко въ землѣ складочные магазины для помѣщенія товаровъ, привозимыхъ моремъ. Ворота, черезъ которыя мы входимъ, устроены надъ этими магазинами. Мы не заходимъ въ находящійся въ право отъ воротъ недавно устроенный музей, въ которомъ собраны образцы предметовъ, добытыхъ раскопками и нѣсколько человѣческихъ тѣлъ, превосходно воспроизведенныхъ посредствомъ гипса, которымъ, по распоряженію Фіорелли, были наполнены формы, образовавшіеся отъ затвердѣвшаго надъ тѣлами пепла. Мы поднимаемся выше и, встрѣчая по правую руку стѣну, начинаемъ видѣть по лѣвую рядъ жилищъ и лавокъ, въ одной изъ которыхъ продавались горячіе напитки (обыкновенно—вино съ горячей водой). Такого рода ресторацiи, которыхъ было много въ Помпеяхъ, назывались ѳермополіями (thermopolia). Идя все прямо, мы выходимъ на форумъ, главное, центральное мѣсто города. По пути, которымъ мы шли, на этотъ форумъ выходятъ два общественныхъ зданія: съ права базилика, гдѣ происходилъ судъ, творимый дуумвирами, и гдѣ, въ западномъ концѣ зданія, еще сохранилось мѣсто для трибунала; съ лѣва храмъ Венеры, одно изъ древнѣйшихъ сооруженій засыпаннаго города. Цѣлый рядъ другихъ общественныхъ зданій окружаетъ эту главную городскую площадь, на которую выходятъ съ разныхъ сторонъ города шесть улицъ. Такъ, съ сѣверной стороны къ форуму примыкаетъ изящный храмъ Юпитера, сильно потерпѣвшій отъ землетрясенія 63 года и засыпанный Везувіемъ во время перестройки; съ восточной стороны форума, ближе всего къ храму Юпитера, стоитъ зданіе, которое называютъ одни храмомъ Августа, а другіе Пантеономъ; за нимъ южнѣе—общественный атрій съ жертвенникомъ Тиберію, повидимому, мѣсто засѣданія городской думы; за нимъ непосредственно по эту же сторону обшитый мраморомъ храмъ генія Августа, обыкновенно считаемый храмомъ Меркурія; еще южнѣе зданіе, носящее названіе Chalcidicum, съ портикомъ и внутреннимъ дворомъ,

окруженнымъ крытою галлерей; по южную сторону форума находится зданіе съ тремя залами, называемыми у итальянскихъ археологовъ куріями; наконецъ, на западной сторонѣ, сѣвернѣе храма помпейской Венеры, находятся разныя общественныя сооруженія, какъ напр. помѣщеніе для образцовъ общественныхъ мѣръ и вѣсовъ, далѣе мѣсто для рынка, отхожія мѣста для публики, съ переднею, и тюрьма. Самая площадь форума окружена съ трехъ сторонъ портикомъ, который имѣлъ двойной рядъ колоннъ, сохранившійся теперь на южной сторонѣ площади. Форумъ былъ усѣянъ статуями, отъ которыхъ осталось двадцать два пьедестала, въ пяти случаяхъ сохранившихъ подписи. На одной западной сторонѣ, стояло двѣнадцать конныхъ статуй, да четыре на ногахъ, по южную сторону находилось четыре конныхъ статуи, двѣ по восточную. Большой пьедесталъ по срединѣ площади указываетъ на то, что тамъ стояла наиболѣе почетная конная статуя, вѣроятно какого-нибудь императора. По верхъ дорическихъ колоннъ изъ травертина, окружавшихъ площадь, усѣянную статуями, шла другая колоннада, іоническаго стиля, куда всходили по лѣстницамъ. Этимъ способомъ имѣлось въ виду увеличить пространство для движенія публики на главной площади города, мѣстѣ народныхъ собраній, но изверженіе Везувія застало работу возведенія верхняго портика, по видимому, не оконченною. Можно себѣ однако представить, какой великолѣпный видъ представлялъ помпейскій форумъ, вымощенный большими плитами, окруженный великолѣпными общественными зданіями, покрытый статуями важныхъ городскихъ и государственныхъ лицъ, съ верхней и нижней колоннадами, окружающими самую площадь, по которой постоянно двигалась публика.

Но что же это былъ за городъ, въ которомъ мы съ первыхъ шаговъ встрѣтили такое великолѣпіе? Это былъ обыкновенный провинціальный городъ, какихъ не мало было въ древней Италіи. Правда, это былъ городъ приморскій и торговый, и въ этомъ отношеніи занимавшій видное мѣсто между другими городами Кампаніи, но отнюдь не выдававшійся по своей роскоши въ средѣ другихъ, какъ Неаполь, даже какъ Байи и Путеоли, привлекавшіе къ себѣ многочисленную богатую и знатную публику столицы государства и другихъ мѣстъ Италіи. Кампанскіе города вообще выгодно отличались отъ городовъ Лаціума и гордились передъ ними (отсюда вошедшая у римлянъ въ поговорку: superbia campana) своимъ благосостояніемъ и внѣшнимъ благоустройствомъ. Первое давалось имъ въ силу благодатной почвы и въ нѣкоторыхъ случаяхъ прекраснаго географическаго положенія; второе, находясь въ зависимости отъ перваго, было въ тоже время наслѣдіемъ древней культуры, съ давнихъ поръ распространявшейся въ этой странѣ греческими колоніями. Помпеи былъ городъ старый; онъ насчитывалъ въ послѣдній день своего существованія по крайней мѣрѣ шесть съ половиною столѣтій. Онъ основанъ приблизительно за 600 лѣтъ до Р. Х. осками или какимъ другимъ древнимъ населеніемъ

южной Италіи, около 424 г. до Р. Х. былъ занятъ спустившимися съ горъ самнитянами, а послѣ окончанія союзнической войны, которую велъ Римъ съ итальянскими народами, требовавшими себѣ правъ римскаго гражданства, въ 666 году отъ основанія Рима (88 до Р. Х.), былъ превращенъ въ римскую колонію. Отъ первой эпохи мало сохранилось памятниковъ, хотя греческое вліяніе и тутъ представляется несомнѣннымъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ развалины греческаго храма Геркулеса (?), одного изъ самыхъ древнихъ памятниковъ архитектуры въ Италіи. Но особенный разцвѣтъ вліянія греческаго искусства и всей эллинской культуры проявился въ Кампанскихъ городахъ вообще и въ Помпеяхъ въ частности въ другую, самнитскую эпоху этого города. Часть прекрасныхъ мостовыхъ, великолѣпные храмы и другія общественныя зданія, развитіе вкуса къ украшенію своихъ жилищъ предметами искусства относятся главнымъ образомъ къ этой эпохѣ. Когда послѣ союзнической войны, въ которой помпейскому войску нанесенъ былъ рѣшительный ударъ подъ Нолой, туда была выведена Суллой римская колонія ветерановъ, это былъ городъ богатый и вполнѣ благоустроенный, обладавшій прекрасными зданіями, публичными и частными, множествомъ гостинницъ, магазиновъ, фабрикъ, между которыми важную роль играли суконныя, театрами, банями и другими полезными или увеселительными заведеніями. Поименовывая рядъ кампанскихъ городовъ, въ сравненіи съ которыми латинскіе не могутъ по красотѣ, благоустройству и гигіеническимъ условіямъ выдержать никакого сравненія, Цицеронъ въ своей рѣчи объ аграрномъ законѣ приводитъ, рядомъ съ Неаполемъ, Путеолями, Кумами, Нукеріей, и Помпеи. Не даромъ онъ завелъ тамъ себѣ въ окрестностяхъ этого города дачу, которую посѣщалъ нерѣдко и о которой не разъ говоритъ въ своихъ письмахъ къ своему брату, къ Аттику и къ другимъ друзьямъ. Превращеніе Помпей въ римскую колонію, въ свою очередь, не только не уронило благосостоянія города, но и содѣйствовало новому его оживленію и украшенію. Городъ сталъ населеннѣе и богаче. Богаче онъ сталъ потому особенно, что вслѣдствіе разрушенія, во время союзнической войны, Стабій (нынѣшній Кастелламаре), онъ, сдѣлался главнымъ портомъ на восточномъ берегу Неаполитанскаго залива и увеличилъ свое торговое значеніе. Возникло множество новыхъ построекъ общественныхъ и частныхъ, жизнь стала устраиваться на болѣе широкую ногу, страсть къ роскоши еще болѣе усилилась и охватила всѣ классы общества, что отразилось между прочимъ на всеобщемъ украшеніи домовъ стѣнною живописью и на стремленіи къ болѣе комфортабельному домашнему устройству, чѣмъ какимъ средній классъ довольствовался прежде. Въ этомъ состояніи развитія застало городъ землетрясеніе 63 года по Р. Х., которое разрушило между прочимъ лучшую часть его, идущую отъ форума къ востоку и заключающуюся между улицами della Fortuna и dell'Abbondanza (новыя названія). То, что намъ представляютъ собой теперь

Помпеи, это—городъ, начавшій возстановляться послѣ разрушенія и далеко еще не возстановившійся къ тому времени, какъ ему пришлось быть погребеннымъ подъ пепломъ Везувія.

Мы стоимъ на форумѣ, на которомъ невольно остановились, зашедши въ окружающія его общественныя зданія. Постройка этихъ зданій принадлежитъ разнымъ эпохамъ, но болѣе всего говоритъ о началѣ имперіи. Самыми старыми изъ нихъ являются храмъ Помпейской Венеры и храмъ Юпитера; наиболѣе новыми—святилища, посвященныя Августу. Бросивъ на нихъ взглядъ, мы спѣшимъ познакомиться съ городомъ, съ его внутреннею жизнію, съ его бытовою стороной, на которой сосредоточивается для насъ наибольшій интересъ при обозрѣніи воскресшаго изъ подъ пепла и лавы города. Передъ нами рядъ улицъ, выходящихъ на форумъ, и намъ предстоитъ избрать то или другое направленіе. Обыкновенно посѣтители Помпей, вошедши на форумъ съ южной стороны и дошедши до сѣверной, гдѣ стоитъ храмъ Юпитера, направляютъ свой путь черезъ Неронову арку дальше къ сѣверу, къ аркѣ Калигулы, по улицѣ, на которой находятся съ лѣвой стороны бани, а съ правой на углу улицы Фортуны, стоитъ храмъ Августовой Фортуны (Fortuna Augusta). Только-что мы вошли въ эту улицу, какъ передъ нами открывается по правую руку рядъ лавокъ и прежде всего винный магазинъ (taberna vinaria), о которомъ свидѣтельствуетъ барельефъ изъ нукерійскаго камня, изображающій двухъ человѣкъ, несущихъ на плечахъ амфору. Въ двухъ другихъ лавкахъ сложены въ настоящее время нѣсколько большихъ глиняныхъ сосудовъ, dolia, соотвѣтствующихъ нашимъ бочкамъ, въ которыхъ бродитъ вино до разлива ихъ въ бутылки, а у древнихъ въ амфоры. Бочки эти найдены за городомъ близь рѣки Сарно и имѣютъ на себѣ марку фабриканта ихъ М. Лукцейя Квартіона, а на одной изъ нихъ нацарапано и имя рабочаго, Онезима, который ихъ дѣлалъ для хозяина. Лавокъ въ Помпеяхъ многое множество. Онѣ встрѣчаются на каждомъ шагу для всевозможныхъ надобностей — для продажи масла, вина, молока, благовоній и т. д. Всѣ дома, выходящіе фасадомъ на улицу, если это не общественныя зданія, заняты лавками или мастерскими сапожниковъ, портныхъ, цырюльниковъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ дѣлъ мастеровъ и т. п. За лавкой обыкновенно была сзади комната для помѣщенія купца или ремесленника, но нерѣдко комната эта была не внизу, а въ верхнемъ этажѣ, куда вела узкая и неудобная лѣстница, какихъ въ помпейскихъ домахъ, отдававшихся въ наймы и называвшихся по латыни insulae, очень много. Эти наемныя комнаты для лавочниковъ и ремесленниковъ въ верхнихъ этажахъ назывались caenacula (обѣденныя комнаты) и pergulae [1]) (нѣчто соотвѣтствующее нашимъ чер-

[1]) Собственно pergula вообще означаетъ придаточную комнату, которая въ данномъ случаѣ могла также слѣдовать непосредственно за лавкой.

дачнымъ помѣщеніямъ). Между надписями на помпейскихъ домахъ мы встрѣчаемъ и объявленія, по которымъ отдаются въ наймы *tabernae cum pergulis suis*. Верхнихъ этажей въ помпейскихъ домахъ теперь почти не существуетъ, но сохранившіяся многочисленныя лѣстницы остаются достаточнымъ о нихъ свидѣтельствомъ. Одна изъ лавокъ, находящихся по той же сторонѣ улицы, была ѳермополіемъ, т. е. трактиромъ, или рестораціей, гдѣ, какъ мы уже упоминали, продавался между прочимъ теплый напитокъ, (отсюда и названіе ѳермополія) смѣсь вина и воды. Вотъ мраморный прилавокъ, гдѣ подавалось питье прохожимъ заходившимъ, сюда на минуту подкрѣпить себя теплымъ напиткомъ, вотъ помѣщенія для сосудовъ, содержавшихъ продаваемую влагу, вотъ очагъ, на которомъ кипѣла вода, а вотъ и комната для посѣтителей, складъ для сосудовъ вина, кухня и латрина. Въ этихъ ѳермополіяхъ посѣтители иногда проводили время очень весело, о чемъ свидѣтельствуютъ и надписи нерѣдко съ именами женщинъ, служившихъ для посѣтителей развлеченіемъ, равно какъ и неприличныя изображенія по стѣнамъ. Тутъ же происходила игра въ кости, иногда оканчивавшаяся ссорой и дракой [illegible] партнёрами, которыхъ хозяинъ въ такомъ случаѣ вѣжливо [illegible]важивалъ, приглашая ихъ драться на улицѣ. Все это хорошо освѣщено сохранившимися надписями и стѣнными изображеніями. Оканчивается эта сторона улицы небольшимъ храмомъ Августовой Фортуны. Храмъ былъ построенъ на собственный счетъ дуумвиромъ (этимъ именемъ назывались двое изъ выборныхъ властей, составлявшихъ главную администрацію города) М. Тулліемъ; онъ былъ отдѣланъ роскошнымъ мраморомъ и составлялъ одно изъ наиболѣе важныхъ украшеній этой части города. Главною статуей въ немъ была статуя Фортуны, но тамъ же стояла въ одной изъ нишъ статуя Августа, о чемъ свидѣтельствуетъ и разбитая надпись на ея базисѣ, гдѣ Августъ называется „отцомъ отечества".

Другая сторона улицы, съ которой мы начали обозрѣніе города, вся занята зданіемъ общественныхъ бань съ лавками, его окаймляющими. Зданіе занимаетъ цѣлый кварталъ и имѣло шесть входовъ. Извѣстно, какую важную роль общественныя бани играли въ жизни древнихъ итальянцевъ, какія роскошныя сооруженія были посвящаемы для удовлетворенія этой общественной потребности въ Римѣ и другихъ городахъ Италіи, какихъ огромныхъ суммъ стоили эти сооруженія императорамъ въ Римѣ и должностнымъ лицамъ, искавшимъ народнаго расположенія, въ провинціи. Поэтому не будетъ лишнимъ для насъ зайти въ находящіеся предъ нашими глазами бани и посмотрѣть на ихъ устройство. Надобно только замѣтить, что эти, находящіяся близъ форума, бани—не лучшее и не самое большое учрежденіе въ этомъ родѣ въ Помпеяхъ. Къ тому же, онѣ принадлежатъ къ эпохѣ, слѣдовавшей за поселеніемъ въ этомъ городѣ римскихъ колонистовъ, и суть бани римскаго устройства, по крайней мѣрѣ въ эту эпоху онѣ передѣланы и расширены. Главный фасадъ этихъ

бань былъ обращенъ на сѣверную сторону, на улицу, называющуюся теперь strada delle terme; тамъ и находились два главныхъ входа, первый изъ которыхъ велъ въ мужскую баню. Передъ нимъ скамья для сидѣнья и вотъ лѣстница, ведущая въ верхнія комнаты. Но заставимъ лучше сдѣлать намъ описаніе внутренности этого зданія Фіорелли, главнаго руководителя помпейскихъ роскопокъ, книгу котораго „Descrizione de Pompei (Napoli, 1875)"—необходимо имѣть передъ глазами всякому, желающему ближе ознакомиться съ зданіями древняго города. „Входъ въ баню, слѣдуя изъ корридора, вводилъ прямо въ раздѣвальню или въ apodyterium, состоящую изъ обширной залы, кругомъ которой съ трехъ сторонъ находятся сидѣнья, съ соотвѣтствующими подножками, а на извѣстной высотѣ отъ земли дыры отъ перекладинъ, вбитыхъ въ стѣну для вѣшанья платья тѣхъ, кто, раздѣвшись, готовился войти въ смежныя залы, или вышедши изъ нихъ бралъ снова одежду. Комнатныя украшенія въ раздѣвальнѣ и въ другихъ частяхъ зданія, вслѣдствіе поврежденій, причиненныхъ землетрясеніемъ, и сдѣланныхъ поправокъ, не представляются вездѣ одинаковыми въ стилѣ. Здѣсь карнизъ съ рельефными гипсовыми фризами, изображающими лиры, дельфиновъ, химеръ и сосуды; тамъ стоитъ, сверхъ того, въ лицевой стѣнѣ стеклянный запертый ящичекъ, въ которомъ ночью находилась лампадка, а выше широкое окно съ большимъ стекломъ, вмуравленнымъ въ самое зданіе. Подъ окномъ рельефное изображеніе головы Океана, который среди водъ, падающихъ съ его волосъ и съ бороды держитъ обхватомъ маленькихъ амуровъ, дельфиновъ и двухъ тритоновъ, съ порывистымъ движеніемъ несущихъ сосуды и оружіе.

„Раздѣвальня сверхъ дверей вышеуказаннаго прохода имѣла кругомъ пять другихъ. Первая, справа отъ входящаго, вела въ комнату которую я считаю элеоѳезіумомъ, назначеннымъ для натираній маслами и благовонными мазями, другая—длиннымъ корридоромъ вела къ большой печи, изъ третьей входили въ tepidarium (гдѣ мылись тепловатой водой), четвертая вела въ frigidarium (гдѣ моющіеся въ банѣ охлаждались), а пятая приводила въ сообщеніе раздѣвальню съ садомъ или съ баннымъ виридаріемъ, который имѣлъ два побочныхъ входа или выхода на восточной и западной сторонахъ острова [1]).

„Frigidarium имѣетъ круглую форму, и сводъ его, освѣщаемый окномъ сверху, возвышается надъ карнизомъ, на которомъ бѣлымъ гипсомъ на красномъ фонѣ изваяна ѣзда амурчиковъ на колесницахъ и верхомъ. Въ стѣнѣ выдолблены четыре ниши, въ которыхъ

[1]) Островомъ, insula, назывались дома, отдаваемые хозяиномъ въ наймы жильцамъ, въ противоположность дому, domus, который онъ занималъ самъ. Это были отдѣльные дома или группы домовъ, кругомъ которыхъ идетъ дорога. Въ Помпеяхъ принято называть островомъ цѣлый кварталъ, по четыремъ сторонамъ котораго идутъ улицы.

находились сидѣнья для купающихся, и тамъ же бронзовый языкъ, съ котораго лилась широкая струя воды въ бассейнъ, одѣтый въ мраморъ съ ступенькой для схожденія туда, и снабженный двумя сточными отверстіями—одно для того, чтобы его опоражнивать и чистить, а другое затѣмъ, чтобы когда онъ наполненъ, вода не выплескивалась чрезъ края.

„Tepidarium, освѣщаемый окномъ въ четыре стекла, имѣетъ сводъ, отдѣланный гипсовыми барельефами по четвероугольникамъ, изъ которыхъ одни, меньшихъ размѣровъ, съ амуромъ, открытымъ цвѣткомъ, или крылатымъ четвероногимъ по срединѣ, въ другихъ, большихъ размѣровъ, находится амуръ, опирающійся на лукъ, Ганимедъ, несомый орломъ на небо, юношеская фигура, сидящая на гиппогрифѣ (крылатомъ конѣ), амуры, переходящіе море на иппокампахъ (морскихъ коняхъ), или дельфинахъ. Всѣ эти четвероугольники раздѣлены канделябрями и окружены лентами разнаго цвѣта. Фризъ надъ карнизомъ изображаетъ двѣ виноградныя вѣтви, съ листьями, исходящими изъ тѣла амурчиковъ, которые держатся за ихъ верхушки обѣими руками; а карнизъ, очень выдающійся отъ стѣны, поддерживается покрытыми тончайшимъ слоемъ гипса глиняными атлантами или теламонами, посреди которыхъ находятся помѣщенія для сохраненія платья или простынь.

„Какой-то М. Нигидій Ваккула, можетъ быть братъ Нигидія Майя, главы колоніи, который, по случаю посвященія этихъ бань, далъ народу зрѣлище гладіаторскихъ игръ, снабдилъ тепидарій жаровней для его согрѣванія и тремя бронзовыми скамьями, которыя стояли кругомъ его. На нихъ вырѣзана надпись: M. Nigidius Vaccula p. s. (М. Нигидій Ваккула на свой счетъ).

„Въ Calidarium (горячей комнатѣ) стѣны голы и полъ не додѣланъ. Въ одномъ концѣ находится calida lavatio, т. е. большой мраморный желобъ со ступенькой при входѣ въ него и съ другой внутри для сидѣнья тамъ и съ двумя сточными отверстіями; съ другой стороны laconicum (потильня) гемисферической формы, съ круглымъ окномъ въ сводѣ, который былъ отдѣланъ штукатуркой и имѣлъ бронзовый модераторъ банной температуры. Тамъ находится мраморный labrum (бассейнъ для воды, которою спрыскивались), на краю котораго бронзовыми буквами написано (латинскую надпись опускаю) объ издержкѣ на него въ 5250 сестерціевъ (около 250 рублей), сдѣланной по опредѣленію декуріоновъ на общественныя деньги дуумвирами Гнеемъ Мелиссеемъ и Маркомъ Стайемъ, бывшими другой разъ въ должности въ четвертый годъ нашего лѣтосчисленія. Четыре окна освѣщали днемъ комнату, а ночью тамъ, между прочимъ, горѣлъ огонь въ томъ мѣстѣ для фонаря, которое находится поверхъ labrum.

„Дверь раздѣвальни, ведшая на дворъ или садъ, впускала въ корридоръ, который, выходя на сѣверную аллею сада, слѣва имѣлъ дру-

гую дверь. Она вела кривымъ путемъ къ латринѣ (отхожему мѣсту) и выходила на восточную улицу острова. Садъ былъ окруженъ портикомъ только съ трехъ сторонъ и имѣлъ съ сѣвера и запада аллеи покрытыя навѣсомъ, который поддерживался колоннами, а съ восточной стороны пилястрами, на верху которыхъ находится нѣсколько коморокъ, служившихъ, можетъ быть, обиталищемъ банной прислуги. На сѣверной аллеѣ находится у стѣны длинный выступъ (podium) или лавка, прерываемая входомъ въ oecus (крытая зала для публики), который углубляется къ сторонѣ тепидарія и служилъ, быть можетъ, для удовольствія тѣхъ, кто проводилъ въ этомъ мѣстѣ многіе часы дня. На западной сторонѣ (сада) другой выходъ, имѣющій въ сторонѣ болѣе обширную латрину.

„Одна дверь съ улицы вела къ печной комнатѣ и къ бассейнамъ или водохранилищамъ бани. Спустившись отъ нея по ступенькамъ входишь на площадку, съ правой стороны которой находится каменная лѣстница, съ лѣвой корридоръ, имѣющій сообщеніе съ раздѣвальней мужской бани, прямо жерло praefurnium'а (мѣсто, куда клались дрова банной печи), къ которому прилегаютъ другія лѣсенки, ведущія на верхъ печной комнаты, къ мѣсту паровиковъ и къ пiсцинѣ (главный бассейнъ въ банѣ), которая сохраняла воду, проведенную туда изъ другого водохранилища, болѣе обширнаго и находившагося въ смежномъ кварталѣ, при помощи проводовъ, поддерживавшихся аркой зданія, теперь развалившагося. Изъ этого мѣста, на которомъ находятся слѣды третьей лѣстницы, можно проникнуть однимъ проходомъ въ открытый дворъ, имѣющій входъ съ западной улицы, гдѣ двѣ боковыхъ дюжихъ колонны, по видимому, должны были поддерживать продолженіе водопровода, идущаго изъ сосѣдняго квартала. Здѣсь, сверхъ того, находятся ступени изъ мостового камня и коморка смежная съ входной дверью и занимавшаяся, быть можетъ, тѣмъ, у кого были ключи отъ двери".

На этомъ мы остановимся въ описаніи помпейскихъ бань, прилегавшихъ къ форуму. Находившіяся въ томъ же зданіи женскія бани были тѣснѣе и проще, но въ сущности представляютъ тоже, что и мужскія бани. Но вообще бани, построенныя въ Помпеяхъ близь форума, представляютъ собой нѣчто обыкновенное, не только не идущее въ сравненіе по громадности размѣровъ, по роскоши и удобствамъ съ римскими ѳермами Діоклетіана, Тита или Каракаллы, но значительно уступающее и старымъ помпейскимъ банямъ, принадлежавшимъ еще къ самнитской эпохѣ. Тамъ были и солнечные часы, которыми снабдилъ эти ѳермы квесторъ Марій Атиній на штрафныя деньги, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ осская надпись; тамъ была палестра для гимнастическихъ упражненій; тамъ двѣ особенныхъ залы съ мраморными полами были назначены для скобленія тѣла посредствомъ скребницы (strigilis) и для натиранія его масломъ и благовоніями;

тамъ было больше стѣнныхъ украшеній. Но за то значительная часть этихъ бань находится теперь въ разрушенномъ состояніи.

Отправляясь гулять по улицамъ Помпей отъ форума, мы заходили въ лавки и подробно осматривали бани. Теперь зайдемъ въ какой-нибудь домъ, чтобы видѣть, какъ жили тамъ люди средняго (достаточнаго) класса и посмотримъ на его устройство. Такого рода домовъ, описанныхъ Фіорелли, было въ 1875 году болѣе двухсотъ. Мы заходимъ въ первый, находящійся какъ разъ противъ описанныхъ нами бань съ сѣверной стороны домъ, носящій теперь названіе дома трагическаго поэта (casa del poeta tragicó).

Переступивши порогъ, мы находимся въ передней, гдѣ прежде находилась на полу изящная мозаика съ изображеніемъ лающей собаки на цѣпи и съ надписью: cave canem (остерегайся собаки)! Она теперь находится въ неаполитанскомъ музеѣ. Изъ этой передней мы вступаемъ прямо въ атрій тосканскаго стиля (tuscanicum). Атрій есть первая и необходимая часть всякаго древне-италъянскаго дома и въ древнѣйшихъ жилищахъ, можетъ быть, единственная комната. Тамъ въ старину былъ семейный очагъ (онъ же былъ и жертвенникъ, ara), на которомъ готовили пищу и приносили жертвоприношеніе тутъ же стоявшимъ домашнимъ богамъ; въ атріѣ стояла брачная постель, здѣсь хозяйка дома занималась работами съ своей прислугой, здѣсь принимали гостей и кліентовъ, здѣсь находились изображенія предковъ и здѣсь же стоялъ сундукъ съ деньгами. По мѣрѣ развитія потребностей и уклоненія отъ древнихъ нравовъ итальянскій домъ расширялся все болѣе и болѣе: явились отдѣльныя комнаты для разныхъ потребностей—для спанья, для кухни, для обѣда, для пріема гостей и даже для домашнихъ боговъ. Не смотря на это, атрій остался все-таки главной и существенной частью древне-итальянскаго дома. Атрій въ который мы вошли, имѣетъ вверху въ крышѣ квадратное отверстіе, которое называлось compluvium. Такъ оно называлось потому, что черезъ него собиралась дождевая вода въ бассейнъ, стоявшій противъ него на полу. Бассейнъ этотъ назывался impluvium. Въ домѣ трагическаго поэта онъ сдѣланъ изъ мрамора. Стѣны атрія этого дома были расписаны превосходной живописью, изображавшею Хризеиду и уводящаго ее Агамемнона, разставаніе Бризеиды съ Ахилломъ, свадьбу Юпитера и Юноны на горѣ Идѣ. Но эта живопись взята въ неаполитанскій музей, какъ и мозаика съ собакой. Остается на мѣстѣ лишь часть картины, гдѣ представленъ Нептунъ, ѣдущій на морскомъ конѣ, въ сопровожденіи Тритона и амурчика, который несетъ трезубецъ. По лѣвую сторону атрія двѣ спальни, одна съ боковой лѣстницей наверхъ, а другая, болѣе обширная, съ разной стѣнной живописью и фризомъ, изображающимъ битву амазонокъ, помпейскую Венеру и Амуровъ; за спальнями кладовая (apotheca), а на правой сторонѣ каморка привратника, спальня и боковое парадное помѣщеніе, закрывавшееся не дверью, а занавѣсомъ, ala (крыло). Обыкновенно

этихъ alae или этихъ крыльевъ было два, по одному на каждой изъ двухъ сторонъ атрія. За атріемъ прямо противъ входа находится tablinum, пріемная зала, на убранство которой всегда обращалось большое вниманіе. Полъ этой комнаты былъ покрытъ мозаикой, съ изображеніемъ декламирующаго подъ звуки флейты актера (отсюда новое названіе этого дома) и другихъ лицъ, приготовляющихся къ драматическому дѣйствію. Эта мозаика также находится теперь въ неаполитанскомъ музеѣ. Правая сторона tablinum была украшена фресками, изображающими въ серединѣ сидящихъ Адмета и Альцесту, а по бокамъ Викторію и летящихъ амуровъ. Изъ таблина черезъ oecus, крытую залу, мы проходимъ въ открытую, окруженную семью колоннами. Это—перистиль, главная часть второй половины дома, назначавшейся для внутренняго употребленія, т. е. для хозяина и его семейства. Въ домѣ трагическаго поэта портикъ окружаетъ небольшой садъ, носящій названіе ксиста (xystus), который обыкновенно былъ другимъ садомъ, отдѣльнымъ отъ перистиля. Въ концѣ этого ксиста находится комната для домашнихъ боговъ, lararium, божница. Портикъ былъ разукрашенъ превосходною живописью, изображающею приношеніе въ жертву Ифигеніи и взятою въ Неаполь. Это одно изъ лучшихъ изображеній, представляемыхъ намъ сохранившимися помпейскими фресками. По правую сторону портика находится входъ въ него изъ внутреннихъ комнатъ: изъ одной комнаты для прислуги кухни, и триклинія, т. е. столовой залы. Стѣны этой залы расписаны фресками, представляющими между прочимъ Венеру съ гнѣздомъ амуровъ, Аріадну, покинутую Өезеемъ и сцену, относящуюся къ миөу о Діанѣ. По противоположную сторону портика находятся двѣ комнаты для прислуги, расписанныхъ также живописью, изображающею въ первой изъ нихъ Аріадну, смотрящую на корабль Өезея, Венеру, ловящую рыбу, Нарцисса и амуровъ, во второй—виды зданій, четвероногихъ животныхъ и висящія на верху сценическія маски. За этими комнатами находился posticum, т. е. задній ходъ съ необходимыми для дома пристройками.

Домъ трагическаго поэта представляетъ собой обыкновенный обывательскій домъ средняго размѣра и средней роскоши. Болѣе обширное и роскошное помѣщеніе занималъ, по сосѣдству съ нимъ въ своемъ большомъ домѣ Гней Аллей Нигидій Май. Домъ этотъ, извѣстный въ путеводителяхъ подъ именемъ дома Пансы, имѣлъ небольшую переднюю, которая вела въ атрій съ бассейномъ посрединѣ для сбора дождевой воды, падавшей чрезъ отверстіе въ крышѣ, и съ тремя спальнями, равно какъ съ однимъ крыломъ по правую и по лѣвую сторону. Затѣмъ слѣдовалъ небольшой корридоръ, между которымъ съ одной стороны и комнатой съ окномъ съ другой—былъ расположенъ tablinum (пріемная зала); изъ этой комнаты былъ выходъ въ садъ, окруженный перистилемъ и содержавшій въ себѣ сверхъ цвѣтовъ и другихъ растеній писцину, резервуаръ для воды, большій

по размѣрамъ, чѣмъ бассейнъ въ атріѣ. Съ одной стороны его находился секретный выходъ изъ дома, черезъ который хозяинъ спасался отъ докучливыхъ посѣтителей, лѣсенка, ведшая въ верхніе покои, и обширная столовая (триклиній) съ комнатой для провизіи; съ другой стороны расположены три комнаты съ превосходной живописью, изображающею Данаю съ золотымъ дождемъ и Нимфу съ урной, изъ которой бѣжитъ вода. Затѣмъ слѣдуетъ кухня съ очагомъ и съ изображеніями на стѣнѣ Ларовъ, змѣй, домашняго генія, приносящаго жертвоприношеніе и обставленнаго разными явствами. Тутъ мы видимъ изображенія колбасы, свинячей головы, зайца, дроздовъ, рыбы и другихъ съѣдомыхъ предметовъ. Затѣмъ конюшня, отхожее мѣсто и дверь, ведшая въ помѣщеніе для повозокъ. Прямо противъ сада была exedra, зала для общественнаго времяпрепровожденія, соотвѣтствующаго нашей гостиной или такъ сказать диванной комнатѣ; рядомъ съ нею другая комната, въ которой Фіорелли предполагаетъ tabularium (архивъ); съ противоположной стороны былъ корридоръ, который велъ въ мѣсто для прогулки (ambulacrum), надъ которымъ возвышалась открытая терраса, называемая solarium (отъ sol, солнце) и въ садъ, гдѣ находился резервуаръ для воды и деревенская лачужка для садовника.

Блуждая по улицамъ Помпей и заходя въ разные дома, въ которыхъ жили ихъ хозяева, мы находимъ ихъ въ общемъ также похожими одинъ на другой, какъ похоже внутреннее устройство и въ нашихъ современныхъ домахъ большихъ и малыхъ. Какъ у насъ въ каждомъ зажиточномъ домѣ или, если дѣло касается большихъ городовъ, въ каждой квартирѣ, занимаемой людьми съ сколько-нибудь достаточными средствами, есть прихожая, зало съ гостиной или одно только зало и одна гостиная, столовая, кабинетъ и спальня, съ прибавленіемъ или безъ прибавленія другихъ комнатъ не существеннаго значенія, такъ точно и въ Помпеяхъ мы всюду видимъ маленькую переднюю (prothyron или vestibulum), за нимъ atrium, освѣщаемый сверху отверстіемъ, черезъ которое стекала въ находящійся подъ нимъ бассейнъ дождевая вода, съ галлереей, по двумъ бокамъ которой шли небольшія комнаты, получавшіе освѣщеніе отъ атрія, затѣмъ шелъ tablinum, парадная зала для пріема гостей, соотвѣтствовавшая нашей залѣ. Это была первая часть дома, предназначенная для пріема посѣтителей. Далѣе шли комнаты, назначаемыя прямо для семейныхъ удобствъ и потребностей: садъ, окруженный перистилемъ съ бассейномъ для воды, столовая, кухня, спальни, кладовыя, помѣщенія для рабовъ, для которыхъ также по преимуществу служилъ верхній этажъ дома. Другія части какъ oecus, xystus, exedra, tabularium и т. п. не были существенны. Такого рода помѣщенія для порядочныхъ семействъ въ Помпеяхъ обыкновенно не имѣютъ оконъ на улицу, а если имѣютъ, то только въ верхнихъ этажахъ, которые мы видимъ теперь (если только видимъ) въ разрушенномъ состояніи.

Ясно, что въ древнихъ итальянскихъ городахъ, какъ и теперь въ мусульманскихъ странахъ на востокѣ и въ Африкѣ, не любили показывать постороннимъ своей внутренней жизни и потому заботились объ освѣщеніи своихъ жилищъ извнутри, а не снаружи. Ихъ вполнѣ удовлетворяли въ этомъ случаѣ внутренніе дворы, изъ которыхъ одинъ (атрій) служилъ для передней половины дома, а другой (садъ съ перистилемъ) для половины семейной. При тепломъ климатѣ, при привычкѣ жить подъ открытымъ небомъ и на свѣжемъ воздухѣ, имъ было какъ нельзя удобнѣе проводить время въ своихъ внутреннихъ садахъ и въ тоже время держать открытыми двери въ свои внутреннія комнаты, куда не проникалъ глазъ посторонняго посѣтителя. Вотъ объясненіе того явленія, которое поражаетъ новаго человѣка, въ особенности сѣвернаго, когда онъ, гуляя по помпейскимъ улицамъ и заходя въ дома, видитъ въ нихъ такъ мало оконъ и притомъ очень узкихъ и пропускающихъ свѣтъ чрезъ рѣшетки въ совершенно недостаточной по нашимъ понятіямъ степени. Позднее открытіе или, лучше, проникновеніе въ Италію стекла играетъ, разумѣется, при такомъ устройствѣ домовъ очень важную роль, но и вкусъ къ замкнутости домашней жизни, какою отличалась древность и которая теперь еще сохраняетъ свою силу на востокѣ, не любящемъ строить дома фасадами на улицу, имѣетъ также огромное значеніе въ объясненіи архитектурнаго устройства частныхъ помпейскихъ зданій [1]).

Рядомъ съ особеннымъ устройствомъ жилищъ въ Помпеяхъ останавливаетъ на себѣ вниманіе всякаго туриста необыкновенное развитіе стѣнной живописи. Кажется, нѣтъ дома, внутреннія стѣны котораго не были бы разукрашены живописью al fresco. И это тѣмъ поразительнѣе, что предстоящій нашимъ глазамъ древній городъ за шестнадцать лѣтъ до своей окончательной гибели былъ разрушенъ землетрясеніемъ. Какъ же велика должна была быть у жителей Помпей потребность въ художественной декораціи своихъ жилищъ, когда они, обстраиваясь послѣ катастрофы 63 года по Р. Х., не могли оставаться безъ украшенія стѣнъ своихъ жилищъ даже короткое время! Какъ же велика должна была быть масса художниковъ, которыми могъ располагать городъ, если онъ въ такое короткое время могъ украситься столькими произведеніями стѣнной живописи! Художники эти, очевидно, не могли принадлежать въ своемъ большинствѣ разоренному городу, а прибыли со стороны, привлекаемые хорошимъ заработкомъ въ городѣ, гдѣ наслажденіе искусствомъ, какъ имъ было извѣстно, сдѣлалось предметомъ домашней необходимости. Насъ пора-

[1]) Для желающихъ ближе познакомиться со всѣмъ тѣмъ, что касается помпейскихъ построекъ, какъ по отношенію къ архитектурѣ ихъ, такъ и по отношенію къ строительному материалу, употреблявшемуся въ разныя эпохи города, считаемъ нелишнимъ указать на превосходное сочиненіе Ниссена: Pompejanische Studien zur Städtekunde des Alterthums. Leipzig, 1877.

жаетъ это разнообразіе сюжетовъ, это безконечное обиліе формъ, эта, наконецъ, твердость исполненія, показывающія, что художники эти были мастера своего дѣла, а совершеніе всѣхъ этихъ работъ въ сравнительно короткое время свидѣтельствуетъ, что они работали скоро и смѣло, рукой твердой и необыкновенно привыкшей къ владѣнію кистью. Огромное большинство изображеній принадлежитъ къ миру боговъ и героевъ, къ сценамъ миѳологическимъ. Ясное дѣло, что изобрѣтеніе такого количества сюжетовъ живописи, требующихъ знанія миѳологіи, не было дѣломъ художниковъ, разукрасившихъ помпейскія стѣны. Очевидно, что они работали по готовымъ моделямъ, нѣсколько приноровляясь къ обстоятельствамъ и новымъ условіямъ мѣста и времени. Моделями этими были для нихъ, какъ это теперь достаточно выяснено г. Гельбигомъ [1]), по преимуществу наиболѣе замѣчательныя произведенія искусства, процвѣтавшаго при дворахъ наслѣдниковъ Александра Великаго, особенно въ Александріи. Исторія римской литературы хорошо знаетъ, какое большое вліяніе обнаруживала александрійская литература на Римъ послѣдняго времени республики и вѣка Августа. Катуллъ, Проперцій, Овидій, даже Виргилій служатъ живымъ доказательствомъ силы и значенія этого вліянія. Теперь мы видимъ, какъ широко была распространена въ Италіи александрійская живопись и какъ мало могли противопоставить ей мѣстные художники національнаго. Сюжетовъ римской миѳологіи или исторіи въ помпейскихъ фрескахъ почти не существуетъ. Декораторы помпейскихъ домовъ словно не знаютъ ни великихъ событій исторіи Рима, ни его литературы, чтобы почерпать оттуда содержаніе для своихъ изображеній. Оно и понятно. Тутъ, т. е. въ области собственно римскаго искуства, для нихъ не было образцовъ или было очень мало, а художники, нахлынувшіе въ Помпеи для стѣнной живописи, не были обязаны ломать голову надъ новыми сюжетами, когда у нихъ готовыхъ было въ изобиліи. Такимъ образомъ выходитъ, что въ то время какъ изящная римская литература, не смотря на всю свою зависимость отъ греческой, успѣла во многихъ отношеніяхъ стать на національную дорогу, искусство въ Италіи продолжало оставаться греческимъ или греко-подражательнымъ. Болѣе нагляднаго доказательства, чѣмъ помпейскія фрески, въ этомъ случаѣ искать нечего.

Миѳологическіе сюжеты, въ большей части образцовъ помпейской стѣнной живописи, какъ это было въ характерѣ александрійскаго искусства, были по преимуществу эротическаго характера. Юпитеръ является обольстителемъ, то Данаи, то Іо, то Леды, то похитителемъ Ганимеда; Венера находится въ любовныхъ отношеніяхъ то съ Марсомъ, то съ Адонисомъ; Аполлонъ гоняется за Дафной. Нечего и говорить о Діонисѣ, о сатирахъ съ вакханками, силенахъ, амурахъ въ

[1]) Untersuchungen über die Campanische Wandmalerei. Leipzig. 1873.—Его-же: Wandgemälde der vom Vesuv verschütteten Städte Campaniens. L. 1868.

разныхъ положеніяхъ, нимфахъ и тому подобныхъ безсмертныхъ существахъ, съ именами которыхъ соединяется понятіе о любви и чувственныхъ наслажденіяхъ. Подобный характеръ живописи, широко развившійся въ Александріи, гдѣ такъ любили заниматься фривольной стороной миѳологіи, вполнѣ отвѣчалъ вкусамъ кампанскаго населенія веселаго и распущеннаго, изнѣженнаго и чувственнаго. Но кромѣ картинъ изъ исторіи жизни боговъ и героевъ, житель Помпей любилъ также услаждать свой взоръ предметами животной и растительной природы, сценами обыденной жизни римско-кампанскаго жанра, каковы праздпества, забавы, хозяйственныя занятія, сцены на городской площади, занятія купцовъ, ремесленниковъ, носильщиковъ, канатныхъ плясуновъ, трактирная жизнь, картины разврата (въ лупанарахъ), сцены, относящіяся къ зрѣлищамъ, охотѣ и т. п. Рядомъ съ этимъ реалистическимъ жанромъ, воспроизводящимъ намъ мѣстную жизнь Кампаніи, встрѣчается не мало картинъ болѣе идеальнаго, греко-александрійскаго жанра, встрѣчаются также каррикатуры, ландшафты, морскіе виды. Все это изображенія интересныя и важныя для ближайшаго знакомства съ разными сторонами жизни классической древности. На нихъ обращаетъ особенное вниманіе посѣтитель неаполитанскаго музея, зашедши въ отдѣленіе помпейской стѣнной живописи и знакомящійся такимъ образомъ съ Помпеями еще раньше посѣщенія этого города. Особенно интересенъ разрядъ картинъ съ изображеніями домашнихъ животныхъ, мѣстныхъ плодовъ, мясной, рыбной и растительной пищи, мебели, сосудовъ, кухонныхъ принадлежностей и всей житейской обстановки. Все это вводитъ насъ въ древнюю жизнь до того близко, до того непосредственно, что, кажется, годы кабинетныхъ занятій не могли бы намъ дать и приблизительно такого яснаго о ней понятія, какъ нѣсколько дней, проведенныхъ въ неаполитанскомъ музеѣ и въ полуразрушенныхъ зданіяхъ предстоящаго нашимъ глазамъ города древней Кампаніи.

Но будемъ продолжать нашу прогулку по помпейскимъ улицамъ: зайдемъ на фабрику, въ мастерскую, въ гостинницу, въ мѣста общественныхъ развлеченій, посмотримъ на надписи, которыхъ такъ много на внѣшней и внутренней сторонѣ зданій и которыя такъ много говорятъ намъ о городскихъ интересахъ, о вкусахъ, забавахъ и времяпрепровожденіи жителей небольшого города въ древности.

Кампанія была страной, гдѣ было особенно развито суконное производство. Валяльщики суконъ (fullones)—обыкновенный типъ народной римской комедіи, Ателланъ, происходящей изъ Кампаніи и изображавшей по преимуществу смѣшную сторону нравовъ этой мѣстности. По этому намъ всего естественнѣе зайти на суконную фабрику или въ мастерскую, гдѣ сукна моются и красятся, чѣмъ напр. въ пекарню или на фабрику, гдѣ вырабатывались краски, мыло или глиняныя издѣлія. Къ тому же подлѣ дома Пансы, изъ котораго мы только-что вышли, но только въ другомъ кварталѣ, тамъ, гдѣ домъ

трагическаго поэта, и находится одна изъ старыхъ мастерскихъ суконнаго дѣла (Fullonica). Въ ней сукна не выдѣлывались, а мылись, красились и поправлялись. Ворота этого дома вели въ корридоръ, съ лѣвой стороны котораго находится комната привратника, который принималъ приносимыя въ мастерскую ткани и выдавалъ ихъ обратно, а немного впереди ея маленькая кладовая, гдѣ приносимое и возвращаемое платье складывалось. Корридоръ ведетъ во дворъ, среди котораго находится большое открытое пространство для развѣшиванія на солнцѣ вымытыхъ суконъ, съ желобомъ для воды, стекавшей кругомъ съ крыши. Дворъ окруженъ двѣнадцатью пилястрами, кругомъ которыхъ расположены комнаты для рабочихъ и для разныхъ потребностей мастерской. Съ восточной стороны портика находилась пріемная зала, tablinum, съ мозаичнымъ поломъ и съ живописью по стѣнамъ, изображающею Адониса съ Венерой и Амуромъ, Өезея, смотрящаго на убитаго имъ Минотавра и еще что-то, достаточно попорченное. По бокамъ таблина двѣ спальни, по южную сторону портика—большая зала, служившая между прочимъ столовою; затѣмъ еще двѣ комнаты съ передними, лѣстница, ведшая на верхній этажъ, кухня съ большой печью, комната для провизіи, еще двѣ комнаты и одна для сторожа задняго хода. Подъ западнымъ портикомъ находились бассейны для моченія суконъ и мѣста для ихъ мойки. Подъ сѣвернымъ портикомъ находятся ниши для бронзовыхъ раковинъ, позади которыхъ валяльщики суконъ топтали сукна; затѣмъ опять мѣсто для мытья суконъ, комната для прессованія ихъ и, наконецъ, шкафъ для храненія уже вычищеннаго платья, или матерьи, которыя надобно было возвратить ихъ хозяевамъ. Къ этому нужно прибавить, что между двумя пилястрами восточнаго портика находится фонтанъ съ мраморнымъ бассейномъ. На одномъ изъ прилегающихъ къ нему пилястровъ находились изображенія Венеры покровительницы помпейцевъ и разныя занятія, входящія въ кругъ ремесла суконщиковъ. Эти изображенія находятся теперь въ неаполитанскомъ музеѣ. Подлѣ этой мастерской находится небольшой домикъ, имѣющій съ ней сообщеніе и служившій, по видимому, жилищемъ для хозяина заведенія.

Гуляя по помпейскимъ улицамъ, заходя то въ частный домъ, то въ лавку, то въ мастерскую, то въ харчевню, мы вдругъ видимъ близь старыхъ бань домъ съ двумя воротами, раздѣленными пилястромъ, на которомъ изображенъ слонъ, обвитый большимъ змѣемъ и стерегомый карликомъ. Подъ этимъ изображеніемъ двѣ надписи, изъ которыхъ одна говоритъ, что изображеніе этого слона возстановилъ Ситтій, а другая прямо указываетъ на значеніе этого дома. По русски она будетъ значить: Гостиница. Здѣсь отдается въ наймы триклиній съ тремя софами и другими удобствами. Мы входимъ сзади изъ дверей и видимъ комнату, раздѣленную стѣной съ большимъ окномъ, за которой и находились три софы триклинія, а въ переднемъ отдѣленіи широкій, отдѣланный мраморомъ подій (родъ

выступающей изъ стѣны платформы), на которомъ очагъ для кушаньевъ и углубленіе для помѣщенія кассы, куда клались деньги, собираемыя съ посѣтителей триклинія. Это гостинница для приходящихъ обѣдать, а не для пріѣзжающихъ изъ другихъ мѣстъ; это слѣдовательно ресторанъ, трактиръ, а не гостинница въ строгомъ смыслѣ (hôtel). Двѣ комнаты въ другомъ ея отдѣленіи можетъ быть и указываютъ на то, что здѣсь можно было ночевать или отдохнуть. Но гостинницы для пріѣзжихъ находились въ Помпеяхъ обыкновенно по окраинамъ города по близости къ городскимъ воротамъ или даже за городомъ. Такова гостинница Гермета подлѣ porta Stabiana, таковы гостинницы подлѣ воротъ Геркуланскихъ и подлѣ porta Marina, гостинница за городомъ за Геркуланскими воротами. Это—гостинницы въ собственномъ смыслѣ, или скорѣе постоялые дворы для крестьянъ, пріѣзжавшихъ въ городъ съ провизіей и вообще людей неважныхъ и небогатыхъ. Тамъ, кромѣ комнатъ для спанья и обѣда, находились и конюшни для лошадей,ословъ и муловъ и сараи для повозокъ, и колодцы, и водопой. Въ комнатахъ для спанья попадаются надписи, слѣды проводившихъ здѣсь ночи посѣтителей. Такъ одинъ изъ нихъ жалуется на то, что ему пришлось провести ночь въ мечтахъ по отсутствующей подругѣ.

Помпеи былъ небольшой городъ, и при томъ часть, вырытая изъ подъ пепла и лавы не составляетъ и половины всего города, засыпаннаго Везувіемъ. Между тѣмъ изъ того, что отрыто, видно, какъ велика была у помпейцевъ страсть къ удовольствіямъ. Передъ нами два театра, малый театръ крытый и большой, на пять тысячъ зрителей, открытый и сверхъ того огромный амфитеатръ на двадцать тысячъ (по Фіорелли только на 12,800 слишкомъ) зрителей. Нельзя намъ не зайти и въ эти мѣста общественныхъ удовольствій, которымъ жители Помпей предавались со страстью и увлеченіемъ. Увлеченіе это доходило до того, что даже, по словамъ Діона Кассія, народъ сидѣлъ въ театрѣ въ то время, какъ для Помпей насталъ уже послѣдній часъ существованія. Знаменательно также въ этомъ отношеніи передаваемое Тацитомъ извѣстіе о страшномъ побоищѣ, происшедшемъ, во время гладіаторскаго боя въ амфитеатрѣ, между помпейцами и принявшими въ зрѣлищѣ участіе нукерійцами. Дѣло, начавшееся съ простой брани, дошло до бросанья каменьями и дѣйствія оружіемъ и не мало нукерійцевъ было привезено домой мертвыми. Событіе это произошло за четыре года до землетрясенія, разрушившаго Помпеи въ 63 г. по Р. Х. Нукерійцы отправились въ Римъ съ жалобами. Неронъ предоставилъ произнести судъ по этому кровавому дѣлу консуламъ, а консулы внесли его на разсмотрѣніе сената. Сенатъ не нашелъ болѣе тяжкаго наказанія для помпейцевъ, какъ запрещеніе имъ въ теченіе десяти лѣтъ давать представленія въ амфитеатрѣ. Впрочемъ страсть къ амфитеатру, т. е. къ кровавому зрѣлищу боевъ гладіаторскихъ, въ Помпеяхъ была, по видимому, не очень давняго

происхожденія. Она была принесена къ нимъ или, лучше, усилена римскими колонистами. Тогда-то начата была и постройка амфитеатра, окончившаяся незадолго до начала христіанскаго лѣтосчисленія. Зайдемъ однако на минуту въ эти мѣста общественныхъ увеселеній, до которыхъ помпейцы были такіе большіе охотники, о чемъ свидѣтельствуютъ и сохранившіяся на стѣнахъ театральныхъ зданій надписи.

Мѣсто, гдѣ мы видимъ большой и малый театры, находится въ южной части города, неподалеку отъ porta Stabiana. Центральный пунктъ его составляетъ трехъугольный форумъ, окруженный портикомъ въ сто колоннъ дорическаго стиля, составляющихъ одно изъ роскошныхъ сооруженій доримскаго періода помпейской исторіи. Эта наиболѣе возвышенная часть Помпей была особенно богата общественными памятниками. Тутъ находился построенный въ отдаленнѣйшую эпоху греческій храмъ (какъ думаетъ Фіорелли, Геркулеса), тутъ стоитъ храмъ Изиды, тутъ находилась гладіаторская школа, тутъ же помѣстились и два театра. Театры эти обращаютъ на себя, между прочимъ, тѣмъ вниманіе, что представляютъ собой новое доказательство ранняго разцвѣта греческой культуры въ этимъ мѣстахъ сравнительно съ Римомъ, столицей Италіи. Постройка городскою помпейскою думой малаго театра, Одюона, по греческому образцу началось двадцатью годами раньше, чѣмъ пришли къ мысли о постройкѣ каменнаго театра въ Римѣ. Но малый театръ, имѣвшій помѣщеніе только для полуторыхъ тысячъ зрителей, не былъ первымъ каменнымъ театромъ въ Помпеяхъ. Все заставляетъ думать, что этому закрытому театру предшествовала постройка большого, открытаго. Разныя историческія и архитектурныя соображенія Ниссена не оставляютъ въ этомъ случаѣ почти никакого сомнѣнія. Надписи свидѣтельствуютъ однако, что большой театръ, какъ мы видимъ его теперь, обязанъ своимъ сооруженіемъ архитектору временъ Августа М. Арторію Приму и щедрости семейства Голькопіевъ, и онъ дѣйствительно имѣетъ на первый взглядъ новый архитектурный видъ, сравнительно съ малымъ. Но постройка эта, принадлежащая времени Августа, была, какъ все заставляетъ думать, только перестройкой. Какъ бы то ни было, внутренній видъ этого театра такой: оркестра, позади которой сцена, гдѣ видно мѣсто для занавѣсы, и postscenium (кулисы). Посреди оркестры мѣсто для ѳимелы или небольшой жертвенникъ для жертвоприношеній. Отъ postscenium'а выходъ въ садъ, съ восточной стороны котораго находится большая комната, служившая для приготовленій, касающихся спектакля. Для зрителей устроены три отдѣленія, изъ которыхъ первому, нижнему, принадлежатъ четыре ряда сѣдалищъ, занимавшихся наиболѣе важными лицами, второму, среднему, двадцать рядовъ ступеней и третьему четыре ряда. Кромѣ того двѣ трибуны для должностныхъ лицъ. Въ маломъ театрѣ тоже оркестръ, съ мраморнымъ поломъ, устроеннымъ, какъ гласитъ надпись, М. Окула-

тіемъ Веромъ, сцена и postscenium и полукругомъ ступени для зрителей, первый разрядъ которыхъ, отличается отъ второго шириною, такъ какъ на нихъ ставились кресла для важныхъ персонъ города. Въ этомъ театрѣ мѣста устроены такъ, что сидѣвшій на верхней ступени какого-либо ряда не могъ безпокоить ногами сидѣвшаго ниже.

Амфитеатръ находится далеко отъ театровъ. Между нимъ и оконечностью отрытой части города у Стабіанскихъ воротъ лежитъ разстояніе въ 400 метровъ или въ нашу версту. Путь къ нему идетъ по покоящимся еще подъ пепломъ помпейскимъ улицамъ, надъ которыми въ настоящее время разстилаются обработанныя поля. Въ былое время зданіе это было обсажено деревьями, между которыми были раскинуты палатки для продажи яствъ и напитковъ, какъ это видно изъ находящагося на стѣнѣ одного дома изображенія его въ моментъ драки помпейцевъ съ нукерійцами [1]). Главный входъ въ амфитеатръ съ сѣверной стороны. Въ корридорѣ, черезъ который мы входимъ на арену находятся двѣ ниши. Въ нихъ стояли мраморныя статуи двухъ популярныхъ въ Помпеяхъ дуумвировъ Пансы отца и Пансы сына, какъ объ этомъ гласятъ надписи подъ этими статуями. По правую и по лѣвую сторону три разряда помѣщеній для зрителей. Нижняя ступенька отдѣлялась отъ арены, на которой происходилъ бой звѣрей и гладіаторовъ, рѣшеткой или перилами. Въ правой сторонѣ этихъ перилъ есть дверька, черезъ которую вытаскивали съ арены крюкомъ убитыхъ людей и животныхъ. Зданіе, на аренѣ котораго столько пролито крови людей и животныхъ, имѣетъ видъ мрачный и не располагаетъ посѣтителя къ внимательному его осмотру. На стѣнахъ амфитеатра, какъ и театровъ, находится не мало всякаго рода надписей, которыми развлекались помпейцы въ ожиданіи представленія.

Надписи представляютъ собой интереснѣйшій памятникъ жизни осматриваемаго нами древняго города. Мы ходимъ по улицамъ и площадямъ, осматриваемъ частныя и общественныя зданія видимъ какъ тутъ люди жили, въ какихъ комнатахъ принимали гостей, въ какихъ проводили день сами и гдѣ спали ночью, гдѣ они собирались толковать о дѣлахъ своего города, куда ходили веселиться и проч., но самихъ людей мы до сихъ поръ не видѣли, ни съ кѣмъ изъ жителей не говорили, ихъ чувствъ и желаній, ихъ радости и горя нигдѣ не

[1]) Читатель, быть можетъ, не безъ удивленія встрѣчаетъ въ моемъ правописаніи **Нукерія** вмѣсто обычнаго **Нуцерія**. По этому не будетъ лишнимъ замѣтить, что усвоенное нами отъ нѣмцевъ, сначала черезъ посредство поляковъ, и употребляемое въ нашихъ школахъ произношеніе латинскаго С (передъ e и i), какъ русскаго ц не имѣетъ никакого основанія. Трудно теперь бороться противъ этого недостатка; но желательно было бы не дѣлать этой ошибки по крайней мѣрѣ въ собственныхъ именахъ, что не представляетъ никакого неудобства по отношенію къ именамъ, рѣдко употребляемымъ.

замѣчали. Улицы и площади, внѣшній видъ зданій, внутреннее убранство комнатъ, предметы домашней утвари, приспособленія къ разнымъ житейскимъ потребностямъ и удобствамъ говорятъ намъ многое о помыслахъ и заботахъ жителей, объ ихъ богатствѣ и бѣдности, о степени ихъ образованности въ разные періоды жизни города, вкусахъ, привычкахъ и наклонностяхъ поколѣнія, застигнутаго въ расплохъ страшнымъ изверженіемъ Везувія; но всего этого было бы не достаточно для полнаго удовлетворенія нашего любопытства. Намъ хотѣлось бы заглянуть еще ближе въ этотъ отжившій міръ, войти, если это возможно, въ непосредственное соприкосновеніе съ людьми, которые жили въ пустынномъ теперь городѣ, для которыхъ построены были эти дома, храмы, театры и проч.; намъ хотѣлось бы хоть на минуту видѣть этотъ городъ съ его населеніемъ, бродящимъ по улицамъ, совершающимъ свои общественныя обязанности, видѣть самихъ жителей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, видѣть, какъ отдѣльныя лица, принадлежащія къ разнымъ общественнымъ классамъ, говорятъ, чувствуютъ и дѣйствуютъ. Какъ ни капризно наше желаніе по отношенію къ городу, тысяча восемьсотъ одинъ годъ тому назадъ покончившему свое существованіе, но оно до нѣкоторой степени исполнимо. Стоитъ только взглянуть на нѣсколько тысячъ надписей, оставленныхъ намъ на внѣшнихъ и внутреннихъ стѣнахъ помпейскихъ зданій, и мы становимся прямо лицомъ къ лицу съ покинувшимъ эти зданія населеніемъ.

Вотъ цѣлый рядъ писанныхъ на стѣнахъ красной или черной краской объявленій или афишъ, содержащихъ въ себѣ рекомендаціи разныхъ кандидатовъ на общественныя должности. Въ афишахъ этихъ мы видимъ не только имена предложенныхъ кандидатовъ на должности дуумвира или эдила, какъ Куспія Пансу, С. Юлія Поливія, Светтія Церта, Церриніа Ватію, Г. Саллустія, А. Веттія Фирма, П. Паквія Прокула, но и часто самихъ лицъ, которыя хлопочутъ о ихъ выборѣ. Въ одномъ мѣстѣ предложеніе въ кандидаты дѣлаетъ Флоръ съ Фруктомъ, тамъ Фабій Эвпоръ, глава вольноотпущенниковъ, здѣсь Яринъ, признаваемый мною за лицо славянскаго происхожденія, тамъ Лициній Римлянинъ и. т. д. Вотъ вмѣшиваются въ выборы женщины: Капразія заявляетъ о Веттіѣ Фирмѣ, Сагаста предлагаетъ Модеста. Вотъ цѣлыя товарищества или корпораціи предлагаютъ какого либо кандидата въ общественное управленіе: содержатели или погонщики муловъ, плотники, золотыхъ дѣлъ мастера, зеленщики, брадобрѣи, служители Изиды и др. Изъ этихъ же афишъ мы узнаемъ объ ассоціаціяхъ довольно страннаго рода: Таковы товарищества мазуриковъ (furunculi), ночныхъ пьяницъ (seribibi, т. е. пьющіе до поздней ночи), сонь (dormientes). А вотъ афиши другого рода. Приглашаютъ публику въ амфитеатръ. Въ одной изъ афишъ представленіе назначается на 4 іюля и при этомъ сообщается, что оно не будетъ отсрочено не смотря ни на какую погоду, что будетъ тамъ между прочимъ охота

на дикихъ звѣрей и амфитеатръ будетъ покрытъ тентомъ (для защиты отъ солнца или дождя). Его даетъ Аллей Нигидій Май. Вотъ другое объявленіе, сдѣланное, какъ и предыдущее, на стѣнѣ большого театра, приглашаетъ публику на бой гладіаторовъ въ амфитеатрѣ, который долженъ произойти 28 марта. Дастъ представленіе Д. Лукретій. А вотъ два объявленія говорятъ о представленіи въ амфитеатрѣ, назначенномъ на 31 мая, которое дастъ народу А. Светтій Цертъ. Все это даютъ на свой счетъ представленіе люди, ищущіе популярности въ народѣ или благодарящіе его за избраніе въ ту или другую общественную должность. Вотъ объявленія о квартирахъ, о помѣщеніяхъ въ гостинницахъ, „со всѣми удобствами".

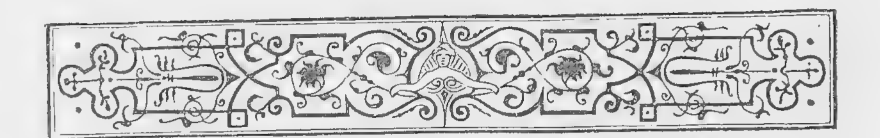
Но есть надписи другого характера, которыя вводятъ насъ въ болѣе интимную жизнь помпейскаго населенія. Это надписи, начертанныя на стѣнахъ какимъ-либо острымъ орудіемъ. Вотъ кто-то, должно быть путеоланецъ по происхожденію, зашедши въ веселый домъ, привѣтствуетъ тамъ на стѣнѣ своихъ земляковъ (Puteolanis feliciter!). Тамъ же впрочемъ высказывается пожеланіе счастья и всѣмъ нукерийцамъ и помпейцамъ. Вотъ въ другомъ мѣстѣ какой-то Зосимъ посылаетъ привѣтъ своей подругѣ Викторіи и проситъ ее не покидать его. Кто-то на зданіи Базилики вздумалъ осрамить какую-то Луцилію, говоря, что она „торговала своимъ тѣломъ". А сколько шалуновъ нацарапали на общественныхъ зданіяхъ заявленіе о своемъ интимномъ сношеніи съ разными женщинами! При этомъ встрѣчаются такія подробности, о которыхъ намъ нѣтъ возможности говорить съ читателями даже и намеками. Въ особенности выраженія писавшихъ на стѣнахъ безцеремонны, когда рѣчь идетъ о публичныхъ женщинахъ, какой-то Фортунатѣ, Муртисъ, Нимфѣ и т. п., или о мущинахъ, извѣстныхъ неестественнымъ развратомъ. Подобными откровенностями не только богаты лупанары, гдѣ онѣ до нѣкоторой степени у мѣста, но и общественныя зданія, какъ Базилика. Надписи безнравственнаго или, лучше, грязнаго содержанія встрѣчаются не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, которые изъ дошедшихъ поэтовъ намъ неизвѣстны. Но попадаются также нацарапанными стихи, прямо взятые изъ модныхъ поэтовъ; въ этомъ случаѣ особенно посчастливилось Овидію. Чертить на стѣнахъ острымъ орудіемъ было въ Помпеяхъ, какъ видно по всему, въ большомъ употребленіи, такъ какъ мы видимъ тутъ не только изліянія чувства или выходки остроумія, но иногда просто писаніе ради самаго процесса этого дѣла. Ни для чего другого, какъ для процесса писанія начертаны были на задней стѣнѣ одной лавки начальныя слова перваго стиха Энеиды. Естественно думать, что это дѣло школьника, недавно вытвердившаго начало поэмы Виргилія. Иногда множество всевозможныхъ надписей на стѣнѣ какого-либо общественнаго зданія поражало самихъ помпейцевъ и вызывало остроумныя замѣтки со стороны тѣхъ, кто поражался этимъ обиліемъ примѣровъ чистописанія. Такъ на стѣнахъ Базилики, большого театра

и амфитеатра встрѣчается двустишіе, которое по русски будетъ значить: „Удивляюсь, стѣна, какъ ты не обрушилась, поддерживая столько скучныхъ писаній“! Иногда написанные стихи возбуждали каламбуры такого рода: „пусть никогда не будетъ здоровъ тотъ, кто написалъ выше“. Къ этой шуткѣ новая рука прибавляетъ замѣчаніе: „правду говоришь“.

Надписи эти, какъ видитъ читатель, необыкновенно приближаютъ насъ къ эпохѣ, когда Помпеи были не мертвымъ городомъ, а кипѣли жизнію бойкаго и веселаго населенія. Читая писанныя краской объявленія о кандидатахъ на выборныя должности, объ увеселеніяхъ, о домахъ и комнатахъ, отдаваемыхъ въ наймы, или этотъ вздоръ, нацарапанный на стѣнахъ, словно видишь это населеніе и ведешь бесѣду съ разными его представителями. Жизнь древняго города при этомъ невольно воскресаетъ во всей ея суетѣ съ такими мелкими и вмѣстѣ съ тѣмъ характеристическими чертами, которыхъ намъ не въ состояніи дать ни писатели, ни даже сами по себѣ вещественные памятники! Мы коснулись надписей только частію и мимоходомъ. Подробное разсмотрѣніе этихъ памятниковъ давно угасшей жизни не входило въ нашъ планъ и было бы тутъ не у мѣста. Въ своей прогулкѣ по помпейскимъ улицамъ мы и не разсчитывали осмотрѣть все разомъ: мы не видали даже цѣлыхъ кварталовъ, а заходили туда и сюда съ цѣлію схватить какія-нибудь особенности удивительнымъ образомъ сохранившагося для насъ изъ древности города, большая половина котораго однако все еще скрыта отъ нашихъ глазъ, находясь подъ пепломъ и лавой Везувія.

В. Модестовъ.

ГЕРАСИМЪ СТЕПАНОВИЧЪ ЛЕБЕДЕВЪ.

Русскій путешественникъ-музыкантъ въ Индіи въ концѣ XVIII вѣка[1]).

Происхожденіе Г. С. Лебедева.—Образованіе его.—Путешествіе по Европѣ.—Путешествіе въ Индію.—Пребываніе въ Мадрасѣ въ качествѣ заѣзжаго музыканта.—Переселеніе въ Калькуту.—Занятія Лебедева туземными языками.—Переведенныя имъ драмы.—Сюжетъ драмы „Притворство".—Артистическій тактъ Лебедева.—Первое представленіе драмы на бенгальскомъ языкѣ въ театрѣ Лебедева.—Успѣхъ Лебедева и планъ устроить зрѣлища на англійскомъ и бенгальскомъ языкахъ.—Интрига противъ Лебедева со стороны содержателя англійскаго театра. — Декораторъ Іосифъ Баттль является орудіемъ этой интриги. — Планъ сжечь театръ Лебедева. — Нарушеніе контракта актерами.—Проволочки въ мѣстныхъ судебныхъ инстанціяхъ. — Кляузническая система враговъ Лебедева.—Эпизодъ въ полицейскомъ судѣ.—Письмо къ о. А. Ѳ. Самборскому.—Завѣщаніе Лебедева.—Труды и заслуги Лебедева. — Извлеченіе изъ письма его къ графу С. Р. Воронцову и къ о. Я. И. Смирнову.

ЕКАТЕРИНИНСКАЯ эпоха, открывшая столько разнообразныхъ путей къ предпріимчивости русскихъ людей, выдвинула не мало полезныхъ слугъ государства и общества, въ лицѣ такъ называемыхъ самоучекъ, дѣятельность которыхъ, хотя и не ознаменавалась громкими военными или гражданскими подвигами, тѣмъ не менѣе вполнѣ заслуживаетъ вниманія по-

[1]) При составленіи настоящаго очерка, мы пользовались любезно предоставленными въ наше распоряженіе рукописными документами, принадлежащими князю П. П. Вяземскому. Вотъ перечень и содержаніе этихъ любопытныхъ документовъ, заключающихся въ пяти большихъ переплетенныхъ тетрадяхъ: 1) Memorandum на англійскомъ языкѣ, вкратцѣ представляющій всѣ превратности судьбы, постигшія Лебедева во время пребыванія его въ Индіи. Въ той же тетради помѣщенъ переводъ на бенгальскій языкъ комедіи „Притворство", параллельно съ англійскимъ переводомъ и русской транскрипціей. 2) Переписка Лебедева по поводу уничтоженія построеннаго имъ въ Калькуттѣ театра: на русскомъ языкѣ — обширное письмо къ отцу Андрею Аѳанасьевичу Самборскому; письмо къ полномочному посланнику въ Лондонѣ графу С. Р. Воронцову и письмо къ о. Якову Ивановичу Смирнову; на англійскомъ языкѣ—переписка съ мѣстными судебными мѣстами.

томства. Къ числу такихъ самоучекъ принадлежитъ и Герасимъ Степановичъ Лебедевъ, имя до сихъ поръ остававшееся почти неизвѣстнымъ. Уцѣлѣвшія, имъ самимъ составленныя, записки о путешествіи и пребываніи его въ Индіи, рисуютъ передъ нами начитаннаго человѣка, любознательнаго наблюдателя и, въ своемъ родѣ, типическаго выразителя духа предпріимчивости того времени. Къ сожалѣнію, отрывочныя біографическія свѣдѣнія, разбросанныя въ запискахъ, не даютъ возможности представить въ полномъ видѣ его жизнь и дѣятельность. Но и по нимъ уже можно судить о Лебедевѣ, какъ о замѣчательномъ русскомъ человѣкѣ XVIII и начала XIX столѣтія.

По происхожденію ярославецъ, Герасимъ Степановичъ Лебедевъ, изъ „духовнаго, купно и благороднаго“ званія, родился въ 1749 г. По какому-то, неизвѣстно, „насильственному утѣсненію“ его отца, Лебедевъ оставался безъ всякаго образованія и только на пятнадцатомъ году выучился грамотѣ и „случайно музыкальному искусству“. Это послѣднее и составило дальнѣйшую судьбу Лебедева. Съ раннихъ лѣтъ онъ возымѣлъ страсть къ путешествію по чужимъ землямъ. Отправлявшееся въ 1775 году въ Неаполь русское посольство доставило случай Лебедеву привести свое давнишнее желаніе въ исполненіе. Но такъ какъ военныя дѣйствія австрійцевъ и пруссаковъ задержали наше посольство въ Вѣнѣ болѣе года, то Лебедевъ рѣшился продолжать свое путешествіе уже на собственный рискъ, возлагая всѣ упованія на свое „музыкальное искусство“. Къ тому же тогдашній русскій посолъ при вѣнскомъ дворѣ князь Голицынъ и назначенный въ Неаполь графъ (впослѣдствіи князь) А. К. Разумовскій снабдили Лебедева рекомендательными письмами къ разнымъ высокопоставленнымъ особамъ.

Въ 1782 году Лебедевъ прибылъ въ Парижъ и тогда же былъ представленъ „графу и графинѣ Сѣвернымъ“, находившимся тамъ великому князу Павлу Петровичу и великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ періодъ пребыванія своего во Франціи, Лебедевъ, кромѣ Парижа, проживалъ еще въ Этюпѣ близъ Монпельяра.

3) 3-я тетрадь заключаетъ въ себѣ обширный трудъ, нѣчто въ родѣ сравнительной грамматики и словаря въ области языковъ гиндустани, бенгальскаго, англійскаго и русскаго; индѣйскій календарь и изложеніе ариѳметическихъ дѣйствій. 4) Не менѣе обширный трудъ, свидѣтельствующій о замѣчательной усидчивости и любознательности Лебедева, представляетъ собою подстрочный переводъ съ русской транскрипціей „Бидде Шундоръ“ (Красота Мудрости), сочиненія „Брагмена Шри Бгаротъ Чондро Рай, по просьбѣ Бордгманскаго государя, именуемаго Биръ-Шинго, на бракосочетаніе его дочери Бидде Шундоръ“. 5) 5-я тетрадь заключаетъ въ себѣ любопытныя афиши и воззванія къ мѣстной публикѣ поощрить предпріятіе Лебедева посѣщеніемъ его театра, а также изложеніе пьесы „Притворство“, на бенгальскомъ и англійскомъ языкахъ. Сверхъ того, матеріаломъ служила намъ книга, составленная Лебедевымъ и изданная имъ въ 1805 году, въ Петербургѣ, въ его типографіи, по „высочайшей волѣ“ Александра I, подъ заглавіемъ „Безпристрастное созерцаніе системъ восточной Индіи Брагменовъ, священныхъ обрядовъ ихъ и народныхъ обычаевъ, всеавгустѣйшему монарху посвященное“.

Затѣмъ Г. С. Лебедевъ отправился въ Лондонъ и отсюда уже въ 1785 году рѣшился ѣхать въ Восточную Индію.

Вотъ все, что извѣстно пока о путешествіи Лебедева по Европѣ. Мы не знаемъ даже, гдѣ и насколько усвоилъ онъ европейскіе языки, изъ которыхъ, судя по его запискамъ, онъ владѣлъ въ особенности англійскимъ.

Гораздо болѣе подробностей представляютъ вышеупомянутыя записки Лебедева, относительно его путешествія и пребыванія въ Индіи. По словамъ этого „буреборственнаго путешественника въ пользу отечества“, какъ онъ самъ себя называетъ, задуманное имъ предпріятіе узнать страны и народы Восточной Индіи казалось ему вѣрнымъ уже потому, что страны эти, помимо природныхъ богатствъ и ихъ всемірнаго значенія въ торговомъ отношеніи, составляютъ „ту первенствующую часть свѣта“, изъ которой разселился родъ человѣческій по „лицу земнаго круга“. Точно также нашего соотечественника увлекало желаніе на мѣстѣ ознакомиться съ „шамскритскимъ“ (санскритскимъ) языкомъ, имѣющимъ „весьма ощутительное сходство“ не только съ „азіатскими“, но и съ европейскими языками. Едва ли нужно пояснять, съ какими трудностями сопряжено было это далекое путешествіе для человѣка, не располагавшаго ни средствами, ни образовательною подготовкою, не знавшаго мѣстныхъ языковъ и подвергавшагося всевозможнымъ случайностямъ въ чуждой для него обстановкѣ. Тѣмъ не менѣе любознательность сдѣлала свое дѣло.

12-го февраля 1785 года, Г. С. Лебедевъ сѣлъ на англійскій корабль остъ-индской компаніи „Родней“ и 15-го августа того же года прибылъ къ городу Мадрасу. Здѣсь, кажется, благодаря особому покровительству цесаревича Павла Петровича [1]), Лебедевъ встрѣтилъ любезный пріемъ со стороны мѣстной власти. Градоначальникъ Мадраса (town major) Уильямъ Сиденгэмъ, узнавъ о музыкальныхъ дарованіяхъ русскаго авантюриста, предложилъ ему заключить контрактъ на два года, по которому Лебедевъ, за музыкальныя увеселенія, устроиваемыя имъ, сверхъ сбора, получалъ бы опредѣленную годовую плату въ 200 фунтовъ стерлинговъ. Лебедевъ согласился и, какъ самъ онъ замѣчаетъ въ обѣихъ запискахъ, условленные два года его пребыванія въ Мадрасѣ, протекли для него въ довольствѣ и „гармоніи“ (harmonically). Но ободренный этою первою удачею, русскій путешественникъ не удовольствовался слишкомъ скромною ролью заѣзжаго музыканта. Къ тому же общая молва признавала Бенгальскую землю болѣе просторнымъ поприщемъ, чѣмъ Мадрасъ, для дѣятельности „предпріимчивой расы авантюристовъ“. Помимо расширенія круга своихъ свѣдѣній, Лебедеву здѣсь представлялся случай

[1]) Объ этомъ покровительствѣ, хотя и не по данному поводу, Г. С. Лебедевъ упоминаетъ, между прочимъ, въ нижеприводимомъ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову.

улучшить и упрочить свое матеріальное положеніе. Такимъ образомъ онъ и рѣшился въ 1787 году покинуть Мадрасъ и направился въ Калькуту.

Въ этомъ городѣ, дѣйствительно, его предпріимчивости и любознательности открылось просторное поле. Репутація хорошаго музыканта пріобрѣла ему не мало покровителей изъ мѣстныхъ властей, въ числѣ которыхъ онъ съ особенною признательностью вспоминаетъ въ своемъ Memorandum'ѣ имена Александра Кейда (Kyd), мистера Гэя (Hay), Христофора Грина (Green) и Гэйда (Hyde). Покровительство это, однако, составляло еще далеко не все, что нужно было для успѣха предпріятія Лебедева въ Калькутѣ. Чтобы быть понятнымъ и имѣть успѣхъ въ мѣстной публикѣ представлялось необходимымъ примѣниться къ ея вкусамъ и прежде всего, конечно, ознакомиться съ туземнымъ языкомъ. Въ этомъ именно отношеніи Лебедевъ сначала, въ теченіе двухъ лѣтъ своего пребыванія въ Калькутѣ, и не имѣлъ удачи; нигдѣ онъ не могъ найти себѣ такого пандита (ученаго) или переводчика, который взялся бы истолковать ему санскритскій алфавитъ, употребительный въ бенгальскомъ языкѣ, какъ равно не имѣлъ онъ возможности пріобрѣсти изъ книгъ потребныя ему свѣдѣнія по этой части. Лебедевъ уже почти отчаявался въ дальнѣйшемъ успѣхѣ своего артистическаго ремесла, какъ его „домоправителю“ (sircar) удалось подыскать для него учителя изъ бенгальцевъ, по имени Шри Голокъ Натъ Дишъ, который былъ знакомъ одинаково съ бенгальскимъ языкомъ и съ гиндустанскимъ нарѣчіемъ, а также понималъ священный санскритъ. При этомъ Голокъ желалъ научиться у Лебедева музыки не меньше, чѣмъ нашъ „буреборственный“ путешественникъ пріобрѣсти отъ него знаніе мѣстныхъ языковъ.

„На слѣдующій же день послѣ нашего перваго свиданія“—разсказываетъ Лебедевъ,—„мы начали, и на мой вопросъ—какой изъ языковъ наиболѣе употребительный въ странѣ?—Голокъ заявилъ, что, по его мнѣнію, общераспространнымъ слѣдуетъ считать смѣшанный гиндустанскій говоръ, который, однако, не имѣетъ ни азбуки, ни грамматики,—такова замкнутость пандитовъ и брогменовъ! И потому онъ предложилъ мнѣ усвоить санскритскую азбуку, тѣмъ болѣе, что въ ней я могъ найти ключъ къ неоцѣнимымъ сокровищамъ восточныхъ наукъ и знанія“.

Начавъ знакомиться съ индустанскими языками, Лебедевъ „позабылъ думать о всемъ другомъ и старался со всевозможною рачительностью“ достигнуть основательнаго знанія. Вскорѣ онъ уже перевелъ словарь и составилъ діалоги о разныхъ предметахъ на бенгальскомъ языкѣ и нарѣчіи гиндустани, а затѣмъ ознакомился съ разговорнымъ языкомъ. Плодомъ этихъ занятій былъ сдѣланный имъ переводъ съ англійскаго двухъ драмъ: „The Disquise“ (Притворство) и „Love is the best Doctor“ (Любовь—лучшій врачъ) на верхнебенгальское нарѣчіе. Не слѣдуетъ, однако, думать, что это былъ простой переводъ

пьесы съ одного языка на другой, безъ всякаго отношенія къ понятіямъ и вкусамъ окружавшей автора среды. Напротивъ, судя по сохранившемуся рукописному оригиналу перевода, въ немъ Лебедевъ обнаружилъ и тактъ артиста, и пониманіе мѣстныхъ обычаевъ и нравовъ. Такъ, напримѣръ, въ англійскомъ подлинникѣ дѣйствіе, развиваемое въ драмѣ „Притворство", происходитъ въ Испаніи; въ переводѣ оно перенесено въ Индію; вмѣсто Мадрида и Севильи мѣстомъ дѣйствія служатъ Калькута и Люкновъ. Точно также и дѣйствующія лица носятъ мѣстныя имена. Бголатъ Бабу (вмѣсто донъ-Педро), герой драмы, и Шукъ Мой (вмѣсто Clara), героиня, питаютъ взаимную любовь другъ къ другу; но отецъ ея желаетъ выдать ее замужъ за богатаго человѣка. Бголатъ убиваетъ этого нарѣченнаго, и потому долженъ бѣжать изъ Люкнова, откуда онъ приходитъ въ Калькуту. Здѣсь Бголатъ завязываетъ интригу съ другой женщиной, по имени Шуки Муки. Но отецъ Шукъ Мой умираетъ, героиня узнаетъ объ интригѣ своего возлюбленнаго и, переодѣвшись мужчиной, также является въ Калькуту. Подъ видомъ мужчины она дружится съ Бголатъ-Бабу, ухаживаетъ за Шуки Муки и такимъ путемъ старается расторгнуть связь между ними. Въ преслѣдованіи такого то плана и развивается весь ходъ драматическаго дѣйствія.

При этомъ Лебедевъ ввелъ въ обѣихъ драмахъ мимическія дѣйствія и фарсы, соединивъ съ большимъ искусствомъ пѣніе бенгальцевъ съ акомпаниментомъ европейской музыки, а вышеназванный Голокъ подыскалъ исполнителей для переведенныхъ драмъ изъ туземцевъ. Лебедевъ же, тѣмъ временемъ получивъ отъ губернатора позволеніе поставить на сцену свои пьесы, построилъ на послѣднія деньги собственный театръ, нарисовалъ декораціи, подготовилъ актеровъ — трехъ женщинъ и десять мужчинъ изъ „дикокажущихся, лицемѣрныхъ бенгальцевъ" и столько же пѣвцовъ, и „въ градѣ Калькутѣ разнесшаяся вѣсть распустилась въ окрестныхъ селеніяхъ и откличка въ воздухѣ громко зашумѣла", такъ что Лебедевъ, чтобы удовлетворить любопытныхъ, долженъ былъ безотлагательно назначить день дотолѣ невиданнаго въ Калькутѣ зрѣлища.

И вотъ 27 ноября 1795 года впервые была представлена пьеса „Притворство" въ одномъ актѣ по той причинѣ, что, какъ говоритъ Лебедевъ въ своемъ письмѣ къ о. Самбурскому, „весьма мало европейцевъ за тяжелостью разумѣютъ бенгальскій языкъ и сего ради думали, долгое дѣйствіе покажется скучнымъ". Пьеса имѣла огромный успѣхъ: „собраніе было столь многолюдно, что если бы театръ мой, тамъ же замѣчаетъ Лебедевъ,—былъ трижды больше, конечно, былъ бы наполненъ". Вторичное представленіе „Притворства" уже въ полномъ видѣ, въ трехъ актахъ, ободрило настолько русскаго театрала, что онъ испросилъ у губернатора разрѣшеніе устраивать зрѣлища не только на бенгальскомъ, но и на англійскомъ языкѣ. Позволеніе было дано, но оно же и поселило въ антрепренерѣ мѣстнаго театра англійской

компаніи непримиримую ненависть къ Лебедеву. „Не вспамятовалъ я при заботахъ, говоритъ онъ въ письмѣ къ отцу Самбурскому,—что въ купеческомъ государствѣ златоблестящая руда, какъ и сребросіяющая кровь въ театральныхъ и жадныхъ богатства людяхъ, воспаля ненависть, заставитъ суетиться, опорочить и повредить иностранцеву похвальному дѣлу и довести его до паденія".

Дѣло въ томъ, что Лебедевъ, получивъ вторичное позволеніе власти, расширилъ театръ пристройкою и подыскивалъ себѣ лучшихъ исполнителей ролей и маляра для декорацій. Содержатель англійскаго театра не преминулъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы повредить предпріятію русскаго конкурента. Орудіемъ былъ избранъ Іосифъ Баттль, рисовавшій декораціи въ англійскомъ театрѣ. Онъ явился къ Лебедеву и предложилъ свои услуги ему, будто бы разсорившись съ англійскимъ антрепренеромъ. Лебедевъ и этому „щеткописателю" и „кистомарателю" былъ радъ, при томъ же Баттль съумѣлъ разыграть роль обиженнаго и обдѣленнаго своимъ прежнимъ хозяиномъ. „О будущихъ нашихъ выигрышахъ и о неблагосостояніи съ его фамиліею", по словамъ Лебедева, Баттль такъ „разсказывалъ искусно-примапчиво, такъ лукаво, хитро, скорбно, что не привыкшаго обманъ и плутовства проникать заставилъ почти прослезиться". Въ результатѣ Лебедевъ принялъ его даже въ свои компаньоны по предпріятію. 1-го іюня 1796 года они заключили формальный контрактъ и Іосифъ Баттль началъ распоряжаться въ новомъ театрѣ въ угоду своему прежнему хозяину. Но довѣрчивый русскій театралъ еще больше запутался въ интригу, взявъ къ себѣ двухъ актеровъ изъ европейцевъ, не считая нѣсколькихъ туземцевъ, которые также явились сообщниками Баттля. Баттль постарался удалить прежнихъ служащихъ у Лебедева, придумывалъ разныя перемѣны въ декораціяхъ, сопряженныя съ излишними расходами и, накопецъ, въ одинъ прекрасный день совсѣмъ было сжегъ зданіе театра. Вотъ какъ разсказываетъ самъ Лебедевъ объ этомъ въ письмѣ къ отцу Самбурскому.

Однажды работникъ, по приказанію Баттля поставилъ въ глиняномъ горшкѣ на огонь около пуда смолы, а самъ вышелъ изъ комнаты, гдѣ было все приготовлено для сцены. Объ этомъ никто не зналъ, пока растопившаяся смола не разорвала горшокъ и не раскинулась по всей комнатѣ. Густой дымъ отъ нея „непрозрачнымъ вихремъ" влетѣлъ въ комнаты Лебедева и показавшееся въ разныхъ углахъ пламя привело всѣхъ въ замѣшательство. Только благодаря поспѣшности и усердію работниковъ Лебедева пожаръ былъ потушенъ пескомъ. Черезъ два часа явился въ театръ и самъ Іосифъ Баттль и небрежно выслушалъ жалобную рѣчь своего компаньона объ угрожавшемъ несчастьѣ. Только тогда Лебедевъ убѣдился, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, но было уже поздно. Не дальше, какъ на слѣдующій день одинъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ, имѣвшій долю въ англійскомъ театрѣ, подъ видомъ дружбы, увѣдомилъ Лебедева, что Іосифъ Баттль долженъ

десять тысячъ рублей и что театръ нашего соотечественника можетъ подлежать конфискаціи. Лукавый же компаньонъ въ тоже время потребовалъ отъ Лебедева отдать ему театръ въ полное распоряженіе; иначе онъ угрожалъ нарушить контрактъ. И дѣйствительно, 8 октября 1796 года „ширмописатель" Баттль оставилъ театръ и поступилъ опять къ прежнему хозяину. Тоже сдѣлали и ангажированные актеры и актрисы, нисколько не думая возвращать Лебедеву забранныя у него впередъ деньги.

Такимъ образомъ нашему соотечественнику оставалось только испытать справедливость англійскаго колоніальнаго суда. Переписка Лебедева по этому поводу съ разнаго рода мѣстными судебными инстанціями, дѣйствительно, представляетъ любопытные факты, метко обрисовывающіе отношенія англичанъ къ насильственно покоренной ими странѣ.

5-го ноября 1796 года Лебедевъ обратился письменно къ разнымъ лицамъ власть имущимъ, съ просьбою дать совѣтъ, какъ поступить чужестранцу въ настоящемъ случаѣ. Большая часть изъ нихъ дали весьма характерный отвѣтъ, который сводится къ тому, что пріобрѣтенная русскимъ театраломъ извѣстность въ короткое время не могла не обратить на себя вниманіе, и уже одна мысль представлять драмы на бенгальскомъ языкѣ была бы достаточнымъ основаніемъ, чтобы вооружить противъ него изучающихъ бенгальскій языкъ, а театру англійской компаніи предоставить всѣ льготы въ ущербъ чужестранцу. Если же, не смотря на это предостереженіе, Лебедевъ все таки добивался бы защиты суда, то въ результатѣ ему не только не пришлось бы выиграть свой процессъ, но, напротивъ, въ перспективѣ представлялось полное фіаско и даже личное осужденіе. Лебедевъ тѣмъ не менѣе рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку, обратившись съ просьбою о защитѣ къ главному судьѣ 4-го февраля 1797 года. Лебедевъ объяснилъ ему, что его единственнымъ намѣреніемъ было и есть, при устройствѣ зрѣлищъ, безъ всякаго желанія подрывать уже существующій „превосходный" театръ, чтобы дать удобный случай учащимся европейцамъ чрезъ обращеніе съ гиндустанцами лучше научиться бенгальскому, шанскритскому и другимъ гиндустанскимъ языкамъ. Сего ради какъ ободрителя наукъ и художествъ Лебедевъ просилъ главнаго судью о „покровительствѣ" и „спасти отъ разоренія". Сэръ Робертъ Чемберсъ Найтъ (Knight) хотя и разрѣшилъ аудіенцію, но при этомъ заявилъ, что свое мнѣніе онъ объявляетъ въ присутственномъ мѣстѣ и приватно совѣта дать не можетъ.

Вмѣсто удовлетворенія по суду, русскому путешественнику довелось лишь безнаказанно перенести всѣ послѣдствія кляузнической системы, пущенной въ ходъ его врагами. 3-го мая 1797 года, онъ былъ вытребованъ въ полицейскую канцелярію для уплаты по иску его садовника, черезъ шесть дней послѣдовала новая жалоба отъ другого лица, 25-го мая противъ него пишетъ кляузу имъ же облагодѣтельствованный нѣкто Гладунъ; 17-го іюня подаетъ просьбу его

домохозяинъ и т. д., и т. д., пока наконецъ по одной жалобѣ онъ не былъ арестованъ. По всѣмъ этимъ претензіямъ Лебедевъ, хотя и былъ оправданъ, но все же враги его добились желаемаго для нихъ результата: они выжили беззащитнаго чужестранца, который, не взирая ни на какія невзгоды, не потерялъ, однако своей энергіи.

Любопытенъ, между прочимъ, одинъ эпизодъ, характеризующій личность Лебедева, а также отчасти нравы калькутскаго суда.

Этотъ эпизодъ разсказанъ имъ самимъ въ своихъ „Запискахъ". Дѣло въ томъ, что Лебедевъ по болѣзни не могъ явиться въ полицейскую канцелярію для отвѣта по жалобѣ его садовника и, вмѣсто себя, онъ послалъ своего серкаря. Европеецъ увѣдомилъ судью о неправильности иска противъ Лебедева, а серкарь подтвердилъ, что жалованье садовнику уплачивалось ежемѣсячно. Судья, неизвѣстно для чего, потребовалъ, чтобы серкарь побожился въ этомъ, тогда какъ индустанскій законъ запрещалъ божбу понапрасну. Судья, не долго думая, за неисполненіе своего требованія, собственноручно вытолкалъ серкаря въ шею, хотя послѣдній предлагалъ уплатить истцу свои деньги, лишь бы избѣгнуть божбы. Безъ вины обиженный серкарь разсказалъ о случившимся Лебедеву. Тогда Лебедевъ, не обращая вниманія на враждебное противъ него настроеніе всѣхъ, явился къ судьѣ англичанину и сдѣлалъ ему внушеніе, объявивъ, что онъ не имѣетъ права позволять себѣ подобное варварство по отношенію къ его слугѣ, котораго за неисполненіе своего требованія, судья угрожалъ высѣчь и тѣмъ самымъ спасъ своего слугу отъ судейскаго гнѣва.

Вынужденный оставить Калькуту, послѣ двѣнадцатилѣтняго пребыванія въ этомъ городѣ, Лебедевъ въ письмѣ отъ 8-го мая 1797 года, не разъ уже упомянутомъ выше, на имя о. Самбурскаго просилъ представить о его положеніи Государю и поддержать его и семью его подпиской или чѣмъ нибудь подобнымъ. Мы не приводимъ этого письма цѣликомъ, такъ какъ въ немъ изливается собственно накипѣвшая горечь русскаго человѣка, попавшаго въ безвыходное и запутанное положеніе, благодаря обстоятельствамъ, о которыхъ мы уже говорили. Наиболѣе интересная сторона этого письма заключается въ его завѣщаніи распорядиться съ деньгами, какія могъ бы получить о. Самбурскій отъ публикаціи его письма.

„По заплатѣ издержекъ"—говоритъ Лебедевъ—„раздѣлить собранныя за оное деньги на четыре части, одну часть въ воспитательный домъ для воспитанія бѣдныхъ дѣтей; другую въ Лондонъ, въ посланническую церковь, священнику Якову Ивановичу Смирнову, для помочи таковымъ несчастнымъ студентамъ, или кои достойны обученія и которые на малое жалованье не могутъ хорошо учиться. Третью часть (отдай) отцу моему Стефану и матери моей Прасковьѣ, и четвертую, послѣднюю часть—двумъ братьямъ моимъ Афонасію и Трефилу и сестрѣ Антонидѣ Стефановымъ дѣтямъ Лебедевымъ. И если отецъ и мать, наши родители, уже умерли, то ихъ часть, когда не

нужно для твоихъ почтенный пастырь, Андрей Афанасьевичъ Самбургскій, издержекъ (ибо я думаю, ты уже разбогатѣлъ), тогда, а не иначе, раздѣлить между помянутыми моими братьями и сестрою“.

Оставшись ни съ чѣмъ, продавъ за безцѣнокъ все свое имущество, Лебедевъ въ письмѣ отъ 23 іюля 1797 года на имя графа С. Р. Воронцова, полномочнаго посланника въ Лондонѣ, обращается съ просьбою о покровительствѣ и поддержкѣ за свои труды, которые, по словамъ Лебедева, „служатъ не ради чтенія только одного, но не меньше ради сношенія съ таковыми восточными народами, съ которыми Россія, можетъ не имѣла никогда переписокъ“. Труды эти заключаются въ толковомъ изложеніи индѣйской азбуки, словаря, грамматики, ариѳметики и календаря, такъ что будущимъ путешественникамъ въ Индію и „любителямъ словесности“ представлялось въ нихъ замѣчательное по тому времени пособіе къ основательному знакомству съ мѣстными языками и обыденными воззрѣніями туземцевъ. Лебедеву же принадлежитъ честь впервые знакомить и Европу съ грамматикой смѣшанныхъ индійскихъ діалектовъ, какой она не имѣла до 1801 года, когда эта грамматика была издана его „собственнымъ раченіемъ и иждивеніемъ“ въ Лондонѣ. Что касается вышеупомянутыхъ переводовъ драмъ съ англійскаго на бенгальскій языкъ, то они и до сихъ поръ не потеряли значенія и для изучающихъ бенгальскій языкъ, одинаково русскихъ и англичанъ, могли бы служить прекраснымъ методическимъ пособіемъ, зрѣло продуманнымъ и весьма ясно составленнымъ. Мы позволимъ себѣ сказать даже, что здѣсь отчасти предвосхищена знаменитая метода изученія языковъ, изобрѣтенная Робертсономъ. Наконецъ, за Лебедевымъ остается право на признательность потомства еще и потому, что въ его сочиненіи „Безпристрастное созерцаніе системъ Восточной Индіи“, напечатанномъ въ 1805 году, приведены впервые вѣрныя свѣдѣнія о странахъ и народахъ этой части Азіи, о ихъ бытовыхъ условіяхъ и политическомъ состояніи, подъ владычествомъ англичанъ.

Чтобы какъ нибудь выпутаться изъ постигшей его бѣды, Лебедевъ, въ письмѣ къ графу Воронцову дѣлаетъ слѣдующее предложеніе, свидѣтельствующее о его находчивости и предпріимчивости.

„Хоша я“—пишетъ Лебедевъ, „до голи почти раззоренъ; только изъ подданныхъ Россіи здѣсь находящихся при желаніи помочь исправить мое состояніе присовѣтовано ваше сіятельство просить исходатайствовать два паспорта ради тремастныхъ двухъ кораблей или двумастныхъ, если черезъ Индію проходить позволяется, чтобъ оные подъ флагомъ россійскимъ и съ должными привилегіями изъ Индіи, изъ рѣки Гангамъ (Ganga) изъ Восточнаго и Средиземнаго океана по выходѣ, черезъ Балтическое море, мною введены могли быть въ Неву, и чтобъ оные (паспорты), какъ можно скорѣе, вы благоволили ко мнѣ переслать: дабы могъ закупить товары, въ разныхъ мѣстахъ въ такое время, въ какое готовые продаются гораздо дешевле“.

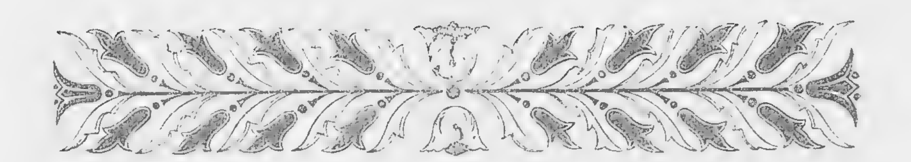
„Я знакомъ съ купцами разныхъ гиндустанскихъ городовъ, черезъ которыхъ въ теперешнее военное время могу закупить товары такъ дешево, что покажется невѣроятно, если бы здѣсь о цѣнѣ вамъ объявилъ. И когда угодно нравиться почтеннаго общества щеголихамъ, и щеголямъ, благоволите предложить о подпискѣ для 20,000 рублей и, при пересылкѣ, прикажите, чтобъ за товары деньги были плачены мною, позволя, по привозѣ въ Россію, кромѣ доли моей, имѣть со ста двадцать процентовъ". О томъ же Лебедевъ проситъ ходатайствовать и священника Я. И. Смирнова, добавляя, что, если предпріятіе это удастся, онъ заранѣе назначаетъ пять процентовъ изъ двадцати „за труды отеческіе и матернюю скорбь дочери (Смирнова)". Наконецъ, въ заключеніе того же письма онъ проситъ увѣдомить „царствуетъ ли, какъ при Великой Екатеринѣ, у насъ добродѣтель и награждаются ли достойно заслуги, или порокамъ люди порабощены?"

Мы не знаемъ, имѣло ли успѣхъ приведенное ходатайство Лебедева, какъ и вообще его дальнѣйшая судьба остается неизвѣстной, по крайней мѣрѣ, насколько можно судить по находящимся въ нашемъ распоряженіи документамъ. Фактъ, однако, тотъ, что Лебедевъ впослѣдствіи жилъ въ Петербургѣ и имѣлъ свою типографію не изъ второстепенныхъ, какъ показываетъ вышеупомянутое имъ изданное „Безпристрастное созерцаніе системы Восточной Индіи".

Но и то, что пока извѣстно о Лебедевѣ, намъ кажется достаточнымъ, чтобы заслуги этого предпріимчиваго и даровитаго русскаго человѣка, обязаннаго своимъ образованіемъ только себѣ, не были забыты его соотечественниками. Намъ остается развѣ выразить увѣренность, что владѣтели документовъ, относящихся къ Г. С. Лебедеву, не преминутъ дополнить настоящій очеркъ, освѣтить дальнѣйшую судьбу этой въ своемъ родѣ замѣчательной личности.

Ѳ. Булгаковъ.

МЕРТВЫЙ ГОРОДОКЪ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

„А что ходятъ суда па Грумантъ и тѣ суда ходятъ Выгорѣцкія и не токмо на тотъ на пустынный островъ ходятъ, а и въ Маточкиномъ Шару тюленя бьютъ и бѣльца, и въ Обскую губу для того своего промысла заходятъ и по берегу Студенаго моря соль варятъ и сало топятъ и отъ тѣхъ судовъ государевой казнѣ великій авантажъ бываетъ, а отъ промысловъ таковый же".—отписывали архангельскіе воеводы па Москву и на Питеръ, когда этотъ послѣдній занялъ мѣсто первой.

Вспоминая эти отписки воеводскія, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда наконецъ мнѣ удастся покончить дѣла въ Повѣнцѣ и отправиться въ давно желанный Даниловскій монастырь, извѣстность и значеніе котораго были такъ велики и считались на столько опасными для государства, что рѣшено было въ началѣ пятидесятыхъ годовъ силою закрыть „это гнѣздо раскола и недовольства".

Ѣхалъ я, что называется со всѣми онерами, т. е. снабженный разными открытыми листами и въ компаніи съ знатокомъ тамошняго края, который извѣстенъ былъ и своими работами и своею популярностью чуть ли не во всей Олонецкой губерніи; даже и женатъ то былъ мой компаньонъ на одной изъ воспитанницъ бывшей „Лексинской академіи". Чуть забрезжило утро—лошади подкатили къ моему крыльцу. Гостинницъ въ Повѣнцѣ не имѣется, а останавливаются всякіе гулящіе люди тамъ, гдѣ Богъ пошлетъ и гдѣ найдется сердобольная душа, которая захочетъ пріютить ихъ; на потребу знатныхъ и оффиціальныхъ лицъ имѣются, такъ называемыя „чиновничьи квартиры", которыя впрочемъ, когда злая судьбина не загонитъ въ Повѣнецъ какого либо генерала отъ того или другаго министерства, охотно уступаются и простымъ путешественникамъ, нерѣдко сюда являющимся. Вотъ на такой то „фатерѣ" я и стоялъ, благо генералы,

въ числѣ цѣлыхъ трехъ, только что передъ моимъ пріѣздомъ покинули Повѣнецъ. Хозяинъ мой сначала было дичился меня, но потомъ самъ оказался имѣющимъ постоянныя связи съ Даниловымъ, а ужъ супруга его и вовсе, какъ „дама", была расположена къ старой вѣрѣ. Хоть и нездоровилось, хоть и рано еще было, а надо было отправляться въ путь. „Сіи непроходимыя дебри и пустыни" — носилась у меня въ головѣ вычитанная откуда то тирада о привыгорѣцкихъ мѣстахъ; „негостепріимная природа сихъ мѣстъ, а также и недоброжелательство жителей", вспоминалась мнѣ фраза изъ отчета какого то чиновника, на который я случайно набрелъ въ такъ называемомъ „раскольничьемъ отдѣленіи". Пожалуй, и ѣсть будетъ нечего, думалось мнѣ, а потому я и заѣхалъ по пути къ мѣстному „Елисѣеву", роль котораго здѣсь въ Повѣнцѣ не безъ успѣха разъигрываетъ лавочка „повѣнецкаго общества потребителей". Набралъ я въ лавочкѣ разныхъ консервовъ и часу въ шестомъ утра выѣхалъ наконецъ изъ того богоспасаемаго града, куда человѣкъ попасть можетъ или ради „исканія въ нѣдрахъ земли" или по постановленію суда о ссылкѣ въ мѣста не столь отдаленныя. Прытко бѣжали лошаденки, которыхъ ямщикъ даже и не трогалъ своею „погонялкою". Вотъ окончилась повѣнецкая мостовая, которой ни въ какомъ иномъ городѣ ни на Руси, ни во всемъ мірѣ, не отыщешь, такъ какъ сдѣлана она „мѣстными средствами" изъ опилокъ, взятыхъ съ повѣнецкаго пильнаго завода; вотъ проскакали мы и мимо производителя этого новаго матеріала для мостовыхъ,—пильнаго завода; влѣвѣ осталась знаменитая печь отъ построеннаго руками Петра, Алексѣевскаго завода, начались и „дебри и пустыни".

Прекрасная дорога; ямщикъ, желающій, какъ и всякій другой русскій человѣкъ, получить на водку; прелестная мѣстность съ поминутно блистающими по сторонамъ озерками и вырѣзывающимися изъ за сосенъ голыми діоритовыми сельгами,—все это мало походило на „пустыню", въ особенности, когда стали на каждыхъ пяти верстахъ попадаться кресты съ навѣсами—признакъ сѣвернаго русскаго человѣка, крестящагося истово, двухперстнымъ сложеніемъ и до сихъ поръ еще не оставившаго Екатерининскій счетъ на семисотенныя версты. Лѣсъ разошелся въ стороны, открылась полянка, а на полянкѣ — сельбище человѣческое, которое и назвать то нельзя ни деревнею, ни селомъ: церкви нѣтъ, а есть лишь заколоченная часовня, которую оффиціальный языкъ не признаетъ церковью и такое селеніе селомъ не называетъ. Это колонія все той же богатой и сильной метрополіи—Даниловскаго монастыря, о которой вмѣстѣ съ другими я поговорю ниже, Габсельга, низведенная теперь на степень бѣдненькой деревеньки, а когда то бывшая богатымъ селомъ на пути изъ Данилова въ Пигматку—главную гавань монастыря, кишѣвшую когда то судами выгорѣцкими. Еще другихъ семнадцать верстъ и потянулась новая деревня съ тѣмъ же точно видомъ „проклятія и

запустѣнія", какой лежитъ на всѣхъ вообще бывшихъ колоніяхъ Даниловскаго общежительства. Когда русскій человѣкъ селится гдѣ нибудь на всей своей волѣ, когда „глазокъ-смотрокъ" опекунствующаго начальства не слѣдитъ за каждымъ его шагомъ и не требуетъ отъ него ни „засыпанія въ общественные магазины", ни „обсаживанія ветелками улицъ", то какъ то такъ случается, что русскій человѣкъ не только не является завалящимъ малолѣткомъ, а напротивъ того представляетъ изъ себя самаго разумнаго хозяина: и избу себѣ строитъ не по нашему, не свиной котухъ, и запашку дѣлаетъ тщательно и старательно, и безъ „общественныхъ магазиновъ" всегда имѣетъ вдосталь хлѣба, и лѣса бережетъ, и вообще является не съ разбойническими пріемами земледѣлія, а ведетъ дѣло такъ, что и нѣмцу въ пору. Такимъ то своеобразнымъ хозяиномъ явился на сѣверѣ монастырь Соловецкій, умѣнью котораго и до сихъ поръ удивляются путешественники; такимъ же точно разумнымъ и безопечнымъ хозяиномъ былъ и древній раскольничій монастырь Выгорѣцкій, вмѣстѣ съ порушеніемъ котораго порушено было и благоденствіе цѣлаго края.

Андрей Денисовичъ, князь Мышецкій, одинъ изъ основателей Выгорѣцкихъ общежительствъ, получилъ хорошее по тому времени образованіе и, какъ сообщаетъ поморское преданіе, прослушалъ даже курсъ въ Кіевѣ; въ Москвѣ онъ тоже учился, но здѣсь наука показалась ему слишкомъ недостаточною, сравнительно съ лекціями воспитанныхъ на католическихъ основахъ кіевскихъ профессоровъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ исторія этого дѣйствительно талантливѣйшаго руководителя совершенно не изслѣдована, а тѣмъ не менѣе несомненно заслуживаетъ подробнаго изученія. Въ то же время Андрей Денисовичъ былъ и хорошимъ хозяиномъ; съ такимъ умѣньемъ устроилъ онъ монастырскую жизнь, что монастырь благоденствовалъ, пока не постигла его бѣда; умный организаторъ очень хорошо понялъ, что на сѣверѣ не мыслимо централистическое хозяйство и что слѣдуетъ попробовать примѣнить въ этихъ мѣстахъ систему полной децентрализаціи и фермерской самостоятельности; дѣло было подходящее: всѣ рвались уединиться „въ пустынѣ", а потому Андрей Денисовичъ и успѣлъ въ самое короткое время колонизировать весь юговосточный и сѣверовосточный уголъ нынѣшняго Повѣнецкаго уѣзда отдѣльными фермами, гдѣ населеніе не было, конечно, односемейнымъ, а состояло изъ 3—10 иноковъ или постниковъ и трудниковъ; другія фермы населены были женщинами и предназначались спеціально для разведенія скота, такъ что сѣно и овесъ или привозились сюда съ другихъ фермъ, или же накашивались являвшимися сюда на опредѣленный срокъ трудниками. Жизнь этихъ иноковъ, постниковъ и трудниковъ, была несомнѣнно полна трудовъ и заботъ, такъ какъ земля требовала самой тщательной обработки, что называется, до состоянія зубнаго порошка, но за то монастырь всячески старался не только вполнѣ обез-

печить ихъ существованіе, но даже и обставить ихъ такъ, какъ конечно они дома никогда обставлены не были; и обуты они были прекрасно, и ѣли всегда хорошо, а потому и понятно, что народъ отовсюду сходился въ Даниловскій монастырь поработать „Успѣнью Пресвятой Владычицы“. По уставу того же Андрея Денисова полагалось напримѣръ: „новыя шубы раздавать братіи и трудникамъ на пять лѣтъ, кафтаны—на три года, крашенинные балахоны—на четыре года, кожанъ—на десять годовъ, штаны—на три года, шапки—на три года, преобувки—на четыре года“; понятно, что на носку рубахи срока не полагалось никакого и все зависѣло отъ умѣнья носить одежду такъ, чтобы она служила по возможности дольше. На обѣдъ полагалось обыкновенно три блюда: горячее, рыбное и мучное, причемъ, за недостаткомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ допускалось замѣнять эти яства и молочными яствами; очень понятно, что въ воскресенье и въ праздничные дни столъ былъ еще лучше и поневолѣ возбуждалъ въ приходящихъ богомольцахъ желаніе подольше поработать на такихъ добрыхъ харчахъ. Когда хозяйство отдѣльныхъ скитовъ или фермъ разросталось въ значительной степени, скиты эти сами собою преобразовались въ вассальныя отъ Даниловой пустыни деревни, все еще управляемыя нарядникомъ, поставленнымъ соборомъ старѣйшихъ иноковъ; весь уставъ скитскій соблюдался во всей своей чистотѣ въ такой вновь образовавшейся деревнѣ, съ запрещеніемъ отдѣльнаго стола, съ безпрекословнымъ повиновеніемъ старшимъ. Такою деревнею, образовавшеюся изъ скита, была и Габсельга и другая станція по направленію отъ Повѣнца къ Данилову—Тихвиноборская. Какъ ни дружно однако работали трудники монастырскіе, хоть и раздѣлывали они землю въ порошокъ, а все же мачиха—природа не могла роскошно вознаградить ихъ трудовъ и общежительству ежегодно приходилось покупать муку въ Вытегрѣ и иныхъ мѣстахъ, куда ее доставляли съ „Низу“. Еще въ 1731 году задумалъ Семенъ Денисовичъ, братъ Андрея Мышецкаго, устроить гдѣ нибудь по Онежскому озеру пригодную пристань; выборъ его палъ на Пигматку, которая представляла собою наиболѣе удобствъ, какъ по близости своей къ монастырю, такъ и по устройству близьлежащихъ береговъ; плотники были свои, да и Симеонъ, видимо, зналъ дѣло и въ годъ времени они „устроиша пристань и оукрѣпиша сваями и иглами съ самаго толстаго лѣса и навозиша каменія полны срубы и мостъ на всю плотину намостиша и на мостъ великія бревна толстыя и каменіе большіе поваліша и оукрѣпиша добрѣ и судамъ пріѣзжимъ велій покой и отишіе бысть отъ бурь вѣтряныхъ“.

И представлялись мнѣ эти цвѣтущія деревни, эта кипящая работою пристань, эта доподлинно изумительная обработка земли, этотъ строгій во всемъ порядокъ, всеобщая грамотность, массы переписываемыхъ книгъ, собственныя соловарни, тюленьи промыслы, поѣздки на Новую Землю и на Грумантъ, это умное, живое, смирное, трезвое и пребы-

вающее въ довольствѣ населеніе,—когда ямщикъ снялъ шапку, помолился и сталъ затѣмъ заворачивать въ какое то странное сельбище человѣческое,—не то село, не то городъ.

„Подайте милостыньку Христа ради!“ вопили бѣгущіе за телѣгою мальчики, дѣвочки и даже взрослые, рваные, грязные, назойливые...

„Эхъ вы, други!“ разразился пьяный голосъ изъ-за ближайшей избы и прибавилъ непечатное слово...

Что же это? думалось мнѣ;—куда же это попалъ я? и здѣсь все таже нищета и тоже проклятое слово, раздающееся по всей Россіи и указывающее на дикость и грязь.

„Ишь псковичи-то!“ молвилъ ямщикъ, „съ измалѣтства пріучаются; отецъ сквернословитъ пьяный, а пареньки паровятъ ему же на косушку выпросить“. И вспомнилъ я тутъ, что когда разогнали старцевъ и старицъ изъ Данилова и Лексы, порушили своеобразное созданіе русской жизни, то оказалось, что „за выбытіемъ старожиловъ“ осталось массы превосходно обработанной и изъ году въ годъ удабриваемой земли, которую некуда было дѣвать; тутъ на грѣхъ приключился въ Псковской губерніи такой годикъ, который и прямо бы можно назвать голоднымъ, но все же слывшій лишь „малоурожайнымъ“; а потому заботливое начальство и порѣшило переселить голодающихъ на чужими руками обработанную землю; сказано—сдѣлано! поразрушили псковичи подъ прикрытіемъ становыхъ приставовъ нѣсколько зданій Даниловскихъ, иногда заставляя работать на себя оставленныхъ въ монастырѣ стариковъ, усѣлись на новыхъ мѣстахъ... да и запили въ заливущую. Лѣнь, развратъ и пьянство завелись тамъ, гдѣ въ былыя времена царило трудолюбіе, скромность и трезвость... Начальство не подумало о развращающемъ вліяніи даровщины и сознанія своего могущества въ сравненіи съ угнетенными старожилами и псковичи пропадаютъ пропадомъ, кормясь лишь тѣмъ, что подадутъ имъ богомольцы, да тѣ же старцы, на чьихъ спинахъ они сначала поѣздили.

Засѣрѣлась высокая колокольня; вокругъ ея обрисовались какіе-то странные двухъ и трехъ этажные дома, потянулся длинный, бревенчатый заборъ, откуда-то потянуло сосною; телѣга подкатилась къ крылечку бывшей „гостинной избы“ и я очутился въ „мертвомъ городкѣ“.

Ранымъ рано проснулся я отъ свѣта; словно захотѣло солнышко приголубить тѣхъ, кто здѣсь живетъ волею или неволею, и тѣмъ окупить какъ бы краткое лѣто; такъ и било солнышко въ окна, а подъ окнами какіе-то голоса протяжно выводили какую-то невозможную заунывную мелодію; поглядѣлъ я за окно и накрылъ цѣлую толпу оборванныхъ ребятишекъ, которые на голосъ увѣряли, что всѣ они сироты, что имъ нечего ѣсть, что тятьку „ведмѣдь зарѣзалъ“, что мамку „лихоманкою перекосило“, что погорѣли они и что Богъ

несомнѣнно пошлетъ царствіе небесное моимъ родителямъ, которые однако, въ ту пору умирать еще и не думали. Откуда ни взялся старикъ-сторожъ гостинный и прогналъ непрошенныхъ гостей батогомъ, объясняя мнѣ на ходу, чтобы я „не изволилъ безпокоиться... потому все врутъ... ужъ такая ихъ псковская натура“.

— Большакъ пришелъ—желаетъ васъ видѣть! заявилъ намъ все тотъ же сторожъ, внося въ горницу самоваръ и ставя его на столъ вмѣстѣ съ теплою, парною еще бабою на блюдѣ.—Они же бабку принесли—просятъ кушать на доброе здоровье.

— Проси, конечно, проси! загорячился я, такъ какъ Иванъ Михайловичъ человѣкъ не простой, а ни больше, ни меньше, какъ Даниловскій игуменъ, а по здѣшнему большакъ, лицо, пользующееся крайнимъ почетомъ среди всѣхъ послѣдователей поморскаго согласія, человѣкъ, котораго знаютъ и на Бѣломъ морѣ и на Волгѣ рѣкѣ-матушкѣ.

Въ комнату вошелъ высокаго роста старикъ съ умнымъ и пріятнымъ лицомъ, съ сѣдою, какъ лунь, головою и бородою, въ длинной черной одеждѣ въ родѣ кафтана, убранной, начиная отъ шеи и до пола мелкими серебряными пуговицами; для благодати темя его было прострижено, но видно было, что не долго ему придется постригать луговинку для сошествія благодати, такъ какъ скоро голова его оплѣшивѣетъ и тогда путь для благодати откроется свободный. На лицѣ его были написаны не то страхъ, не то недоумѣніе; вся фигура его выражала какую-то готовность поклониться, съёжиться, а при случаѣ и по нуждѣ даже и „припасть къ ногамъ и слезно умолять о негубительствѣ“; видно часто приходилось въ старое время старику разыгрывать роль просящаго, если во всей фигурѣ его такъ и сказывалась какая-то приниженность и нѣмая мольба. Густо заросли его брови, а изъ-подъ нихъ смотрѣли добрые и умные глаза, которые, казалось, такъ и пронизывали насквозь новаго человѣка и, казалось, такъ и высматривали глумитель и опекатель пріѣхалъ, или же простой человѣкъ.

— Садитесь, говорю,—Иванъ Михайловичъ, гостемъ будете!.

Сѣлъ какъ-то осторожненько, точно наровилъ быть на готовѣ и въ случаѣ чего словно намѣревался поскорѣе сорваться съ мѣста и „съ припаденіемъ къ ногамъ умолять слезно“ о томъ, чтобы перестали надругиваться надъ его сѣдинами. Какъ ни воздерживался старикъ отъ разговора, тѣмъ не менѣе чай сдѣлалъ свое дѣло на половину, а другая половина его недовѣрчивости побѣждена была моими словами. Вообще на сѣверѣ, собственно говоря, весьма легко сойтись съ жителями, если только вы не представляете изъ себя „лицо“, присланное для поддержанія основъ; поговорите съ хозяиномъ по душѣ, выпейте съ нимъ стаканчиковъ по 6—8 этого благодѣтельнаго напитка для всероссійскаго „эксперта отъ наукъ“, изъ уваженія просто лишь къ неизвѣстнымъ вамъ привычкамъ хозяевъ не вынимайте и

не закуривайте папиросы, еще лучше, если вы дадите понять, что дѣлаете это изъ уваженія къ обычаямъ, похулите по крѣпче прижимку 54 года, разрушеніе старинныхъ безпоповщинскихъ центровъ, разубѣдите всѣхъ въ томъ, что вы присланы кѣмъ бы то ни было и докажите лишь, что вы просто на просто человѣкъ, сочувствующій никакъ не „мамаямъ", а угнетаемымъ,—и тотъ же самый, до той поры скрывавшійся передъ вами, человѣкъ сдѣлается до нельзя сообщителенъ, подбодритъ всю семью къ разговору съ вами, притащитъ вамъ на показъ старинную рукопись, вытащитъ изъ завѣтнаго уголка какую нибудь древнюю икону, всячески старается угостить васъ и успокоить, толкуетъ, горячится, разсуждаетъ, споритъ; не пройдетъ и одного часа, какъ въ комнату является и баба, хвастающая передъ вами, что она кончила курсъ „въ Лексинской академіи", и мальчуга, которые читаютъ вамъ, учатъ васъ писать полууставомъ и уставомъ, хохочутъ надъ вашею не умѣлостью—однимъ словомъ, вы стали ихъ другомъ, ихъ „своимъ человѣкомъ", желаннымъ гостемъ и всѣ „объ васъ понимаютъ"; а къ отъѣзду такъ и знайте, что подъ вашимъ сидѣньемъ окажутся и рябчиковъ парочка, и мамуры лукошко, а то и картинка, изображающая „древо многочестно" или „птицу Сирина", которую потихоньку отъ тятьки и мамки подсунулъ вамъ вашъ новый другъ, будущій "стоятель за истовую вѣру", какой нибудь пятнадцатилѣтній Семушка. Да и вы сами такъ хорошо чувствуете себя въ этомъ славномъ, умномъ народѣ, что вамъ жалко разставаться съ нимъ при отъѣздѣ и горько становится на душѣ, что тотъ же народъ не живетъ по всему лицу земли русской. Все тутъ какъ-то по иному, словно и не по родному: и домъ, въ которомъ вы только что были, большой, чистый, уютный, все въ немъ хорошо, хозяйственно и хозяева одѣты порядочно, во всемъ видна чистоплотность и стремленіе къ прекрасному; все смотритъ какъ-то веселѣе и живѣе, во всемъ чуется мысль, работаютъ мозги, живутъ, однимъ словомъ, люди, а не тотъ несчастный „народъ", который мы привыкли видѣть въ центральной и даже южной Россіи. По неволѣ придется задуматься надъ этою бросающеюся въ глаза разницею въ бытѣ и развитіи того же самаго народа и приходятъ на умъ разныя мысли, которыя стоило бы собрать для объясненія вообще нашей странной русской жизни. Вспоминаются мнѣ тутъ слова одного заонежанина, который на вопросъ мой, какъ они живутъ и отчего живутъ они богаче другихъ русскихъ людей, не задумываясь, отвѣчалъ мнѣ: „Всѣмъ мы богаты, однимъ только бѣдны, да тѣмъ же и богаты". Оказалось, что никогда у нихъ не было помѣщиковъ! А съ другой стороны приходитъ въ голову и иное еще обстоятельство:—живетъ русскій человѣкъ грязный, и сопатый, и лѣнтяй, и голъ, какъ соколъ; вдругъ, откуда ни возьмись, явился въ мѣстности какой-то несуразный человѣкъ, который по кабакамъ не ходитъ, разговоръ ведетъ „по божественному", совѣтуетъ не ругаться, не драться, а молиться и къ попамъ не ходить; все равно,

кто этотъ человѣкъ, безпоповецъ, поповецъ, хлыстъ или молоканинъ— народу и дѣла нѣтъ до его вѣры и частностей; горе и нужда толпами гонитъ людей въ слушатели и ученики несуразнаго человѣка и моментально совершается, какъ по мановенію волшебнаго жезла, чисто сверхъ-естественная перемѣна; изъ неряхъ люди дѣлаются чистоплотными, изъ лѣтняевъ трудолюбцами и изъ голытьбы достаточными. Достаточно русскому человѣку сдѣлаться послѣдователемъ той или другой секты и онъ измѣняется до корня, такъ что иногда, въ моментъ откровенности, даже администраторы толкуютъ о томъ, чтобы побольше народа переходило въ расколъ. Никогда не забуду я задушевнаго слова одного изъ тѣхъ, которые были нарочно поставлены отъ начальства на то, чтобы пропагандировать православіе среди раскольниковъ и носили громкое названіе „миссіонеровъ"; человѣкъ этотъ отлично изучилъ поморское согласіе безпоповскаго толка, сжился съ раскольниками и, пожалуй, самъ, не смотря на свою рясу, скорѣе выглядѣлъ безпоповцемъ.—„Эхъ славно бы было для Россіи", воскликнулъ однажды этотъ истинно почтенный человѣкъ,—„кабы всѣ православные въ расколъ перешли!"

Пошли мы съ большакомъ поглядѣть „вертоградъ Христовъ", — бывшій Даниловскій монастырь, отъ котораго въ настоящее время остались лишь однѣ развалины. Весь Даниловъ занималъ когда то площадь въ 6 — 8 квадратныхъ верстъ, если считать мужской монастырь вмѣстѣ съ женскимъ; все это обширное пространство было окопано глубокимъ рвомъ, по ту сторону котораго возвышался высокій заборъ, сдѣланный изъ забранныхъ въ затесы полубрусьевъ; никто не имѣлъ права выходить изъ ограды или входить въ оную, не испросивши на то разрѣшенія большака, который одинъ могъ разгуливать, гдѣ ему угодно, не отдавая никому отчета, кромѣ своего духовника— Симеона Мышецкаго, а по смерти его „честнаго его образа". Отъ всей ограды въ настоящее время остались лишь одни ворота, помѣщающіеся почти напротивъ гостинницы. Всѣ постройки въ Даниловѣ были деревянныя двухъ и трехъ этажныя и такой своеобразной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и оригинально-красивой архитектуры, что смѣло могли бы украшать собою не только улицы какого нибудь мѣстнаго городка, но даже и любого сѣвернаго губернскаго города; видимо, свѣта боялись жители Даниловскіе и не потому, чтобы они вообще не охотники были до свѣта Божія, а потому лишь, что творилось у нихъ дѣло не дозволенное и считавшееся опаснымъ,—молились они не Іисусу, а Исусу, крестились двуперстіемъ и „аллилуйю" повторяли лишь два раза, а не три; словно бойницы какія выглядываютъ эти маленькія окна на улицу и такъ и кажется, что за окномъ стоитъ зоркій наблюдатель и высматриваетъ, не ѣдетъ ли какой непутевый человѣкъ, и слушаетъ, не услышитъ ли роковаго полицейскаго колокольчика. И часто заглядывали сюда, не смотря на всякія предосторожности, разные ревнители православія въ ботфортахъ и вицъ-мундирахъ, благо славился Дани-

ловъ своими серебряными рублями самодѣльными, а Лекса — своими бѣлицами красивыми и рыбниками съ палтусиной. И рубли Даниловскіе и бѣлицы Лексинскія много надѣлали хлопотъ обоимъ монастырямъ, да и до сихъ поръ еще ходитъ про нихъ слава по всему Обонежью и Поморью и вводитъ въ искушеніе всякихъ охотниковъ до того и до другаго и заставляетъ искать однихъ въ нѣдрахъ земли, другихъ по наземью. И до сихъ поръ еще среди мѣстнаго населенія повторяется на всѣ лады всякому пріѣзжему доподлинное увѣреніе, что гдѣ то на сѣверо-востокъ отъ Данилова, въ тундрѣ имѣются залежи серебряной руды; Даниловскіе жители знали эти мѣста, добывали въ нихъ руду и употребляли ее на выдѣлку разныхъ серебряныхъ вещей и въ особенности рублей, на манеръ Екатерининскихъ. Рубли Даниловскіе славились по всему сѣверу и въ обращеніи стоили даже нѣсколько дороже настоящихъ, такъ какъ выдѣлывались изъ чистаго серебра, безъ примѣси какой бы то ни было лигатуры; при торговыхъ сношеніяхъ своихъ съ русскими, норвежцы всегда старались получить въ уплату за свой товаръ по больше рублевиковъ и даже просто покупали ихъ изъ барышей для продажи въ казну на выдѣлку риксдалеровъ. Многіе отдѣльные скиты Даниловскаго монастыря, а также и многіе изъ его жителей, занимались выдѣлкою рублей и вещей серебряныхъ, но, не имѣя конечно хорошей подготовки, должны были по неволѣ довольствоваться старинными образцами и при томъ употребляли чрезвычайно характерный, но въ то же время и крайне первичный способъ обработки. Случилось однако такъ, что начальство почему то возгорѣлось желаніемъ отличиться и изловить „фальшивыхъ монетчиковъ“; наѣхали изъ Петербурга особо важные чиновники, нашумѣли, наругали, назаушали; всѣхъ изловили по той простой причинѣ, что никто не думалъ, да и трудно было скрываться, и всѣ виновные съ чадами и домочадцами были выселены въ Тарбагатай, для „удобнѣйшаго имъ пути къ разработкѣ столь цѣннаго металла въ мѣстахъ гдѣ оный по шихтмейстерскимъ объявкамъ въ изобиліи находиться долженъ“. Острословіе XVIII вѣка сказалось отчасти и въ этомъ нелѣпомъ рѣшеніи и власти успокоились на лаврахъ, „искоренивши столь вредный государственнымъ интересамъ промыселъ“, не подумали только объ одномъ, а именно, что, вмѣстѣ съ выселеніемъ знающихъ людей, пропали и слѣды той мѣстности, гдѣ руда добывалась. Толкуютъ мѣстные жители, что и до сихъ поръ еще кое когда вдругъ выплываетъ какая нибудь новая серебряная вещица, но, слѣдуетъ признаться, что всѣ эти вещи далеко не высокопробны и, по всѣмъ вѣроятіямъ, просто представляютъ собою новѣйшія переливки старинныхъ сломанныхъ вещей; на одной изъ несомнѣнно новыхъ серебряныхъ застежекъ мы сами видѣли шрамъ, оставшійся отъ сломаннаго пополамъ образца, вслѣдствіе самаго способа отливки. Особаго умѣнья тутъ не требуется и для всей выдѣлки нужны лишь березовые наросты, да крѣпкая бичева; прежде всегоаростъ этотъ

разрѣзается пополамъ и затѣмъ до размягченія вываривается въ водѣ; затѣмъ между двумя половинками пароста клали обыкновенно образецъ, перевязывали обѣ половинки туго на туго бичевкою и просверливали не большую дырочку, послѣ чего форму на сухо высушивали. развязывали бичевку, вынимали образецъ, снова связывали обѣ половинки и вливали въ нихъ расплавленный металлъ. Роскошнѣйшіе складни, самыя разнообразныя и вычурныя пуговицы, казавшіяся филигранной работы, дѣлались именно такимъ образомъ.

Не меньше толковъ возбуждали и бѣлицы Лексинскія; воспитанныя въ холѣ и безъ нужды, стараго новгородскаго типа, онѣ дѣйствительно представлялись чрезвычайно красивыми. Нѣкоторыя большухи „страха ради іудейска“ подсылали ихъ къ наѣхавшему коммисару и становому, дабы смягчить его сердце; но всѣ росказни о какомъ то особенномъ развратѣ, царившемъ на Лексѣ, рѣшительно не имѣли никакого основанія. Не выходя замужъ, женщины не могли, конечно, отказаться вовсе отъ любви, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы онѣ развратничали то съ однимъ, то съ другимъ, и ихъ узы были, пожалуй, но дѣйствительнѣе узъ оффиціальнаго брака, такъ какъ здѣсь сходились люди между собою по любви и расходились опять совершенно свободно.

— „Когда пришло мамаево-то раззоренье“, со смѣхомъ сквозь слезы разсказывала намъ почтенная старушка—Лексинская большуха Ѳедосья Анисимовна, — „такъ и зарычалъ княжикъ то (жандармскій офицеръ князь Мышецкій, по странному стеченію обстоятельствъ, приходившійся однимъ изъ потомковъ рода Андрея Денисовича): „Кажи, старуха, прудъ! и таково меня ножкой толкнулъ, а я, батюшка, все въ ножкахъ валялась со старушками... одну такъ каблучкомъ старушку въ високъ и до смерти зашибли... Ваше, говорю, княжеское величество, всѣхъ карасиковъ выловили... за обѣдомъ кушать изволите!“—„Другихъ мнѣ, кричитъ, карасей требуется! Вы здѣсь блудницы, вы здѣсь содомницы, вы, говоритъ, дѣтей скидываете, да и живьемъ ихъ въ прудъ швыряете!“ — Такъ я батюшка и пала на земь... — „А!“ шумитъ,— „испугалась!“—„Со сраму“, я то ему,—„со сраму, княжикъ, что предъ иконами и при насъ старицахъ, ты такія слова говоришь!“ Пхнулъ только меня опять каблучкомъ, а только ничего мнѣ старухѣ за мои слова не сдѣлалъ. Прудокъ-то спущали и косточки было нашли... обрадовались таково, да потомъ разсмотрѣли: кости-то собачьи... а у насъ за годъ Жулька изъ гостинной околѣла,—съ бѣшенныхъ глазъ въ прудъ залѣзла“.

И сколько такихъ разсказовъ приведется услышать отъ словоохотливой большухи, которая и до сихъ поръ безъ слезъ и безъ содраганія не можетъ говорить о мамаевомъ раззореніи, а также и отъ большака, который говоритъ толково, словно лѣтописецъ какой.

Съ планомъ, приложеннымъ къ „Исторіи Выговскаго общежительства“, въ рукахъ вошелъ я въ сопровожденіи большака въ ограду и

сердце мое болѣзненно сжалось. Повсюду раззоренье, повсюду слѣды прежняго величія и нынѣшняго запустѣнія; я — одинъ изъ представителей тѣхъ, кто разрушилъ этотъ живой и живительный центръ русской жизни, а подлѣ меня идетъ тотъ, кто видѣлъ, какъ „наши" раззоряли, заушали, глумились, издѣвались; старикъ тогда изстрадался—пришла и моя очередь. Мы вошли прямо черезъ главныя или „возачьи" ворота, такъ какъ другія „пѣшеходныя", какъ значатся они въ описаніи Филипова, давно сломаны и вмѣстѣ съ оградою пошли на постройку избъ для псковскихъ переселенцевъ. За нами отъ самой гостинницы волоклась толпа псковскихъ ребятишекъ, которымъ большакъ, видимо любимый этою рваною командою, раздавалъ какіе-то бублики; едва подошли мы къ воротамъ, какъ вся толпа остановилась и дальше уже не пошла—видно и въ этихъ еще неосмысленныхъ головахъ вкоренилось уже чувство уваженія къ этой тихой развалинѣ, къ этому мертвому городку. Большакъ только усмѣхнулся, понявъ вопросъ, выразившійся въ моемъ взглядѣ.

— Тоже, понимаютъ! проговорилъ онъ.

И до сихъ поръ еще подлѣ самыхъ воротъ, вправо находится двухэтажная „возачья изба", а подлѣ нея помѣщалась „нижняя возачья", сгорѣвшая уже послѣ погрома монастырскаго; „возачьими" избы эти назывались потому, что здѣсь жили возчики монастырскіе, которыхъ было довольно много; по всѣмъ вѣроятіямъ, возчики ближніе обитали въ ближайшей къ воротамъ избѣ, а въ нижней поселены были тѣ, которые поддерживали сообщеніе съ „Низомъ", т. е. съ Рыбинскомъ и Волгою; понятно, что въ центръ монастыря впускать возчиковъ вообще не годилось, такъ какъ это были люди мірскіе, быть можетъ даже и не принадлежавшіе къ безпоповщинскому согласію, хотя и вполнѣ преданные своимъ хозяевамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывалъ намъ большакъ. Тутъ же сейчасъ за „возачьими" избами помѣщались 4 обширныхъ конныхъ двора съ теплыми помѣщеніями, которые были на столько удобны и чисты, что „въ пору любому русскому жить", заявилъ старикъ, который, хотя несомнѣнно не считалъ себя инородцемъ, однако же всегда, говоря о никоніанахъ, и никоніанской Россіи употреблялъ выраженія: „русскіе и Россія"; Теперь уцѣлѣли только три изъ этихъ построекъ, но и онѣ находятся въ такомъ положеніи, что не сегодня, такъ завтра обвалятся и провѣрить слова старика о роскоши помѣщеній не было, конечно, возможности; съ монастырскимъ добромъ вѣдь не церемонятся, такъ какъ послѣ „мамаева разрушенія" оно признано было самимъ начальствомъ „res nullius", а потому и пользуется ею тотъ, кому заблагоразсудится; понадобится псковичу подставка — онъ идетъ, какъ въ свой складъ, разламываетъ крышу и снимаетъ первый вѣнецъ съ избы. Какъ разъ напротивъ конныхъ дворовъ помѣщается огромная двухэтажная изба, занятая во времена монастырской жизни „швальнями портною и чеботной"; здѣсь работало 8 портныхъ и 6

чеботарей, которые обшивали не только всѣхъ монастырскихъ жителей, но работали и на сторону; сапоги Даниловскіе славились по всему сѣверу, вплоть до Холмогоръ, и въ особенности сильно расходились между сторонними покупателями послѣ того, какъ въ число жителей монастырскихъ поступило три человѣка кимряковъ столь извѣстныхъ въ Россіи чеботарей. Не подалеку отъ швальни находится казначейская, а подальше довольно большое трехэтажное зданіе, носившее названіе „большой избы“. Въ этой послѣдней избѣ жила братія, точно также, какъ и въ нѣсколькихъ другихъ, подобныхъ домахъ. Въ цвѣтущее время Данилова число братій доходило до 400 человѣкъ, а все населеніе простиралось далеко за тысячу; каждому десятку полагалось находиться подъ началомъ особаго десятника, безъ разрѣшенія и благословенія котораго его подначальные не могли предпринять никакого дѣла, а сами въ то же время подчиняли свою волю большаку, который или самъ рѣшалъ недоразумѣнія или совѣтовался со „старцемъ“, лицомъ, вовсе не имѣвшимъ юридически опредѣленной власти, но жизнію своею стяжавшимъ дѣйствительное главенство въ общежительствѣ. Казначей, какъ видно изъ устава общежительства, составленнаго Андреемъ Денисовымъ, завѣдывалъ инвентаремъ момонастыря; ему полагалось въ обязанность беречь монастырское добро не просто лишь какъ общественное имущество, но какъ вещи, принадлежащія „яко бы самому Богу“; конечно такая оговорка не только бы не удержала нашихъ казначеевъ отъ „позаимствованія“, но, пожалуй, даже вовлекла бы ихъ въ искушеніе; тѣмъ не менѣе для даниловскихъ выборныхъ казначеевъ она имѣла значеніе и большакъ увѣрялъ меня, что никогда во всей исторіи монастыря, а онъ ее превосходно знаетъ, не было случая исчезновенія обительскаго добра. Казначей долженъ былъ наблюдать, чтобы ничто не затерялось, чтобы чего нибудь не украли, что на многолюдвѣ несомнѣнно могло случаться, смотрѣть, чтобы братія получала лишь необходимое, не выдавать чего либо лишняго, не положеннаго по уставу; въ то же время ему вмѣнялось въ обязанность входить въ братскія нужды, предусматривать ихъ, и въ отношеніяхъ своихъ къ братіи быть, какъ можно, кротче и любовнѣе, не „рвать съ дубу“, какъ дѣлаютъ это наши выдаватели „причитающагося“, а „давать легонько и добренько“, какъ предлагаетъ Андрей Денисовъ. Всѣ выдачи онъ долженъ былъ производить самъ, отнюдь не поручая этого дѣла кому либо, а тѣмъ болѣе не впуская въ обительскіе чуланы самихъ требующихъ; всякая выдача записывалась въ книгу подъ числомъ и именемъ, такъ что всегда возможно было провѣрить, выслужила ли извѣстная вещь свой срокъ. Съ своей стороны и братіи рекомендовалось относиться къ казначею добропорядочно и „да просятъ не крикомъ и шумомъ, яко готфи (sic) и мірстіи, ниже ропташемъ, но яко рабы кроткаго Владыки Христа, съ кротостью, да просятъ кому что нужно“. Въ вѣденіи казначея находились и кожевня, и швальни портная и чебот-

ная, и мѣдница; понятно, что дѣла у него было достаточно и день деньской приходилось ему трудиться на пользу общественную.

У „большой“ избы начиналась оградка, сохранившаяся и до сихъ поръ и заключавшая въ себѣ „прикащицкую“, „старцеву“ и „большакову“ избу; всѣ эти избоки помѣщались на холмикѣ такъ, что къ задамъ ихъ примыкало монастырское кладбище, устроенное въ сосновой рощицѣ. Прикащиковъ, собственно говоря, прежде, въ первое время основанія монастыря, не полагалось, но сама жизнь скоро указала на необходимость учрежденія этой должности; въ большаки избирался обыкновенно человѣкъ почтенный, какъ по личнымъ своимъ качествамъ, такъ и по годамъ; понятно, что никогда онъ рѣшительно не могъ углядѣть за обширнымъ монастырскимъ хозяйствомъ, разбросаннымъ на всемъ пространствѣ отъ Сумы на Бѣломъ морѣ до Пигматки на Онежскомъ озерѣ, а потому на соборѣ и рѣшено было учредить прикащиковъ, сначала только въ Сумѣ и въ Пигматкѣ, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ находилось монастырское имущество. Прикащикъ могъ лишь исполнять большакову волю и безъ его благословенія не могъ предпринять ничего такого, что не было бы ему поручено большакомъ. Всѣмъ извѣстно, какъ лексинскій монастырскій прикащикъ, старица Ирина Полтева, не выдала „мамаямъ“ монастырскаго стада на Пяльмѣ. „И смѣхъ былъ мнѣ и горе!“—разсказывала большуха—княжикъ было на нее: „подай ключи отъ скотнаго двора!“ а она ему: „ключей не дамъ — берите силою“. Ворота сломали, а Арипушка только посмѣивается. Они было ей: „не смѣйся!“ а она имъ: „смѣхъ не отъ человѣка, а отъ Бога“. Выгнали они скотину, пересчитали, въ тетрадку записали, а Аринушка имъ: „всю ли взяли?“ „Всю“, говорятъ. „Ну, говоритъ, инъ ладно!“ отошла такъ къ лѣсочку, да и начала: „тпрусь, тпрусь! тпрусь, тпрусь!“ какъ схватятся коровки-то матушки... хвосты вверхъ, да къ ней... А она имъ, какъ прибѣжали они всѣ: „кысь!“ такъ они въ лѣсъ хлынули—только ихъ и видѣли! А Аринушка подошла да и спрашиваетъ: „все ли, говоритъ у васъ цѣло?“—Что тутъ послѣ было? и залилась старуха слезами... А что было? Старуху высѣкли и только. Говорятъ, она денька черезъ 2—3 померла, правда, такъ вѣдь не отъ отеческаго же наставленія ревнителей православія. Въ „старцы“ шли по своей волѣ, а такъ какъ подвижничество ихъ было крайне трудное, то большаго числа охотниковъ на поселеніе въ „старцевой“ избѣ не находилось. Въ большаковой избѣ жилъ большакъ и его послушникъ. Вправо отъ большаковой избы помѣщались раззоренныя теперь „кузнецкая“, „мѣдня“, „городничева“ и „кожевня“ — всѣ выстроенныя въ два этажа, затѣмъ келаревъ амбаръ, „браппая“, „изба Ѳедора“, „поварня“ и „погребъ“, двухэтажная, огромная и свѣтлая больница съ часовнею и наконецъ трехэтажная „грамотная“. Кузнецкая служила, конечно, для мѣстныхъ надобностей, тогда какъ на мѣднѣ производились „дымила“, иконы и кресты, которые расхо-

дились потомъ по всей Россіи и даже Сибири; всѣ эти вещи даниловскаго производства крайне цѣнились по своей тщательной отдѣлкѣ и до сихъ поръ еще можно на Волгѣ тотчасъ же признать Даниловскій складень среди другихъ, продаваемыхъ старьевщиками. Въ городничевой избѣ жилъ „городничій", который долженъ былъ заявить себя непремѣнно твердымъ въ вѣрѣ, такъ какъ ему чаще другихъ приходилось имѣть сношенія съ міромъ и потому легче было заразиться мірскимъ духомъ; чаще всего на эту должность избирали уже почтеннаго старика, который уже въ силу старости своей не могъ поддаться обаянію мірской прелести. На обязанности городничаго лежало, между прочимъ, наблюденіе за тѣмъ, чтобы у воротъ монастыря постоянно находился на стражѣ кто нибудь изъ сторожей, а также и содержать въ исправности постоянное сообщеніе черезъ Тихвиноборскую и Габсельгу съ Повѣнцомъ и слѣдовательно съ тѣмъ пунктомъ, откуда могла нагрянуть бѣда; тутъ, въ городѣ всегда была возможность узнать о сборахъ или о выѣздѣ начальства, при чемъ тотчасъ же отправлялся гонецъ въ Габсельгу и далѣе, дабы во время предувѣдомить братію о предстоящей бѣдѣ; конечно, при такихъ порядкахъ, не могло начальству посчастливиться накрыть богослуженіе, или что либо подобное, хотя это и не мѣшало ему все-таки брать значительную хабару и затѣмъ, накричавши, а иногда даже и надравшись вволю, возвращаться домой. Въ мірской гостинницѣ, помѣщавшейся за воротами, тамъ, гдѣ и мы остановились, городничій обязанъ былъ наблюдать за тишиною и спокойствіемъ, чтобы тѣ, которымъ разрѣшено было отъ большака остаться на ночь, не имѣли между собою „свары и мятежей", чтобы въ гостинницѣ „никогда не раздавался смѣхъ, кощунство, брань и сквернословіе": всякаго приходящаго въ гостинницу человѣка онъ долженъ былъ распрашивать, кто онъ и, если оказывалось, что посѣтитель бѣглый, то городничему вмѣнялось въ обязанность не отказывать ему вовсе въ пріютѣ и пищѣ, но „братолюбне по обычаю препокоить и напитать, яко же и прочихъ и, тако упокоивъ ихъ съ любовію, да отпустить". Такимъ образомъ всѣ розсказни о регулярномъ пристанодержательствѣ и укрывательствѣ бѣглыхъ въ Даниловѣ сводятся къ плодамъ фантазіи становыхъ и исправниковъ, такъ какъ мы видимъ, что оба эти преступленія, предусмотрѣнныя закономъ, предусматривалъ и Андрей Денисовъ и предлагалъ удалять бѣглыхъ изъ монастыря, конечно, не ночью и не тотчасъ по ихъ приходѣ въ монастырь и не голодныхъ, а поступивши съ ними такъ, какъ предписываетъ христіанское человѣколюбіе. Понятное дѣло, что если въ гостинницу наѣзжали такіе люди, которые благодѣтельствовали монастырю, то такихъ „питателей братскихъ и милостивцевъ" городничему предлагалось не оставлять во внѣшней гостинницѣ а передавать во внутреннюю, верхнюю гостинницу и „покоить ихъ сколь можно и съ честію отпустить". На его же обязанности лежало наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ во время

божественной службы, а также и за тѣмъ, чтобы братія не лѣнилась, не уклонялась отъ богослуженія и непремѣнно являлась на всякую службу въ часовню, онъ долженъ былъ знать и помнить, кто въ какой живетъ кельѣ, какъ себя ведутъ въ кельяхъ, не ссорятся ли и вообще не дѣлаютъ ли какихъ либо не идущихъ монашествующимъ дѣлъ. Само собою разумѣется, что полное воздержаніе достигалось весьма плохо, а потому практичный Андрей Денисовъ и вмѣнилъ въ обязанность городничему строго наблюдать, чтобы юные отнюдь не жили съ юными, а стараться юношей селить съ отжившими свой вѣкъ стариками. Такимъ образомъ обязанности городничаго были крайне сложны, хлопотливы и щекотливы, но кому еще болѣе дѣла было такъ это келарю, имѣвшему особую келью при упомянутомъ нами „келаревомъ амбарѣ“. На его рукахъ лежало все внутреннее монастырское хозяйство и онъ долженъ былъ наблюдать за трапезною, хлѣбенною, поваренною и больницею. Въ виду того, что монастырь обладалъ большими средствами, и келарь кормилъ братію такъ, какъ, конечно, дома не ѣстъ русскій крестьянинъ, Андрей Денисовъ очень заботился о порядкахъ монастырскихъ и потому въ своихъ уложеніяхъ помѣстилъ цѣлое росписаніе яствъ на всякіе дни въ году, чураясь, какъ и подобаетъ, при „ангельскомъ житіи“ совершенно мяса. Въ воскресенье полагалось напримѣръ къ обѣду три блюда или пищи, какъ онъ выражается: „рыбники, щти и каша съ масломъ по обычаю“; къ „ужинѣ двѣ пищи: щти и млеко; а еще гдѣ ловится рыба довольно, да предлагаютъ рыбы по малу“. Все это варьируется, конечно, сообразно съ постными днями и съ „недѣльницею“, т. е. со временемъ отдыха отъ тяжкихъ работъ, со временемъ года и наконецъ съ мѣстностью, но во всякомъ случаѣ, видимо, сытымъ быть можно, а если принять во вниманіе отпуски хлѣба вволю и молока тоже безъ мѣры, то житье въ Даниловѣ и не одному лишь какому нибудь воронежскому мужику можетъ показаться раемъ. Авторъ устава крайне былъ озабоченъ тѣмъ, что бы пища распредѣлялась пропорціонально труду, причемъ келарю вмѣнялось въ обязанность знать, кто именно изъ братій былъ на трудныхъ работахъ, чтобы дать ему лишненькаго; вообще „масла, егда полагаютъ въ каши въ братствѣ, полагаютъ въ четыре чаши по единому фунту“, но едва наступало рабочее время, какъ въ силу распоряженія Денисова, клали въ три чаши по фунту. Денисовъ терпѣть не могъ аристократизма, привиллегированности и т. п., а потому даже и въ уставѣ о пищѣ мы видимъ его заботы о равенствѣ между всѣми членами братства. „Пристроекъ же стряпчихъ“, говоритъ онъ, „какъ пирожныхъ, такъ и налитушныхъ и прочихъ таковыхъ на службахъ отнюдь не стряпать, подъ опасеніемъ жестокаго запрещенія (на годъ безъ причастія); ужасающимся своевольства грѣха, по отеческому писанію, все безъ благословенія творимое грѣхъ есть; и масла въ каши на верхъ кромѣ вообраменныхъ дней (упомянутыхъ выше: господскіе и храмовые празд-

ники) не полагать, а наипаче того келареви смотрѣть должно, дабы никто не имѣлъ особыхъ какихъ пищей, какъ прежде бывало, что всякій въ своемъ сосудѣ свое масло, и смѣтану, и ягоды принося, одинъ безстудно ястъ другимъ смотрящимъ". Въ особенности славился Даниловъ умѣньемъ печь булки изъ пшеничной муки, которыя кромѣ того, что потреблялись на мѣстѣ, расходились въ огромномъ количествѣ по всей Россіи въ качествѣ благословеннаго хлѣба среди безпоповцевъ Поволжья и центральныхъ губерній. Сильно досталось Даниловцамъ за эти булки! рьяные охранители православія изъ нѣмцевъ и поляковъ, въ качествѣ становыхъ приставовъ, въ пылу своего усердія порѣшили, что булки эти „тайное причастіе" и пошло писать! Плели все возможное и невозможное: тутъ была и кровь ягненка, и кровь младенцевъ и другая чепуха, а того не поняли, что, чествуя святость Данилова, русскій человѣкъ могъ относиться съ почтеніемъ и къ простому бѣлому хлѣбу, испеченному въ священномъ мѣстѣ, какъ почитаетъ благословенный хлѣбъ и Троицы-Сергія, Кіева и другихъ мѣстъ. Въ помощь келарю для внѣ монастырскаго хозяйства избирался урядникъ или нарядчикъ, которому были подчинены всѣ „работные люди"; онъ смотрѣлъ за земледѣліемъ плотничествомъ, ковачествомъ, рыбными ловлями, возачими, мѣльницами, скотнымъ дворомъ, а также и за всякою домовою работою. Никогда не было опредѣлено, что такіе-то изъ братіи должны заниматься такою-то работою, именно для того, чтобы не было споровъ о тяготѣ несомаго труда; на всякую особую потребу совѣтомъ старцевъ избирались особые люди изъ братіи, которые, покончивши работу, возвращались въ монастырь и прямо съ рыбной ловли могли быть назначены для сбора въ лѣсу ягодъ. Этотъ совѣтъ старцевъ, имѣвшій громадное значеніе во всѣхъ дѣлахъ монастырскихъ, состоялъ изъ духовниковъ; всѣ братья и сестры обязаны были избирать себѣ духовныхъ отцовъ, которымъ и исповѣдывали „вся сокровенная своя" по четыре раза въ годъ; исповѣдь эта совершалась не тайно, а напротивъ того при открытыхъ дверяхъ и на виду у всѣхъ, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы рѣчей духовника и исповѣдающагося не было слышно. Понятное дѣло, что не всегда духовники отвѣчали требованіямъ монастырскаго устава и, пользуясь правомъ своимъ посѣщать женскую половину, поминутно бѣгали туда совсѣмъ для иныхъ цѣлей; уже Денисовы видѣли, что тутъ быть грѣху, а потому и постановили, чтобы „духовные отцы навѣщали постницъ по 4 раза въ годъ, а кто чаще будетъ бесѣдовать на единѣ съ постницами, кромѣ смертныя вины, повиненъ будетъ соборному запрещенію". Конечно и это не помогало, такъ какъ цѣлый рядъ мѣръ былъ направленъ къ тому, чтобы какъ нибудь остановить сношенія братіи съ женщинами женской половины; по всѣмъ вѣроятіямъ случалось нерѣдко, что духовники то платьицемъ, то иною обновочкою, радовали и благодарствовали своихъ духовныхъ дщерей за какія-то невѣдомыя послуги,

о которыхъ конечно они никому не разсказывали, а потому въ уложеніи Денисовыхъ мы и встрѣчаемъ правило, въ силу котораго отцы духовные не должны были слишкомъ усердно заботиться о постницахъ, о „потребахъ ихъ не промышлять, крашенинъ, суконъ и прочихъ, какъ одежныхъ, такъ и съѣстныхъ потребъ имъ не доставлять“... Какъ бы то ни было, но святые отцы все же не могли „плоть распяти со страстьми и похотьми“ и потому было время, когда большинство братіи имѣло любушекъ на женской половинѣ; конечно все это дѣлалось прикрыто, но никто, собственно говоря, и не думалъ особенно строго преслѣдовать подобныя отношенія, такъ какъ всякъ понималъ, что „плоть немощна“; и даже на уложенія Денисовыхъ приходится смотрѣть лишь какъ на нѣкоторую регламентацію, которая должна была лишь отчасти обуздывать населеніе Данилова. Конечно никто не имѣлъ права „въ предѣлахъ постницъ пищи принимати и нощь провести“ кромѣ лишь соборныхъ братій, да и этимъ послѣднимъ давался совѣтъ „безвременныхъ и долгихъ бесѣдъ съ постницами особливо наединѣ весма опаяти изъ опасенія претыканія и соблазна слабыхъ и благоразумнаго стыда церковныхъ и соборныхъ запрещеній“. Видимо постницы крайне заботили Денисовыхъ такъ какъ мы находимъ въ уложеніи ихъ цѣлый рядъ мѣръ, клонящихся къ тому, чтобы „соблюсти ихъ дѣвическій чинъ“, да кстати и старцевъ не ввести въ соблазнъ; благодаря такому стремленію, мы видимъ, что Денисовы предписываютъ, чтобы „одежды постницъ были простыя, изъ простаго черпаго сукна или крашенины, а китайчатыя, киндачныя, бомбарековыя и иныя однорядочныя и яренковыя“ никогда не могутъ быть надѣваемы постницами; на головѣ онѣ должны были носить самый простой китайчатый черный треухъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ строго воспрещалось ношеніе „пуховъ бобровыхъ выдряныхъ и иныхъ“, а рекомендовались „шубы овчинныя, сшитыя, приличныя пустынному житію и общежительскому благочинію; у „дѣвическаго чина“ (изъ кого онъ состоялъ, мы скажемъ ниже) перевязки должны быть „черныя, смиреннаго обычая, покрывала не шелковыя, но простыя, гойтаны у одежды черныя или темно-вишневыя, а не красныя, зеленыя и желтыя“. „Кружевъ и плетеній вязьбенныхъ и прочихъ непотребныхъ украшеній“, предписывалось никому не покупать и не дѣлать самимъ. Наконецъ чтобы еще вѣрнѣе усмотрѣть за дѣвическимъ чиномъ, ихъ отпускали къ роднымъ только лишь въ сопровожденіи старой монахини, а однѣхъ предписывалось „не отпускать ни за чѣмъ на 5 ступеней отъ вратъ монастырскихъ“. Ясное дѣло, что все это нисколько не помогало и молодость брала свое, а отсюда цѣлый рядъ навѣтовъ, что Даниловъ и Лекса представляютъ собою разсадники всяческаго разврата.

Какъ въ Даниловѣ, такъ и въ Лексѣ было нѣсколько особыхъ домовъ, которые строили разные купцы, какъ для пріѣздовъ, такъ и для продолжительнаго проживанія кого нибудь изъ ихъ родни въ

монастырѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелось издавна, что и купечество и крестьянство отдавало своихъ дочерей на Выгъ на воспитаніе; здѣсь онѣ поступали въ такъ называемый дѣвичій чинъ и учились въ „громотныхъ“; ихъ учили шить, вязать, рисовать миніатюры на книгахъ, писать, читать и пѣть; окончивши курсъ, онѣ могли возвратиться въ родительскій домъ, такъ какъ никто ихъ не неволилъ оставаться непремѣнно въ монастырѣ, или же могли и остаться въ монастырѣ на срокъ или на вѣчныя времена.

Посреди ограды стояла высокая колокольня съ часами, а обокъ съ нею и главная часовня, которую не захотѣли раззорить, а напротивъ того порѣшили оставить въ назиданіе, устроивши въ ней православную церковь. Тутъ то подлѣ этой часовни и происходилъ главный погромъ: тутъ и били и сѣкли, и обливали холодною водою упорствующихъ, отсюда заставили батожьемъ большака вынести ключи властямъ предержащимъ, и т. п. Около 3,000 рукописей было сожжено на площадкѣ передъ часовней этими новыми варварскими полчищами Омара; массы изрубленныхъ и исковерканныхъ иконъ подверглись той же участи, при чемъ однако драгоцѣнныя каменья и богатыя ризы всѣ тщательно сдирались и затѣмъ уже никогда и неявлялись на свѣтъ Божій. Со слезами на глазахъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ разсказывалъ мнѣ старикъ большакъ объ этихъ грустныхъ и отвратительныхъ событіяхъ... Я вошелъ въ церковь; оказалось, что праздновался Ильинъ день, когда всѣ церкви въ русской землѣ ломятся отъ народа... и что же я увидѣлъ! священникъ въ рваныхъ ризахъ, какая-то темненькая личность, словно урвавшаяся изъ острога, вмѣсто дьячка, да волостной старшина—вотъ и „вси вѣрніи“, которые сочли долгомъ явиться въ этотъ памятникъ православнаго варварства. Священникъ видимо сконфузился и я поспѣшилъ уйти изъ этой празднующей и торжествующей свою побѣду жалкой компаніи.

— Пойдемте-ка лучше къ вамъ, Иванъ Михайловичъ! сказалъ я, выходя къ большаку.

Онъ видимо понялъ, въ какомъ я нахожусь настроеніи и пересталъ разсказывать свои ужасныя воспоминанія.

Живетъ онъ чистенько, уютно, въ двухъ небольшихъ горницахъ; запахъ ладана такъ и билъ въ носъ—вѣдь и ему приходилось справить службу на Ильинъ день. Во всей этой порядочности и чистотѣ видна была несомнѣнная женская рука, но, кромѣ его, никого непоказывалось, а справляться было неудобно.

— А вѣдь вы главнаго то и не видали, сказалъ старикъ послѣ долгой бесѣды,—нашу святыньку не видали—кладбище.

Мы отправились; тутъ за избою большака начиналось кладбище, но мы направились къ выходнымъ воротамъ; я спросилъ, почему не продѣлаютъ тутъ-же калитки и услыхалъ въ отвѣтъ разсказъ, который стоитъ того, чтобы передать его здѣсь. „Послѣ уже, какъ запечатали часовню, совсѣмъ было господа уже закусывать пошли, да спохва-

тился попъ, что съ ними былъ:—ахъ, говоритъ, самую главную ихъ заразу не порушили, могилъ ихнихъ проклятыхъ не тронули. Ужъ каково намъ это слышать было, что про наши могилки, про нашихъ святыхъ мужей такъ говорятъ, и толковать нечего; однако ничего, стоимъ себѣ: кто плачетъ, а кто губы закусилъ — кровь течетъ, а слова не молвитъ. Ведите, кричатъ, насъ, показывайте вашу поганую дохлятину. Словно и не люди, словно креста на нихъ нѣтъ вовсе! Показывать никто не показываетъ, а только, что и показывать, коли кладбище все на юру — само въ глаза кидается! Пришли. Тотчасъ нашли всѣ могилки: и Данилы Викулича, и Андрея и Семена Деонисьевичей.—„Понятыхъ—кричатъ—сюда съ лопатами, да чтобы соху и лошадь нарядить! сбѣгать въ поварню! эй, келарь! давай соли!“ А келарь, какъ стоялъ, такъ упалъ на земь; лежитъ ничкомъ, только кровь горломъ хлынула; толкаютъ этто его ногами, чтобы всталъ, а онъ лежитъ батюшка мертвенькій — знать сердце не выстояло, лопнуло, кровью весь ликъ залило.—„Бѣгите сами въ поварню! живо!“— Кто лопаты тащитъ, кто лошадь нашу же, Сѣрко съ сохою ведетъ, а Сѣрко то упирается, потому что старику у насъ почетъ былъ — стоялъ больше по дряхлости своей и не только что въ соху, а коли кто изъ братіи помретъ, такъ и то его жалѣли, на немъ не возили. А они словно въ безпамятіе вошли, словно обуяло ихъ что: и пошло тутъ то, что и разсказать нельзя словами, слезами вѣкъ не выплачешь, кровью сердечною не опишешь. Плачъ, вой, стонъ, крики, ругань языческая, лязгъ лопатъ... ума помраченье! Такъ, и не помню, что потомъ было... палъ тоже на земь отъ обмороки... Вскопали они наши могилки, вспахали ихъ сохою, посыпали то мѣсто солью и пошли тогда закусывать... Да что! всего не разскажешь! да и больно говорить-то!“ закончилъ старикъ, хватаясь за сердце. Понятно, что предусмотрительные „мамаи“, опасаясь, чтобы „преступники“ снова не стали собираться на „святыхъ могилкахъ“, тщательно заколотили калитку, ведущую изъ монастыря на кладбище и запечали ее казенными печатями... Мы вошли на кладбище со стороны р. Выга, гдѣ заборъ казенными печатями запечатанъ не былъ, а потому и могъ быть пробитъ калиткою или просто разобранъ. Могилы заросли травою, кладбище заглохло, но, когда мы пробрались въ часовенку, выстроенную надъ тѣлами основателей поморскаго толка вообще и Данилова въ особенности и запечатанную во время „мамаева разоренія“, то запахъ ладана снова поразилъ мое обоняніе.—„Да развѣ здѣсь бываетъ кто нибудь?“ невольно спросилъ я большака.—„Запрещается“, уклончиво отвѣтилъ мнѣ старикъ, но суть отвѣта я прочелъ въ глазахъ его...

Вся область отъ Бѣлаго моря до Онежскаго озера кормилась Выгорѣцкими общежительствами; до сихъ поръ еще путникъ невольно поражается тою домовитостью, чистоплотностью и какъ будто даже достаткомъ, который бросается въ глаза всякому, кто впервые прі-

ѣдетъ въ эти мѣста; видно тотчасъ, что человѣкъ вышелъ уже изъ состоянія дикости и слѣдовательно безразличности къ своему комфорту и обстановкѣ и старается устроить свое жилище по возможности удобно, чисто, свѣтло и просторно. Грамотность, какъ необходимое послѣдствіе принадлежности къ безпоповству, дѣлала и мужчинъ и женщинъ далекими отъ разныхъ нашихъ народныхъ пороковъ и вела за собою болѣе разумное питаніе, воспитаніе и жизнь; явились здѣсь вслѣдствіе той же грамотности такіе вкусы, которые найти можно лишь среди культурныхъ людей; измѣнился взглядъ на женщину, а слѣдовательно и она могла благодѣтельно вліять на подростающее поколѣніе. Тысячи народа постоянно заняты были на поляхъ Даниловскихъ, на судахъ, рыбныхъ ловляхъ и промыслахъ — все это существовало монастыремъ и имъ лишь держалось. Благодаря постоянному страху гоненія выработался въ народѣ духъ единенія, сила воли, не сломимая даже передъ смертью, бодрость духа и закаленность, которыя не останавливались ни передъ чѣмъ и вели весь край къ процвѣтанію. Въ самое цвѣтущее время Выголексинскихъ общежительствъ суда постоянно приходили къ Пигматкѣ и отходили отъ нея нагруженныя пушнымъ товаромъ, солью и рыбою; по всему берегу Бѣлаго моря процвѣтало солевареніе и монастыри добывали ежегодно около 50 т. пудовъ соли; суда монастырскія и поморскія рыбачили и въ Бѣломъ морѣ, и въ Ледовитомъ океанѣ, били морскаго звѣря на океанѣ, зачастую заходили на Новую Землю, посѣщали для лова и боя Грумантъ (Шпицбергенъ) и, какъ усиленно свидѣтельствуютъ выголексинскіе историки, нѣсколько разъ заходили даже въ Америку. Жизнь кипѣла въ Поморьѣ, пока не додумались до разрушенія монастырей, отъ чего ждали Богъ вѣсть какихъ благъ для пользы государственной. Рушили „гнѣздо бунтовщиковъ и государственныхъ ненавистниковъ“, отняли у нихъ земли, добро и деньги, ободрали ихъ образа, разхитили ихъ хозяйство, разграбили ихъ книгохранилище и, совершивъ преступное дѣло, почили въ сознаніи исполненнаго долга. А между тѣмъ, кто же эти опасные для государства люди, кто эти злоумышленники и политически вредные агитаторы? Собраніе людей, которые, до сихъ поръ еще не рѣшили доподлинно и все еще спорятъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать надпись на крестѣ: „Ω, О, Н“: одни, основываясь на свидѣтельствахъ разныхъ не менѣе ихъ досужихъ церковныхъ писателей, увѣряютъ, что три эти буквы означаютъ: „отецъ онъ нашъ“; другіе съ неменьшею стойкостью стоятъ на томъ, что слѣдуетъ читать: „оцтомъ онъ напоенъ“, а третьи наконецъ, снова вооружившись фоліантами разныхъ „боговдохновенныхъ“ писателей, которыхъ и наша церковь признаетъ таковыми, усиливаются настоять на своемъ чтеніи: „онъ оскверненъ нашими“... и видя, что ничего не выходитъ путнаго, перескакиваютъ къ подножію креста, видятъ тамъ „два глаголя“ и продолжаютъ читать: „грѣхами сугубо“. Грамотные, трудолюбивые, трезвые, состоятельные, но все еще спо-

рящіе о томъ, что слѣдуетъ служить обѣдню на семи просфорахъ, только два раза повторять „алилуйю", да и персты складывать такъ, чтобы „все человѣчество согбенно предъ Двуестественнымъ Господомъ Исусомъ" было,—неужели же это политическіе преступники и опасные для государства люди? Проповѣдники „спасительнаго труда" и равенства передъ Богомъ обоихъ половъ, люди энергіи, силы воли, развитые (условно), предпріимчивые, молящіе лишь о томъ, чтобы ихъ оставили въ покоѣ—не они ли грозятъ спокойствію нашего отечества?

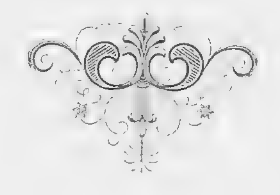
Часто видался я съ большакомъ и расспрашивалъ его про прежнія времена, про тѣ блаженные годы, когда за 3—4 сотенные билета въ годъ полиція не трогала Данилова и довольствовалась лишь не частыми наѣздами ради легенькихъ подарочковъ и приношеній, да ради интрижекъ съ красивыми лексинскими постницами и бѣлицами.— Даниловъ представлялъ собою дойную корову для всѣхъ чиновныхъ и даже не чиновныхъ людей.—„Положеніе у насъ такое было на тотъ счетъ, разсказывалъ большакъ, чтобы пріѣздовъ не ждать, а посылать дачи на домъ начальству. Окружному и 300 и 500 рублей давали, да коммисару сходило 300, да мелкимъ разнымъ—подъ тысячу; да чего уже толковать, коли лѣсничій рублей около 200 получалъ!... „Лѣсничій то за что же? изумился я.—„А какъ ты полагаешь вѣдь и онъ тоже начальство. Разъ было Степанъ Михайловичъ большакъ не хотѣлъ давать, заартачился, такъ онъ партію собралъ, цѣлью прокладываетъ, колья ставитъ: „какъ разъ, говоритъ, на вашъ монастырь надо просѣку вести, ломайте, кричитъ ограду! „насилу на пятисотенной тогда помирился, а послѣ опять дачу получать сталъ. Да вотъ хотя бы горные эти, такъ одинъ ухитрился вѣдь ограбить; написалъ куда слѣдуетъ бумагу, что въ самой оградѣ должны быть руды золотыя, получилъ приказанія, пріѣхалъ, да и ну рыть вездѣ... однако, слава Богу, откупились тогда, а его въ скорости въ иное мѣсто перевели. Да всѣ брали, только развѣ мертвый не бралъ... такъ разъ даже и мертвый взялъ".—„Какъ такъ?"—„Да такъ вотъ! Простаго народа мы никогда не чуждались, а напротивъ того привѣчали всячески простаго человѣка. Вотъ и пришелъ къ намъ разъ, Тихономъ звали; пожилъ сколько ни на есть времени, да Богу душу и отдалъ. Отпѣли мы его, похоронили и живемъ себѣ въ спокойствіи. Разъ вечеркомъ, тройка, другая, третья, весь судъ въ гости, да съ понятыми.—„Гдѣ у васъ Тихонъ Петровъ?"— „Волею, говоримъ Божіею помре".—„Врете, кричитъ исправникъ,— вы его задушили, потому что онъ православный!" А исправникъ то разсердивши на насъ былъ, потому онъ дочку замужъ отдавалъ и просилъ у насъ 2,000 руб. на приданое, а мы не дали. Туда, сюда— „вырывайте", кричитъ, тѣло. Ну вырыли, несутъ его на рукахъ... „Вездѣ, кричитъ, — темно! несите его въ часовню!" Тутъ мы уже догадались... спасибо о ту пору Зарайскій богатый купецъ на богомольѣ былъ у насъ... заплатилъ 2,000 да 1,000 руб. изъ своей казны видали. Такъ, что же бы ты думалъ!—„Эхъ, говоритъ, болваны! Я Ти-

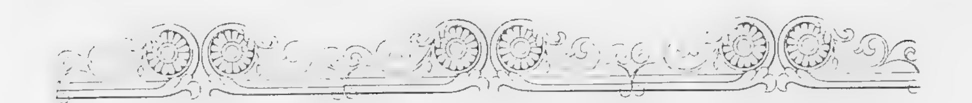
хона то еще въ наборѣ примѣтилъ ономнясь, потому докторъ сказалъ, что ему всего можетъ мѣсяцъ жить осталось... къ вамъ его умирать нарочно послалъ... Вотъ теперь тысяченку дочкѣ моей на обзаведеньице и подарили, а то бы эта тысяченка у васъ въ мошнѣ была. Такъ-то вотъ съ насъ мертвецъ и взялъ денежки".

Рано утромъ выѣзжалъ я изъ Данилова по Выгу на монастырской лодкѣ; гребцы истово перекрестились и мы тронулись въ путь. Большакъ стоялъ на берегу и любовно клапялся намъ, словно стариннымъ добрымъ друзьямъ и пріятелямъ... Грустно смотрѣлъ на меня Даниловъ—„Мертвый городокъ", гдѣ такъ еще недавно кипѣла плодотворная дѣятельность.

Говорятъ, что для, такъ называемыхъ, „безвредныхъ" сектъ русскаго раскола наступаютъ лучшія времена, говорятъ, имъ будетъ разрѣшено строить молельни и отправлять богослуженіе, какъ это не возбраняется ни магометанамъ, ни язычникамъ... Возстанетъ ли изъ развалинъ „Мертвый городокъ", несправедливо и безчеловѣчно разрушенный въ годину преслѣдованій?

Владиміръ Майновъ.

ЭМИРЪ ТАДЗЬ-УЛЬ-ФЕХРЪ АБДЪ-ЭЛЬ-НИШАНЪ.

ВСЯ ПОЛЬСКАЯ интеллигенція знаетъ, кто такой былъ Эмиръ Тадзь-Уль-Фехръ, иначе: Графъ Вацлавъ Ржевускій, не подробно, но знаетъ. У насъ, можно сказать, не знаютъ объ немъ ничего. Развѣ кто прочелъ Кассиду Мицкевича посвященную Козлову и переполненную всякими восточными и не вѣсть какими преувеличеніями, но полную поэзіи и читаемую съ удовольствіемъ.

Мы разскажемъ русскимъ читателямъ все, что́ намъ извѣстно объ этомъ странномъ человѣкѣ, который всему учился, много читалъ, много писалъ, чертилъ, рисовалъ, суетился, но какъ-то случилось, что изъ всего этого ничего не вышло! Вышла куча безпорядочныхъ замѣтокъ о классицизмѣ, о романтизмѣ; о встрѣчахъ съ замѣчательными и незамѣчательными лицами; о вехабитской религіи; о вѣтрѣ Самумѣ; о географіи и объ исторіи видѣнныхъ имъ мудреныхъ странъ; о бытѣ племенъ тамъ живущихъ, объ ихъ нравахъ, объ ихъ лошадяхъ, объ очень многомъ, чего не видалъ никто, замѣтокъ мѣстами дѣльныхъ и вѣрныхъ—но нигдѣ никакого числа, когда сдѣлано такое или другое наблюденіе, когда происходилъ такой или другой описанный фактъ; а если и есть кое-гдѣ указаніе на это, то самое неточное и неопредѣленное. Одинъ такой пріемъ путешественника въ веденіи своихъ записокъ заставитъ наблюдателя призадуматься надъ его серьезностью, характеромъ и образованіемъ. Эти замѣтки, съ большой претензіей на ученость, пересыпаны невѣроятной болтовней Богъ знаетъ о чемъ, мечтами, бреднями, мистицизмомъ, таинственными недомолвками и самымъ дѣтскимъ самохвальствомъ. Довольно часто Ржевускій говоритъ въ своихъ „Замѣткахъ“ [1]), что все неяс-

[1]) Эти замѣтки никогда не были изданы цѣликомъ. Ихъ двѣсти слишкомъ листовъ въ рукописи. Все это было разсмотрѣно и разобрано поэтомъ Луціаномъ Семинскимъ и напечатано, въ выборкахъ и отрывкахъ, въ книгѣ его: Portrety Literackie, Poznań. 1868. Отсюда, главнѣйшимъ образомъ, мы почерпнули матерьялъ для настоящей статьи.

ное и непонятное у него въ настоящей рукописи разъяснится, когда будутъ оглашены его „Memoires secrets sur les affaires d'Orient; но гдѣ эти „Мемуары?“ Вы, можетъ статься, подумаете, что они лежатъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, или у прiятеля, съ надписью: „распечатать въ такомъ то году“? Ничуть не бывало: они зарыты въ пещерѣ, подлѣ развалинъ, гдѣ жила лѣтомъ леди Стенгонъ, въ 1819“!! Для большей ясности прибавлено: „по лѣвую руку“.

Тамъ вырѣзанъ, на скалѣ, таинственный знакъ >L, не дававшiй Ржевускому всю жизнь покою. Онъ вырѣзалъ этотъ знакъ и на колоннѣ Пальмиры, и на скалахъ Набатiи, и на своей саблѣ, и на своемъ бедуинскомъ копьѣ, выжегъ на бедрѣ любимаго коня, выцарапалъ на рукѣ! Собирался еще начертать на пирамидахъ, но къ сожалѣнiю туда не попалъ... Прiятели его бедуины такъ часто слыхали отъ него объ этомъ знакѣ, что прозвали его Невольникомъ Знака (Абдъ-Эль-Нишанъ), что ему чрезвычайно понравилось и онъ любилъ это имя больше, чѣмъ имя Тадзъ-Уль-Фехра, что значитъ Вѣнчанный Славою, близко къ его имени: Вацлавъ, Więczysław, Вячеславъ.

Если литературные опыты не удались Ржевускому и не дали почти никакого результата, (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ) то никакъ нельзя сказать того-же обо всей его жизни: изъ его долгихъ странствiй по Востоку выработалось совсѣмъ другое, нежели онъ ожидалъ, выработался не историкъ, не географъ малознаемыхъ земель, не ученый путешественникъ, не дипломатъ, а просто превосходный покупщикъ арабскихъ лошадей въ мѣстѣ ихъ рожденiя. Никто изъ европейцевъ не купилъ у бедуиновъ такого огромнаго количества чистокровныхъ жеребцовъ и кобылъ самыхъ высокихъ породъ и такъ ловко и счастливо не переправилъ ихъ въ Европу, какъ Ржевускiй. Въ этомъ онъ является истиннымъ артистомъ, одинокимъ, неподражаемымъ героемъ и бойцомъ. Покупка лошадей у арабовъ и доставка ихъ черезъ степи на европейскiй корабль—дѣло весьма нешуточное. Для этого нужно не только быть знатокомъ всякихъ конскихъ расъ и имѣть хорошiя средства, но и продѣлать все то, что продѣлалъ Ржевускiй и притомъ продѣлать искренно, просто и съ любовью: отдаться Востоку, бедуинамъ, пустынѣ, со всѣми ихъ невыгодными для европейца условiями, всею душою и тѣломъ, выучиться хорошо по арабски, одѣться въ бедуинское платье, таскать нѣсколько лѣтъ сряду длинную бедуинскую пику, молиться по арабски, врать очень серьезно бедуинамъ всякую чепуху о своемъ происхожденiи, спать и жить съ ними въ грязи, на змѣяхъ и скорпiонахъ, ѣсть всякую дрянь, пить временами скверную воду степныхъ систернъ, мечтать невѣдомо о чемъ, о роли какого-то втораго Магомета [1].... вотъ

[1]) Portrety literackie, стр. 305, примѣчанiе.

что нужно. Не Ржевускому, человѣку съ меньшими физическими и нравственными силами, съ меньшей отвагой, ловкостью, находчивостью, съ меньшимъ чистосердечіемъ въ химерахъ и дикости, такіе арабскіе кони, какіе дались Ржевускому, и въ такомъ количествѣ, не дадутся [1]).

Родъ Ржевускихъ выступаетъ на горизонтъ польской исторіи въ концѣ XVII вѣка. Изъ этого рода вышли ораторы, писатели и военные люди. Михаилъ Флоріанъ Ржевускій, коронный подскарбій и королевскій полковникъ, былъ товарищемъ гетмана Чарнецкаго во всѣхъ его походахъ, бился съ турками, шведами и татарами. Янъ III весьма цѣнилъ его военныя способности. Младшій сынъ его, Станиславъ Матвѣй, отличился подъ Хотинымъ, потомъ былъ посломъ въ Турціи и наконецъ, какъ полевой гетманъ, воевалъ со шведами и заслужилъ своими подвигами великую булаву. Сынъ его Вацлавъ также носилъ великую булаву. Увѣряютъ, что онъ одинъ ушелъ чистымъ изъ Тарговицкой конфедераціи... Послѣ него остался сынъ Вацлавъ-Северинъ, прижитый въ супружествѣ съ княгиней Констанціей Любомірской, и двѣ дочери.

Вотъ этотъ-то Вацлавъ-Северинъ Ржевускій и составляетъ предметъ нашего этюда. Онъ родился въ 1765 году и сначала воспитывался дома, на Волыни; потомъ, послѣ третьяго раздѣла Польши, переѣхалъ съ отцомъ въ Вѣну и здѣсь докончилъ свое образованіе, учась всему: рисованью, музыкѣ, новымъ, древнимъ и восточнымъ языкамъ, а также и военнымъ наукамъ. Въ сраженіи подъ Асперномъ (21 и 22 мая н. ст. 1809 года) графъ Вацлавъ Ржевускій былъ въ рядахъ австрійскихъ Кинмайеръ-гусаровъ. Вскорѣ послѣ этого отецъ его переѣхалъ на Волынь и тамъ умеръ, въ м. Голякахъ, 1810. Сынъ отправился его хоронить. Въ 1811 году онъ очутился въ имѣніи сестры своей, по мужу графини Потоцкой. У ней гостилъ тогда бывшій турецкій адмиралъ, Рамизъ-Паша, который принималъ участіе

[1]) Какъ трудно доставать на востокѣ чистокровныхъ арабскихъ лошадей не только европейцамъ, но даже и арабамъ, лучше всего покажетъ слѣдующій, извѣстный мнѣ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ фактъ: Эмиръ Абдъ-Эль-Кадеръ получивъ отъ императора Наполеона III звѣзду Почетнаго Легіона (1860) и серьезное прибавленіе къ назначенному ему французскимъ правительствомъ жалованью (получалъ до 1860 года 70.000 франковъ; съ 1860 сталъ получать 100.000), хотѣлъ отблагодарить чѣмъ-нибудь его величество. Естественнѣе всего арабскому эмиру было послать императору арабскаго коня. Абдеръ-Эль-Кадеръ, живя въ Дамаскѣ и имѣя личныя сношенія съ шейхами главныхъ бедуинскихъ племенъ, кромѣ того лицо въ тѣхъ мѣстахъ весьма уважаемое и вліятельное, три года спрашивалъ такого коня! Мнѣ случилось видѣть снятую съ него фотографію: это лошадь длинная, напоминающая нашихъ донскихъ, съ чрезвычайно крѣпкимъ задомъ и прямою шеей, безъ всякаго горба. На первый взглядъ ничѣмъ непоражающая, скорѣй некрасивая, чѣмъ красивая, по общему понятію о красотѣ лошади, установившемуся въ Европѣ.

въ дворцовой революціи, при возведеніи на тронъ Султана Махмуда IV, и послѣ, по совѣту самого же султана, перебрался въ Россію и поселенъ въ Николаевѣ.

Это была первая встрѣча Вацлава съ Востокомъ, къ которому, какъ къ чему-то малоизвѣстному и таинственному, онъ чувствовалъ съ раннихъ лѣтъ неотразимое влеченіе. Рамиза-Пашу поразило знаніе турецкаго и арабскаго языка въ европейской аристократіи. Онъ просилъ его пріѣхать къ нему въ Николаевъ, что Вацлавъ охотно и сдѣлалъ. Рамизъ бесѣдовалъ со своимъ гостемъ о Наполеонѣ (съ войсками котораго бился въ Египтѣ еще очень молодымъ человѣкомъ) и объ европейской политикѣ — самый любимый разговоръ всѣхъ восточныхъ. Графъ Вацлавъ выучилъ Рамиза понимать европейскія географическія карты и показалъ сдѣланную имъ для Гаммеровскаго изданія Fundgruben des Orients карту Европейской Турціи. Съ этихъ поръ Рамизъ сталъ сильно уговаривать своего гостя ѣхать съ нимъ въ Турцію, говоря, что эта счастливая минута для него, Рамиза, приближается быстрыми шагами: султанъ то-и-дѣло присылаетъ ему болѣе и болѣе успокоительныя извѣстія о покореніи края и объ отношеніяхъ массы къ разнымъ нововведеніямъ. Ржевускій выразилъ полную готовность прибыть въ Константинополь, какъ только Рамизъ-Паша усядется тамъ плотно и спокойно. Но встрѣча ихъ на берегахъ Босфора не осуществилась. Рамизъ-Паша плохо разсчиталъ свой отъѣздъ на родину въ политическомъ смыслѣ: враги его и нововведеній еще далеко не угомонились. Онъ былъ убитъ на дорогѣ, гдѣ-то подъ Бухарестомъ.

Вацлавъ (все еще состоя на службѣ австрійцевъ, въ Кинмайеръ-гусарскомъ полку) воротился, между 1812—1813 годами, въ Вѣну и всѣхъ поражалъ своими необыкновенными арабскими конями, которыхъ привелъ изъ своего волынскаго завода и на которыхъ ѣздилъ артистически. Въ особенности слава о немъ, какъ о рѣдкомъ, небываломъ ѣздокѣ и знатокѣ лошадей распространилась по Вѣнѣ при съѣздѣ туда монарховъ и ихъ министровъ на конгрессъ, въ 1815 году. По окончаніи серьозныхъ дѣлъ, стали говорить о необходимости, послѣ стольких компаній, уничтожившихъ цвѣтъ европейской кавалеріи и повліявшихъ на состояніе конскихъ казенныхъ и частныхъ заводовъ въ Европѣ, обновить и освѣжить тамъ конскія породы. Кому-то изъ дипломатовъ пришло на мысль поручить это дѣло графу Вацлаву Ржевускому. Онъ получилъ приглашеніе отъ императора Александра и короля Виртемберскаго Вильгельма купить для ихъ заводовъ нѣсколько арабскихъ кобылъ и жеребцовъ чистой крови на Востокѣ. Тутъ же присоединила свою просьбу и королева Виртембергская, Екатерина Павловна, сестра императора Александра [1]).

[1]) Вотъ ея письмо къ графу Ржевускому, отъ 12-го декабря н. ст. 1817 г., когда онъ былъ уже въ Константинополѣ: „Графъ! Я узнала изъ письма надворнаго

Графъ Вацлавъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ ротмистра, отправился въ свое волынское имѣніе Саврань и оттуда выѣхалъ на Востокъ въ половинѣ 1817 года, взявъ съ собою домашняго доктора Константина Хотынецкаго, стараго слугу Мартына и нѣсколько „казаковъ“; жилъ довольно долго въ Константинополѣ, сносясь съ высшими сановниками Порты, съ русскимъ посланникомъ графомъ Строгановымъ, французскимъ Деларивьеромъ и испанскимъ Гава, почему иные думаютъ, что, сверхъ покупки лошадей, онъ имѣлъ и дипломатическія порученія... Въ началѣ 1818 года, графъ поплылъ въ Сирію на большомъ парусномъ суднѣ. Минуя древнюю Трою, велѣлъ зарядить пушки и сдѣлать три залпа въ честь героя Ахилла, котораго могилу указываютъ тамъ въ одномъ мѣстѣ, на берегу моря.

Мѣстами графъ высаживался и осматривалъ все, что̀ находилъ любопытнымъ. Никакихъ подробностей объ этомъ въ запискахъ его не сохранилось. Только видно изъ одного письма къ пріятелю, что графъ посѣтитъ островъ Патмосъ, города: Алеппо, Багдадъ, Дамаскъ, развалины Пальмиры, пустыню Нежду, гдѣ купилъ для Виртембергской королевы 14 арабскихъ кобылъ и 13 жеребцовъ Когейлановъ, которыхъ, послѣ неслыханныхъ затрудненій и опасностей, переправилъ въ Ливорно, а самъ воротился верхомъ въ Константинополь, совершивъ этотъ переѣздъ въ 13 дней. Изъ Константинополя послалъ великому князю Константину Павловичу разное бедуинское вооруженіе, сѣдла и уздечки. Послѣ отдыха въ нѣсколько мѣсяцевъ (что онъ дѣлалъ въ это время, осталось неизвѣстнымъ), Ржевускій снова пустился въ странствія по Сиріи; опять посѣтилъ Алеппо, Дамаскъ, Антіохію, Триполи, Бальбекъ, Акру, Пальмиру, Бейрутъ, Сайду—все это уже въ сотовариществѣ съ бедуинами племени Аназесъ. Въ это время онъ выучился основательно арабскому языку, (какъ пишетъ къ одному пріятелю въ Варшаву) владѣлъ копьемъ не хуже любого бедуина, одѣвался постоянно по-бедуински и назывался уже эмиръ Тадзъ-Уль-Фехръ. „Посылаю тебѣ мой портретъ въ томъ видѣ, какъ я теперь хожу, а также и портретъ моей кобылы Роваллы, на которой я догоняю газелей. Обдѣлай ихъ въ рамки и повѣсь надъ кроватью!“

совѣтника Бутенева, что вы находитесь въ Стамбулѣ и вспоминаете о встрѣчѣ нашей въ Радзивилловѣ. Бутеневъ пишетъ мнѣ, между прочимъ, что вы не сочли-бы себѣ за трудъ пріобрѣсти для меня нѣсколько арабскихъ лошадей. Вы сдѣлали-бы мнѣ этимъ величайшее одолженіе. Я чрезвычайно люблю лошадей, имѣю ихъ довольно много и стараюсь всемѣрно объ улучшеніи ихъ породъ. Съ давнихъ поръ я сплю и вижу обладать Когейланомъ. Утѣшьте меня несказанно: доставьте мнѣ Когейлана. Что именно мнѣ нужно, вамъ скажетъ Бутеневъ: переговорите съ нимъ, что купить и куда доставить. Помните только: три жеребца и три кобылы самой лучшей породы и безъ всякихъ недостатковъ. Прошу принять увѣреніе, что я сохраню въ памяти ваше любезное предложеніе даже и тогда, когда-бы наши планы и не осуществились. Остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ и преданностію. (подписано) Екатерина“.

Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь еще отрывокъ изъ письма Ржевускаго къ оріенталисту Гаммеру, писаннаго близь того-же времени. Такія письма, какъ нѣчто безъискусственное, задушевное, гдѣ врется откровенно все и сыплются съ плеча всякія краски, — лучше всего рисуютъ характеръ человѣка:

.....„Первый томъ будетъ у меня заключать довольно любопытную вещь: бедуинскую географію. Пришлю тебѣ этотъ манускриптъ [1]). Приэтомъ будетъ приложена роспись племенъ, съ именами эмировъ и шейховъ, которыхъ большую часть я знаю лично. Почти вся пустыня наполнена арабами-вехабитами. Я увѣренъ, что эта секта когда-нибудь одолѣетъ всѣ прочія. Въ ливанскихъ горахъ, преслѣдуя газель, я открылъ обширныя, полузасыпанныя землею развалины; видно нѣсколько треснувшихъ колоннъ огромнаго діаметра. По всѣмъ вѣроятностямъ, ихъ не видѣлъ никто изъ путешественниковъ. Да и я напалъ на нихъ случайно, гонясь за газелью. Очень заинтересовала меня также одинокая колонна, въ долинѣ между Бальбекомъ и Расъ-эль-Кадимомъ: что она тамъ дѣлаетъ, когда кругомъ ни города, ни храма?“

„Въ Киликіи я посѣтилъ ущелія, про которыя повѣствуетъ Квинтъ-Курцій. То, гдѣ проходилъ Александръ Македонскій, называется теперь Яйла. Тамъ въ скалѣ высѣченъ алтарь и какія-то фигуры. Одному лишь случаю, что лошадь меня сбросила, обязанъ я открытіемъ этого памятника эпохи Александра Великаго. Я говорилъ ужь объ этомъ Алибею, который два раза тамъ былъ, а ничего не видалъ. Онъ умеръ на моихъ рукахъ, неподалеку отъ Меджерида, въ пустынѣ. Подробности его смерти описаны въ моемъ Дневникѣ“.

„Все хлопочу о своихъ дѣлахъ и надѣюсь, что пойдутъ хорошо. Какъ только возвращусь въ мое имѣніе, подумаю о дальнѣйшемъ ходѣ нашего изданія Fundgruben. Оно будетъ стоять тогда несомнѣнно на твердыхъ ногахъ [2]) Теперешнія событія въ Азіи даютъ ей важное значеніе. По этому не нужно пренебрегать энциклопедіей восточнаго континента. Вся заслуга моя въ томъ, что я умѣю выдерживать характеръ до конца. Я подобенъ жидкости, заключенной въ мѣха: когда ее сжимаютъ съ одной стороны, она прыснетъ съ другой. Воздухъ кажется куда легокъ, а имѣетъ тѣже свойства. Не знаю только, не лучше-ли будетъ поставить теперь на Fundgruben не мою, а какую нибудь другую фамилію? Еслибы я почувствовалъ, что я тщеславенъ, это бы убило меня. Для меня важенъ только успѣхъ дѣла, а чье стоитъ имя, мое или другое—мнѣ все равно, лишь-бы цѣль была достигнута. Пусть лучше выиграетъ общество, нежели будетъ удовлетворено самолюбіе одного частнаго человѣка... Помнишь, какъ мы подъ деревомъ въ Вейдлингѣ пришли къ мысли начать это изданіе?

[1]) Никогда не былъ написанъ.

[2]) Тоже обѣщанія, некончившіяся ничѣмъ.

Мы обратились за помощью къ ученымъ трехъ частей свѣта: Марокко и Гангъ подали другъ другу руки, чтобы оказать намъ поддержку. Еще не существовало предпріятія на такую широкую руку. Это было истиннымъ моральнымъ завоеваніемъ, совершеннымъ въ Азіи. Само провидѣніе давало ему такой характеръ. Я былъ тогда на поляхъ Асперна, когда ты, осажденный въ Вѣнѣ, видѣлъ; какъ въ твою студію влетѣла граната и не лопнула! Она почтила науку!... Эти старыя воспоминанія имѣютъ для меня ни съ чѣмъ несравненное обаяніе. Поѣзжай, пожалуйста, въ Вейдлингъ и навѣсти за меня, дерево, гдѣ мы сидѣли, и вырѣжь на немъ мой знакъ >L; мнѣ пріятно будетъ его потомъ отыскать. Я вырѣзалъ его на одной колоннѣ въ Пальмирѣ, на ливанскихъ кедрахъ, вырѣжу на пирамидахъ...

Изъ свѣдѣній, собранныхъ Семинскимъ, видно, что передъ отъѣздомъ въ пустыню Ржевускій заручился покровительствомъ нѣкоторыхъ высокихъ лицъ въ Дамаскѣ и Алеппо, между прочимъ, Алеппскаго паши Хуршида и Дамаскаго Салехъ-Паши, носившаго прозвище Эмира-Эль-Хаджи (князя поклонниковъ), такъ какъ подъ его предводительствомъ отправляется ежегодно караванъ поклонниковъ въ Мекку (ему подарено Ржевускимъ сверхъ денегъ, 24 фляжки крѣпкаго французскаго уксусу), и устроивъ въ обоихъ этихъ пунктахъ обширныя конюшни, со всѣми необходимыми принадлежностями и съ соотвѣтственнымъ количествомъ конюховъ, пустился въ странствія, съ нѣсколькими туго-набитыми кошельками, или точнѣе, мѣшками со звонкой монетой, талерами и колонатами, которые были подобраны монета въ монету: арабы дурныхъ, потертыхъ денегъ не принимаютъ. Проводникомъ Ржевускаго сначала былъ всего на все одинъ бедуинскій шейхъ. Кромѣ того, въ нѣкоторомъ отдаленіи ѣхали довѣренные арабы, рекомендованные пашами, съ тѣмъ, чтобы они отводили купленныхъ лошадей въ Дамаскъ, Алеппо, или другой ближайшій городъ.

Пріѣзжаютъ въ бедуинскій лагерь. Послѣ краткой церемоніи знакомства, когда начальникъ племени, куда прибыли, рѣшился принять представленнаго ему другимъ начальникомъ гостя и вышелъ ему навстрѣчу—особа послѣдняго священна для всѣхъ окружающихъ его бедуиновъ: ему нечего бояться; его и его имущества никто не тронетъ пальцемъ!—гостя ведутъ въ большой шатеръ изъ сѣрой козьей шерсти, принадлежащій начальнику племени, шейху, сажаютъ на войлочный коверъ, угощаютъ чѣмъ Богъ послалъ: овечьимъ либо верблюжьимъ молокомъ; хлѣбомъ въ родѣ нашихъ зачерствѣлыхъ блиновъ низшаго сорта (хыбызъ), жирнымъ пшеннымъ тѣстомъ желтаго цвѣта (бульгуръ), кофеемъ безъ сахару, а въ заключеніе подается непремѣнно только что убитый и зажаренный особеннымъ способомъ (въ землѣ, подъ угольями изъ всякаго сора и лошадинаго кала) баранъ. Лучшія его части (мясо около ногъ) предлагаютъ гостю. Если хруп-

нетъ на зубахъ у гостя песочекъ, гость не долженъ взыскивать: таковы уже всѣ жареные бедуинскіе бараны (харуфъ). Въ теченіи этого времени, когда ѣдятъ и еще передъ ѣдой, идетъ оживленная бесѣда: „Какъ, откуда, что, зачѣмъ?“ Гость отвѣчаетъ, что ему угодно. Если же онъ вдругъ произноситъ, что „пріѣхалъ-де купить лошадь!“ это облетаетъ мгновенно весь лагерь. Сейчасъ-же является кто-нибудь съ лошадью, обыкновенно никуда негодною. Сохрани васъ Богъ сказать, что она дурна: тогда все пропало! Этого послѣ уже ничѣмъ не поправишь. Искусный и бывалый покупщикъ, который „знаетъ политику“ (біарефъ политика), т. е. „человѣкъ образованный“, всегда съумѣетъ найти приличную, никого не раздражающую причину, почему онъ не намѣренъ пріобрѣсть приведенную лошадь: говоритъ, напримѣръ, что „онъ утомленъ дорогой“; проситъ позволенія немного осмотрѣться, отдохнуть—сидитъ, куритъ наргиле, пьетъ кофей, болтаетъ съ бедуинами, съ шейхомъ—и вдругъ подпимаемся съ ковра и дѣлаетъ прогулку по лагерю. Шейхъ и нѣсколько его друзей непремѣнно сопровождаютъ гостя. Тутъ, во время прогулки, опытный взоръ понимающаго дѣло покупщика открываетъ, гдѣ раки зимуютъ. Онъ останавливается подлѣ замѣченнаго имъ коня и долженъ быстро опредѣлить всѣ его достоинства и рѣшить въ умѣ, чего онъ болѣе или менѣе стоитъ. Подробное разглядываніе покупщикомъ облюбованнаго имъ коня, въ особенности прикосновеніе къ нему, можетъ разсердить хозяина и онъ не согласится на продажу.

„Вотъ эта лошадь мнѣ нравится!“ говоритъ покупщикъ: „я бы ее купилъ!“ Хозяинъ никогда не скажетъ: „что-жъ, купи, я непрочь продать!“ или: „эта лошадь непродажная“. Онъ говоритъ прямо: „А что дашь?“ Надо сказать близкую цѣну къ тому, чего лошадь дѣйствительно стòитъ, а никакъ не передешевить, иначе дѣло будетъ сразу испорчено. Арабъ покрутитъ только головой, когда, по его мнѣнію, предложено маловато. Покупщикъ прибавляетъ. Тотъ опять крутитъ головой, пока, наконецъ, произносится настоящая цифра, ниже которой хозяинъ коня уже ничего не спуститъ. Такъ какъ лошадь по большей части принадлежитъ нѣсколькимъ хозяевамъ (особенно если это кобыла), то бываетъ нужно толковать со всѣми и всѣхъ уговорить. Это требуетъ иной разъ очень много времени и терпѣнія, но то и другое у арабовъ дешево. Когда всѣ препятствія устранены, покупщикъ наслушался вдоволь всевозможныхъ похвалъ о достоинствахъ покупаемаго имъ коня, объ его славныхъ подвигахъ, объ его знаменитыхъ предкахъ—наступаетъ уплата денегъ. Покупщикъ садится на землю и на плащѣ своемъ, не то на абѣ (шерстяной бѣлой одеждѣ съ темнокоричневыми широкими полосами. Ржевускій носилъ всегда бѣлый плащъ, а на головѣ желтый шелковый платокъ съ зелеными полосами—кефіiе)—отсчитываетъ надлежащую сумму. Толпа бедуиновъ, заинтересованныхъ и не заинтересованныхъ въ продажѣ, садится кругомъ и внимательно разглядываетъ каждую монету. Иныя

монеты отбрасываются и должны быть замѣнены другими. Послѣ этого начинается считаніе—не дай Богъ, какое серьезное и трудное дѣло для араба! Тысяча штукъ талеровъ можетъ быть сосчитана не иначе, какъ въ теченіе часа. Одинъ считаетъ по пальцамъ, другой въ умѣ; вдругъ оказывается, что всѣ сбились и счетъ начинается сначала!

Въ эти торжественныя минуты покупщикъ долженъ показать продавцамъ всю свою благовоспитанность: глядѣть на все терпѣливо, не моргнуть глазомъ, не дѣлать никакихъ замѣчаній, какъ будто его тутъ и нѣтъ. Когда деньги сосчитаны и всѣ убѣждены, что ихъ именно столько, сколько нужно, берутъ коня за узду и отдаютъ купившему. Потомъ вырываютъ у коня нѣсколько волосъ, комкомъ земли трутъ лошадь и соединивъ этотъ комокъ съ волосами, вручаютъ купцу. Все кончено! Весь лагерь уже знаетъ, что лошадь продана; всѣ собираются смотрѣть, какъ купившій проѣдется на своемъ новомъ конѣ! Это великое мгновеніе! Бѣда, если онъ плохо ѣздитъ верхомъ и не умѣетъ надлежащимъ образомъ „проплыть" на конѣ. Его засмѣютъ, слава его въ пустынѣ на вѣки пропала. И обратно: если онъ проѣдетъ хорошо, знаетъ всѣ бедуинскіе пріемы управленія конемъ, имя его пройдетъ изъ конца въ конецъ пустыни, ему легче будетъ знакомиться съ племенами и покупать у нихъ лошадей; всѣ будутъ знать, что это за человѣкъ и что ему не стыдно продать добраго, породистаго скакуна!

Мы уже сказали, что Ржевускій былъ высшій мастеръ верховой ѣзды. Онъ завоевывалъ сердца бедуиновъ съ первыхъ-же мгновеній, какъ только садился на коня и давалъ ему волю.

Послѣ пробы надо сейчасъ-же отправить купленнаго коня въ городъ. Это дѣло трудное. Люди, этимъ занимающіеся, должны быть ловки, отважны, сообразительны. Должны умѣть дать при иной задержкѣ, если это нужно, не то пройти напроломъ, нахрапомъ, если это можно. Бываетъ, что какой-нибудь сорванецъ хватаетъ среди улицы коня подъ уздцы и кричитъ, что это „его конь, украденный тогда-то бедуинами!" Сбѣгается толпа народу, появляется полиція. Самая вѣрная система отдѣлаться отъ негодяя — дать и ему, и полиціи... Такихъ исторій съ инымъ караваномъ бываетъ нѣсколько.

Въ теченіи всѣхъ своихъ странствованій по Востоку (главнѣйшимъ образомъ въ пустынѣ Нежду), графъ Вацлавъ купилъ и переправилъ въ Европу сто тридцать семь превосходныхъ арабскихъ жеребцовъ и кобылъ, изъ которыхъ 27 досталось королевѣ Виртембергской; 3 кобылы и 5 жеребцовъ послано императору Александру; великому визирю, Дервишъ-Пашѣ, подарено 12 жеребцовъ. Остальныхъ Ржевускій взялъ для своего употребленія.

Изъ одной замѣтки Ржевускаго видно, что при королѣ Станиславѣ Августѣ было пріобрѣтено для Польши довольно большое количество чистокровныхъ арабскихъ лошадей разными лицами: княземъ фельдмаршаломъ Чарторыскимъ; коронньмъ хорунжимъ гра-

фомъ В. Сецкимъ; воеводой Волынскимъ, княземъ Іеронимомъ Сангушкой, котораго конюшій, Мушинскій, бывалъ въ Дамаскѣ, Алеппо, Гамѣ, Маррѣ, Хомсѣ и привелъ оттуда 12 жеребцовъ. Съ особеннымъ уваженіемъ графъ отзывается о высокомъ знатокѣ лошадей всякихъ расъ и несравненномъ ѣздокѣ Ободинскомъ (Obodyński), который „умѣлъ соединять съ самой высокой школой манежной ѣзды, смѣлость и ловкость управленія конемъ на восточный манеръ (do wybornej szkoły maneru łączył on śmałość i umiejętność toczenia koniem po oryentalnemu) и съ которымъ никто не могъ тягаться въ ѣздѣ изъ молодыхъ даже и тогда, когда ему было уже 84 года".

Въ одномъ мѣстѣ пустыни Нежду (увѣряетъ Ржевускій) бедуины до такой степени восхитились его ѣздой, метаніемъ джирита и игрою пикой, что признали его за настоящаго бедуина и тутъ-то произошло возведеніе его въ степень эмира, что послѣ подтверждено еще 13-ю племенами.

— Скажи только, оттуда ты, спросили они: изъ какихъ бедуиновъ?

— Я изъ царства Искандера, падишаха полярной звѣзды, которое возникло изъ четырехъ племенъ бедуиновъ-Аназесъ, переселившихся на сѣверъ изъ пустыни Нежду двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ.

— Не слыхали мы никогда о такомъ царствѣ и о такомъ падишахѣ! Гдѣ-же это царство? Каковъ на видъ самъ падишахъ Искандеръ? Хороши-ли у него лошади?"

И эмиръ Тадзь-Уль-Фехръ сплелъ имъ хитрую басню, пересыпанную разными восточными украшеніями, серебромъ, золотомъ и бриліантами. Повѣрили-ли ему его слушатели—ужь это ихъ дѣло...

Всякаго европейца, скитавшагося тогда по Востоку, занимала судьба таинственной пустынницы Джуна (въ трехъ часахъ отъ Сайды, древняго Сидона), леди Эсѳири Стенгопъ, дочери графа Карла Стенгопа и племянницы извѣстнаго Вильяма Питта, лорда Чатама, которая оставила Европу въ 1810 году и переѣхала на постоянное житье въ Сирію. Чего-чего ни придумывали, дабы разъяснить причину помѣшательства прекрасной леди на Востокѣ! Обыкновенно приписываютъ это исключительной ея страсти къ молодому генералу сэру Джону-Муру, убитому въ Испаніи, подъ Корунной, 16-го января н. ст. 1809 года. Послѣ его смерти ея уже будто-бы ничто не занимало въ Европѣ, и она рѣшилась отдѣлить себѣ оттуда моремъ и заключиться въ остатки стараго чужеземнаго монастыря. Время смерти Джона-Мура совпадаетъ съ началомъ сборовъ леди Стенгопъ въ дорогу и отплытіемъ...

Ламартинъ не мало прислужился извѣстности Джунской отшельницы, разсказавъ поэтически объ ея сирійскомъ житьѣ-бытьѣ въ своей книгѣ Voyage en Orient, которая вышла вдругъ на трехъ языкахъ: по-французски, по-нѣмецки и по-англійски.

У Ржевускаго было много общаго съ англійской проказницей: это были буквы одной и той-же азбуки, родственные тоны, дикіе, по

любопытные для всякаго наблюдателя. Ржевускій, еще не уѣзжая на Востокъ, зналъ объ оригинальномъ отплытіи леди Эсѳири отъ береговъ Англіи; онъ, этотъ необузданно-самолюбивый человѣкъ, искавшій славы, популярности, желавшій быть во всемъ оригинальнымъ—онъ очень серіозно сердился, что смѣлая женщина его предупредила, какъ-бы украла его мысль! Его еще не называли эмиромъ, а она уже была оглашена по всему отдаленному Востоку царицей Пальмиры... даже царицей!.. и прежде него надѣла тотъ эффектный костюмъ, о которомъ онъ только мечталъ еще — въ Савранѣ!..

Очутившись однажды, уже въ 1819 году, неподалеку отъ лѣтней резиденціи леди Эсѳири въ Ливанѣ, Ржевускій, написалъ къ ней слѣдующее:

„Благородная Эсѳирь! миръ тебѣ!

„Эмиръ Тадзъ-Уль-Фехръ Абдъ-Эль-Нишанъ, самый гордый и самый свободный изъ бедуиновъ пустыни Нежду, склонясь на просьбу арабовъ, посѣтилъ нынѣ берегъ моря—этотъ послѣдній уголокъ земли, отдѣляющій его отъ отечества и отъ всего, что ему дорого на свѣтѣ. Это приблизило его къ мѣстамъ, гдѣ ты обитаешь. Еслибы шумъ твоей славы достигъ до него въ пышныхъ чертогахъ магнатовъ, онъ объяснилъ-бы это возвышенностью твоей природы и удивленіемъ, которое ты вездѣ возбуждаешь — и прошелъ-бы мимо. Но когда дѣти природы поражаются твоими достоинствами, увлекаются твоимъ величіемъ и преклоняется передъ твоею добротою [1])—я не могу одолѣть въ себѣ желанія тебя увидѣть. Нигдѣ болѣе, какъ только въ пустынѣ Нежду, я научился тебя обожать. Голосъ прямыхъ, чисто-сердечныхъ людей, вскормленныхъ свободой, зажегъ во мнѣ жажду сблизиться съ тобою, Эсѳирь! Я долго откладывалъ это свиданіе, единственно затѣмъ, чтобы мое имя имѣло время какъ-нибудь проникнуть къ тебѣ, а мои военные подвиги сдѣлались-бы тебѣ извѣстны: и такъ сталось! Привѣтъ мой тебѣ, Эсѳирь, стоитъ теперь, чтобы быть услышаннымъ. Прощай! Ожидаю отвѣта у фонтана въ Сайдѣ, гдѣ стою станомъ съ моими бедуинами“.

Леди Эсѳирь отвѣчала по-французски. Приводимъ это письмо въ оригиналѣ, чтобы сохранить всѣ его особенности:

„Monsieur le Comte“!

„Je Vous crois un très digne Bedouin; quoique je ne suis pas encore en état de juger de toutes Vos vertus, une du moins, ne m'est pas inconnue. Les Zephires parfumés du Desert, m'ont rapporté des traits qui font honneur à votre humanité. Déjà je vous estime, et je ne puis me refuser le plaisir de faire votre connaissance, quoique j'ai été très malade, et je le suis même encore. Miserablement logée dans un Sainton Turc, je ne pourrai vous offrir qu'un mauvais tente pour

[1]) Леди Стенгопъ любили на Востокѣ потому, что она помогала многимъ бѣднымъ.

habitation; et je vous attendrai mercredi, espérant que vous n'étes point difficile.

„Comme Vous aimez les chevaux, peut-être il Vous sera agréable de voir trois poulins que j'ai à Abra, le mardi. Le cheval a deux ans, la jumant pas deux ans encore, et la petite neuf mois. Un homme qui me serve, nommé Antoine Bertrand à Seyde, a l'ordre de Vous conduire, si cela Vous fait plaisir. Louis Marron mon ancien drogman, qui est en ville dans ce moment, vous présentera cette lettre, il Vous accompagnera ici, ou il Vous fournira un guide trop necessaire dans ces mauvaises routes.

„Le caractere de la famme odieuse du Consul doit vous rendre muet sur tous les sujets, que la pluie et le beau temps. Pardonnez ces conseils; mais elle ne cherche que de faire du mal a tous le monde. Croyez M-r le Comte dans les sentiments de réspect que je porte à tout homme independant et agréez ceux de mon èstime.

„Hester Lucy Stanhope.

„Du Nebi de Ali El Faher.

„Dimanche le 20, 3 heures après midi.

„Le Musalem de Seyde a quelques assez beaux chevaux; c'est un bon homme, et comme Vous savez, ce ne sera pas mal, de lui faire un visite sans ceremonie, pour voir ses chevaux". На конвертѣ: „A Monsieur le Comte Breuski à Seyde [1]).

Получивъ это письмо, эмиръ Тадзь-Уль-Фехръ разыскалъ въ Сайдѣ людей леди Эсѳирь и, присоединивъ ихъ къ своимъ, отправился въ

---

[1]) Переводъ: «Графъ! Я вѣрю, что вы хорошій бедуинъ. Хоть я еще не имѣла случая ознакомиться со всѣми вашими достоинствами, но знаю, что вы обладаете однимъ несомнѣнно: благоуханные зефиры пустыни доставили мнѣ свѣдѣнія о разныхъ событіяхъ, которыя дѣлаютъ честь вашей гуманности. Я уважаю васъ и не могу отказать себѣ въ удовольствіи съ вами познакомиться, хотя только-что оправилась отъ тяжкой болѣзни. Я живу теперь въ маленькой часовнѣ и не въ состояніи предложить вамъ ничего, кромѣ немудрой палатки. Надѣюсь, что это васъ не испугаетъ и жду васъ въ середу».

«Такъ какъ вы любитель лошадей, то можетъ быть найдете не лишнимъ взглянуть во вторникъ на трехъ моихъ кобылокъ въ Абрѣ: одна двухъ лѣтъ, другая почти двухъ и девятимѣсячный жеребенокъ. Человѣкъ, находящійся у меня въ услуженіи, именемъ Антоній Бертранъ, въ Сайдѣ, получилъ приказаніе проводить васъ туда, если-бы вы этого пожелали. Старый мой драгоманъ, Людовикъ Марронъ, который теперь въ городѣ, вручитъ вамъ это письмо и поѣдетъ вмѣстѣ съ вами сюда, или пріищетъ проводника, совершенно необходимаго въ этихъ мѣстахъ».

„Берегитесь остраго языка жены консула и не пускайтесь съ нею ни въ какіе разговоры, кромѣ развѣ о дождѣ или хорошей погодѣ. Простите, что рѣшаюсь давать вамъ совѣты. Эта женщина старается злословить всякаго".

„Прошу вѣрить, графъ, что я всегда исполнена глубокаго уваженія къ каждому, кто умѣетъ быть независимымъ".

„Мутессели́мъ Сайды имѣетъ также нѣсколько довольно хорошихъ лошадей Человѣкъ онъ простой и было-бы недурно, еслибъ вы сдѣлали ему визитъ безъ всякой церемоніи, чтобы взглянуть на его лошадей".

Набатію, какъ кажется не заѣзжая вовсе въ Абру. Сдѣлали привалъ у одного бира, т. е. систерны древнихъ временъ; напились кофею, покурили паргиле—и снова въ путь. Черезъ три часа послѣ этого были въ Набатіи. Тутъ снова остановились у хана, т. е. у горной арабской гостинницы, опять выпили нѣсколько чашекъ кофею, покурили паргиле и затѣмъ, промчавшись по широкой равнинѣ, стали подниматься въ гору, по узкимъ, опаснымъ тропинкамъ. Когда очутились на верху, передъ жилищемъ отшельницы,—эмиръ по обычаю бедуиновъ, ударилъ три раза тупымъ концомъ копья въ ворота: они отворились и старый гофмейстеръ леди, Гаунахъ, поцѣловавъ полу у плаща эмира, пригласилъ его въ приготовленный для него шатеръ, отстоявшій шаговъ на двѣсти отъ дома.

Когда эмиръ слѣзъ съ коня и сѣлъ посрединѣ шатра на коверъ, одинъ изъ слугъ леди Стенгопъ сталъ мыть ему ноги, другой голову, третій держалъ тазъ съ водой передъ его лицомъ, а гость, бормоча себѣ подъ-носъ соотвѣтствующія такой минутѣ арабскія молитвы, мылъ себѣ лицо и бороду. Когда все это кончилось, Гаунахъ сказалъ эмиру, что госпожа ожидаетъ его въ своихъ покояхъ.

Лѣтнее жилище оригинальной пустынницы состояло изъ небольшаго каменнаго домика, въ видѣ куба, съ куполомъ наверху. Тамъ было всего на все двѣ комнаты: въ одной леди Стенгопъ спала, а въ другой (гдѣ находилась гробница какого-то турецкаго святаго, чтимаго во всей окрестности) — принимала гостей. Домикъ этотъ былъ обнесенъ каменной стѣной, подлѣ которой, въ одномъ мѣстѣ, среди развалинъ неизвѣстно какой постройки, устроена была конюшня и кухня. Тутъ-же разбиты шатры для прислуги и лошадей. Видъ съ горъ превосходный. На востокъ тянется роскошная долина, омываемая рѣчкою Беквой, тою самою, что бѣжитъ подъ Бальбекомъ и замкомъ Шкифъ и, прорѣзавъ Ливанъ, впадаетъ въ море, неподалеку отъ Сура (древній Тиръ) и тамъ носитъ уже названіе Квазмехъ. Хребты Анти-ливана заслоняютъ лежащее за ними селеніе Хасбае, откуда, въ часы призыва правовѣрныхъ къ молитвѣ, доносится временами протяжный голосъ муэззина. На югъ видѣнъ Шкифъ — черныя, печальныя развалины крестоносской эпохи. Между ними и жилищемъ леди Стенгопъ вьется довольно-широкое ущелье, соединяющееся съ долиной Беквы. Тутъ стоитъ Набатія—столица набатскаго племени, какъ говоритъ преданіе. На западѣ видишь горы Ливана, спускающіяся уступами къ Средиземному морю, котораго лазурь сливается вдали съ небесной...

Эмиръ, разыгрывая роль самаго строгаго сына пустыни, вступилъ въ это жилище босой. Хозяйка встрѣтила его, стоя на коврѣ, положенномъ на возвышеніи въ полфута. Эмиръ сдѣлалъ „теменнà", т. е. приложилъ два пальца ко лбу, къ устамъ и къ сердцу (что значитъ: ты у меня въ мысляхъ, на устахъ и въ сердцѣ) и не забывая о своемъ достоинствѣ эмира, поднялся на ступень, гдѣ стояла Эс-

ѳирь, послѣ чего они, почти одновременно, сѣли на коверъ. Она нѣсколькими секундами раньше.

Леди Стенгопъ была, по описанію ея гостя, стройная женщина высокаго роста, соединявшая въ себѣ гармонически величественную важность мущины съ необыкновенною прелестью и очарованіемъ ея пола. Взглядъ ея голубыхъ, нѣсколько меланхолическихъ очей былъ весьма пріятенъ, но въ тоже время указывалъ всякому свое мѣсто. Голосъ былъ твердый, но не рѣзкій. Ведетъ она разговоръ всегда серьезнымъ тономъ, но увлекательно и мило.

Одѣта она была на тотъ разъ въ бѣломъ эмирскомъ плащѣ, привезенномъ ей (какъ говорила) эмиромъ Пальмиры, Мехаунаръ-Абу-Нассеромъ, изъ путешествія его въ Каабу. На головѣ имѣла желтый бедуинскій платокъ, съ зелеными полосками, увѣнчанный сверху бѣлою чалмою.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и ничего не значащихъ вопросовъ, Эсѳирь приказала дать кофей и наргилè, причемъ курила и сама.

— Какой вы націи? спросила она его потомъ: кажется, вы русскій?

— Нѣтъ, я полякъ, отвѣчалъ Ржевускій грустнымъ тономъ: сынъ несчастливой отчизны, которую судьбы лишили самостоятельности. У меня нѣтъ никого [1]). Я скиталецъ міра, прибылъ сюда къ вольнымъ племенамъ подышать тою свободой, которой я въ отечествѣ не имѣю.

Съ этой минуты начался одушевленный разговоръ. Два эксцентрика сошлись. Въ первое посѣщеніе эмиръ пробылъ въ лѣтней резиденціи „Царицы Пальмиры" только 24 часа. Потомъ пріѣхалъ опять и оставался тоже 24 часа. Въ третій разъ она удержала его у себя 17 дней. Въ этотъ послѣдній пріѣздъ, эмиръ сообщилъ леди Стенгопъ исторію всей своей жизни и скитаній. Они проводили вмѣстѣ цѣлые дни. Утромъ она являлась въ его шатрѣ и оставалась тамъ часъ или два: не то сидѣла съ гостемъ на дворѣ, подъ фиговымъ деревомъ; въ это время выводили ея лошадей, на которыхъ эмиръ иногда садился и дѣлалъ два-три круга. Вечеръ и часть ночи они бесѣдовали въ ея покояхъ. Бывали случаи, когда гость не хотѣлъ безпокоить хозяйку своимъ посѣщеніемъ и посылалъ ей престранныя записки. Она писала къ нему тоже нерѣдко. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этой оригинальной, невѣроятной корреспонденціи лицъ, жившихъ другъ отъ друга на разстояніи двухсотъ шаговъ.

---

[1]) Онъ былъ женатъ, съ 1805 года, на княгинѣ Розаліи Любомірской, дочери кіевскаго каштеляна, князя Александра Любомірскаго и Розаліи Ходкевичъ, которой голова пала въ первую французскую революцію. Дочь ея Розалія, тогда еще дитя, сидѣла вмѣстѣ съ ней въ Бастиліи, а послѣ смерти матери увезена одною родственницей въ Польшу. Вацлавъ Ржевускій почему-то недолго жилъ со своей супругой въ полномъ согласіи. Послѣдніе свои годы графиня Розалія Ржевуская провела въ Варшавѣ, слывя высшимъ правительственнымъ агентомъ.

„Многоуважаемая Эсѳирь! Только-что получилъ твою записку, черъ Гаунаха, наполеоновскаго мамелюка. Хотя насъ раздѣляютъ только двѣсти шаговъ, но лишь въ 4 часа я могу тебя увидѣть! Не трудно мнѣ было-бы отнести этотъ отвѣтъ самому, но пусть онъ отправляется съ Гаунахомъ. Голосъ твой не прерываетъ теченія моихъ мыслей, напротивъ, въ задушевной бесѣдѣ, сердце твое и воображеніе диктуютъ тебѣ тысячи вопросовъ, которыми ты меня забрасываешь“...

„Такъ, Эсѳирь! Я открылъ тебѣ всю мою душу и теперь повторяю, что мною играютъ самыя необузданныя страсти. Когда-бы ты знала предметъ моихъ страданій, тогда-бы эти сморщенныя брови, это задумчивое выраженіе моего лица, эта неровность характера, эти порывы — словомъ все, что тебя такъ поражаетъ во мнѣ и что хотѣла-бы ты устранить,—было-бы тебѣ понятно и ты, вмѣсто того, чтобы утѣшать меня, вмѣсто того, чтобы обращаться къ моему разсудку, дабы онъ одержалъ верхъ надъ моимъ сердцемъ, говорила-бы мнѣ только объ ней и объ ней, огнемъ погашая пожаръ. Я готовъ сознаться, что ты имѣешь даръ успокоивать другихъ; чувствительность твоя бьетъ въ черезъ-чуръ чувствительное сердце. Но въ томъ состояніи, въ какомъ я нахожусь, утѣшеніе становится отравой, желаніе развлечь—преслѣдованіемъ. Ты требуешь, чтобы я подавилъ страсть страстью. Я люблю кидаться въ опасности; отвага моя тебѣ извѣстна... По твоему желанію пѣвцы изъ племени Ровалла пришли привѣтствовать меня въ Антиливанъ и въ своихъ „херубіяхъ“, сложенныхъ въ честь мою, пѣли, что вся пустыня полна моимъ именемъ, а дѣвицы Нежду смотрятъ вдаль тоскливымъ взоромъ, не возвращается-ли эмиръ Полночи, Невольникъ Знака, соперникъ Антара? Пѣли они, какъ прекрасные бедуины завидовали той, которую выражаетъ знакъ, начертанный на колоннѣ Пальмиры, повторяя припѣвъ: „Пріѣзжай, эмиръ, къ намъ, гордость нашихъ племенъ! Шааланъ тебя приглашаетъ, а лихіе наѣздники ожидаютъ! Разбитый Вехабитъ поднялъ голову!“ Имъ казалось, что они поютъ про героя пустыни, а это былъ только несчастливый изгнанникъ! Ихъ похвалы не трогали меня, напротивъ, горько отравляли мое сердце, возбуждая въ немъ страстное сожалѣніе о той, которую восхваляли они въ пѣсняхъ. Для нея только, для нея одной выношу я терпѣливо это изгнаніе. Для нея наполняю эту страну ничтожества моимъ рыцарскимъ страданіемъ. Арабы это угадываютъ. Въ пѣсняхъ ихъ я увидѣлъ, Эсѳирь, твою заботливость обо мнѣ. Ты хотѣла, чтобы я загорѣлся страстью къ славѣ, между тѣмъ, ты противуставила страсть бурную, быстро вспыхивающую страсти долгой, всеобъемлющей. Спасибо и за то. Но гдѣ найти мнѣ такую страсть, которая бы могла побѣдить ту, что меня пожираетъ?“...

Довольно много такой чепухи должна была перечитать „Царица Пальмиры“ въ послѣднее посѣщеніе эмиромъ ея лѣтней резиденціи, близъ Набатіи. Въ послѣдніе дни, можетъ быть за недѣлю до отъѣзда эмира, случилось еще нѣчто болѣе странное, чѣмъ подобныя излія-

нія пятидесятилѣтняго селадона передъ умною, тонкою и превосходно образованною европейскою женщиной, которая писывала очень серьезныя бумаги для дяди своего, лорда Чатама. Она стала нравиться эксцентрическому гостю! Онъ какъ будто-бы отыскалъ страсть, которая должна была побѣдить старыя воспоминанія, всѣ эти напущенныя имъ на себя нелѣпости и знаки.

Вотъ что онъ написалъ однажды леди Эсѳири:

„Ты бываешь недовольна (въ особенности была вчера) алчнымъ выраженіемъ моего лица. Точно, я бываю иногда не слишкомъ привлекателенъ. Тебя раздражаетъ моя порывистость—и ты права... часто хватаю я тебя за руку, жму ее страстно и даже рву“...

Въ другомъ письмѣ находятся такія строки:

„... прижимая твою руку къ распаленнымъ устамъ, или, упавъ къ твоимъ ногамъ, повторяю сладостныя клятвы и увѣренія—ты имъ внемлешь... Или читаю тебѣ книгу, въ которой кажется все вдохновлено тобою, или продиктовано мною; каждый стихъ рисуетъ тебя; вижу тебя въ каждой мысли автора. Виргилій думалъ для меня, Делиль—для тебя: почему-же бы Жанъ-Жаку Руссо не писать для насъ обоихъ?.. Приближается часъ музыки: сажусь около тебя—Ахиллесъ въ припадкѣ любви! Очи горятъ страстію. Смотрю на тебя—и меня осѣняетъ блескъ славы! Отчизна отмщена—тобою! Я ея освободитель; ты моя награда!.. Пою и твой звучный голосъ вторитъ мнѣ. Люблю и не теряю надежды!“...

„Эсѳирь! Не есть-ли ты для меня тотъ индійскій бриліантъ, случайно найденный, котораго двѣнадцать вѣковъ искали напрасно?

„Солнце стало надъ башней развалинъ. Съ минаретовъ Хазбаи несется голосъ муэззина. Почему-же ты не зовешь меня къ себѣ?.. Сжалься надъ моими муками... позволь придти!“

Отвѣтъ:

„Любезный эмиръ! Ты хотѣлъ видѣть меня позже, нежели мы видимся обыкновенно. Нельзя. Запрещаю тебѣ. Эсѳирь“.

Ниже четыре буквы: T. S. V. P. и приписка на другой сторонѣ: „Ты не долженъ приходить ко мнѣ. Вмѣсто этого я приду къ тебѣ въ 5 часовъ. Поговоримъ объ ней по дружески. Уступаю твоему желанію. Жди меня и будь послушенъ!“

Однажды ливанская кокетка (которой было въ это время тоже не мало лѣтъ: 43), вѣроятно довольная тѣмъ, что никакъ неожиданно наложила цѣпи на „самаго гордаго и самаго свободнаго бедуина пустыни Нежду“, сказала ему шутя: „allons à la Meillerie! [1])“.

Но вскорѣ, сообразивъ свое положеніе, роль, которую играла на Востокѣ, славу, которую имѣла—славу существа, чуждаго всему земному, чистаго и недоступнаго—она просила Ржевускаго оставить ее

[1]) Названіе скалъ надъ Женевскимъ озеромъ, гдѣ Руссо мечталъ о своей Юліи.

въ покоѣ и больше не пріѣзжать... Онъ отправился въ Дамаскъ, потомъ въ Алеппо, гдѣ въ то время готовилось возстаніе противъ правительства—и вспыхнуло 21 октября н. с. 1819 года. Двусмысленная роль, которую вздумалъ играть въ городѣ Ржевускій, едва не обошлась ему очень дорого. Онъ насилу спасся и счелъ послѣ этого неудобнымъ продолжать свои скитанія по Востоку. Въ февралѣ 1820 года онъ переправилъ въ Европу послѣднихъ купленныхъ имъ въ Нежду лошадей, а затѣмъ отправился восвояси и самъ.

Появленіе его на Волыни, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ скитанія, послѣ такихъ невѣроятныхъ приключеній и подвиговъ, произвело страшный шумъ. Помѣщики стали съѣзжаться со всѣхъ стороны слушать его занимательные разсказы, любоваться его рѣдкими лошадьми, его Когейланами, которымъ не было равныхъ въ Европѣ, которымъ могли завидовать всѣ коронованныя особы, всѣ богачи. Разумѣется, графъ оставилъ у себя „сливки“ всего того, что купилъ. Бывали случаи, что онъ приказывалъ осѣдлать нѣсколько Когейлановъ по-бедуински, надѣвалъ костюмъ эмира, а своихъ „казаковъ“ наряжалъ бедуинами—и пускался по степямъ къ кому-нибудь изъ пріятелей сосѣдей, вспоминая степи Нежду. Для того, къ кому наѣзжали „бедуины“ было это сущимъ праздникомъ. Стекалось много народу. Кутили нѣсколько дней сряду... Но такому безмятежному препровожденію времени долженъ былъ внезапно, въ одно прекрасное утро, наступить конецъ. Страшныя имѣнія Ржевускихъ, приведенныя въ разстройство отчасти путешествіями графа Вацлава, отчасти неумѣреннымъ бросаніемъ денегъ за границей его матерью, гетманшей, и наконецъ такимъ-же поведеніемъ двухъ его сестеръ, графинь Потоцкой и Вальдшейнъ,—взяты были казною въ опеку, для успокоенія кредиторовъ, подавшихъ ко взысканію многое множество векселей. Для бывшаго эмира, который привыкъ до сихъ поръ ни въ чемъ себѣ не отказывать, наступили черные дни: не на что было содержать въ надлежащемъ блескѣ и въ холѣ дивное, единственное въ Европѣ стадо Когейлановъ и другихъ арабскихъ коней, стоившихъ ему очень дорого; не чѣмъ было кормить праздныхъ и ни къ чему не способныхъ „казаковъ“, которые, такъ-ли, не такъ-ли, раздѣляли съ нимъ всѣ радости и невзгоды въ пустынѣ Нежду, въ Пальмирѣ и... Богъ знаетъ гдѣ. Какъ это всегда бываетъ въ жизни: богатъ ты, кормишь весь околотокъ — всѣ дрожатъ передъ тобою и гнутся. Обѣднѣлъ — вчерашніе твои лизоблюды бросаютъ въ тебя грязью, смѣются и издѣваются надъ тобою. Было конечно множество завистниковъ у графа Вацлава, который, не смотря на всѣ свои странности и недостатки, все таки стоялъ неизмѣримо выше многихъ, очень многихъ подолянъ, его богатыхъ и не богатыхъ сосѣдей. Можетъ быть онъ, вовсе не желая обидѣть, обижалъ иныхъ просто-за-просто нечаянно, словомъ, взглядомъ... мало-ли чѣмъ иногда обижается маленькій человѣкъ, поставленный судьбою въ необходимость цѣлый вѣкъ, что бы ни дѣлалъ, сколько-бы

ни хлопоталъ и какіе-бы таланты ни признавалъ за собою—держаться въ заднихъ рядахъ, не смѣть открыть ротъ во всю его ширь.

Въ числѣ такихъ обиженныхъ оказался Савранскій плебанъ Коморницкій. Графъ Вацлавъ, не имѣя никакой религіи и принадлежа столько-же къ христіанству, сколько и къ магометанству, просто-запросто не зналъ, что есть какой-то католическій плебанъ въ Савранѣ, его главномъ имѣніи, гдѣ онъ болѣе жилъ. Еще менѣе онъ зналъ, что плебанъ—поэтъ, сатирикъ, Савранскій Ювеналъ. Покамѣстъ для этого плебана графъ Вацлавъ было все: послѣдній судія, государь и власть, которая могла его каждую минуту прогнать, скрутить въ бараній рогъ—онъ сидѣлъ у себя въ плебаніи тихо. Хотя панъ и не зналъ, или почти не зналъ объ его существованіи, всетаки кое-какія крохи, черезъ управляющаго, и другими путями, падали къ нему съ пышной панской трапезы... Когда-же все измѣнилось и пану пришлось измѣнить размашистыя порядки, запереться и вести другую, довольно-постную жизнь; когда онъ въ своемъ имѣніи уже не былъ тѣмъ паномъ, какимъ былъ прежде, полнымъ властелиномъ всего,—плебанъ вспомнилъ что-то изъ своего горькаго прошедшаго—и вдругъ накаталъ на графа стихи, гдѣ описывались, въ юмористическомъ духѣ, всѣ его странствія по Востоку. Такіе стихи быстро распространяются: ихъ скоро стала читать вся Подольская губернія, а потомъ и сосѣднія, малороссійскія: стихи были написаны на малороссійскомъ языкѣ.

„Самый гордый бедуинъ пустыни Нежду" старался не слышать этихъ вороньихъ криковъ, этихъ сравненій его съ Донъ-Кихотомъ, и любимаго казака его Сокола—съ Санхо-Пансой... онъ взялся за перо, сначала писалъ по-французски — разныя воспоминанія изъ своихъ странствій, потомъ сталъ переводить это по-польски, набросалъ нѣсколько вялыхъ, вычурныхъ стихотвореній—безъ риѳмъ, съ которыми онъ не ладилъ во всю жизнь... Въ заключеніе явилась цѣлая поэма Оксана, подражаніе Байрону. Собраніе всего этого и составляетъ ту большую рукопись, о которой мы сказали выше и которую имѣлъ въ своихъ рукахъ Семинскій.

Въ одномъ мѣстѣ прозаическихъ замѣтокъ того, тяжелаго времени, Ржевускій восклицаетъ: „Боже! дай мнѣ воротиться въ пустыню! Когда я увижу тебя, мой милый Нѐжду? Твое убожество для меня выше всякой княжеской пышности; взоръ теряется тамъ въ безпредѣльности; воображеніе не знаетъ границъ; свобода тамъ не шутка, доблесть не обманъ!.."

Въ 1830 году Ржевускій (какъ и многіе другіе поляки тѣхъ мѣстъ) бросилъ свое захолустье, которое часъ-отъ-часу стало дѣлаться ему противнѣе и ненавистнѣе, вслѣдствіе того положенія дѣлъ, о какомъ мы упомянули выше—и очутился, съ нѣсколькими своими „казаками" на полѣ брани. Ничего опредѣленнаго не извѣстно объ его повстанской службѣ и подвигахъ. Въ маѣ мѣсяцѣ, 1831 года, послѣ дѣла подъ Дашовымъ, онъ пропалъ безъ вѣсти и до сихъ поръ никто

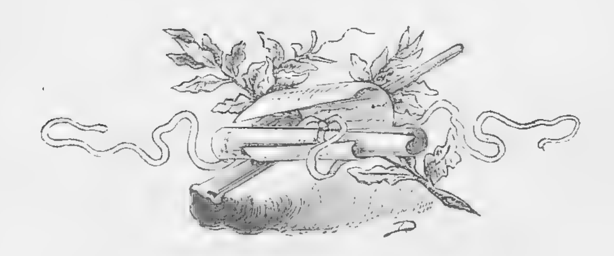
хорошо не знаетъ, что съ нимъ сталось. Сочинялись разныя легенды, одна нелѣпѣе другой. Поляки привыкли вѣрить въ сказаніе, будтобы графа Вацлава убилъ гдѣ-то въ степи подкупленный русскимъ правительствомъ казакъ — изъ его Савранскихъ, которыхъ онъ рядилъ когда-то бедуинами... Нѣсколько поэтовъ написали въ честь погибшаго безъ вѣсти, знаменитаго соотечественника, стихи. Нечего говорить, что лучшіе принадлежатъ перу Мицкевича (Farys). Самые странные и невѣроятные по заключенію, хотя и благозвучные—оставлены на память вѣкамъ, къ удивленію, вторымъ польскимъ поэтомъ, Юліемъ Словацкимъ. Чтобы намъ повѣрили, что такіе странные по содержанію стихи дѣйствительно существуютъ, приводимъ подлинникъ:

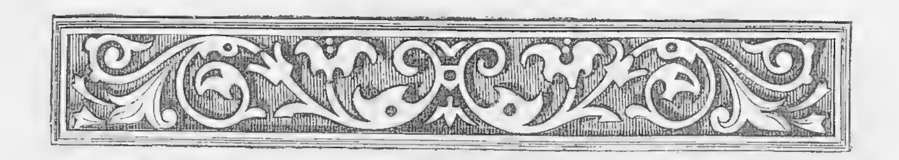
A w Moskwie z dział bito na górze Pokłonnej
J Miasto się tvzęsło od piesni stuzwonnej...
Cieszyt się Car Ruski, źe Emir Rzewuski
W stepowym spi cicho kurhanie...

—

И пушки съ горы загремѣли Поклонной:
Москва всколыхалась отъ пѣсни стозвонной...
Тѣшился Царь Русскій, что эмиръ Ржевускій
Почилъ подъ могильнымъ курганомъ.

Н. Бергъ.

СИМБИРСКІЕ ЮРОДИВЫЕ.

Въ СТАРОЕ время на Руси юродивые пользовались всюду большимъ почетомъ и часто имѣли историческое значеніе по своимъ умнымъ дѣйствіямъ, замысловатымъ и тонкимъ разсужденіямъ. Вліяніе этихъ людей на общество обусловливалось нерѣдко ихъ сатирическими выходками, или колкими, таинственными замѣчаніями и намеками, гдѣ прямая и открытая рѣчь обличенія была невозможна. Прикидываясь лицами, ничего не понимающими, они иногда затмѣвали умомъ и практичностью сильныхъ правителей и книжниковъ, давали совѣты и нравоученія незамѣтно и мимоходомъ. Понятно, что уваженіе къ нимъ основывалось на вѣрѣ въ изреченіе св. писанія: Господь умудряетъ младенцы, воодушевляетъ ихъ высокой силой, какъ древнихъ пророковъ; слава и сказанія объ этихъ учителяхъ нравственности разносилась быстро по всей Россіи, какъ о людямъ, надѣленныхъ даромъ прозорливости.

Видя почетъ и уваженіе, а главное—матеріальное обезпеченіе, недобросовѣстные люди издавна прикидывались юродивыми и являлись въ родѣ шайки дармоѣдовъ по разнымъ русскимъ областямъ. При глубокой религіозности народа, пожива имъ была хорошая и выгода постояннаго обезпеченія въ жизни безъ всякихъ заботъ и хлопотъ. Но это злоупотребленіе замѣчено было давно, и духовнымъ и свѣтскимъ правительствомъ, которое старалось сильно преслѣдовать мнимыхъ юродивыхъ, выставляя ихъ обманные наружные признаки, какъ они бродятъ съ растрепанными волосами, искусственно трясутся и проч. Но такъ какъ потребность въ блаженныхъ долгое время оставалась въ народѣ, который не могъ различать истинныхъ юродивыхъ отъ ложныхъ, то и предостереженія правительственныя не имѣли силы и вліянія.

Исконнымъ уваженіемъ русскихъ людей къ юродивымъ отлично воспользовались раскольники, когда настало время гоненія на ихъ ученіе. Извѣстно, что протопопъ Аввакумъ, призванный на соборный судъ восточныхъ патріарховъ, растянулся на полу и сказалъ: „ну вотъ вы посидите, а я полежу...“ Когда стали глумиться патріархи надъ невѣжествомъ протопопа, онъ отвѣчалъ имъ: „да, мы—юроди Христа ради!“ Тоже повторяли послѣдователи Аввакума и, подъ прикрытіемъ юродства и простоты, распространяли по Россіи старую вѣру. Женщины съ растрепанными волосами проповѣдывали, что имъ являлась св. Пятница и заповѣдала табаки не пити; мужчины въ смиренномъ жалкомъ образѣ достигали своихъ цѣлей весьма удобно, огражденные отъ поимки именемъ юродства, хотя не всегда и они спасались. Такъ въ 1718 году ходилъ въ Поволжьѣ Василій Пчелка и „подъ образомъ юродства многихъ развращалъ въ расколъ и пакости дѣялъ“, по словамъ тогдашняго нижегородскаго вице-губернатора Ржевскаго [1]). Въ царствованіе Елизаветы Петровны явился проповѣдникомъ секты „Людей Божіихъ“ Андрей Петровъ юродивый, считавшійся лжехристомъ; по слѣдствію 1745 г. Андрей юродивый со многими послѣдователями сосланы были на каторгу. (По всей вѣроятности этотъ юродивый Андреюшка оказался впослѣдствіи Кондратій Селивановъ—глава и распространитель скопческой секты).

Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, въ симбирской губерніи былъ особенно-сильный урожай на юродивыхъ, которые бродили большею частью съ цѣлью распространенія раскольничьихъ ученій. Другіе, впрочемъ, прикидывались блаженными, чтобы ради мнимой святости, добывать безбѣдное существованіе, безъ всякаго труда и работы. Третьи, наконецъ, дѣйствительно скорбные главой отъ природы, бродили по міру, какъ нищіе и лишніе члены общества. Всѣ они внушали населенію суевѣрный страхъ и почтеніе; имъ приписывали разныя необычайныя силы духовныя, особенно даръ предвидѣнія и предсказанія будущаго; каждое дѣйствіе, жестъ, слово, или мычаніе, непремѣнно старались считать не простымъ явленіемъ, а знакомъ таинственнаго выраженія глагола Божія, и это—не одни простолюдины, а и помѣщики.

Многіе изъ расколоучителей симбирской губерніи скитались подъ личиной юродства и старались распространять свои убѣжденія въ народной массѣ. Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія жилъ въ Симбирскѣ мѣщанинъ Кочуевъ, который считался Божьимъ человѣкомъ, хотя былъ раскольничьимъ начетчикомъ. Какъ уроженецъ г. Горбатова, нижегородской губерніи, онъ сначала поступилъ въ прикащики къ макарьевскому купцу Олонцеву, который отправилъ его по торговымъ дѣламъ въ Астрахань. Недолго удалось ему пожить тамъ спокойно; за распространеніе раскола и за неимѣніе паспорта,

[1]) Раскол. дѣла XVIII стол. Есипова. II, въ приложеніи 195.

Кочуева хотѣли взять подъ караулъ, но онъ успѣлъ убѣжать вверхъ по Волгѣ. Поселившись въ Жигулевскихъ горлишахъ, онъ старался показывать строгую отшельническую жизнь и прикинулся совершеннымъ молчальникомъ. Сперва неожиданное появленіе чуднаго затворника пещернаго поразило рыбаковъ, которые, въ знакъ любви и привязанности къ нему, доставляли свѣжей рыбы; потомъ распространившаяся молва стала привлекать къ нему много посѣтителей изъ раскольниковъ, приносившихъ ему посильныя подаянія. Наконецъ слава объ отшельникѣ пошла далеко, какъ о святомъ угодникѣ, и раскольники начали толпами стекаться со всѣхъ окрестныхъ сторонъ въ его пещеру; самую воду родника, находившагося недалеко отъ помѣщенія Кочуева, они считали священною и пили ее для исцѣленія разныхъ недуговъ. Симбирскіе коноводы раскольниковъ Валдышевы постарались вывезти его изъ Жигулевскихъ горъ, помѣстили въ своемъ домѣ и окружили довольствомъ и почетомъ. Юродивый все выдерживалъ свою задачу молчальника при всѣхъ, исключая одной дѣвицы, съ которой завелъ любовную связь; отношенія ихъ взаимныя были открыты, когда подслушали тайный разговоръ молчальника съ дѣвицей и поняли, что она беременна. Тогда отъ непріятностей Кочуевъ убѣжалъ къ старцамъ иргизскаго монастыря и потомъ поселился въ Москвѣ. Онъ собралъ много рукописей и старыхъ книгъ, сдѣлался виднымъ человѣкомъ между раскольниками московскими и утверждаютъ, будто онъ первый подалъ мысль учредить іерархію старообрядческую и искать архіереевъ (послѣ 1830 г.).

Другой замѣчательный юродивый Павелъ, проповѣдникъ мистической секты „Людей Божіихъ", происходилъ изъ г. Алатыря; онъ извѣстенъ былъ всюду подъ названіемъ „дядя домой", потому что ничего не говорилъ, кромѣ этихъ словъ, притворяясь нѣмымъ. Когда было ему еще 20 лѣтъ, онъ скрылся изъ дома родителей и черезъ два года явился опять въ Алатырѣ, но уже совершенно въ другомъ видѣ! сталъ онъ ходитъ босымъ и зимой и лѣтомъ, носилъ легкое и длинное до пятъ полукафтанье, которое не перемѣнялъ круглый годъ; высокаго роста и красивой наружности, онъ распускалъ свои длинные волосы по плечамъ и никогда не покрывалъ головы; въ рукахъ онъ держалъ высокую палку, на верху которой навязаны были разноцвѣтныя ленты, и каждому встрѣчному выкрикивалъ одно и тоже: дядя домой! Такъ онъ всегда держалъ себя съ лицами незнакомыми, а кто принималъ его съ усердіемъ и кому онъ довѣрялъ, тѣхъ удостоивалъ своей тайной бесѣды, клонившейся къ распространенію раскола. Когда давали ему серебряныя деньги, онъ спокойно клалъ ихъ въ карманъ, а мѣдныя или совсѣмъ не бралъ въ руки, или же взявъ ихъ бросалъ въ сторону. Своимъ наружнымъ благочестіемъ Павелъ расположилъ къ себѣ сперва нѣкоторыхъ купцовъ г. Алатыря, а потомъ населеніе г. Симбирска, гдѣ появленіе его приводило жителей въ удивленіе, а барыни и купчихи были отъ него безъ ума. Онъ по-

стоянно расхаживалъ по селамъ, въ которыхъ признавали его не только блаженнымъ, но и настоящимъ святымъ; эти посѣщенія увеличивали число его приверженцевъ и подражателей; вскорѣ появились между крестьянами такіе же блаженные, босые и нѣмые, какъ и Павелъ, только съ другими причудами.

Въ селѣ Стемасѣ „дядя домой" навѣщалъ часто домъ одного зажиточнаго крестьянина, у котораго былъ сынъ Ѳедоръ, парень лѣтъ 16-ти, сильно привязавшійся къ юродивому и раздѣлявшій образъ его мыслей. Въ 17 лѣтъ онъ началъ только учиться грамотѣ и скоро сталъ читать по славянскимъ книгамъ и писать полууставомъ. Страсть его къ чтенію славянскихъ книгъ до такой степени была сильна, что онъ носилъ съ собой ихъ въ поле на сѣнокосъ и другія занятія крестьянскія; пока отдыхали послѣ обѣда отъ трудовъ другіе, Ѳедоръ бралъ книгу, садился читать до тѣхъ поръ, пока позовутъ его опять на работу. Работа ли ему наскучила, или, можетъ быть, сильно желалъ онъ учиться, только вдругъ ускользнулъ изъ села и неизвѣстно куда скрылся. Черезъ годъ стемасскіе крестьяне увидали его въ лѣсу, верстъ за 20 отъ села, вмѣстѣ съ Павломъ и другимъ юродивымъ бродягою изъ г. Алатыря; сидѣли они втроемъ на полянѣ и разговаривали между собой, но увидѣвъ людей, разбѣжались въ разныя стороны. Спустя немного времени, всѣ они явились въ село Стемасъ: Павелъ въ своемъ подрясникѣ, а Ѳедоръ и алатырскій бѣглецъ въ однѣхъ длинныхъ рубашкахъ и босые. Въ разныхъ домахъ этого села и сосѣдняго Иванькова они привлекли къ себѣ многихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя стали называться старицами, ходить въ черномъ одѣяніи и обязывались не вступать въ супружество. По вечерамъ молодые парни и юныя старицы сходились въ одну избу, гдѣ учили ихъ юродивые читать по славянски, писать и пѣть различные духовные стихи. Въ собраніяхъ участвовали только посвященныя личности, которыя вообще усердно посѣщали храмы, отличались внѣшней религіозностью, но мало уважали иконы и церковные обряды, имѣя свой взглядъ на вѣру христіанскую. Сходбища, устраиваемыя по разнымъ селамъ юродивыми, продолжались не одинъ годъ и послѣдователей ихъ ученія прибывало болѣе и болѣе; не однѣ сельскія дѣвицы попадались имъ въ ловушку, но иногда и образованныя барышни.

Въ г. Алатырѣ жила тогда дѣвица благородныхъ и набожныхъ родителей, только что окончившая курсъ въ смольномъ институтѣ; въ домъ къ нимъ заходилъ нѣмой юродивый, молодой и красивый мужчина лѣтъ 25; ему подавали всегда угощеніе и надѣляли деньгами. Однажды, во время закуски юродиваго, институтка осталась съ нимъ вдвоемъ въ комнатѣ и любовалась его выразительной физіономіей, роскошными волосами и атлетической фигурой; вдругъ нѣмой юродивый обратился къ ней съ рѣчью на отличномъ французскомъ языкѣ.

„Вотъ по вашимъ святымъ, чистымъ и дѣвственнымъ молитвамъ сказалъ онъ, Господь не только развязалъ мнѣ языкъ, но и надѣлилъ разумомъ и даромъ разныхъ глаголовъ"... Потомъ сталъ говорить по русски очень умно и краснорѣчиво, но просилъ никому не сообщать объ этой благодати.

Отъ величайшаго изумленія институтка разинула ротъ и не могла вымолвить слова, точно сама превратилась въ нѣмую юродивую. Такъ поразило ее неожиданное чудное явленіе! Послѣ этого чаще и чаще навѣщалъ институтку загадочный молодой человѣкъ, говорилъ съ ней одинъ на одинъ по французски о возвышенныхъ божественныхъ предметахъ въ мистическомъ направленіи, а при другихъ молчалъ. Живыя таинственныя рѣчи о любви Христовой, объ олицетвореніи между людьми царства Божія на землѣ и о пребываніи св. Духа внутри человѣка воспламенили молодую дѣвушку до того, что она стала раздѣлять съ мнимымъ юродивымъ любовь земную... Эта связь тянулась недолго: нѣмаго юродиваго арестовали за распространеніе секты „Людей Божіихъ" и за побѣгъ отъ симбирскаго помѣщика изъ Парижа, гдѣ онъ жилъ болѣе пяти лѣтъ помощникомъ повара. Такое неожиданное открытіе для нервной и гордой барышни оказалось подавляющимъ и она тотчасъ отравилась, можетъ быть, особенно по тому, что чувствовала плодъ чрева своего [1]).

Появлялось много и другихъ юродивыхъ въ Симбирской губерніи, которые разносили сектантское ученіе разныхъ направленій по селамъ и городамъ, прикрываясь своимъ привиллегированнымъ положеніемъ. Изъ нихъ можно упомянуть объ Ильѣ Герасимовѣ, помѣщичьемъ крестьянинѣ села Арской слободы; сначала онъ прикинулся больнымъ, потомъ сталъ юродствовать, ходилъ въ длинной рубахѣ и босой. Воспользовавшись уваженіемъ крестьянъ, онъ весьма удачно совращалъ въ поморское согласіе довѣрчивыхъ лицъ [2]).

Извѣстный членъ св. Синода, архіепископъ симбирскій Ѳеодотій, принималъ охотно юродивыхъ, конечно, не по суевѣрному расположенію къ нимъ, а скорѣе съ прямой цѣлью развѣдать—не скрывается ли обманъ или мошенничество подъ видомъ природной простоты. Заходилъ къ нему иногда и „дядя домой"; видимо владыка не довѣрялъ ему и считалъ его юродство притворнымъ. Онъ разспрашивалъ его и убѣждалъ бросить напускную блажь и ожидалъ не проговорится ли онъ; но Павелъ отлично выучилъ роль свою и только твердилъ: „дядя домой!" Преосвященный предостерегалъ его: „Смотри не улети домой по широкой дорогѣ въ Сибирь!..." Но тотъ совсѣмъ не смущался подобными предупрежденіями и повторялъ только все выше тономъ: „дядя домой!..."

---

[1]) Этотъ разсказъ объ институткѣ я слышалъ отъ алатырскаго доктора В. В. Преображенскаго.

[2]) Правосл. Собесѣдн. 1877 г. I, 46—49.

Предсказаніе преосвященнаго, однако, оправдалось, хотя и не въ томъ видѣ, въ какомъ выражено: увеличеніе сектантовъ и формированіе ихъ кружковъ около юродивыхъ обратило вниманіе священниковъ и мѣстныхъ властей. Начались секретныя дознанія и обыски, которые обнаружили настоящія ихъ цѣли и стремленія; полиція отыскала въ глухомъ лѣсу около озера и келью Павла съ секретными подземными ходами. Говорятъ, когда полицейскій пришелъ къ запертой кельѣ Павла, ведя его съ собою, онъ сказалъ; „Дядя домой!.. Получишь за это 500 рублей“... Но тотъ отвѣчалъ, что теперь уже поздно, и нашелъ у него спрятанными въ кельѣ много денегъ и серебряной посуды и все это отобралъ. На слѣдствіи онъ чистосердечно покаялся во всѣхъ своихъ похожденіяхъ и далъ подписку—впредь не юродствовать и не посѣщать собраній кружковъ, имъ основанныхъ, члены которыхъ разбрелись безъ обожаемаго своего наставника.

Притворныхъ юродивыхъ изъ за наживы появлялось въ г. Симбирскѣ весьма много, когда приносили туда чудотворную икону Божіей Матери и отправляли обратно изъ города въ Жадовскую пустынь. Этотъ классъ искусниковъ юродивыхъ самый омерзительный: одинъ выворачиваетъ глаза дикимъ образомъ, другой корчитъ ротъ въ пядю, третій судорожно дрожитъ весь, и каждый старается превзойти своего товарища физическимъ безобразіемъ съ цѣлью возбудить состраданіе въ простодушныхъ зрителяхъ и наполнить свою шапку трудовыми копѣйками крестьянъ. И этихъ постылыхъ людей причисляли по добротѣ душевной къ блаженнымъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Симбирскѣ въ числѣ юродивыхъ шарлатановъ находились и настоящіе юроды или дураки. Разсказы о нихъ не имѣли бы значенія, если бы не характеризовали извѣстной части суевѣрнаго общества и потворствующихъ лицъ господствующему направленію. Такимъ былъ юродивый Андреюшка; объ немъ, какъ о нагольномъ идіотѣ, ничего не слѣдовало бы говорить; только, для очертанія нравовъ жителей Симбирска тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, можно сообщить о смерти жалкаго божьяго человѣка разсказъ изъ записокъ современнаго свидѣтеля его похоронъ. Этотъ свидѣтель, какой-то симбирскій пономарь, написалъ „Сказаніе о юродивомъ Андреюшкѣ“; вотъ сущность его повѣствованія:

„Изъ коренныхъ жителей города Симбирска, сынъ бѣднаго мѣщанина Огородникова, лишенный съ самаго рожденія, можно сказать, всѣхъ даровъ природы, нѣмой, скорчившій (!),—немогшій безъ движенія стоять на одномъ мѣстѣ, а подобно маятнику качавшійся изъ стороны въ сторону, переминаясь безпрестанно и издавая какіе то звуки, ходившій завсегда въ одной только длинной рубашкѣ и босой, никогда неупотреблявшій никакой обуви, даже въ сильные жестокіе морозы, и бѣгавшій по снѣгу, не показывая признаковъ ощущенія отъ стужи, однимъ словомъ носившій на себѣ жалкій человѣческій

образъ подъ именемъ Андреюшки. Несмотря на свое тяжелое положеніе и несчастное существованіе, этотъ юродивый прожилъ болѣе 70 лѣтъ. Передъ кончиной въ ноябрѣ 1841 г. народъ счелъ его праведникомъ и началъ посѣщать больнаго, считая за великое счастіе поцѣловать его руку.

„Народъ наводнилъ пространство около хижины и обратилъ вниманіе полиціи, которая для порядка вынуждена была приставить чиновника съ командою... Не одинъ низкій классъ воодушевился привѣтомъ къ бѣдному больному, но многіе и изъ высшаго образованнаго сословія лица приняли участіе въ томъ же предубѣжденіи (!)". Передъ смертью больной исповѣдался и причастился и принялъ съ необыкновенною радостью и искреннимъ желаніемъ: послѣдовало таинство елеосвященія и на совершеніи его былъ громадный приливъ народа. Умеръ Андреюшка послѣ приготовленія 28 ноября.

„Кончина его взволновала не однихъ жителей города, но и окрестный народъ, довольно на значительное пространство; стеченіе людей всякаго сословія открылось чрезвычайное... Откуда явился и возвысился великолѣпный гробъ на серебряныхъ ножкахъ, обитый бархатомъ, показались два дорогіе покрова, открылось кругомъ гроба множество подсвѣчниковъ съ пылающими денно и нощно восковыми свѣчами... Въ богатый гробъ его положили въ томъ же облаченіи обыкновенномъ, въ какомъ онъ всегда ходилъ, т. е. въ одной рубашкѣ и босаго. Прочее все соотвѣтствовало особенной пышности, даже до самыхъ мелочей, и все это сопровождалось усердіемъ значительнаго дворянства и богатаго купечества... Градской голова съ обществомъ купцовъ просилъ преосвященнаго Ѳеодотія позволенія положить его среди города, около Вознесенской церкви. Архіепископъ, не постигая безотчетной народной признательности къ умершему и убѣждаясь народнымъ голосомъ, какъ голосомъ Божіимъ, расположился принять покойнаго въ мѣсто своего пребыванія, въ архіерейскій домъ, что въ Покровскомъ монастырѣ на концѣ города, гдѣ съ незапамятныхъ времень погребаютъ знаменитые дворянскіе роды... Чтобы удостовѣрить (удовлетворить?) народному какому-то безусловному энтузіазму, онъ дозволилъ до погребенія на сутки перенести гробъ юродиваго въ Вознесенскую церковь, чтобы продолжить время усердствующему народу успѣть проститься съ такимъ замѣчательнымъ покойникомъ. Народъ держалъ его четверо сутокъ въ хижинѣ и однѣ сутки въ церкви, подобно обильной рѣкѣ, безпрерывно притекалъ ко гробу и съ какимъ то особеннымъ благоговѣніемъ касался бренныхъ останковъ умершаго. Но въ четверо сутокъ духота и жаръ не имѣли вліянія на тѣло умершаго и никакого не происходило запаху, а это въ особенности поддерживало къ нему народное признаніе и сопровождено весьма многими толпами. Только на лицѣ, сначала бѣломъ, показались синія пятна, но это надобно отнести къ жару и къ безпрерывному прикосновенію къ его лицу...

„При погребеніи и относѣ юродиваго тотъ только изъ жителей города оставался въ своемъ домѣ, кому не было возможности сдѣлать одного шага; даже закоренѣлые раскольники разныхъ сектъ рѣшились присутствовать въ церкви во время литургіи и погребальнаго чиноположенія и тоже съ какимъ то благоговѣніемъ проводили гробъ его до мѣста. Хоронилъ Андрея архимандритъ, ректоръ семинаріи съ городскимъ и сельскимъ духовенствомъ; однихъ священниковъ было до 30 душъ. Гробъ несли съ хоругвями и звономъ на пространствѣ болѣе версты, при ежеминутныхъ перемѣнахъ носильщиковъ: лучшее купечество и нѣкоторые дворяне, коихъ усердію и готовности—отдать послѣднюю послугу покойному—не было границъ и кои наперерывъ одинъ у другаго перенимали гробъ, стараясь улучить случай повторить это нѣсколько разъ, и оттого около гроба тѣснота и давка была невыносимая... Экипажей счесть нельзя! Изъ двухъ дорогихъ покрововъ чернь сильно домогалась одинъ пріобрѣсти, чтобы разорвать его на лоскуточки въ воспоминаніе покойнаго, но не допущена къ тому полиціей, безъ помощи коей могло бъ случиться даже насиліе“.

Послѣ изображенія похоронъ юродиваго Андреюшки, послѣ удивленій народному усердію къ блаженному бѣдняку и сравненія его съ евангельскимъ нищимъ Лазаремъ, книжный пономарь справедливо замѣчаетъ: „Едва ли можно отыскать примѣръ подобнаго происшествія!... Жизнь его не заслуживала никакого подражанія“. Потомъ онъ задаетъ себѣ вопросы: „Къ чему же отнести это событіе? Гдѣ отыскать причину безотчетнаго, вдругъ воспламенившагося почтенія къ нему?“ И вотъ для уясненія этой причины уваженія повѣствователь обращается къ описанію жизни и характера покойника.

„Человѣческое разсужденіе здѣсь неумѣстно... Извѣстно, что безумные приближаются къ безсловеснымъ животнымъ и нашъ юродивый былъ чуждъ всѣхъ человѣческихъ страстей... Онъ любилъ пить только одинъ чай; занятіемъ его было цѣловать полъ, стѣны, углы и вещи, которыя ему попадались въ руки или на глаза; голосомъ издавалъ онъ одни дикіе отголоски; черный хлѣбъ предпочиталъ бѣлому и любилъ его ѣсть намазанный медомъ. Не лишенъ былъ онъ органа слуха и на вопросы задаваемые отвѣчалъ звуками, движеніемъ рукъ и головы. Онъ былъ весьма неопрятенъ, но любилъ мыться въ банѣ; вода должна быть чуть теплая и мыть надобно, начиная съ головы до ногъ: если же чуть порядокъ нарушится, то никто его въ банѣ не удержитъ и убѣжитъ нагой. Холодной воды онъ чрезвычайно боялся и словами: „подайте Андреюшкѣ воды!“—обыкновенно выгоняли его изъ дома, гдѣ посѣщеніе его надоѣдало. Когда священникъ давалъ ему цѣловать крестъ при водосвятіи, то онъ придерживалъ своей рукой кропило и мазалъ имъ все лицо... Въ церквахъ онъ бывалъ рѣдко и то на минуту съ убійственнымъ равнодушіемъ, и никто не видалъ, чтобы онъ молился когда; только часто онъ одинъ

толкался на паперти церковной съ обычнымъ ему ворчаніемъ въ подобіе медвѣдя, сосущаго лапу.

„Бѣгая по улицамъ, подбиралъ онъ лоскутки, щепочки и раздавалъ ихъ встрѣчнымъ, даже кидалъ въ экипажи при проѣздѣ мимо его, но безъ вреда; всѣ эти дѣйствія считались пророчественными предзнаменованіями. Онъ носилъ сумку, въ которую ему клали подаяніе: при этомъ онъ иногда оставался спокойнымъ и молчалъ, а иногда выбрасывалъ подарки и монеты въ сторону. Подаяніе раздавалъ самъ другимъ, кто ему взглянется и безъ счету, сколько захватитъ, будто безъ цѣли и размышленія. Но все это почитали какимъ то особеннымъ даромъ отъ него и многіе сберегали и деньги и пустыя вещи, по мѣрѣ уваженія каждаго. Торговцы всѣ наперерывъ приглашали его брать изъ лавокъ, что ему угодно, но онъ по какому то чутью у одного кого нибудь возьметъ какую нибудь ничтожную вещь, а у другаго ни по какому убѣжденію и значительной вещи не возьметъ. Случалось насильно втереть ему что нибудь, то онъ изорветъ, если это какая матерія, или броситъ съ презрѣніемъ въ сторону, хотя бы вещь стоила и значительной цѣны. Во всѣхъ означенныхъ дѣйствіяхъ его нѣкоторые изъ жителей признавали какую то таинственность. Если дерзкіе и пьяные люди причиняли ему побои и оскорбленія, то онъ съ терпѣніемъ и кротостію все переносилъ“.

Въ отечественную войну 1812 года, когда воспламенилась во всѣхъ сословіяхъ чрезвычайная набожность, многіе значительныя особы симбирскіе посѣщали Саровскую пустынь и арзамасскій женскій общежительный монастырь. „Затворникъ Серафимъ отказывалъ въ благословеніи богомольцамъ, отсылая ихъ въ отечественный городъ Симбирскъ къ юродивому Андрею, могущему замѣнить его благословеніе. Елена Афанасьевна въ Арзамасѣ, прославившаяся какими-то пророчественными изрѣченіями, отзывалась объ Андреюшкѣ, какъ о праведномъ мужѣ, покровительствующемъ г. Симбирску“. Съ распространеніемъ этой молвы умножались почитатели юродиваго и „чествовали его цѣлованіемъ руки“... „Большая часть людей, впрочемъ считала предосудительнымъ признавать его достойнымъ какого либо предпочтенія; но со смертію его и эти всѣ сдѣлались подражателями прочихъ въ воздаваемой ему чести и съ одинакимъ чувствомъ притекли къ бреннымъ его остаткамъ“.

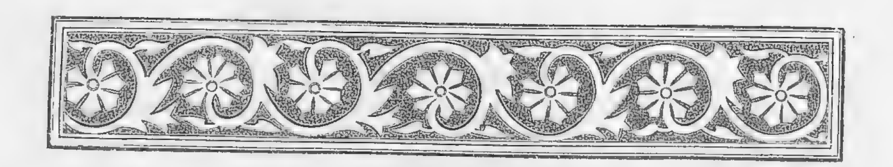
Въ заключеніе сочинитель пишетъ, что въ его разсказѣ ничего нѣтъ преувеличеннаго и жизнь юродиваго Андрея изображена имъ въ возможной подробности и съ соблюденіемъ строгой истины. Охотно вѣримъ ему, потому что самое содержаніе сказанія подтверждаетъ оговорку книжника; но главнаго вопроса объ уваженіи юродиваго онъ все таки не рѣшилъ на основаніи данныхъ, которыхъ напрасно отыскивалъ въ его жизни. Вся жизнь Андрея, говоритъ онъ, недолжна бы заслужить впечатлѣнія и признательности къ его достоинствамъ, „но судьбы Божіи не исповѣдимы. Остается благоговѣть и

молчать, предоставляя высшей мудрости разгадать причину послѣдовавшаго какого то безусловнаго общаго въ немъ признанія".

Такимъ образомъ, почтенный повѣствователь, отлично рисуя религіозное настроеніе общества г. Симбирска, искавшаго идеала, рѣшилъ свою задачу для насъ, хотя искалъ развязки только въ личности юродиваго. Мистическое настроеніе общества времени императора Александра I и невыдохшееся въ дворянахъ симбирскихъ масонство, многое объясняютъ въ исторіи юродивыхъ начала XIX столѣтія.

Н. Аристовъ.

ПОЛЬСКІЯ СМУТЫ ПЕРЕДЪ ВОЗСТАНІЕМЪ 1831 ГОДА.

Въ текущемъ году вышла въ свѣтъ біографія маркиза Велепольскаго, написанная г. Лисицкимъ. Книга эта, содержащая въ себѣ также очеркъ состоянія польскаго общества той эпохи, когда жилъ и дѣйствовалъ маркизъ, представляетъ, между прочимъ, любопытный матеріалъ для характеристики польскихъ революціонныхъ партій; но отзывы автора о русскихъ дѣятеляхъ нерѣдко бываютъ односторонни, или даже пристрастны. Извлекаемъ изъ перваго тома сочиненія г. Лисицкаго разсказъ о событіяхъ, подготовившихъ взрывъ 1831 года, который положилъ конецъ самостоятельности Польши.

По Вѣнскому конгрессу, отошедшія къ Россіи польскія области образовали царство польское, которому конституціонная хартія обезпечивала обособленное существованіе, собственную администрацію, національную армію, представительство, состоявшее изъ избирательной палаты и сената, члены котораго назначались на всю жизнь монархомъ. Впрочемъ, сама по себѣ эта хартія, удовлетворительная на сколько дѣло касалось принциповъ, представляла много практическихъ неудобствъ, пробѣловъ и даже противорѣчій, не говоря уже о постановленіяхъ неопредѣленнаго характера, представлявшихъ обширное поле для самыхъ разнородныхъ толкованій. Чтобъ мирно пережить критическій періодъ неизбѣжныхъ затрудненій при началѣ дѣйствія конституціи, необходимы были, какъ со стороны правителей, такъ и управляемыхъ, чрезвычайная взаимная снисходительность, умѣренность и добрая воля переносить испытанія. Тѣмъ и другимъ нужно было поучиться, какъ лучше обходиться съ новыми учрежденіями.

Между тѣмъ, польское общество оставалось такимъ же, какимъ его передали предъидущіе вѣка. Одно только дворянство пользовалось политическими правами и представляло собою націю. Утративъ преданія о сильной монархической власти, дворянство сохранило только воспоминанія о борьбѣ противъ нея и о не лишенной своего рода пріятности анархіи, которая характеризовала послѣднее столѣтіе національной независимости. Уже задолго до раздѣловъ Польши дворянству не доставало нѣкоторыхъ гражданскихъ добродѣтелей, не доставало умѣнья подчиняться законамъ, любви къ порядку и труду. Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно ослаблялось и религіозное чувство. Крупные паны зачастую были атеистами и вольтеріанцами; высшіе классы равнодушны, или открыто враждебны, къ церкви. Распущенное, холодно относившееся къ своимъ обязанностямъ духовенство не пользовалось ни малѣйшимъ вліяніемъ. Народное образованіе, въ царствованіе Понятовскаго, составляло предметъ особыхъ заботъ со стороны короля и наиболѣе выдающихся дѣятелей того времени, но сообразно идеямъ того вѣка отличалось характеромъ поверхностнымъ и анти-религіознымъ. Послѣ того, оно было предоставлено случаю и отразило на себѣ господствовавшую въ эту эпоху нравственную и матеріальную смуту. Вслѣдствіе этого, поколѣніе, жившее въ ту эпоху, лишено было того солиднаго умственнаго фонда, которымъ отчасти замѣняется недостатокъ опредѣленныхъ политическихъ принциповъ.

Вскормленные идеями французской философіи, люди зрѣлаго возраста разсуждали о счастіи человѣчества, управляемаго разумомъ. Дѣти ихъ, поручаемые обыкновенно французскимъ наставникамъ, съ посредственными познаніями, съ сомнительною нравственностью, почерпали въ урокахъ подобныхъ наставниковъ самыя гибельныя правила. Впрочемъ, молодежь рано покидала книги и ученье, чтобъ встать подъ знамя отчизны, любовь къ которой была единственнымъ связующимъ звеномъ въ этомъ обществѣ. Но съ однимъ патріотизмомъ общество не можетъ жить полною жизнью, особенно когда идеалъ отчизны остается въ состояніи отвлеченности, когда нѣтъ общепризнаннаго связующаго лозунга. Такъ именно было тогда съ Польшей. Европа шла впередъ по пути прогресса, а Польша оставалась позади. Вѣнскій конгрессъ не позаботился даже объ экономическихъ интересахъ царства польскаго. Отнявъ у него копи Велички, онъ обременилъ царство долгами, лишилъ его торговыхъ сообщеній и втиснулъ между тремя большими государствами, управлявшимися крайне покровительственной системой. При урѣзанномъ населеніи, при истощенной почвѣ, страна чисто земледѣльческая не скоро могла поправиться. Ей необходимо было вѣдаться съ многочисленными потребностями современнаго государства, или—отречься отъ самостоятельнаго существованія. Вопросъ о политическихъ вольностяхъ дѣлался второстепеннымъ, сравнительно съ экономическими вопросами, и, кромѣ того, требовалъ крайняго благоразумія, чтобъ съумѣть избѣгнуть, столкно-

веній между страною и королевскою властью: подобныя столкновенія рано или поздно должны были выродиться въ неравную борьбу, исходъ который не подлежалъ сомнѣнію.

Недостатки парламентской организаціи, довольно серьезные сами по себѣ, но поправимые, принимали тревожный характеръ, вслѣдствіе появленія въ сеймѣ „конституціонной" оппозиціи, которая горѣла желаніемъ ослѣпить Польшу и Европу своимъ рвеніемъ въ защитѣ хартіи и общественныхъ вольностей противъ „захватовъ" власти. Пророкъ этой партіи доктринеровъ, рабскихъ копій съ иностранныхъ образцовъ, Винцентъ Немойовскій, возъимѣлъ несчастную мысль подражать Бенжамену Констану, ни таланта, ни знаній, ни силы убѣжденія котораго не имѣлъ. Хорошій говорунъ, обладавшій, однакожъ, умомъ крайне узкимъ, притомъ, глухой до того, что не могъ слѣдить за подробностями преній, упрямый и дерзкій, одержимый маніей открывать повсюду ущербъ свободѣ и хартіи, человѣкъ этотъ соединялъ въ себѣ всѣ отрицательныя качества парламентскаго забіяки. Въ другой средѣ онъ скоро бы выцвѣлъ за подобнымъ занятіемъ; здѣсь онъ достигъ не заслуженной извѣстности и причинилъ громадное зло. Система Немойовскаго была очень проста: критиковать и обвинять вкривь и вкось. Законъ, хотя бы самый полезный, не находилъ у него пощады, какъ скоро стѣснялъ „свободную волю" гражданина, т. е. какъ только достигалъ своей цѣли. Къ сожалѣнію, поводовъ къ критикѣ этотъ ораторъ находилъ много. Намѣстникъ, бывшій якобинецъ, обратившійся къ идеямъ порядка, раздѣлялъ отвращеніе великаго князя Константина Павловича къ конституціонному правленію и значительно способствовалъ тому, чтобъ сдѣлать путь правительства невѣрнымъ. Министры также не торопились сообразоваться съ хартіей и ея требованіями: напримѣръ, они долго не замѣчали, что декреты короля, оффиціально обнародованные, не носили на себѣ скрѣпы ни одного отвѣтственнаго министра. При первомъ же заявленіи о томъ, Александръ I повелѣлъ поступить по закону: много другихъ жалобъ также слѣдовало удовлетворить, если бы правительство придавало имъ больше значенія.

Уже во время перваго сейма, въ 1818 году, разсмотрѣніе годового отчета государственнаго совѣта вызвало со стороны оппозиціи желчную и несправедливую критику всей совокупности установленнаго порядка. Между тѣмъ, достаточно было припомнить, что было за три года передъ тѣмъ и сравнить это столь недавнее прошлое съ настоящимъ, чтобъ осязательно убѣдиться въ улучшеніяхъ, которыми страна обязана была этому порядку и патріотической бдительности людей, взявшихъ на себя его примѣненіе. Церковь, администрація, армія, торговля, земледѣліе, всѣ нравственные и матеріальные интересы страны, извлекли пользу изъ самостоятельнаго національнаго существованія, обезпеченнаго царству; эти благодѣянія выкупали отсутствіе политическихъ вольностей, съ которыми страна, большую часть

времени, не знала что дѣлать. Завидуя лаврамъ французскихъ трибуновъ, оппозиція сильно злоупотребляла привилегіей обсужденія отчета, а правительство все еще не считало своею обязанностью защищать свои дѣйствія. Нѣсколько голосовъ, поднявшихся въ защиту министровъ противъ нападокъ, не имѣли достаточнаго авторитета, чтобъ возвратить палату къ духу хартіи... Лозунгъ къ борьбѣ въ защиту хартіи, тѣмъ не менѣе, былъ данъ. Согласно традиціонному обычаю, правительство отождествляли съ особою короля. Фикція отвѣтственности министровъ принималась лишь на столько, на сколько она дозволяла нападать на королевскую власть съ соблюденіемъ хотя какого нибудь приличія.

Затѣмъ хартія ограждала личную свободу обычными гарантіями совершенно чуждыми двойному, австрійскому и прусскому, уголовному кодексу, дѣйствовавшему въ царствѣ. Въ этомъ отношеніи, распоряженія великаго князя подавали иногда поводъ къ размышленіямъ польскихъ патріотовъ. Не смѣя нападать прямо на великаго князя, оппозиція возбудила вопросъ о неприкосновенности личности вообще; вопросъ этотъ смѣшивался ею съ другими требованіями, причемъ было удобно запугивать легковѣрныхъ перспективою воображаемыхъ или крайне преувеличенныхъ опасностей правамъ польскихъ гражданъ.

Наконецъ, хартія гарантировала свободу печати, причемъ говорилось, что „законъ установитъ средства пресѣчь ея злоупотребленія"; но такого закона не существовало, а въ ожиданіи его предварительная цензура, учрежденная правительствомъ герцогства варшавскаго, дѣйствовала какъ нельзя исправнѣе. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія нѣсколько литераторовъ продолжали цензуровать единственную газету столицы и книги, довольно рѣдко, впрочемъ, печатавшіяся. Того требовалъ обычай, и никто не ощущалъ потребности воспользоваться правами, предоставленными хартіей, о которыхъ вспомнили только въ то время, когда первою изъ гражданскихъ обязанностей уже была провозглашена защита „священнаго огня націи" (такъ Немойовскій называлъ хартію). „Варшавская Газета" давала своимъ читателямъ три раза въ недѣлю скудный матеріалъ новостей, почерпнутыхъ въ „Гамбургской Газетѣ" или въ „Австрійскомъ Наблюдателѣ", который редактировался въ меттерниховскихъ канцеляріяхъ. Внутреннія извѣстія занимали очень скромное мѣсто на столбцахъ „Варшавской Газеты". Этотъ отдѣлъ сводился почти исключительно къ отчетамъ о публичныхъ церемоніяхъ и къ офиціальнымъ актамъ, помѣщавшимся въ газетѣ по требованію правительства, такъ какъ послѣднее не располагало особымъ офиціальнымъ органомъ. Навыкъ обсуждать общественныя дѣла, всегда находившійся въ изрядномъ пренебреженіи, совершенно утратился; искусство владѣть перомъ было доступно только небольшому числу избранныхъ. Писали мало, читали еще меньше; такимъ образомъ, изъ всѣхъ политическихъ правъ, права печати принесли наименьшую пользу; печать сдѣлалась предметомъ

роскоши, а свобода печати — правомъ довольно опаснымъ. Ободряемые декламаціями защитниковъ хартіи, нѣсколько импровизованныхъ публицистовъ, едва сошедшихъ со школьной скамьи, основали независимый политическій органъ. Крайне жалко веденная „Ежедневная Газета“ была, въ сущности, безпорядочнымъ наборомъ фразъ о правахъ народовъ и деспотизмѣ правительствъ—фразъ, заимствованныхъ въ перемежку изъ брюссельскаго „Истиннаго Либерала“, изъ парижской „Минервы“ и изъ „Германскаго Патріота“. Этотъ листокъ, при всей извращенности своихъ тенденцій, не могъ бы имѣть и значенія при тогдашнихъ обстоятельствахъ, еслибы не плачевная неловкость самихъ польскихъ правителей. Вотъ тому примѣръ: однажды актриса французскаго театра появилась на сценѣ съ конфектой во рту; публика ее освистала и заставила вернуться за кулисы. На слѣдующій день афиши, наклеенныя въ корридорахъ театра, угрожали нарушителямъ порядка исправительнымъ наказаніемъ. Издатели „Газеты“ постарались раздуть этотъ вопросъ. Гремя противъ „злоупотребленій полиціи въ конституціонномъ государствѣ“, противъ „нарушенія хартіи правительствомъ“, они цѣлые восемь дней дѣлали столько шуму, что правительство, потерявъ терпѣніе, распорядилось запечатать типографію газеты. Три дня спустя, прокламація князя-намѣстника подчиняла цензурѣ и „періодическія сочиненія безъ исключенія“. „Газета“ появилась только одинъ разъ, такъ какъ типографіи было запрещено ее печатать вслѣдствіе рѣзкой статьи противъ цензуры. „Газета“ перемѣнила форму и стала являться въ видѣ изданія, выходящаго каждые два или три дня и не подчиненнаго цензурѣ, подъ заглавіемъ: „Хроника первой половины XIX вѣка“. Вслѣдствіе скандалезной выходки Нѣмцевича, направленной противъ великаго князя и Заіончека, была возстановлена цензура для всѣхъ произведеній печати до выхода окончательнаго узаконенія по дѣламъ этого рода. „Хроника“ преобразилась въ „Бѣлаго Орла“, стала выходить шесть разъ въ недѣлю въ видѣ брошюръ, занималась преимущественно мѣстными дѣлами, мутила, клеветала, сѣяла повсюду подозрѣнія и неудовольствія. Нѣкоторые изъ редакторовъ этого изданія принадлежали къ тайнымъ обществамъ; нескромные болтуны изъ молодежи, состоявшей на казенной службѣ, выдавали редакціи кое какія закулисныя правительственныя тайны. Какъ бываетъ всегда и вездѣ, глухая борьба между цензоромъ и злонамѣреннымъ писателемъ обращалась на пользу послѣдняго. При помощи полусловъ и намековъ, которые могли обманывать только цербера, приставленнаго къ журналу, въ умы читателей капля по каплѣ вливались желчь и отрава анархіи. Старая „Варшавская Газета“, сдѣлавшаяся также ежедневною, попыталась противодѣйствовать вліянію своей соперницы, но ни правительство, ни люди умѣреннаго образа мыслей не подумали извлечь пользу изъ этой полемики, чтобъ навести общество на истинный путь. Министръ графъ Мостовскій предлагалъ основать оффиціозный органъ,

и можно было воспользоваться съ этой цѣлью именно „Варшавской Газетой“; но мысль о томъ была отвергнута великимъ княземъ; никто не хотѣлъ дать себѣ трудъ вступать въ борьбу съ противниками, которыхъ считали „сорви-головами“ и вѣтренниками...

Главная сила этой горсти парламентаристовъ и журналистовъ состояла преимущественно въ ихъ задорной хлопотливости, которой соотвѣствовала безпечность правительства и умѣреннаго большинства. На сеймѣ министры рѣдко вмѣшивались въ пренія и никогда не отражали прямыхъ нападокъ. Вліяніе правительства на выборы упало до послѣдней степени. Со времени первыхъ частныхъ выборовъ князь-намѣстникъ испрашивалъ разрѣшеніе направлять избирательную кампанію, но императоръ Александръ отвергнулъ всякое посягательство на свободу подачи голосовъ... Покинутое правительствомъ, которое и не думало создавать себѣ партію, не имѣвшее само по себѣ твердаго направленія, умѣренное большинство было предоставлено на произволъ случайностей. Сельскій дворянинъ, вообще невѣжественный, дурно знакомый съ дѣлами страны, роптавшій по самому своему характеру, небрежный по привычкѣ,—судилъ дѣла со своей узкой точки зрѣнія и въ качествѣ избирателя и избираемаго. Обреченный выносить обременительныя повинности и разныя другія тягости, такой сельскій житель взводилъ отвѣтственность за все это на правительство. Понимая буквально обвиненія, разсыпавшіяся буйнымъ меньшинствомъ, онъ терялъ довѣріе къ правительству, усвоивалъ себѣ привычку относиться съ презрѣніемъ къ согражданамъ, облеченнымъ властью, и тѣмъ съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ происканъ тайныхъ обществъ.

Въ Польшѣ исходной точкой и питательною вѣтвью тайныхъ обществъ и политическихъ заговоровъ была секта франкмасоновъ. Введенныя въ Польшу во второй половинѣ XVIII вѣка, масонскія ложи пользовались тамъ громадной популярностью и считали среди своихъ членовъ цвѣтъ общества, почти всю аристократію, часть дворянства, добивавшагося чести идти рядомъ съ западной цивилизацiей, даже священниковъ и епископовъ. За недостаткомъ болѣе серьезныхъ занятій, охотно толковали о счастіи человѣчества. Впрочемъ, поляки рѣдко достигали высшихъ іерархическихъ степеней въ этой сектѣ. Въ эпоху великихъ войнъ, патріотическій порывъ сообщилъ умамъ болѣе трезвое направленіе; польскія ложи съ трудомъ существовали. Съ 1815 года министръ просвѣщенія и исповѣданій принялъ на себя званіе великаго гросмейстера масонскихъ ложъ; туда поступали по привычкѣ, слѣдуя дурному примѣру, подававшемуся свыше, и не заботились о порицаніи церкви. Нѣкоторые изъ членовъ масонскихъ ложъ замѣтили, какъ легко воспользоваться готовою рамкою, чтобъ внести въ нее тайную работу революціи, поспѣшили извлечь пользу изъ дарованнаго ложамъ оффиціальнаго покровительства. Около 1819 года офицеръ польской арміи, маіоръ Лукасинскій, основалъ тайное

общество подъ именемъ „Національнаго франкмасонства", организованнаго по образцу главной секты, — съ цѣлью вызвать возстаніе въ Польшѣ, вслѣдъ за революціонной вспышкой въ Италіи. Военные стали массами покидать оффиціальныя ложи и поступать въ „національное масонство", которое имѣло за собою тройную привлекательность; таинственности, опредѣленной цѣли и болѣе энергическаго управленія. Тѣ, которые прежде служили въ арміи, въ свою очередь записались сюда. Ложи быстро размножались въ царствѣ польскомъ и въ Познани, гдѣ онѣ вскорѣ обратились въ открытый заговоръ. Адъютантъ великаго князя предупредилъ его о тайныхъ проискахъ, какіе велись въ арміи. Спрошенный по этому поводу, Лукасинскій отрицалъ все и, устрашенный оборотомъ дѣлъ, рѣшился распустить свои ложи и продолжать дѣло въ тѣсномъ кругу надежныхъ заговорщиковъ. Вожди познанскаго заговора поспѣшили возстановить порванныя нити; эти усилія привели къ образованію единаго тайнаго общества, извѣстнаго подъ именемъ „патріотическаго", которое охватывало всѣ части древней Польши и раздѣлялось на провинціи и общины, съ центральнымъ комитетомъ во главѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, цѣлая сѣть общинъ покрывала Польшу, отъ предѣловъ Украйны до Лемберга, Познани и Вильны. Число заговорщиковъ превышало, какъ говорили, пять тысячъ человѣкъ, которые набирались все изъ богатыхъ и образованныхъ классовъ общества.

Закрытіе оффиціальныхъ ложъ въ 1822 году послужило правительству поводомъ освѣдомиться о нѣкоторыхъ прежнихъ похожденіяхъ національнаго масонства. Измѣна одного изъ заговорщиковъ и арестъ агента, посланнаго въ Италію для соглашенія съ карбонарами, помогли изслѣдованію. Самъ великій князь уже вступился, чтобъ положить предѣлъ преслѣдованіямъ. Хотя они охватывали очень небольшой кругъ лицъ, но неловкое веденіе этого перваго политическаго процесса не обошлось безъ пагубныхъ послѣдствій. Воспользовавшись долгимъ, томительнымъ заточеніемъ арестованныхъ и двумя случаями самоубійства среди нихъ, недоброжелатели обвиняли правительство въ жестокости по отношенію къ людямъ, виновнымъ будто бы только въ томъ, что они любили отечество, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ были оправданы даже военными судами. Въ конечномъ результатѣ заговоръ въ самомъ преслѣдованіи, почерпнулъ новыя силы.

На дѣлѣ патріотическое общество никогда не имѣло того мрачнаго, насильственнаго характера, который отличаетъ другія европейскія тайныя общества: сущность этого общества отвѣчала его имени. Большинство заговорщиковъ видѣло въ этомъ обществѣ національное дѣло, которое доставляло имъ возможность цѣлесообразно служить отечеству. Такое заблужденіе проистекало, между прочимъ, изъ недостатка благоразумія и проницательности, отъ болѣзненнаго отвращенія къ дѣйствительности, отъ презрѣнія къ авторитету власти. Дѣло въ томъ, что чужестранное господство, въ сущности, было очень

легко выносить. Польша имѣла общаго съ Россіей только государя и внѣшнія отношенія, къ которымъ поляки всегда выказывали равнодушіе. Религіознаго вопроса не существовало, такъ какъ король-диссидентъ выказывалъ несравненно больше почтенія къ церкви, чѣмъ его подданные—католики. Страна оправлялась отъ разоренія; ея умственный уровень видимо поднимался. Тогдашнему поколѣнію оставалось только выполнять добросовѣстно обязанности настоящей минуты, а будущее предоставить волѣ Божіей. Но старый ядъ анархіи дѣлалъ поляковъ глухими къ голосу разсудка.

Польская армія, вмѣсто того, чтобъ служить гарантіею и школою порядка, была разсадникомъ заговорщиковъ. Великій князь любилъ эту армію, посвящалъ ей всѣ свои досуги и поддерживалъ въ ней примѣрные порядокъ и экономію, но не могъ внушить солдатамъ ни любви къ себѣ, ни любви къ знамени, ни водворить въ арміи духъ дисциплины. Слишкомъ занятый мелочами службы, выправкою и механическою точностью, онъ умѣлъ создать войско образцовое по внѣшности, но враждебное своему вождю и проникнутое пагубнымъ духомъ; это была дорогая и опасная игрушка, которая могла когда-нибудь разорваться въ рукахъ своего изобрѣтателя. Зная великодушіе и слабыя стороны великаго князя, зная, какъ легко было обмануть его притворнымъ рвеніемъ къ службѣ, лучшіе офицеры,—тѣ, которые наиболѣе удовлетворяли этого требовательнаго вождя и тонкаго знатока службы, были именно самыми рьяными заговорщиками. Съ другой стороны, армію грызли скука, сознаніе собственнаго ничтожества; кромѣ перспективы щеголять въ безчисленныхъ парадахъ, впереди невидно было ничего.

Въ центральномъ комитетѣ патріотическаго общества засѣдали люди молодые, которыхъ побудило вступить туда нездоровое любопытство или предосудительное честолюбіе. Эти люди мечтали о высокомъ назначеніи, не соотвѣтствовавшемъ ни ихъ заслугамъ, ни средствамъ, гордились своей тайной властью, но при всемъ томъ не имѣли ясно опредѣленной цѣли. Эти своеобразные заговорщики мечтали основать въ Польшѣ конституціонную монархію, благоразумную свободу, консервативныя учрежденія, наслѣдственное перство. Обманывая людей добросовѣстныхъ, эти люди и сами въ тоже время были жертвою собственнаго ослѣпленія, и также—иностранныхъ заговорщиковъ. Тайныя общества итальянскія, французскія и русскія, искали союза поляковъ, чтобы парализовать силы Россіи въ случаѣ возстанія въ этой послѣдней странѣ или на западѣ. Польскіе члены секты держались въ тѣни, съ намѣреніемъ выступить на свѣтъ лишь въ моментъ взрыва, чтобъ воспользоваться созрѣвшимъ плодомъ.

Патріотическое общество столкнулось вскорѣ съ другимъ, основаннымъ на Волыни, подъ именемъ „храмовниковъ“ (тамиліеровъ) однимъ военнымъ, который, находясь въ плѣну у англичанъ, вступилъ въ связь съ шотландскими храмовниками. Храмовники высшихъ сте-

пеней желали полнаго слiянiя съ патрiотическимъ обществомъ, ради его нацiональнаго характера, тѣмъ болѣе, что вступать въ него было легко; слiянiе не удалось, потому что гросмейстеръ храмовниковъ хотѣлъ сохранить свою власть и независимость. Оба общества продолжали жить одно подлѣ другого въ довольно дурныхъ отношенiяхъ. Патрiотическое общество превосходило храмовниковъ по численности, но не имѣло ни iерархической организацiи послѣднихъ, ни ихъ денежныхъ средствъ. Между тѣмъ, въ Волыни и Подолiи, гдѣ не было никакого надзора властей, заговорщики открыто приготовлялись взяться за оружiе. Въ предѣлахъ царства, гдѣ полицiя наблюдала, дѣло подвигалось медленно, но все-таки они набирали себѣ приверженцевъ въ публикѣ и въ правительственныхъ учрежденiяхъ. Революцiонный комитетъ постоянно вовлекался въ затрудненiя не умѣреннымъ рвенiемъ своихъ членовъ и послѣдователей. Офицеръ Крыжановскiй, которому было поручено закупить въ Волыни кавалерiйскихъ лошадей, узнавъ о существованiи тайнаго общества въ русской армiи, завязалъ сношенiя съ русскими заговорщиками, которые, со своей стороны, горѣли желанiемъ вступить въ отношенiя съ поляками. Первое свиданiе имѣло мѣсто въ Кiевѣ весною 1824 года. Представителями русскаго общества были Муравьевъ и Бестужевъ, а со стороны патрiотическаго общества—Крыжановскiй и князь Антонъ Яблоновскiй. Крыжановскiй объявилъ заранѣе, что за неимѣнiемъ полномочiй не можетъ заключать формальнаго обязательства, и удовольствуется передачею кому слѣдуетъ предложенiй русскихъ заговорщиковъ. Онъ былъ непрiятно удивленъ говорливостью и юношескимъ нетерпѣнiемъ своихъ собесѣдниковъ. Муравьевъ сказалъ, что „нацiональная вражда, последнiй слѣдъ варварской эпохи, должна исчезнуть въ эпохѣ свѣта. Дѣло народовъ, прибавилъ онъ, повсюду одинаково; одушевляемое чувствомъ братства, русское общество предлагаетъ полякамъ возвратить ихъ древнюю независимость". На это пышное вступленiе Крыжановскiй возразилъ, что онъ лично стоитъ выше предразсудковъ, но, въ виду застарѣлаго недовѣрiя у его нацiи къ русскимъ, этимъ послѣднимъ слѣдовало бы сперва доказать свою искренность. Когда затронули вопросъ о границахъ Польши, Муравьевъ признался, что мнѣнiя раздѣлились, и что „одна партiя" относится ревниво къ „цѣлости имперiи". Въ замѣнъ этого онъ предлагалъ полякамъ принять въ принципѣ демократическую форму правленiя, потому что Россiю предполагалось устроить на подобiе сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Затѣмъ Муравьевъ обнаружилъ истинную цѣль своей миссiи, состоявшую въ томъ, чтобъ получить отъ поляковъ обязательство возстать по первому извѣстiю о революцiи въ Россiи, какъ одинъ человѣкъ и воспрепятствовать великому князю въ дѣлѣ военной помощи императору. Бестужевъ предложилъ Крыжановскому проектъ конвенцiи, который фигурировалъ впослѣдствiи въ процессѣ декабристовъ. Этотъ документъ, отвергнутый Крыжановскимъ, содер-

жалъ въ себѣ, во главѣ всѣхъ обязательствъ, предлагавшихся полякамъ, обязательство предупредить „всевозможными средствами“ возвращеніе великаго князя въ Россію. Разстались, не постановивъ ничего, если не считать обѣщанія сообщать взаимно свѣдѣнія объ успѣхахъ заговора въ обѣихъ странахъ и собраться въ Кіевѣ въ слѣдующемъ году.

Въ Варшавѣ заговоръ съ каждымъ днемъ терялъ цѣльность и силу. Члены комитета, разъединенные, утратившіе къ себѣ довѣріе, не имѣвшіе тѣни власти надъ общинами, искали повсюду человѣка, способнаго къ дѣйствію, но самыя лестныя ихъ предложенія были отвергаемы. Вліятельной личности, столь желанной, не являлось; генералы и полковники арміи выказывали холодность къ тайному обществу. Крыжановскій, по своимъ личнымъ качествамъ, занималъ выдающееся мѣсто. Обладая благоразуміемъ, мужествомъ, рѣшительностью, серьезностью характера, онъ, однакожъ, не имѣлъ ни энергіи, ни политическихъ способностей, необходимыхъ для вождя. По отношенію къ русскимъ Крыжановскій умѣлъ занять правильное положеніе, и если бы его примѣру слѣдовали, то Польша избѣгла бы многихъ несчастій. Въ 1825 г. Крыжановскій вернулся, вмѣстѣ съ Яблоновскимъ, на кіевскіе „контракты“, куда двое изъ вождей русскаго заговора, Волконскій и Пестель, явились на встрѣчу делегатовъ патріотическаго общества. Крыжановскій отказался вступать въ переговоры съ русскими, но его спутникъ, человѣкъ тщеславный и легкомысленный, не поколебался выступить въ качествѣ уполномоченнаго отъ общества. Но его полномочія сводились къ разговорамъ о возможномъ соглашеніи съ русскими, въ случаѣ европейской войны или революціоннаго движенія въ Россіи. Случай свелъ этого самозваннаго уполномоченнаго съ фанатикомъ Пестелемъ, который стремился ни болѣе ни менѣе, какъ къ федераціи славянской расы, а исходнымъ пунктомъ къ осуществленію столь обширнаго замысла считалъ военный заговоръ и даже цареубійство. Польскій комитетъ не подавалъ признаковъ жизни со времени перваго свиданія Крыжановскаго съ Муравьевымъ и Бестужевымъ. Такая малая склонность заключить договоръ изумила Пестеля. Онъ выказывалъ большую сговорчивость по вопросу о границахъ будущей независимой Польши и предоставлялъ „голосамъ населенія“, высказаться въ дѣлѣ разграниченія спорныхъ территорій. Сущность предложеній Пестеля ограничивалась возмущеніемъ въ Варшавѣ одновременно съ революціей въ Петербургѣ и убійствомъ великаго князя. Яблоновскій стоялъ за возстановленіе Польши въ древнихъ ея границахъ и выговорилъ полякамъ право учредить у нихъ конституціонную монархію. „Патріотическое общество, сказалъ онъ еще, вовсе не подготовлено къ немедленному поднятію оружія; оно довольствуется на время поддержкою національнаго духа, въ ожиданіи обстоятельствъ, благопріятныхъ возстановленію независимости“. Соглашаясь съ Пестелемъ относительно удобства одновременнаго воз-

станія въ Польшѣ и въ Россіи, онъ считалъ общность интересовъ достаточной гарантіей искренняго содѣйствія со стороны поляковъ. При разставаніи собесѣдники обмѣнялись обѣщаніемъ собраться снова въ Кіевѣ, въ слѣдующемъ 1826 году.

Эти подробности показываютъ неисправимое ослѣпленіе вождей патріотическаго общества. Заговоръ остраго характера, задуманный съ цѣлью ниспровергнуть законный порядокъ въ короткій срокъ, былъ бы несравненно менѣе гибельнымъ; онъ причинилъ бы меньше опустошеній и несчастій. Многіе люди, которыхъ убѣжденія отклонили бы отъ участія въ предпріятіи насильственнаго характера, охотно присоединялись къ дѣлу, цѣлью котораго считались только поддержка „національнаго духа“ и медленное подготовленіе возрожденія отечества. Люди, которые фактически не вступали въ общество, соединяли съ нимъ свои симпатіи. Само по себѣ общество не переставало быть постоянной угрозой общественному порядку и спокойствію, такъ какъ, составляя обширную недисциплинированную ассоціацію, оно было постоянно предоставлено вліяніямъ случая и нетерпѣливости меньшинства. Патріотическое общество не мало способствовало и вообще безпорядочному ходу общественныхъ дѣлъ, такъ какъ управленіе дѣлами, выскользнувъ изъ рукъ авторитетныхъ и отвѣтственныхъ, перешло къ четверной коалиціи—доктринерствующихъ анархистовъ, заговорщиковъ, умоповрежденныхъ людей и школьниковъ.

Агенты обществъ—патріотическаго и храмовниковъ сдѣлали жертвою своихъ происковъ въ особенности молодежь. Между тѣмъ, это вело къ разслѣдованіямъ и арестамъ, которые смущали покой большаго числа семействъ. Притомъ, страданія арестованныхъ искажались и преувеличивались молвой; общее впечатлѣніе подобныхъ дѣлъ было крайне сильное и не благопріятно дѣйствовало на отношенія поляковъ къ русскому правительству. При жизни Александра I отношенія эти смягчались до извѣстной степени чувствомъ признательности поляковъ къ личности императора. Но съ воцареніемъ императора Николая дѣла пошли еще хуже, прежнихъ узъ уже не было. Вслѣдствіе признаній, сдѣланныхъ русскими заговорщиками, были произведены многочисленные аресты въ Варшавѣ и въ провинціяхъ. Яблоновскій, (тотъ самый, который велъ переговоры съ Пестелемъ) былъ привезенъ въ Петербургъ, сознался во всемъ, выдалъ множество лицъ и этой цѣной купилъ себѣ свободу. Агентъ храмовниковъ сдѣлалъ тоже самое. По причинѣ связи патріотическаго общества съ русскимъ заговоромъ, прокуроръ и два члена петербургскаго сената присутствовали при допросахъ, которые производились графомъ Замойскимъ. Эти допросы заняли цѣлый годъ. Крыжановскій сознался во всемъ, что касалось до него лично, и результатъ слѣдствія вполнѣ подтвердилъ показанія Яблоновскаго и русскихъ заговорщиковъ.

Осторожность, принимаемая за неувѣренность и медлительность въ дѣйствіяхъ правительства въ этомъ дѣлѣ, усиливали неудоволь-

ствіе. Общественное мнѣніе уже находилось въ состояніи крайняго возбужденія, которое могло только увеличиваться отъ таинственности „административнаго“ слѣдствія, ложныхъ слуховъ о страданіяхъ, какія будто бы приходилось выносить подсудимымъ, отъ попытокъ самоубійства среди нихъ, и отъ крайне поздняго созванія верховнаго уголовнаго суда надъ преступниками. Восемь долгихъ мѣсяцевъ были снова посвящены допросамъ и очнымъ ставкамъ. Обвиняемые, сговорившись между собою, отвергли свои прежнія показанія, исторгнутыя, какъ они говорили, незаконными средствами. Между тѣмъ сильнѣйшая агитація волновала умы въ пользу „людей, виновныхъ лишь въ томъ, что питали въ глубинѣ сердца желаніе независимости отчизны“. Рѣдко кто осмѣливался замѣтить, что дѣло шло не о простыхъ „желаніяхъ“, но о явныхъ фактахъ; такіе смѣльчаки становились отверженцами изъ общества, покидались своими друзьями, освистывались на улицахъ Варшавы. Съ самаго открытія засѣданій верховнаго суда рукописныя афиши, выставленныя въ общественныхъ мѣстахъ, ежедневно грозили дурнымъ патріотамъ местью народа. Памфлеты, произведенія тайнымъ типографій, возбуждали нерѣшительныхъ при помощи громкихъ фразъ. Малѣйшее событіе служило предлогомъ къ шумнымъ манифестаціямъ, которыя устраивались молодежью, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе волнуемою агитаторами и все труднѣе поддававшеюся власти, которая, наконецъ, перестала ее преслѣдовать. Верховный судъ отнесся къ подсудимымъ очень мягко: только Крыжановскій былъ осужденъ къ заключенію на 3 года и 3 мѣсяца „за участіе въ противозаконномъ сообществѣ и за недонесеніе о русскомъ заговорѣ“. Маевскій, основатель „храмовниковъ“, и три члена центральнаго комитета патріотическаго общества присуждены къ трехмѣсячному заключенію. 26 марта 1829 г. послѣдовало оффиціальное закрытіе засѣданій верховнаго суда. Вотъ что говоритъ современный историкъ этихъ событій, Мохнацкій, большой поклонникъ патріотизма сената: „Приговоръ верховнаго суда сената далъ торжественную санкцію всѣмъ прежнимъ посягательствамъ противъ законнаго порядка и уполномочивалъ на будущее время ко всякимъ заговорамъ и предпріятіямъ подобнаго рода“. Вскорѣ, 29 ноября 1830 года, сенаторы должны были убѣдиться, какъ гибеленъ для страны былъ ихъ приговоръ.

Послѣ коронованія императора Николая, процессъ разложенія въ тогдашнемъ польскомъ политическимъ строѣ замѣтно усилился. Процессъ патріотическаго общества окончательно возмутилъ общественное спокойствіе и содѣйствовалъ проявленію самой печальной стороны политической жизни, проявленію страсти все ниспровергать и разрушать. Встрѣчавшіеся повсюду признаки безпорядка нравственнаго служили предшественниками матеріальной анархіи. Двѣ послѣднія зимы въ Варшавѣ прошли среди такъ называемаго „националь-

наго траура“ съ ежедневными почти вспышками школьной молодежи, которая была слѣпымъ орудіемъ агитаторовъ.

Эта молодежь, съ давняго времени не знавшая дисциплины, получила новое возбуждающее средство въ литературномъ движеніи того времени. Романтизмъ вездѣ считался символомъ новаго порядка вещей и служилъ на пользу революціонныхъ идей. Въ Польшѣ, подъ вліяніемъ любви къ отечеству, романтическая поэзія сообщила молодымъ умамъ лихорадочный энтузіазмъ. Изъ литературной критики сдѣлали рычагъ для уничтоженія послѣднихъ слѣдовъ всякаго установленнаго авторитета: подъ предлогомъ обсужденія правилъ искусства ниспровергали принципы соціальнаго и политическаго порядка и открыто, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, вели революціонную пропаганду. Люди зрѣлаго возраста выказывали снисходительность къ этой романтической молодежи. „Оставьте молодыхъ людей въ покоѣ, говорили они; молодежь сильно любитъ отечество; намѣренія ея вполнѣ чисты, а стремленія совершенно невинны“. Болѣе дальновидные люди выражали иногда сомнѣнія относительно свойства дѣйствій послѣдователей романтизма, которыхъ они съ полнымъ основаніемъ подозрѣвали въ революціонныхъ замыслахъ; но князь Чарторыскій посовѣтовалъ не раздражать напрасно молодежь изъ за „вопроса о формахъ“. Въ эту эпоху Чарторыскій былъ уже главою національной партіи, человѣкомъ весьма популярнымъ и вліятельнымъ, но достаточно безхарактернымъ, подчинявшимся вліянію окружающихъ. Покровительство Чарторыскаго романтической школѣ служило ободреніемъ и тому теченію идей, которое господствовало у молодежи. Поэзія въ народѣ мало по малу замѣняла и катихизисъ и исторію: въ поэзіи привыкали почерпать указанія и наставленія для руководства человѣка и гражданина. Молодежь, ободряемая въ своей безумной самоувѣренности, убѣжденная, что призвана направлять дѣла страны, подготовляла Польшѣ крайне трагическую будущность. Ни болѣе и болѣе частые безпорядки, ни терроризмъ буйной молодежи, ни даже гнусные заговоры, не могли разсѣять неизлѣчимаго ослѣпленія Чарторыскаго и его окружающихъ. Въ годовщину провозглашенія хартіи, великій князь, опасаясь новой манифестаціи, рѣшилъ даже отложить смотръ войскъ; ни одинъ сенаторъ не осмѣлился присутствовать при „Te Deum“, пропѣтомъ по этому случаю. Въ декабрѣ 1828 года, возникъ заговоръ среди воспитанниковъ военной варшавской школы, съ цѣлью вызвать революціонное движеніе весною слѣдующаго года. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль заговоръ перешелъ за стѣны школы, распространившись среди полковъ гарнизона и самой крайней фракціи патріотическаго общества, извѣстной позже подъ именемъ „якобинцевъ“. Усвоивъ себѣ крайнія тенденціи французской революціи, эти ученики Марата и Робеспьера видѣли спасеніе Польши только въ цареубійствѣ, гильотинѣ и террорѣ. Они нашли союзника въ знаменитомъ ученомъ Лелевелѣ, профессорѣ варшавскаго универ-

ситета. Этотъ человѣкъ, истинное воплощеніе генія зла, окруженный къ тому же ореоломъ преслѣдованія, оказывалъ самое зловредное вліяніе на настроеніе молодежи, участвуя во всѣхъ заговорахъ, поддерживая постоянныя сношенія съ заграничными, особенно французскими революціонерами. Сеймъ, созванный 28 мая 1830 г., довершилъ анархію. Физіономія палаты вполнѣ измѣнилась со времени послѣдней сессіи. Большинство составлялось изъ людей новыхъ, молодыхъ, интелигентныхъ, влюбленныхъ въ свою популярность и безпримѣрно легкомысленныхъ. Прежняя консервативная и католическая фракція сейма исчезла; за то фракція анархистовъ увеличилась въ численности. Во главѣ ея находились Густавъ Малаховскій, Лелевель съ нѣсколькими риторами, которые отличались смутностью понятій и полнымъ отсутствіемъ политическаго смысла. Не располагая безусловнымъ, дисциплинированнымъ большинствомъ, эта шумная фаланга занимала все-таки господствующее положеніе и большею частію достигала своихъ цѣлей. Тактика ея состояла въ томъ, чтобъ показывать рѣшимость къ борьбѣ за политическія права, и для этого нападать на правительство и дѣйствующую систему, на министровъ и государственный совѣтъ, на сенатъ и маршала палаты. Правительство старались различать отъ особы государя для того, чтобы имѣть болѣе свободы въ нападкахъ на представителей власти. И въ то время, какъ ораторы оппозиціи, становясь съ каждымъ засѣданіемъ многочисленнѣе, смѣлѣе, нахальнѣе, не щадили никого и ничего, правительство и палата молчали, не дѣлая ни одной попытки протестовать во имя справедливости и здраваго смысла. Достоинство и польза законопроектовъ, представлявшихся палатѣ, не имѣли ни малѣйшаго вліянія на пренія и подачу голосовъ. Палата отвергала хорошій и необходимый законъ единственно для того, чтобы сдѣлать непріятность правительству; слѣдующій проектъ она принимала, такъ какъ непринятіе предыдущаго достаточно удовлетворяло потребностямъ тактики. Къ этому нужно прибавить крайнюю неумѣренность языка въ преніяхъ, тѣмъ болѣе неумѣстную, что именно въ ту эпоху жалобы на администрацію были вполнѣ неосновательны, въ виду необыкновеннаго процвѣтанія просвѣщенія, финансовъ, внутренняго порядка и общаго благосостоянія.

Дѣловой результатъ сессіи былъ довольно незначителенъ, но ея нравственное вліяніе оказалось сильнымъ и пагубнымъ. Вожди оппозиціи, упоенные успѣхомъ, дошедшіе до какого то политическаго изступленія, были героями въ провинціяхъ: слѣдовать ихъ примѣру въ точности считалось обязанностью. Провинціальные совѣты, собравшись въ установленный срокъ, обратились къ правительству съ замѣчаніями до того неприличными, что министръ внутреннихъ дѣлъ не рѣшился сообщить ихъ правительственному совѣту. Повсемѣстнымъ лозунгомъ было сопротивленіе властямъ до крайности. Посреди такого кипучаго настроенія прогремѣла новость объ іюльской революціи,

о бѣгствѣ Карла X, о перемѣнѣ династіи во Франціи, о возвратѣ трехцвѣтной кокарды, пробуждавшей среди поляковъ много воспоминаній и надеждъ. Съ этихъ поръ порядокъ держался на волоскѣ. На улицахъ толковали о революціи, которая должна была разразиться со дня на день. Въ Повонзковскомъ лагерѣ, у самыхъ воротъ столицы, офицеры гарнизона задумали планъ окончательнаго возстанія. Они хотѣли ввѣрить руководство движеніемъ популярному генералу Хлопицкому, или нѣсколькимъ членамъ палаты. „Якобинцы“ съ Лелевелемъ стремились къ учрежденію революціонной власти, которая бы правила посредствомъ террора. Составленъ былъ проектъ нападенія на Бельведерскій дворецъ и умерщвленія великаго князя; затѣмъ должно было слѣдовать обезоруженіе русскихъ полковъ гарнизона, завладѣніе арсеналомъ и вооруженіе народа. Крыжановскій подъ вліяніемъ чувства военной чести, отказался участвовать въ нападеніи на Бельведеръ и въ какомъ бы ни было покушеніи противъ жизни генералиссимуса польской арміи. Сперва заговорщики предполагали напасть на великаго князя въ темномъ переулкѣ, по которому онъ вечеромъ обыкновенно проѣзжалъ; но осуществить такой проектъ не удалось, благодаря быстротѣ проѣзда. Въ другой разъ убійцы, вооруженные пистолетами и кинжалами, стерегли намѣченную жертву на парадѣ на Саксонской площади; смерть великаго князя должна была служить сигналомъ къ военному возстанію; но случай рѣшилъ иначе. Взявъ за руку генерала Хлопицкаго, который присутствовалъ между зрителями, великій князь долго прогуливался передъ фронтомъ войскъ. Это обстоятельство, вѣроятно, спасло ему жизнь; оно разстроило также расчеты заговорщиковъ. Впрочемъ, послѣдніе сами нарушили свою тайну, съ распространеніемъ заговора среди учащейся молодежи. Вокругъ дворца великаго князя, съ деревьевъ парка, приходилось срывать объявленія такого рода: „съ новаго года Бельведеръ отдается въ наймы“. Полиція (если не допустить предположенія, что она затыкала себѣ уши) вынуждена была слушать то, что говорилось въ публичныхъ мѣстахъ. Великій князь, видя, что ни въ который изъ назначавшихся сроковъ мятежъ не вспыхнулъ, не сталъ болѣе вѣрить предостереженіямъ полиціи и даже смѣялся надъ тревогами окружающихъ. Когда-то крайне подозрительный по отношенію къ полякамъ, онъ теперь остановился на слѣпомъ довѣріи къ нимъ, приписывая себѣ заслугу умѣть такъ обходиться съ этимъ буйнымъ народомъ, что одинъ только онъ въ Варшавѣ могъ спать спокойно, когда всѣ европейскія правительства трепетали предъ революціей. Великій князь пренебрегалъ охраною доступа къ своей резиденціи и даже не ставилъ стражи у дворцовыхъ воротъ. При всемъ томъ, ночные патрули были удвоены, а полкамъ приказано находиться на мѣстахъ, на случай тревоги. Комитетъ, составленный изъ высшихъ сановниковъ, подъ предсѣдательствомъ генерала графа Станислава Потоцкаго, долженъ былъ провѣрить тревожныя извѣстія о военной

школѣ, начальника которой смѣнили. Послѣдовали аресты и, безъ сомнѣнія, власти скоро напали на слѣдъ заговора; не смотря на то, комитетъ объявилъ все это дѣло „ребячествомъ". Рапортъ въ такомъ смыслѣ былъ отправленъ и къ императору, который, съ тѣмъ же курьеромъ, приказалъ строго разслѣдовать дѣло и предать виновныхъ военному суду. Готовился арестъ заговорщиковъ, но вслѣдствіе измѣны одного чиновника они узнали объ угрожавшей имъ опасности, и тогда то, чтобъ спасти свою личную свободу, они пожертвовали участью своего отечества.

Въ памятный день 29 ноября 1830 года, съ наступленіемъ ночи, толпа молодыхъ людей бросилась на Бельведерскій дворецъ и съ крикомъ „смерть тирану", завладѣла комнатами великаго князя, который спасся у княгини Ловичъ. Приближенный къ великому князю генералъ Жандръ палъ подъ ударами нападавшихъ; вице-президентъ города, хотя и полякъ, но состоявшій у заговорщиковъ на дурномъ счету, получилъ опасныя раны. Великій князь, съ конвоемъ изъ кирасировъ, отправился къ сборному пункту войскъ, а заговорщики вернулись назадъ для соединенія съ воспитанниками военной школы, подъ руководствомъ Крыжановскаго, и съ отрядомъ пѣхоты, который офицеры обѣщали привести къ мосту Собѣскаго, у опушки Лазенковскаго парка. Эта послѣдняя помощь не явилась, и послѣ долгаго ожиданія два соединенные отряда направились къ арсеналу, расположенному на другой оконечности города, на разстояніи болѣе двухъ километровъ, и дорогою въ темнотѣ обмѣнялись ружейными выстрѣлами съ отрядомъ русской пѣхоты, спѣшившимъ на свой постъ. По пути возставшіе умертвили одного за другимъ—военнаго министра, генерала Гауке, начальника его штаба, полковника Мецишевскаго, стараго генерала Новицкаго, ѣхавшаго въ Бельведеръ, генерала Трембицкаго, командовавшаго военной школой,—котораго они долго таскали съ собой и который не переставалъ увѣщевать ихъ, чтобъ возвратились къ своему долгу.

Въ сущности, замыселъ не вполнѣ удался. Польскіе полки, на которые заговорщики расчитывали, были, по большей части, не допущены присоединиться къ возстанію; обезоруженіе русскихъ полковъ также не удалось. Арсеналъ, слабо защищаемый русскимъ полкомъ, былъ взятъ нѣсколькими ротами польской пѣхоты, при помощи воспитанниковъ артиллерійской школы и роты саперовъ. На этомъ мѣстѣ былъ умерщвленъ генералъ Блюмеръ, нѣсколько далѣе Станиславъ Потоцкій, который, разъѣзжая по городу, старался привести къ повиновенію возмутившіеся отряды, и дѣйствительно успѣлъ отослать къ великому князю значительныя силы. На другомъ мѣстѣ, генералъ Семіонтковскій также палъ подъ ударами мятежниковъ. Чернь, сбѣжавшись со всѣхъ сторонъ, расхватала запасы арсенала, потомъ принялась грабить воинскія кассы и кабаки. Тамъ и сямъ слышались ружейные выстрѣлы, но серьезной схватки не было нигдѣ, кромѣ

арсенала. Мятежники, сами изумленные своей побѣдой, были господами положенія, но не имѣли ни вождя, ни опредѣленнаго направленія. Великій князь располагалъ силами (считая русскія и оставшіяся вѣрными польскія войска) превосходившими силы мятежниковъ. Чтобъ подавить возстаніе въ зародышѣ, ему довольно было пустить кавалерію по улицамъ, не загражденнымъ барикадами. Нетрудно было запереть возстаніе въ кварталѣ арсенала, который одинъ только слабо защищался, или велѣть окружить городъ, отрѣзать отъ него подвозъ съѣстныхъ припасовъ и взять его голодомъ. Великій князь ничего этого не сдѣлалъ. Онъ питалъ физическое отвращеніе къ виду крови и смерти; кромѣ того, пораженный событіями въ Парижѣ и Брюсселѣ, боялся подвергать солдатъ соприкосновенію съ народомъ. Генералиссимусъ оставался неподвижнымъ во главѣ войскъ и только изъ любопытства посылалъ въ городъ своихъ адъютантовъ за извѣстіями. Въ 11 часовъ, одинъ изъ этихъ послѣднихъ, Владиславъ Замойскій (извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ генерала Замойскаго) явился къ великому князю со слѣдующимъ сообщеніемъ отъ генерала Потоцкаго: „Скажите его высочеству, чтобъ онъ направилъ на городъ всю свою кавалерію; ей нужно только проскакать рысью по улицамъ, сметая все на своемъ пути; вотъ что остается дѣлать. Но нельзя терять ни минуты; уже три часа тому назадъ его высочество долженъ былъ поступить такъ“. „Я ни во что не вмѣшиваюсь, отвѣчалъ великій князь; это польское дѣло, пусть поляки сами улаживаютъ его между собою. Притомъ же, у меня нѣтъ кавалеріи“. Между тѣмъ, въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ мѣста разговора находились кирасиры, русскіе гусары, драгуны и конные егеря. Замойскій машинально повернулъ туда голову. „Это все русскіе, (поспѣшилъ прибавить Константинъ Павловичъ, а ни одинъ, русскій, если не будетъ вынужденъ необходимостью собственной защиты, не сдѣлаетъ ни одного сабельнаго удара во всѣмъ этомъ дѣлѣ. Впрочемъ вотъ егеря, возьмите ихъ, ведите къ Стасю (Стась уменьшительное отъ Станислава); пусть онъ дѣлаетъ съ ними, что хочетъ“. И позвавъ двухъ польскихъ генераловъ, князь приказалъ имъ сопровождать полкъ. Бѣдный „Стась“ въ это время уже находился на смертномъ одрѣ; но егеря отправились въ городъ и вели себя доблестно. Вмѣсто того, чтобъ слѣдовать за полкомъ, Замойскій счелъ обязанностью разбудить правительство, которое спало сномъ праведныхъ. Прежде всего онъ отправился къ своему дядѣ, кн. Адаму Чарторыскому, чтобъ сообщить ему принятое великимъ княземъ рѣшеніе не вмѣшиваться въ „польское дѣло“. Дядя и племянникъ рѣшили созвать правительственный совѣтъ и Замойскій взялъ на себя розыскать его членовъ. Въ два часа утра совѣтъ собрался въ квартирѣ графа Соболевскаго, больного подагрою. Совѣтъ состоялъ, кромѣ президента, изъ князей Черторыскаго и Любецкаго, (министра финансовъ) какъ дѣйствительныхъ членовъ совѣта, и нѣсколькихъ добро-

вольныхъ членовъ: Нѣмцевича, отставныхъ генераловъ князя Радзивила и графа Паца, и наконецъ сенатора кастеллана Кохановскаго, одного изъ самыхъ пылкихъ людей страны. Больше всѣхъ смущенъ былъ своимъ положеніемъ Любецкій, котораго озабочивала мысль, какъ сохранить свою популярность, и вмѣстѣ съ тѣмъ обуревала тревога, какъ бы не навлечь на себя гнѣвъ императора. Онъ распорядился помѣстить, во главѣ протокола, слова великаго князя, сообщенныя Замойскимъ; затѣмъ предложилъ Чарторыскому отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ Константину Павловичу. Послѣдній принялъ ихъ очень дурно; такъ, между прочимъ, онъ осыпалъ Чарторыскаго упреками за его пассивную оппозицію, за дурное направленіе, данное народному просвѣщенію въ Литвѣ, и за упомянутый нами приговоръ верховнаго суда сената. Что касается возстанія, то великій князь настаивалъ на желаніи оставаться нейтральнымъ: „Я ничего не приказываю, ни на что не уполномочиваю, это меня не касается... дѣлайте, что вздумаете, я же ни во что не вмѣшиваюсь и ни за что не отвѣчаю“, повторялъ онъ. При такомъ положеніи дѣла, Чарторыскій, въ силу своей популярности и высокаго положенія, имѣлъ всѣ основанія взять на себя отвѣтственность за то или другое рѣшеніе, которое бы имѣло въ виду покончить съ мятежемъ, и находило себѣ оправданіе въ величинѣ угрожавшей опасности. Другіе члены импровизованнаго совѣта преклонились бы предъ авторитетомъ Чарторыскаго... Послѣ долгихъ колебаній, депутація заявила великому князю, чрезъ посредство кн. Любецкаго, что въ виду опасности правительство видитъ необходимость присоединить къ себѣ лицъ, „пользующихся довѣріемъ жителей“, и „вступить въ переговоры съ движеніемъ“. Съ этого времени возстаніе пріобрѣтало главу и законный органъ; ему принадлежала будущность.

По возвращеніи депутаціи, импровизованное правительство принялось „возстановлять порядокъ“ при помощи красивыхъ фразъ, лести по адресу возстанія и уступокъ. На разсвѣтѣ явились двѣ прокламаціи. Первая, составленная отъ имени императора и короля, возвѣщала вступленіе въ правительственный совѣтъ лицъ, которыя присутствовали на собраніи у графа Соболевскаго, а также генерала Хлопицкаго, котораго Замойскій напрасно розыскивалъ въ прошлую ночь, между тѣмъ какъ Хлопицкій старательно укрывался у одного изъ своихъ друзей, чтобъ избѣгнуть предложеній о принятіи участія въ движеніи. Другая прокламація предупреждала возставшихъ, что имъ нечего бояться со стороны великаго князя и русскихъ войскъ, удостовѣряла, что „ни одинъ полякъ не захочетъ обагрить свои руки кровью братьевъ“, и приглашала соблюдать умѣренность и возвратиться къ порядку. Замойскій снесъ прокламаціи въ типографію и взялъ на себя ихъ раздачу.

Помѣщеніе графа Соболевскаго вскорѣ наполнилось друзьями и знакомыми членовъ правительства, которые искали убѣжища или пред-

лагали свои совѣты. На улицѣ толпа испускала радостные и нетерпѣливые крики. Любецкій предложилъ своимъ товарищамъ перемѣститься въ зданіе банка, гдѣ считалъ себя въ большей безопасности. На новомъ мѣстѣ совѣтъ, прежде всего, постарался временно замѣнить Хлопицкаго въ командованіи войсками; но наличные генералы отклоняли отъ себя эту честь. Едва убѣдили Паца принять начальство на 24 часа. Хлопицкаго ждали всѣ съ равнымъ нетерпѣніемъ: совѣтъ—въ надеждѣ, что онъ прекратитъ неурядицу, инсургенты — что онъ поведетъ ихъ въ битву противъ „московитовъ". Къ услугамъ правительства явились давно забытые старики, давнишніе дѣятели герцогства Варшавскаго. Ихъ возстановили въ прежнихъ должностяхъ. Одинъ изъ нихъ взялъ на себя обязанности президента города, другой—начальство надъ національной гвардіей, возродившейся, по подъ другимъ именемъ, изъ опасенія возбудить подозрѣнія императора практикою революціоннаго преданія. Такимъ образомъ, старый порядокъ разстраивали, въ надеждѣ усмирить бурю при помощи популярныхъ именъ и патріотическихъ реликвій. Но сами опоры новаго порядка не пользовались никакимъ авторитетомъ, лишь только переставали льстить страстямъ толпы.

Пока правительство тратило время на подписываніе декретовъ, Замойскій постепенно велъ переговоры въ разныхъ мѣстахъ. Онъ разъѣзжалъ по улицамъ, со сверткомъ прокламацій, наблюдая, какое дѣйствіе онѣ производятъ на толпу. Злоумышленниковъ, разграбившихъ въ прошлую ночь кассы и водочные магазины, теперь не было видно: они или лежали мертвецки-пьяны или были заняты своей добычей. Улицы были запружены мелкими буржуа и рабочими, вообще людьми, честными, смирными, чуждыми политическимъ бурямъ, но теперь убѣжденными, что съ русскимъ господствомъ покончено и что свобода означаетъ не другое что, какъ полный разгулъ. Прокламаціи вовсе не произвели ожидаемаго впечатлѣнія: экземпляры ихъ, раздававшіеся Замойскимъ, народъ рвалъ съ негодованіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ рукоплескалъ вступленію въ совѣтъ личностей съ популярными именами. Народный потокъ направлялся къ южному концу города, на поиски тѣхъ польскихъ полковъ, которые были удержаны около великаго князя. Предъ церковью св. Креста конные егеря сдерживали роту возмутившихся гренадеръ и толпу, которая стрѣляла въ нихъ зъ ружей. Замойскій добился, чтобъ егерей оставили въ покоѣ. Потомъ онъ возвратился къ великому князю, котораго нашелъ верхомъ и готоваго покинуть городъ; русскіе полки переходили Мокотовскую заставу. Замойскій предложилъ великому князю провозгласить „независимость Польши". О характерѣ этой независимости онъ не вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ, какъ самъ впослѣдствіи пояснялъ; онъ видѣлъ только средство предупредить полный разрывъ, успокоить „на нѣкоторое время" пылъ страстей и придать мужества честнымъ людямъ, угрожаемымъ „якобинцами". Но въ виду мятежа

цавать словамъ Замойскаго такое идеальное толкованіе было невозможно. Константинъ Павловичъ понялъ, что ему хотятъ навязать роль герцога Орлеанскаго; всѣ инстинкты великаго князя возмутились при мысли, что его могли считать способнымъ къ узурпаціи. „Какъ вы смѣете оскорблять меня подобнымъ образомъ?“ закричалъ онъ въ отвѣтъ Замойскому. Тотъ, въ свою очередь, принявъ это къ сердцу, нарисовалъ мрачную картину современнаго положенія, развилъ свои взгляды объ успокоеніи умовъ при помощи провозглашенія идеальной независимости страны, успокоилъ раздражительность своего начальника и добился отъ него извиненій: „Ну, я виноватъ, прошу у васъ извиненія; чего же вамъ еще нужно?“ Замойскій возвратился къ своему порученію; но великій князь, ставъ снова въ оборонительное положеніе, воскликнулъ: „нѣтъ, это невозможно... это война... это революція“... Наконецъ, уступая любопытству, онъ отпустилъ своего адъютанта со словами:— „дѣлайте что хотите, но ступайте въ городъ“... Въ банкѣ, гдѣ засѣдалъ совѣтъ, князь Любецкій противопоставилъ свое veto мысли Замойскаго. „Совѣтъ, сказалъ онъ, не раздѣляетъ мнѣнія гр. Замойскаго и заявляетъ, что въ уступкахъ, дѣлаемыхъ обстоятельствамъ и настоятельной необходимости, онъ никогда не переступитъ предѣла, указываемаго именемъ императора и короля, поставленнымъ во главѣ его актовъ. Совѣтъ не рѣшился бы и дѣлать подобное предложеніе великому князю, ни брать на себя отвѣтственность за такую мѣру“... Совѣтъ выражалъ надежду, что великій князь, убѣжденный въ вѣрноподданническихъ чувствахъ и умѣренности его членовъ, и видя уваженіе, выражаемое со стороны правительства къ власти государя, воздержится отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій по отношенію къ городу и удостоитъ вступить въ сношеніе съ правительствомъ, чтобъ возстановить спокойствіе и удовлетворить справедливымъ сѣтованіямъ націи. Только вечеромъ 30 ноября Замойскій, (съ этихъ поръ уже въ качествѣ офиціальнаго лица) могъ вернуться къ великому князю, который, съ княгиней Ловичъ, поселился въ Вержбно, въ домикѣ садовника. Въ теченіе дня великій князь получилъ подкрѣпленія и располагалъ всего на все 8 батальонами пѣхоты, 16 эскадронами кавалеріи и 28 пушками, противъ 6 батальоновъ и 8 пушекъ, оставшихся въ городѣ. Узнавъ о деклараціи Любецкаго, великій князь поручилъ отвѣчать, что „пересталъ себя считать находящимся на враждебной ногѣ относительно столицы и приглашаетъ совѣтъ поступать такимъ же образомъ .

Но ранѣе возвращенія Замойскаго въ банкъ, совѣтъ уже потерпѣлъ новое измѣненіе въ своемъ составѣ. Группа членовъ палаты депутатовъ распорядилась открыть себѣ залу засѣданій, „закрытую рукою деспотизма“, и держала тамъ совѣщаніе. Критиковали „антиреволюціонный“ образъ дѣйствій правительства, и въ банкъ отправилась депутація, чтобъ заявить совѣту неудовольствіе „представителей націи“. Упрекали совѣтъ за равнодушный тонъ прокламаціи, за медленность,

за реакціонный духъ, за присутствіе въ средѣ совѣта „лицъ, которыя не пользовались довѣріемъ націи"; требовалось созванія сейма и допущеніе нѣсколькихъ депутатовъ въ „очищенный" совѣтъ. Тогда же нѣкоторые члены совѣта подали въ отставку и были замѣнены другими, въ томъ числѣ Лелевелемъ.

Уже въ предъидущую ночь чернь снова начала грабить лавки и квартиры „дурныхъ патріотовъ". Въ продолженіе дня толпа нѣсколько разъ пыталась занять залу совѣта, которую охраняли патетическое краснорѣчіе Нѣмцевича и—присутствіе генерала Сѣровскаго, изъ наполеоновскихъ ветерановъ. Къ счастію, удалось открыть убѣжище генерала Хлопицкаго, который, хотя все еще отклонялъ отъ себя дѣятельную роль, но нѣсколькими энергическими словами очистилъ доступы къ залѣ. Поѣздки Замойскаго въ квартиру „тирана" возбудили подозрѣнія; сочли благоразумнымъ арестовать его и не пускать въ Вержбно ранѣе наступленія ночи. Въ этотъ же вечеръ „якобинцы" открыли свой клубъ въ городской думѣ. Присудивъ заочно президенство Лелевелю, „чтобъ доставить ему случай поправить ошибку, сдѣланную посредствомъ вступленія въ совѣтъ", клубъ рѣшилъ—принудить правительство, „хотя бы даже силою", принять „революціонный характеръ". Вотъ къ чему привела система, которая провозглашала, что нужно „ладить съ движеніемъ".

Болѣе и болѣе теряя способность къ твердымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ, совѣтъ ограничился предупрежденіемъ великаго князя, что отданы были приказанія „остановить враждебныя дѣйствія"; остальное предоставлялось случаю. Замойскій вернулся въ Вержбно съ готовымъ проектомъ, который состоялъ въ томъ, чтобъ исторгнуть у великаго князя согласіе на возвращеніе польскихъ полковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удалить русскія войска изъ столицы. Генералиссимусъ, не рѣшая ничего, далъ понять Замойскому свое желаніе вступить въ прямыя сношенія съ временнымъ правительствомъ. Къ полудню 2 декабря получено было обѣщаніе великаго князя принять депутацію совѣта. Въ 4 часа, Чарторыскій, Островскій, Любецкій и Лелевель сѣли въ экипажъ у воротъ банка; толпа хотѣла помѣшать ихъ отъѣзду, но присутствіе президента якобинскаго клуба усмирило неистовыхъ, и депутаты могли продолжать путь. Послѣ пятичасоваго совѣщанія рѣшено было въ принципѣ отступленіе русскихъ войскъ и присылка польскихъ полковъ. Великій князь пустилъ на голоса вопросъ, долженъ-ли онъ лично остаться въ Варшавѣ или слѣдовать за своими войсками. Любецкій воспротивился отъѣзду; Чарторыскій попытался сдѣлать нѣсколько возраженій, но великій князь прервалъ его, и онъ присоединился къ мнѣнію министра финансовъ. Двое другихъ депутатовъ высказались за отъѣздъ, и великій князь согласился съ ихъ мнѣніемъ. Все казалось потеряннымъ, когда Чарторыскій, поддерживаемый Любецкимъ, возбудилъ вопросъ объ амнистіи. Такъ какъ великій князь принялъ мысль о посредничествѣ между государемъ и

поляками, то набросали карандашемъ проекъ конвенціи, для которой депутаты должны были достать ратификацію совѣта. Константинъ Павловичъ удерживалъ въ своей власти южную часть города; обѣщалъ ходатайствовать предъ императоромъ въ пользу амнистіи и въ смыслѣ предложеній, какія были ему сдѣланы, по отношенію къ конституціоннымъ гарантіямъ, къ будущимъ отношеніямъ между Польшей и Россіей и „къ областямъ расположеннымъ по ту сторону Нѣмана и Буга“. Конвенція удостовѣряла, что „присоединеніе этихъ областей къ польскому королевству всего лучше отвѣчало желаніямъ поляковъ; въ противномъ случаѣ, онѣ получаютъ національныя учрежденія, гарантированныя вѣнскимъ трактатомъ всѣмъ частямъ бывшей Польши“.

Среди неурядицы, повидимому, забыли, что получить согласіе императора на подобныя условія, принятыя его братомъ исключительно подъ вліяніемъ возстанія, невозможно безъ большого труда; впрочемъ, правительство неимѣло необходимаго авторитета, чтобъ заставить и страну принять условленныя обязательства. Какъ только совѣтъ собрался, чтобъ узнать результатъ конференціи, какъ клубъ якобинцевъ продиктовалъ свои приказанія. Совѣтъ получилъ приглашеніе прервать всякіе переговоры съ великимъ княземъ, предписать генералу Хлопицкому „истребить врага безъ замедленія“, сдѣлать общій призывъ къ оружію, приступить къ суду надъ министрами, и—наконецъ—повиноваться безъ замедленія волѣ клуба или видѣть себя „вынужденнымъ“ принять въ свою среду нѣсколько его членовъ.

Руководителемъ такого поворота дѣлъ былъ молодой человѣкъ, служившій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Морицъ Мохнацкій, прозванный „польскимъ Робеспьеромъ“. Онъ принималъ участіе во всѣхъ предъидущихъ заговорахъ; обладая краснорѣчіемъ, къ тому же галантливый писатель, (впрочемъ только литераторъ, а не изъ числа ученыхъ), онъ умѣлъ увлекать за собой массы. Къ счастію, крайній характеръ мнѣній Мохнацкаго смягчался полнымъ недостаткомъ у него личнаго мужества: смѣлый на трибунѣ, онъ не имѣлъ ни одного изъ качествъ, свойственныхъ человѣку дѣйствія. Человѣкъ крайне тщеславный, считая себя предназначеннымъ къ власти, Мохнацкій пламенно желалъ участвовать въ совѣтѣ, и былъ увѣренъ, что ему стоило только явиться, чтобъ достигнуть цѣли, т. е. внести революціонный элементъ въ правительство.

Появленіе Мохнацкаго вмѣстѣ съ людьми вооруженными, покрытыми грязью, произвело больше впечатлѣнія, чѣмъ самыя его рѣчи. Великій финансистъ, обладавшій быстрымъ и легкимъ даромъ слова, молчалъ. Хлопицкій вышелъ изъ залы, шумно захлопнувъ за собою дверь. Малаховскій заявилъ „энергическій“ протестъ и тутъ же подалъ въ отставку. Чарторыскій, со своею обычною вѣжливостью, попытался доказать клубистамъ преувеличенность ихъ программы, но „польскій Робеспьеръ“ положилъ конецъ его рѣчи, сказавъ, что нужно во-

чтобы-то ни стало „кончить комедію, которая можетъ скоро превратиться въ драму“. Этимъ было покончено и съ правительствомъ и съ его кажущеюся властью. Люди, совершившіе нашествіе на правительство, удалились только тогда, когда имъ было обѣщано, что совѣтъ обсудитъ предложенія клуба. Явившись за ратификованной конвенціей, Замойскій взялъ бумагу безъ подписи и совѣтовалъ великому князю бѣжать какъ можно скорѣе. Рѣшено было обнародовать актъ созванія сейма, призвать къ оружію все находящееся въ силахъ населеніе, — воздать благодарность войскамъ и сдѣлать нѣсколькихъ комплиментовъ національной гвардіи.

Вдругъ разнеслась вѣсть о прибытіи генерала Шембека, который предложилъ себя и свою бригаду къ услугамъ возстанія. Хлопицкій бросился въ казармы и привелъ Шембека. Этотъ воинъ держалъ къ совѣту слѣдующую рѣчь: „Мнѣ только 42 года, а между тѣмъ я уже чувствую въ себѣ менѣе способностей, чѣмъ у моихъ болѣе молодыхъ товарищей; и такъ, долой всѣхъ выжившихъ изъ ума“! Между тѣмъ, младшему изъ видныхъ членовъ правительства, Хлопицкому, было болѣе 50 лѣтъ. Засвидѣтельствовавъ свои чувства совѣту, Шембекъ, сопровождаемый Хлопицкимъ, отправился прямо въ клубъ, гдѣ держалъ рѣчь къ народу. Делегатъ изъ банка явился съ приглашеніемъ тремъ представителямъ клуба въ засѣданіе совѣта; но уступки уже не вели болѣе ни къ чему. Народный потокъ заколыхался при крикахъ: „смерть московитамъ! впередъ! въ Литву! въ банкъ!..“ Встрѣтивъ Хлопицкаго, толпа окружила его, привѣтствовала, заставила принять начальство надъ собою и идти къ лагерю великаго князя.

Къ 10 часамъ, Замойскій, по дорогѣ въ Вержбно, встрѣтилъ фронтъ колонны на линіи церкви св. Роха. Видя блѣднаго, взволнованнаго Хлопицкаго, побуждаемаго идти впередъ яростной толпой, онъ понялъ, что все потеряно...

Между тѣмъ войска, подъ вліяніемъ подстрекателей, выказывали нетерпѣніе по поводу странной роли, какую ихъ заставляли разыгрывать, и готовы были уже покинуть великаго князя, который, послѣ слабыхъ возраженій, написалъ слѣдующую декларацію: „Позволяю польскимъ войскамъ, оставшимся вѣрными мнѣ до этой послѣдней минуты, присоединиться къ своимъ товарищамъ. Я выступаю съ императорскими войсками и удаляюсь изъ столицы; надѣюсь, что рыцарскія чувства поляковъ не допустятъ ихъ тревожить русскія войска на пути къ имперіи. Всякаго рода учрежденія, частную собственность и частныхъ лицъ я поручаю покровительству польской націи и ставлю ихъ подъ охрану священныхъ правилъ чести“. Вручивъ эту декларацію Замойскому, Константинъ Павловичъ пожалъ ему руку, отвернулся, чтобъ вытереть слезу, и велѣдъ подать сигналъ къ отступленію. Ничто болѣе не препятствовало Польшѣ совершить самоубійство, и всѣ широко воспользовались этою возможностью.

Передъ церковью св. Александра войска побратались съ народомъ.

Потомъ, въ разсыпную, всѣ направились къ банку. Совѣтъ уже вынесъ страшную операцію раздѣла власти съ клубомъ; въ числѣ своихъ членовъ онъ считалъ „польскаго Робеспьера“ и другого якобинца, принятыхъ съ „совѣщательнымъ голосомъ“; третій делегатъ клуба, сознавая смѣшную сторону своего положенія, предпочелъ покинуть столицу. По улицамъ носили фригійскую шапку и раздавали зажигательныя прокламаціи. Засѣданія клуба сдѣлались непрерывными, а къ вечеру „польскій Робеспьеръ“, недовольный своимъ „совѣщательнымъ“ положеніемъ, взялъ своихъ политическихъ друзей, чтобъ разогнать правительство, водворившееся въ банкѣ. Онъ выбралъ неблагопріятную минуту. Собраніе въ эту пору было болѣе склонно къ умѣренности и согласію; нѣсколько ораторовъ изъ правительственной партіи сильно нападали на Мохнацкаго; его товарищъ въ клубѣ и совѣтѣ далъ честное слово, что „правительство дѣйствовало сообразно духу революціи“. Освистанный, преслѣдуемый, какъ дикій звѣрь, криками „Робеспьеръ“, „террористъ“, „клеветникъ“, Мохнацкій спасся только благодаря быстротѣ своихъ ногъ. Но его ждало еще большее униженіе. Онъ направился къ помѣщенію воспитанниковъ военной школы, разсчитывая на ихъ помощь для осуществленія своихъ намѣреній, въ особенности, для убійства „великаго финансиста“, т. е. Любецкаго, котораго Мохнацкій особенно ненавидѣлъ. Нѣсколько ловкихъ словъ трибуна произвели было уже дѣйствіе на молодежъ: воспитанники заряжали карабины, когда начальникъ школы протестовалъ противъ новыхъ преступленій: „вы перейдете только чрезъ мой трупъ“, крикнулъ онъ своимъ. Принужденный отступить и спрятаться, Мохнацкій нашелъ убѣжище и сострадательный пріемъ у своего смертельнаго врага, Любецкаго.

Между тѣмъ, реакціонное теченіе возникало само собою. Всѣ симпатіи были обращены къ Хлопицкому, который (вслѣдствіе легкаго воспаленія мозга) былъ провозглашенъ жертвой „якобинцевъ“. Университетская молодежъ устроила ему почетный караулъ, и обыскала квартиру „Робеспьера“, въ намѣреніи повѣсить его самаго на фонарѣ. Нѣсколько рѣшительныхъ молодыхъ людей разогнали клубъ. Къ несчастію постоянное и слишкомъ продолжительное замазываніе развалинъ стараго порядка окончательно ослабило и разрушило узы іерархіи и повиновенія. Льстя страстямъ, тѣмъ самымъ ихъ разнуздывали; въ толпу допустили проникнуть мысль, что правительство только и думало о національной войнѣ; малѣйшее авторитетное, примирительное слово, возбуждало раздраженіе, сладить съ которымъ никто не былъ въ силахъ. Революціонеры громко требовали войны и вооруженія народа; они хотѣли напасть на русскихъ, идти въ Литву на встрѣчу непріятелю. Это, конечно, было безуміе, но по крайней мѣрѣ, безуміе, обладавшее своего рода систематичностью. Большинство членовъ правительства, люди умѣренные, чуждые воинственныхъ склонностей, живя мыслью только примиреній, не имѣли мужества ни дѣй-

ствовать сообразно своимъ убѣденіямъ, ни покинуть свой постъ. Послѣ трехдневной полной анархіи, совѣтъ умолилъ Хлопицкаго взять снова на себя главное командованіе арміею. Хлопицкій сначала отказался наотрѣзъ; но наконецъ, уступая настояніямъ Чарторыскаго и Нѣмцевича сказалъ: „Хорошо; но это будетъ диктатура, въ которой я нуждаюсь для возстановленія порядка и дисциплины и которую удержу до созванія сейма“. Должно быть, правительство все таки не хотѣло отрекаться отъ власти, такъ какъ совѣтъ поспѣшилъ послать Хлопицкому назначеніе главнокомандующимъ. Хлопицкій явился въ полной формѣ въ банкъ, разорвалъ съ гнѣвомъ свое назначеніе, потомъ отправился на Марсово поле и предъ войсками провозгласилъ себя диктаторомъ. Въ своемъ манифестѣ Хлопицкій ссылался на „критическое положеніе отечества, на примѣръ римлянъ“ и выражалъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшимость передать власть сейму, который долженъ былъ собраться 18 декабря. Зная по опыту, что такое война, справедливо оцѣнивая сравнительныя силы своего отечества и Россіи, Хлопицкій не допускалъ и мысли о борьбѣ и о возможности подѣйствовать на императора Николая угрозой общаго возстанія, столь любезной добровольнымъ стратегамъ, которые кишѣли вокругъ диктатора. Послѣднимъ словомъ Хлопицкаго было почетное подчиненіе, а сопротивленіе — лишь настолько, чтобъ спасти военную честь и не кончить въ родѣ неаполитанцевъ, какъ онъ выражался. Но диктатура, заранѣе объявленная лишь средствомъ на нѣсколько дней, теряла, въ глазахъ массы, вѣсъ и обаяніе; вмѣсто того, чтобъ видѣть въ ней узду, ее считали „символомъ наступательнаго дѣйствія“. Сверхъ того, диктаторъ унаслѣдовалъ неурядицу и анархію, достигшія крайней степени, наслѣдовалъ всѣ ошибки предыдущаго правительства, которое продолжало прозябать рядомъ съ диктаторомъ, съ прежними колебаніями, съ неразумною умѣренностью, столь неумѣстными въ виду опасности.

Въ письмѣ къ императору Хлопицкій взывалъ къ великодушію государя для предупрежденія кровопролитія, заявлялъ, что нація желаетъ умѣренной свободы, которою не думаетъ злоупотреблять; но по этому самому хочетъ быть огражденною въ своихъ правахъ отъ всякаго насилія; въ заключеніе онъ указывалъ на то, что временное правительство уже сознало необходимость отправить въ Петербургъ двухъ депутатовъ (Любецкаго и Езерскаго), уполномоченныхъ повергнуть къ подножію трона выраженіе желаній націи, чтобъ польскія провинціи, прежде присоединенныя къ имперіи, были допущены къ пользованію такими же правами, какъ и жители царства.

13 января возвратился изъ Петербурга Езерскій. Вотъ сущность отвѣта, который онъ привезъ. Императоръ требовалъ прежде всего суда надъ зачинщиками возстанія, но не настаивалъ на непремѣнной ихъ карѣ. Въ присоединеніи провинцій государь отказывалъ: „Пусть поляки подчинятся, говорилъ онъ, пусть имѣютъ ко мнѣ довѣріе, и

они будутъ счастливы; слово государя имѣетъ свою цѣну. Но первый пушечный выстрѣлъ разрушитъ Польшу совершенно!"

Между тѣмъ, положеніе Хлопицкаго было трудное. Пока ожидался отвѣтъ на депутацію, диктаторъ всѣми силами замедлялъ вооруженія, соглашаясь только на такія мѣры, которыя составляли неизбѣжное послѣдствіе необдуманныхъ распоряженій, сдѣланныхъ ранѣе. Подчиненные утомляли его несвоевременными совѣтами и ненужными планами кампаній. Онъ отсылалъ ихъ одного за другимъ въ провинцію, въ гарнизоны и крѣпости; они вносили туда недовольство, ропотъ противъ диктатора, нравственный авторитетъ котораго крайне страдалъ отъ неопредѣленнаго характера правительственной политики.

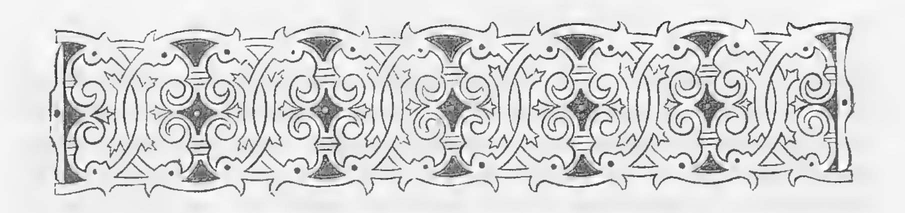
Какъ только собрался сеймъ, въ немъ тотчасъ же началась ожесточенная борьба противъ власти диктатора. „Совѣсть, говорилъ Хлопицкій депутаціи сейма, обязываетъ меня предупредить васъ, что я не обязываюсь ни къ чему другому, кромѣ того, чтобъ поддерживать существованіе королевства, и добиться болѣе вѣрнаго выполненія хартіи... Я не могу ни подвергать нашу армію вѣрной потерѣ, ни дѣлаться клятвопреступникомъ противъ своего государя". Старая конституціонная оппозиція не хотѣла слышать о диктаторской власти: она—самое большее, соглашалась дать Хлопицкому командованіе арміею и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать изъ него нѣчто въ родѣ короля, который царствуетъ, но не управляетъ. Угрозы университетской молодежи, которая говорила, что изрѣжетъ въ куски противниковъ диктатора, заставили, впрочемъ, большинство подать голосъ за диктатуру, но рядомъ съ диктаторомъ поставленъ былъ совѣтъ, состоявшій изъ 5 сенаторовъ и 8 членовъ палаты, облеченныхъ властью „отозвать диктатора", т. е. низложить его во всякое время. Сверхъ того, временное правительство превратили въ „верховный совѣтъ", подъ предсѣдательствомъ Чарторыскаго, а подъ нимъ организовали отвѣтственное министерство: Малаховскій взялъ себѣ внутреннія дѣла, Немойовскій—юстицію, Лелевель сохранилъ портфель народнаго просвѣщенія.

По полученіи упомянутаго отвѣта императора Николая, сцены насилія снова разразились среди совѣта. Хлопицкаго обвиняли въ измѣнѣ, упрекали его въ узурпаціи власти. Нареканіямъ положилъ конецъ только апоплексическій ударъ, который поставилъ жизнь Хлопицкаго въ опасность. Сейму въ засѣданіи 19 января 1831 г. предстояло пополнить, какъ пробѣлъ въ правительствѣ, такъ и неимѣніе главнокомандующаго. Для этой цѣли избраны были двѣ коммисіи, а затѣмъ перешли къ обсужденію проекта манифеста сейма. Въ этотъ моментъ графъ Солтыкъ внесъ предложеніе о низложеніи династіи. Истиннымъ виновникомъ такого предложенія былъ не кто иной, какъ „польскій Робеспьеръ", опять всплывшій на верхъ вмѣстѣ съ анархіей: сдѣлавшись силою, Мохнацкій сталъ во главѣ воскрес-

шаго клуба, который составлялся изъ шайки авантюристовъ, набранныхъ среди столичнаго омута. Въ тотъ же день низложеніе было провозглашено соединенными палатами. Какъ только докладчикъ сталъ говорить въ поддержку предложенія Солтыка, одинъ депутатъ воскликнулъ: „нѣтъ болѣе императора!“ Тотъ же возгласъ повторили зрители съ галереи палаты. Съ этихъ поръ конституціонный король Польши пересталъ существовать; остался только самодержецъ всероссійскій.—„Вы погубили Польшу“, сказалъ Чарторыскій маршалу сейма, въ моментъ подписанія акта о низложеніи, тотчасъ же редактированнаго Нѣмцевичемъ. Тѣмъ не менѣе, онъ подписалъ актъ и принялъ президенство въ національномъ правительствѣ, избранномъ палатами. Рядомъ съ Чарторыскимъ помѣстили Немойовскаго и Лелевеля и еще двухъ доктринеровъ, занятыхъ больше всего тѣмъ, чтобъ спасти принципы „конституціоннаго правительства“. Сеймъ удержалъ за собой право наблюдать за правительствомъ, назначать и смѣнять главнокомандующаго арміею. Существовали надежды на вмѣшательство и заступничество западныхъ державъ за Польшу; для испрошенія такого заступничества были еще раньше посланы, вопреки мнѣнію Хлопицкаго, но съ согласія Чарторыскаго: въ Лондонъ—маркизъ Велепольскій и въ Парижъ—г. Валицкій. Манифестъ польскаго сейма нисколько не помогъ успѣху этого посольства, не смотря на всѣ усилія Велепольскаго и хлопоты его въ лондонскихъ дипломатическихъ сферахъ. Что касается назначенія командующаго войсками, то сеймъ выбралъ на эту должность князя Радзивила, человѣка завѣдомо неспособнаго, который принялъ эту обязанность, превышавшую его силы, только подъ условіемъ, что Хлопицкій будетъ ему помогать совѣтами. Планъ Хлопицкаго былъ составленъ уже давно: онъ сосредоточилъ всѣ свои силы, около 40,000 человѣкъ, — между Варшавою, Модлиномъ и Сероцкомъ, въ знаменитомъ треугольникѣ, который Наполеонъ считалъ одною изъ самыхъ сильныхъ позицій въ Европѣ. Да и пора уже было: фельдмаршалъ Дибичъ приближался къ границамъ царства польскаго форсированнымъ маршемъ...

Н. С. К.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

АНГЛІЯ.

Исторія Англіи имѣетъ то неоцѣнимое преимущество передъ исторіей другихъ европейскихъ народовъ, что представляетъ почти въ самомъ началѣ своемъ памятникъ, который можетъ служить богатымъ источникомъ для самыхъ разнообразныхъ данныхъ—политическихъ, экономическихъ и культурныхъ. Мы разумѣемъ знаменитую опись землевладѣнія, составленную вскорѣ послѣ Норманскаго завоеванія и извѣстную подъ названіемъ Domesdaybook. Къ сожалѣнію, англійскіе ученые менѣе воспользовались этимъ памятникомъ, чѣмъ это случилось бы въ Германіи или во Франціи, гдѣ чисто ученыя и антикварныя изслѣдованія давно поставлены на строго научную почву. Но въ послѣднее время и въ Англіи ученая разработка главнаго памятника отечественной исторіи сдѣлала большіе успѣхи, въ особенности благодаря результатамъ добросовѣстнаго и обширнаго труда Итона [1]) съ указаніемъ на который будетъ всего умѣстнѣе начать отчетъ. Авторъ имѣлъ полное право назвать свое сочиненіе ключемъ къ Домесдею, ибо хотя онъ подвергнулъ спеціальному анализу только небольшую часть всего памятника — именно опись графства Дорсетъ, но изслѣдованія его относительно терминовъ и техническихъ пріемовъ составителей этой описи могутъ быть примѣнены и къ остальнымъ частямъ Домесдея и многіе выводы, добытые авторомъ, имѣютъ общее значеніе. Не углубляясь въ подробности, мы укажемъ на нѣкоторыя данныя, которыя важны не только для изслѣдователей Домесдея и англійской исторіи, но имѣютъ обще-историческій и культурный интересъ. Единица по-

[1]) A Key to Domesdaybook, exemplified by an Analysis and Digest of the Dorset Sarvey, By Rev. R. W. Eyton.

земельнаго кадастра, по которой опредѣлялась въ Домесдеѣ доходность владѣній и распредѣлялся государственный сборъ, извѣстный подъ стариннымъ названіемъ Danegeld (сборъ для отраженія датчанъ, т. е. норманновъ) до сихъ поръ представляла изслѣдователямъ неразрѣшимыя затрудненія. Она носила названіе hide (кожа, затѣмъ отмѣренная кожанымъ ремнемъ земля) и первоначально по своему размѣру соотвѣтствовала среднему размѣру двора (hova у англосаксовъ; въ Германіи Hufe—Hof). Обыкновенно полагали, что гайдъ обозначалъ и во время Вильгельма Завоевателя опредѣленное количество земли, т. е. составлялъ какъ въ старину 40 акровъ. Итонъ доказалъ, что этотъ терминъ въ XI вѣкѣ перестал быть поземельной мѣрой, а употреблялся въ переносномъ смыслѣ, т. е. обозначалъ единицу обложенія. Сообразуясь съ различіемъ доходности, гайдъ обнималъ большее или меньшее количество земли. Такъ напримѣръ въ небольшомъ помѣстьѣ (manor) Гаммунъ, заключавшемъ въ себѣ 677 акровъ, считалось 5 гайдовъ, а болѣе значительное помѣстье Недлтаунъ, обнимавшее 4,126 акровъ, заключало въ себѣ только полтора гайда. Среднимъ числомъ однако гайдъ, по раскладкѣ, принятой въ Домесдеѣ, заключалъ въ себѣ 239 акровъ и такъ какъ средняя поземельная рента въ Дорсетѣ составляла 1 пенни, то въ общемъ числѣ поземельная рента каждаго гайда равнялась одному фунту (240 пенни). Это общее вычисленіе, вѣрное относительно всего графства, примѣнимо также къ множеству отдѣльныхъ случаевъ; такъ напримѣръ рента 92 гайдовъ Уильяма де Ау была опредѣлена въ 90 ℔ 10 ш. и 36 гайдовъ графа Честера — въ 34 ℔. За то въ другихъ случаяхъ рента очень удалялась отъ средняго вычисленія; такъ 38 гайдовъ Эдуарда Селисберійскаго давали годовой доходъ въ 70 ℔, а съ другой стороны 9 гайдовъ Уалсина де Дуэ давали только 6 ℔, 13 гайдовъ Уильяма де Фалезъ — 8 ℔ и 11 гайдовъ, графини Иды Булоньской только 4 ℔ 1 ш.

Интересны также статистическія данныя о землевладѣніи, извлеченныя Итономъ изъ Дорсетской описи. Главнымъ собственникомъ въ этомъ графствѣ былъ король, которому принадлежало 365 г., т. е. около $^1/_7$ всего пространства. За нимъ слѣдовали епископъ Сальсберійскій съ 259 г., сводный братъ короля, графъ Моретонъ съ 159 г., игуменья Шефтеберійскаго и аббаты Сернскаго и Милтонскаго монастырей съ 125 гайдами. Вообще же, церкви принадлежало въ то время болѣе одной трети всего графства и гораздо больше чѣмъ баронамъ и непосредственнымъ королевскимъ вассаламъ. Если свести землевладѣніе въ Дорсетѣ на процентныя отношенія, то окажется, что принадлежало:

Королю	13,5%
Церкви	39
Баронамъ (33 въ числѣ)	37
Королевскимъ танамъ и мелкимъ владѣльцамъ .	10,5

Особенный культурно-историческій интересъ имѣетъ наконецъ сравненіе статистическихъ данныхъ, представляемыхъ Домесдеемъ, съ современными. По исчисленіямъ Итона, число взрослыхъ мужчинъ въ Дорсетѣ въ 1086 году доходило до 9,000. Въ настоящее время это число можно опредѣлить въ 45,000; такимъ образомъ, населеніе увеличилось въ 800 лѣтъ въ 5 разъ. Поземельная же рента, которая въ 1086 году составляла 1 пенсъ съ акра (1 акръ = 0,37 десят.) достигла въ наше время до 21 шил. съ акра, т. е. увеличилась въ 250 разъ или въ 50 разъ быстрѣе, чѣмъ населеніе. Конечно здѣсь надо принять въ разсчетъ и измѣнившуюся цѣну денегъ. Покупная сила одного шиллинга въ эпоху Вильгельма Завоевателя равняется 35 шиллингамъ нашего времени, если будетъ высчитана по цѣнѣ ржи и пшеницы, или 60 шиллингамъ, въ примѣненіи къ стоимости домашняго скота. Это замѣчательное увеличеніе доходности земли, сравнительно съ увеличеніемъ цѣнъ на продукты земледѣлія, есть блестящее доказательство громадныхъ успѣховъ земледѣльческой культуры, достигнутыхъ въ Англіи.

Болѣе популярный характеръ и обще-интересное значеніе имѣетъ другое сочиненіе, относящееся къ той же эпохѣ Норманнскаго завоеванія — біографія знаменитаго сподвижника Вильгельма Завоевателя — Ланфранка, архіепископа Кантерберійскаго, написанная на французскомъ языкѣ [1]). Ланфранкъ, замѣчательный и по своей личности и по той роли, которую онъ игралъ въ развитіи католической догматики, заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей той эпохи, которая дала новое направленіе всей англійской исторіи. Завоеваніе Англіи норманнами было торжествомъ романскаго принципа, важнымъ шагомъ для включенія Англіи въ общее развитіе культурной жизни въ западной Европѣ; побѣда норманновъ была бы не полною, еслибы она совершилась только въ области политической; для прочной романизаціи завоеванной страны необходимо было подчиненіе англійской церкви, національнаго духовенства, пришлому, завоевательному элементу. Именно это было дѣломъ архіепископа Ланфранка, и по этой своей дѣятельности онъ занимаетъ видное мѣсто рядомъ съ Вильгельмомъ Завоевателемъ и дополняетъ въ области церковной дѣло завоеванія.

Не смотря однако на важное значеніе Ланфранка въ исторіи Англіи, онъ до сихъ поръ не имѣлъ біографа, который бы подвергнулъ историческій матеріалъ спеціальному научному изслѣдованію и разработалъ бы свой предметъ удовлетворительнымъ образомъ. Вслѣдствіе этого, въ исторіографіи встрѣчаются самыя разнообразныя и противорѣчащія сужденія о характерѣ и значеніи Ланфранка. Такъ

[1]) Lanfranc, Archevêque de Cantorbery; sa vie, son enseignement, sa politique, par I. de Crozals.

напримѣръ Стёбсъ, авторъ извѣстной „Конституціонной исторіи Англіи", характеризуя дѣятельность Ланфранка, утверждалъ, что „онъ былъ столько же англичаниномъ, сколько норманномъ". Съ другой стороны знаменитый англійскій историкъ Фриманъ настаиваетъ на томъ, что стемленіе Ланфранка были „космополитическія, а не англійскія", и что онъ при всѣхъ своихъ великихъ свойствахъ „жилъ и умеръ среди насъ чужестранцемъ". Пелгревъ, авторъ чрезвычайно ученой исторіи норманскаго завоеванія, видѣлъ въ Ланфранкѣ „великаго преобразователя англійской церкви"; въ этомъ же смыслѣ высказывается англійскій біографъ Ланфранка, Гукъ, въ своихъ „Жизнеописаніяхъ митрополитовъ южной Англіи"; онъ говоритъ, что Ланфранкъ положилъ основы англійской церкви въ англо-норманскомъ періодѣ, установилъ принципы, которые преемники Вильгельма Завоевателя поспѣшили осуществить на практикѣ, и нѣкоторые преемники Ланфранка напримѣръ Ансельмъ и Ѳома Бекетъ, пытались устранить. Въ противность этому, Морисъ, авторъ сочиненія о средневѣковой философіи, основываясь на свидѣтельствѣ средневѣковаго писателя Идмера (Eadmer), ставитъ Ланфранка гораздо ниже Ансельма, и утверждаетъ, что онъ составилъ себѣ менѣе ясное понятіе, чѣмъ Ансельмъ объ англійскихъ правахъ и учежденіяхъ и о средствахъ, съ помощію которыхъ церковь могла бы особенно успѣшно повліять на нихъ.

Такое же разногласіе встрѣчаемъ мы между писателями въ опредѣленіи личнаго характера и наклонностей Ланфранка. Стёбсъ держится того мнѣнія, что Ланфранкъ былъ „столько же государственнымъ человѣкомъ, сколько и богословомъ". Морисъ признавалъ самой характеристической чертой Ланфранка то, что онъ былъ государственнымъ человѣкомъ и принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которымъ монашеская жизнь была вовсе не по нраву. Совершенно противоположно и ближе къ истинѣ высказывается новѣйшій біографъ Ланфранка, де-Кроза, считающій необходимымъ помнить, что, Ланфранкъ всю жизнь оставался монахомъ — для того чтобы понять политику и характеръ этого архіепископа.

Изъ этого достаточно видно, въ какой степени историческая наука нуждалась въ тщательной разработкѣ матеріала для біографіи Ланфранка и основательной оцѣнкѣ этой личности. Новый біографъ, де-Кроза, исполнилъ свою задачу добросовѣстно. Онъ написалъ свое изслѣдованіе по первоначальнымъ источникамъ и вообще держался при пользованіи ими правильнаго критическаго метода. Правда, онъ въ этомъ отношеніи далеко не безупреченъ, и ученый спеціалистъ по англійской исторіи нѣмецкій профессоръ Паули въ своей рецензіи на книгу де-Кроза, намѣтилъ цѣлый списокъ ошибокъ, недоразумѣній и опущеній въ пользованіи источниками и толкованіи ихъ (Sybel. Hist. Zeitsch. V p. 335). Такъ напр. онъ пользуется апокрифической хроникой Ингульфа и подложными привилегіями, считая ихъ подлинными; проповѣдника Эльфрика отождествляетъ съ архіепископомъ

этого имени; изъ одного сочиненія Ланфранка (de rebus ecclesiasticis) дѣлаетъ два различныхъ, о другихъ вовсе не упоминаетъ и т. п. Но такого рода промахи почти неизбѣжны и ихъ можно простить молодому французскому писателю, не наученному строгимъ научнымъ пріемамъ нѣмецкой исторіографіи въ изслѣдованіяхъ по средневѣковымъ источникамъ. Строже отнесутся образованные читатели къ другому недостатку книги де-Кроза, слишкомъ часто встрѣчающемуся у французскихъ историковъ, недостатку, который вредитъ интересу внушаемому книгой и подрываетъ до нѣкоторой степени довѣріе читателей къ сужденіямъ автора—это его поверхностное знакомство съ современными пособіями, съ исторической литературой Англіи и Германіи. Говоря напримѣръ о церковныхъ учрежденіяхъ и политическихъ событіяхъ XI вѣка, де-Кроза ссылается на устарѣлыя сочиненія Шерона, Тёрнера и Лингарда вмѣсто того, чтобы ссылаться на новыя сочиненія по этому предмету Кембля, Пелгрева, Стёбса и Фримана. Онъ находитъ, что „разсказъ о завоеваніи Англіи сбродными дружинами, собранными подъ знамена Вильгельма Завоевателя, не требуетъ болѣе никакихъ поясненій“. Съ этимъ конечно нельзя не согласиться, но читателю, знакомому съ новѣйшей англійской исторіографіей, съ сочиненіями вышеприведенныхъ нами авторовъ, покажется слишкомъ слабымъ мотивъ, которымъ руководился де-Кроза, дѣлая такой выводъ; онъ полагаетъ, что вопросъ о норманскомъ завоеваніи былъ окончательно рѣшенъ и исчерпанъ извѣстнымъ сочиненіемъ Огюстена Тьерри.

Не менѣе странно то, что де-Кроза, подробно обсуждая вопросъ о юридическомъ образованіи Ланфранка и о занятіяхъ римскимъ правомъ въ Ломбардіи въ X и XI вѣкахъ, не воспользовался знаменитымъ сочиненіемъ Савиньи „Объ исторіи римскаго права въ средніе вѣка“, откуда онъ почерпнулъ бы много важныхъ данныхъ. А въ прекрасной главѣ де-Кроза о соперникѣ Ланфранка въ области схоластической догматики, Беренгарѣ Турскомъ, многіе читатели съ удивленіемъ замѣтятъ, что авторъ не упоминаетъ о замѣчательномъ трактатѣ Беренгара, найденномъ Лессингомъ въ Вольфенбюттельской библіотекѣ и изданной Фишеромъ въ 1834 году.

Не смотря однако на такой недостатокъ научной начитанности автора, книга его представляетъ цѣнный вкладъ въ историческую литературу объ Англіи и будетъ служить полезнымъ пособіемъ для всѣхъ, кто пожелаетъ вникнуть въ многознаменательную эпоху Норманскаго завоеванія.

Нѣкоторые темные вопросы изъ жизни Ланфранка остаются для насъ неразъясненными и послѣ сочиненія де-Кроза по недостатку историческаго матеріала для рѣшенія ихъ. Мы напр. не знаемъ причины, которая заставила молодого Ланфранка покинуть свое отечество—Ломбардію и отправиться на сѣверъ. Мы находимъ его затѣмъ въ Авраншѣ—въ романской Швейцаріи,—городѣ, славившемся тогда древностью своего епископскаго престола и своей школой. Здѣсь

талантливый и ученый ломбардецъ имѣлъ большой успѣхъ своей преподавательской дѣятельностью; но, вѣроятно неудовлетворенный жизнью и побуждаемый какъ многіе замѣчательные люди того времени контрастомъ между своей практической дѣятельностью и высокимъ нравственно-аскетическимъ идеаломъ, который онъ носилъ въ сердцѣ — Ланфранкъ оставилъ свое славное поприще и искалъ уединенія на далекомъ сѣверѣ, въ бѣдномъ тогда и смиренномъ монастырѣ Бекѣ, въ Нормандіи. Но темная обитель не была въ состояніи скрыть блеска пріютившагося въ ней пришельца и слава и вліяніе Ланфранка вскорѣ доставили монастырю первенствующее положеніе на Европейскомъ сѣверо-западѣ. Судьба не замедлила свести двухъ людей, имена которыхъ она впослѣдствіи такъ тѣсно связала въ общей исторической дѣятельности — итальянскаго монаха и суроваго норманскаго вождя. Первое знакомство Ланфранка съ герцогомъ было не дружеское. Вильгельмъ былъ въ ссорѣ съ папой изъ-за своего брака, признаннаго не каноническимъ; Бекскій монастырь стоялъ на сторонѣ папы, наложившаго интердиктъ на страну и полчища герцога опустошили имѣніе монастыря. Мы не знаемъ, какъ и почему Ланфранкъ изъ противниковъ Вильгельма сдѣлался его защитникомъ, оправдывавшимъ бракъ, который онъ прежде осуждалъ— читателю остается здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, удовлетвориться правдоподобными объясненіями нашего автора; какъ бы то ни было, съ этой минуты жизнь Ланфранка и исторія Вильгельма Завоевателя, представляютъ намъ двѣ паралельно текущія, могущественныя струи.

Мы уже замѣтили, что завоеваніе Англіи норманнами было не только политическимъ, но и церковнымъ, культурнымъ завоеваніемъ— торжествомъ романскаго, и отчасти папскаго принципа. Въ теченіе 8 лѣтъ предшествовавшихъ вторженію норманновъ, Ланфранкъ былъ душею сношеній между герцогомъ и папою, посредникомъ ихъ взаимныхъ интересовъ. Англія много потеряла отъ того, что не имѣла подобнаго защитника при римской куріи; неправильность сношеній между англійскими королями и папами, небрежность, съ которою эти короли уплачивали Риму старинную дань, наложенную на Англію подъ названіемъ динарія св. Петра, и наконецъ, что особенно интересно для историка культуры—извѣстная оппозиція англійскаго духа противъ новаго толкованія догмы о пресуществленіи, установленной Ланфранкомъ въ его сочиненіи „De corpore“ и усвоеннаго римскою церковью, все это побуждало папу благопріятствовать норманскимъ интересамъ.

Въ 1066 году герцогъ Норманскій, благодаря успѣху своего оружія, сталъ королемъ Англіи, а четыре года спустя его сподвижникъ, Ланфранкъ, былъ сдѣланъ архіепископомъ Кантерберійскимъ. Какъ 1066 годъ для англо-саксокой аристократіи, такъ 1070 годъ былъ „роковымъ годомъ“ для англо-саксокаго духовенства. Порабощеніе національнаго духовенства завоевателями облегчалось и въ тоже время

оправдывалось его невѣжествомъ, которое, впрочемъ, выставлено у де-Кроза слишкомъ рѣзкимъ, такъ какъ онъ принимаетъ на вѣру отзывы объ этомъ Ланфранка и норманновъ. Лѣтъ за 30 передъ тѣмъ, норманское духовенство по своему образованію и по правамъ стояло не выше англійскаго, но энергія Вильгельма, руководимаго Ланфранкомъ, произвела въ немъ важную перемѣну къ лучшему; теперь Ланфранкъ взялъ на себя задачу провести подобную реформу въ Англіи; но для этой цѣли онъ былъ принужденъ замѣнить на самыхъ видныхъ мѣстахъ англійскихъ прелатовъ иностранцами, преимущественно изъ Бекскаго монастыря и изъ Лотарингіи, чуждыми народу по происхожденію, по образованію и симпатіямъ.

Заботясь о реформѣ подчиненной имъ церкви и проводя въ ней подобно лучшимъ людямъ XI вѣка монашескій принципъ, Ланфранкъ не забывалъ и объ интересахъ церковной власти, которую онъ представлялъ. Ему удалось положить конецъ старинному соперничеству между архіепископскими престолами въ Кантербери и Йоркѣ — въ интересахъ перваго и добившись со стороны сѣверной митрополіи признанія кантерберійскаго супремета, онъ объединилъ Англію также и въ церковномъ отношеніи, какъ это сдѣлалъ Вильгельмъ въ политическомъ. Съ этого момента, какъ замѣтилъ историкъ Фриманъ, начинается безспорное владычество Ланфранка надъ церковью. И къ нему можно было, по справедливости, примѣнить выраженіе, что онъ былъ для англичанъ „вторымъ папой". Этимъ, однако, не исчерпывается историческое значеніе Ланфранка. Вслѣдствіе своей близости къ монарху, никто изъ англійскихъ приматовъ не имѣлъ такой власти и такого вліянія внѣ предѣловъ церкви. Это вліяніе простиралось на всю политику Вильгельма, какъ на церковную, такъ и на свѣтскую. По выраженію Стебса, Ланфранкъ былъ „единственнымъ личнымъ другомъ короля, единственнымъ конституціоннымъ совѣтникомъ, авторитетъ котораго былъ основанъ на извѣстной независимости".

По этому поводу намъ приходится отмѣтить чрезвычайно многознаменательный для исторіи Англіи фактъ. Завоеваніе Англіи было совершено норманскимъ герцогомъ съ помощью и подъ благословеніемъ папы. Не смотря, однако, на это, папа нашелъ въ новомъ англійскомъ королѣ твердаго защитника національнаго интереса противъ римскихъ притязаній. До насъ дошло письмо Вильгельма, замѣчательное спокойнымъ, умѣреннымъ, но рѣшительнымъ тономъ, которымъ король отвергаетъ требованія могущественнаго и грознаго Гильдебранда. Вильгельмъ заявляетъ себя полнымъ наслѣдникомъ прежнихъ англійскихъ королей и всѣхъ ихъ правъ и обязанностей. Что они платили Риму, онъ готовъ платить, чего они не платили, того и онъ не хочетъ платить.

Совершенно такой же политикой, относительно папскаго престола, руководится Ланфранкъ и въ своихъ непосредственныхъ, церковныхъ отношеніяхъ къ папѣ. Онъ готовъ оказывать Григорію VII полное

повиновеніе, требуемое каноническимъ правомъ (secundum canonum praecepta); но не болѣе. Здѣсь предѣлъ его повиновенія. Во всемъ остальномъ онъ „слуга короля (l'homme du roi) и одного короля". Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ англо-норманской исторіи, дѣятельность главы англійскаго духовенства уже отличается той независимостью, тѣмъ національнымъ характеромъ и той патріотической преданностью королю, благодаря которымъ высшему англійскому духовенству пришлось играть такую важную и славную роль въ исторіи развитія англійскаго конституціонализма; итальянскій выходецъ и организаторъ англійской церкви кладетъ основаніе политики, которая пять вѣковъ спустя заканчивается отпаденіемъ Англіи отъ Рима и установленіемъ національной церкви.

Значеніе біографіи Ланфранка, написанной де-Кроза, много выигрываетъ отъ того, что она заключаетъ въ себѣ кромѣ того лучшую въ исторической литературѣ характеристику знаменитаго противника его — Беренгара Турскаго. По свидѣтельству Гитмонда изъ Аверзы, которое приняли на вѣру многіе новые писатели, великій учитель, возстановившій славу, которой школа въ Турѣ пользовалась въ дни Алькуина — будто бы не имѣлъ никакой наклонности къ богословскимъ занятіямъ и только случайно, чтобы поднять репутацію школы принялся за науку, которую прежде никогда не изучалъ. Согласно съ такимъ воззрѣніемъ, Морисъ представляетъ его „трудолюбивымъ, серьезнымъ, простодушнымъ клерикомъ, который вовсе не былъ склоненъ къ схоластическимъ тонкостямъ, но имѣлъ отвращеніе къ нимъ". Де-Кроза доказалъ всю несостоятельность такого взгляда. Въ дѣйствительности Беренгаръ былъ единственнымъ современникомъ, который былъ въ состояніи помѣриться съ Ланфранкомъ въ схоластической полемикѣ или сравниться съ нимъ въ учености. Беренгаръ былъ замѣчательнымъ діалектикомъ и въ тоже время увлекательнымъ преподавателемъ, краснорѣчіе и манера котораго имѣла какое-то чарующее обаяніе для всѣхъ, кто съ нимъ сближался. Де-Кроза выводитъ изъ одного выраженія Ланфранка (quando in scholis militavimus) правдоподобное заключеніе, что Ланфранкъ и Беренгаръ были товарищами по школѣ. Этотъ фактъ придаетъ еще болѣе интереса отношеніямъ между обоими соперниками — установителемъ католической догматики и родоначальникомъ раціоналистической ереси, и одинъ изъ рецензентовъ книги де-Кроза справедливо напоминаетъ по этому поводу о Юліянѣ и св. Василіи, сидѣвшихъ рядомъ на скамьяхъ аѳинской школы. (R. Hist. 1879. III. 180).

Для читателей, интересующихся главнымъ вопросомъ англійской исторіи—постепеннымъ развитіемъ политической свободы и конституціонныхъ формъ, мы считаемъ необходимымъ указать на новое изданіе одного юридическаго памятника, хотя и очень спеціальнаго ха-

рактера, но чрезвычайно любопытнаго по историческимъ выводамъ, къ которымъ приводитъ его изученіе. Мы разумѣемъ изданіе пяти книгъ о законахъ и обычаяхъ Англіи, написанныхъ знаменитымъ юристомъ XIII вѣка Генрихомъ де-Брактонъ [1]). Эпоха, въ которую Брактонъ — бывшій королевскимъ судьей и вѣроятно одно время преподавателемъ права въ Оксфордѣ — закончилъ свое сочиненіе, придаетъ ему особенный интересъ для исторіи англійской конституціи. Благодаря ученымъ изслѣдованіямъ и мѣткой критикѣ кенигсбергскаго спеціалиста по исторіи англійскаго права, профессора Гютербока, эта эпоха установлена съ значительною точностью. Сочиненіе Брактона написано въ 1256—1259 годахъ и потому отражаетъ на себѣ взглядъ англійскаго законовѣда и судьи въ самый критическій моментъ средневѣковой англійской исторіи, т. е. передъ самымъ началомъ войны бароновъ, результатомъ которой было возникновеніе — на основаніи, положенномъ Великой Хартіей — того представительнаго собранія, которое безъ существенныхъ измѣненій до сихъ поръ управляетъ судьбами англійскаго народа. И что же? Королевскій судья высказывается тамъ, гдѣ ему приходится опредѣлять права и значеніе королевской власти въ томъ же смыслѣ и духѣ, которымъ проникнуты всѣ замѣчательныя заявленія бароновъ въ ту эпоху — и петиція къ Оксфордскому парламенту и постановленія (Provisiones) Оксфордскія и Вестминстерскія. „Король, говоритъ Брактонъ, не долженъ быть подчиненъ человѣку (non debet esse sub homo), но онъ подчиненъ Богу и закону, ибо законъ ставитъ его королемъ“. А въ другомъ мѣстѣ это подчиненіе закону поясняется слѣдующимъ образомъ: „Король имѣетъ надъ собой высшаго, т. е. Бога, а также законъ, ибо въ силу закона онъ сдѣлался королемъ, а также имѣетъ надъ собой свой совѣтъ (cariam suam), т. е. товарищей бароновъ (comites barones), ибо они называются графами, т. е. какъ бы товарищами короля“. (Это толкованіе основано на игрѣ словъ: средневѣковое названіе графа (cumes) тождественно съ латинскимъ словомъ, обозначающимъ спутника, товарища). „А у кого есть товарищъ, у того есть учитель и потому, если бы король не захотѣлъ знать узды и закона, они должны положить на него узду; а если не наложатъ, то сами вмѣстѣ съ королемъ окажутся беззаконниками безъ узды. А тогда возгласятъ противъ нихъ подданные къ Господу и скажутъ: „Господи Іисусе Христе, сдави челюсти ихъ уздою“: а Господь имъ отвѣтитъ: „я позову на нихъ народъ суровый и дальный и неизвѣстный“. Изъ этого видно, что феодальный законовѣдъ въ половинѣ XIII в. отстаиваетъ идею ограниченной монархіи, которую проводила въ то время англійская аристократія. Интересно

[1]) Henrici de Bracton, de Legibus et Consuetudinibus Angliae libri quinque ad diversorum et vetustissimorum codicum collationem typis vulgati. Edited by Sir Travers Twiss.

также для объясненія хода, принятаго англійской исторіей, что тогда какъ шотландское уложеніе, называвшееся Regiam Majestatem, составленное по сочиненію предшественника Брактона—Гланвиллы съ различными вставками и пропусками—утверждаетъ, въ одной изъ такихъ вставокъ, что никого нѣтъ выше короля, кромѣ Бога и священной римской церкви—Брактонъ вставляетъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ своего сочиненія вмѣсто римской церкви слова — законъ и королевскую курію, т. е. парламентъ. Въ другихъ мѣстахъ своей книги Брактонъ говоритъ съ уваженіемъ о папѣ и церкви, но никогда не приписываетъ имъ высшей власти надъ королемъ и закономъ. Онъ представитель англійскаго обычнаго права (common law), а не каноническаго и его заимствованія изъ свода каноническаго права (Corpus Juris Canonici) незначительны сравнительно съ тѣмъ, какъ онъ пользуется римскимъ правомъ. Цѣлые тексты изъ Юстиніанова свода — большею частью въ сокращеніи, въ которомъ ихъ передалъ итальянскій глоссаторъ Ацо въ своей Суммѣ—прямо внесены въ сочиненіе Брактона.

Отношенія англійскаго обычнаго права къ римскому и роль, которую послѣднее играло въ XIII вѣкъ, до сихъ поръ, какъ выражается Макэ въ своей замѣткѣ объ изданіи Брактона (Academy, отъ 8 марта 1879 г.) понимались очень невѣрно законовѣдами и историками права въ Англіи. Даже одинъ изъ новѣйшихъ писателей этого разряда, знаменитый Мэнъ, впалъ въ странную ошибку, обвиняя Брактона въ плагіатѣ и высказался по этому поводу слѣдующимъ образомъ: „Одной изъ самыхъ неразрѣшимыхъ загадокъ въ исторіи юриспруденціи всегда будетъ тотъ фактъ, что англійскій писатель временъ Генриха IV могъ быть въ состояніи выставить для своихъ соотечественниковъ какъ учебникъ чисто англійскаго права — трактатъ, вся форма котораго и цѣлая треть содержанія котораго непосредственно заимствованы изъ римскаго права (Corpus Iuris) и что этотъ писатель могъ рѣшиться на такую попытку въ странѣ, гдѣ систематическое изученіе римскаго права было формально воспрещено“. Брактона такъ же мало можно обвинять въ плагіатѣ, какъ средневѣковыхъ богослововъ, которые черпали полными руками свои доказательства изъ текстовъ св. писанія и изъ твореній отцовъ церкви, или какъ напримѣръ лѣтописца Ейнгарда, который составилъ свою біографію Карла Великаго, заимствовавъ и всю форму ея и около трети самаго содержанія ея изъ „Жизнеописаній цезарей“, составленныхъ Светоніемъ. Свои заимствованія изъ Corpus Iuris и изъ Суммы Ацона, Брактонъ признавалъ на столько точно, на сколько это требовалось въ эпоху, когда всякій законовѣдъ, всякій лѣтописецъ и всякій ученый, были болѣе или менѣе компиляторами и даже копистами. Не разъ Брактонъ замѣчаетъ своимъ читателямъ, что о такомъ-то предметѣ они могутъ найти болѣе полныя свѣдѣнія въ Институціяхъ и въ Суммѣ Ацона. Читатели, которыхъ онъ имѣлъ въ виду, вѣроятно всѣ имѣли возможность пользо-

ваться и Инструкціями и Ацономъ, хотя бы сами и не обладали рукописными текстами этихъ сочиненій; ибо еще тогда не наступило то время, къ которому относится извѣстное четверостишіе:

In Institutis comparo vos brutis.
In Digestis nihil potestis,
Et vos vocamini doctores!
O tempora! O mores! [1]).

Что же касается до другой стороны загадки, которую представляютъ, по мнѣнію Мэна, заимствованія Брактона изъ римскаго права, то она разрѣшается самимъ Брактономъ. Новый издатель его совершенно справедливо замѣчаетъ, что было бы трудно объяснить, почему бы этотъ древній законовѣдъ Англіи сталъ въ такомъ объемѣ пользоваться для своего сочиненія источниками римскаго права, еслибы оно считалось въ его время чуждымъ и не пустило бы до этого никакихъ корней въ Англіи. Въ этихъ словахъ высказывается довольно новый, но правильный взглядъ на дѣло, тогда какъ большинство историковъ англійскаго права, считавшихъ римское право чуждымъ и запрещеннымъ въ Англіи съ самаго начала Норманскаго періода держалось такого мнѣнія вслѣдствіе недоразумѣнія. Отверженіе римскаго права англійскими судами не восходитъ, какъ обыкновенно полагаютъ, къ запрещенію чтеній Ваккарія при королѣ Стефанѣ, которое, какъ ясно высказываетъ Іоаннъ Салисберійскій, не достигло своей цѣли, „ибо съ Божьей помощью отъ этого еще болѣе возросла сила этого закона“ (eo magis invaluit virtus legis) и оно не имѣетъ ничего общаго съ отверженіемъ Мертонскимъ парламентомъ постановленій каноническаго права объ узаконеніи дѣтей послѣдующимъ бракомъ. Напротивъ, есть полное основаніе думать, что римское гражданское право непрерывно преподавалось въ Оксфордѣ со временъ Ваккарія (въ XII вѣкѣ) до возвращенія любимца Эдуарда I (преемника Генриха III въ концѣ XIII вѣка) младшаго Аккурсія въ Болонью. Римское право стало ненавистнымъ только при Эдуардѣ I, когда этотъ король, какъ многіе государи до и послѣ него, пытался сдѣлать изъ него орудіе для проведенія монархическаго принципа въ государственное управленіе. Это становится очевиднымъ при сравненіи языка Брактона съ Бриттономъ, т. е. уложеніемъ, изданнымъ Эдуардомъ I, которое составлено по Брактону и Флетѣ, но въ которомъ почти всѣ мѣста перваго, заимствованныя изъ тѣхъ положеній римскаго права, отъ которыхъ еще вѣетъ республиканскимъ преданіемъ—исчезли. Но за то на каждой страницѣ проводится принципъ императорскихъ юристовъ — воля государя считается закономъ (quod

[1]) Въ Институціяхъ вы невѣжды,
Въ Дигестахъ ничего не смыслите;
И вы-то величаетесь докторами,
О нравы, о времена!

principi placuerit, pro lege habetur) и даже прямо высказывается комментаторами.

Но если мы должны признать, что англійскіе законовѣды въ эпоху Брактона были болѣе или менѣе знакомы съ римскимъ правомъ, то это наводитъ насъ на интересный вопросъ, на сколько это знакомство повліяло на политическій образъ мыслей этого класса и на конституціонное развитіе въ Англіи. Нерѣдко признавалось доказаннымъ, что римское право вызываетъ наклонность къ духу деспотизма. Но несомнѣнно справедливо только то, что юристъ-теоретикъ равнодушенъ къ назначенію политической свободы. Эта черта однако вовсе не свойственна только римскому цивилисту. Юристы, которые защищали произвольное правленіе Стюартовъ въ Англіи были представителями англійскаго обычнаго права и относились съ пренебреженіемъ къ римскому праву. Само римское право, хотя оно получило свою окончательную форму только въ эпоху, когда имперія довершила разрушеніе республиканскихъ учрежденій, ведетъ свое начало не отъ юристовъ позднѣйшей императорской эпохи, даже не отъ юристовъ времени Гадріана и Антониновъ—хотя оно имъ многимъ обязано—но отъ лучшихъ временъ Рима, когда „законы еще не умолкали среди шума оружія (silent leges inter arma), но „оружіе преклонялось передъ тогой". Чѣмъ основательнѣе изучается римское право, тѣмъ яснѣе становится, что то, что въ насъ прочно, основано на мысли, независимой отъ формъ правленія, и что самые чистые источники его—первоначальные.

По этому не должно казаться страннымъ, если законовѣдъ временъ Брактона, враждебный тиранніи Плантагенетовъ, основывалъ свое ученіе на римскомъ правѣ. Съ другой стороны не слѣдуетъ терять изъ вида чрезвычайно важнаго и счастливаго для успѣшнаго развитія англійскаго права обстоятельства, что отецъ этого права представляетъ собой первый примѣръ уваженія къ постановленіямъ англійскихъ судовъ въ смыслѣ прецедентовъ и признанія ихъ источниками закона. Въ этомъ отношеніи онъ является практическимъ юристомъ, т. е. не теоретическимъ преподавателемъ, только излагающимъ законъ передъ студентами и читателями—а королевскимъ судьей (юстиціаромъ), который примѣнялъ право на судѣ, окруженный бойкими защитниками и страстными сторонами. Американскій переводчикъ Брактона,—Коксъ, въ одномъ интересномъ примѣчаніи указываетъ на то, что число дѣйствительныхъ судебныхъ рѣшеній, приведенныхъ Брактономъ доходитъ до 484.

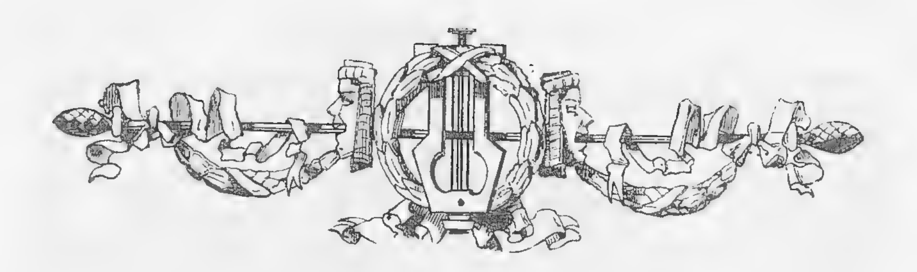
Англія можетъ теперь гордиться двумя примѣрными изданіями своихъ классическихъ источниковъ XIII вѣка—изданіемъ Бриттона сдѣланнымъ Николосомъ и изданіемъ Брактона, о которомъ мы говорили; когда къ нимъ присоединятся подобныя же изданія Гланвиллы, Торнтона и Флеты, исторія англійскаго права броситъ яркій свѣтъ на политическое развитіе англійскаго народа и исторію его конституціи.

Отъ отдаленныхъ временъ Норманскаго періода, интересныхъ тѣмъ, что тогда были положены основанія конституціонныхъ учрежденій, мы перейдемъ теперь къ вѣку, который представляетъ болѣе общаго интереса, къ вѣку, когда религіозная борьба ярко окрашивала вѣчныя страсти человѣческаго сердца и изъ котораго рельефно выдѣляются два женскіе образа, всѣмъ съ малолѣтства извѣстные и всегда интересные:—образъ гордой дѣвственной королевы и несчастной красавицы, искупившей свое увлеченіе долгимъ плѣномъ и казнью. Поводомъ къ этому намъ служатъ двѣ новыя біографіи ихъ, изъ которыхъ одна написана на французскомъ, а другая на нѣмецкомъ языкахъ.

Иф...лъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскій Архивъ. 1880 г. III-я книга, I-я часть. Москва.

ЗДАТЕЛЬ „Русскаго Архива" поторопился выпустить въ свѣтъ только одинъ небольшой выпускъ третьей книги, не дожидаясь ея окончанія. Поспѣшность во всякомъ случаѣ похвальная, чѣмъ бы ни объяснялась необходимость разрознить книгу, ибо выпущенною небольшою частью искупается малосодержательность двухъ первыхъ объемистыхъ книгъ. У постоянныхъ читателей, разочаровавшихся, быть можетъ, въ своихъ ожиданіяхъ отъ изданія на основаніи первыхъ двухъ книгъ, теперь, подъ конецъ года, снова воскреснутъ надежды на то, что портфель редакціонный вовсе не оскудѣлъ по части интереснаго историческаго матеріала. И дѣйствительно, судя по вышедшему выпуску, читатели имѣютъ всѣ основанія питать такія надежды. Въ немъ всего четыре статьи, но каждая изъ нихъ представляетъ большую цѣнность для исторической науки и живой интересъ для мало-мальски образованнаго читателя.

На первомъ планѣ являются въ видѣ сырого матеріала весьма любопытные „Вопросы Дидерота и отвѣты Екатерины II" о внутреннемъ состояніи Россіи того времени, приведенные параллельно на французскомъ и русскомъ языкахъ. Это совмѣстное помѣщеніе подлиннаго текста и русскаго перевода оказалось въ настоящемъ случаѣ весьма необходимымъ. Откровенно говоря, переводъ поразилъ насъ невѣрностями, а мѣстами и нелѣпостями. Не будь французскаго текста, такъ бы и пришлось остаться въ недоумѣніи относительно странностей стиля Дидро и Екатерины. Только обратившись къ подлиннику, мы убѣдились, что вся вина въ этомъ должна пасть на редакцію „Архива". Не будемъ упоминать о неловкихъ и смутныхъ выраженіяхъ въ родѣ того, что „однодворецъ не садится за столъ безъ индѣйки въ горшкѣ, курица считается за вещь слишкомъ обыкновенную", или „киргизы окружаютъ (bordent) Оренбургскую губернію", „солонина внутренняго приготовленія (les viandes salées sont du pays). Оставимъ въ сторонѣ также неточности, какъ напр., уставовъ лѣсныхъ у насъ „частью дурно, частью вовсе не держались" (guère et mal observés) и пр. и пр. Такіе мелкіе промахи попадаются на каждомъ шагу въ переводѣ „Русскаго Архива"; но, въ виду болѣе важныхъ ошибокъ

искаженія текста, о мелочахъ не стоитъ и говорить, хотя и онѣ, конечно въ историческомъ документѣ имѣютъ значеніе. За то въ высшей степени непростительно представлять цѣлую рѣчь историческаго дѣятеля, рѣчь ясную, умную и прекрасно выраженную, въ туманномъ и отчасти искаженномъ видѣ, какимъ-то деревяннымъ стилемъ. А именно въ такой небрежности редакція „Русскаго Архива" даетъ поводъ обвинить ее. Въ видѣ образчика перевода возьмемъ на удачу слова Екатерины. Пусть извинитъ насъ издатель „Архива", если на этотъ разъ, приводя отрывокъ изъ помѣщенной въ книгѣ статьи, мы не входимъ съ нимъ въ „соглашеніе", какъ того требуетъ предостереженіе на оборотѣ первой страницы „Архива".

И такъ, вотъ примѣръ одного изъ многихъ искаженій подлинника текста, приводимое—повторяемъ—наудачу, безъ всякихъ особыхъ поисковъ:

Французскій текстъ:

Ce qu'il faut craindre le plus, c'est d'être remis à l'esprit de parti, arbitre *) qui règne longtemps seul, quand les sciences sont encore nouvelles. juge partial et récusable, qui croit encore plus qu'il ne sçait, qui s'attache avec opiniatreté à ce qu'il saisit dans les ténébres, qui n'abandonne rien, parce qu'il ne distingue pas avec précision, et qui se laisse rarement ébranler: parce que les opinions ne deviennent flexibles qu' autant qu'elles se forment dans le doute et s'alimentent par la pensée, jamais par le caractère.

Или далѣе на той же страницѣ:

Le pain qui nourrit le peuple, la religion qui le console: voilà ses seules idées. Elles seront toujours aussi simples que sa nature. La prosperité de l'état, les siecles, la génération suivante sont des mots qui ne peuvent le frapper; il ne tient à la société que par ses peines, et de tout cet espace immense qu'on appelle l'avenir, il n'aperçoit jamais que le lendemain.

Русскій переводъ:

Болѣе всего надо опасаться быть подвергнутымъ духу партіи, который царитъ долго одинъ, когда науки находятся въ младенчествѣ; это судья пристрастный и недостойный довѣрія, который вѣритъ болѣе чѣмъ знаетъ; который съ упрямствомъ придерживается того, что имъ схвачено во мракѣ, который (?) ничего не оставляетъ, потому что онъ не различаетъ съ точностью; котораго нельзя поколебать, потому что мнѣнія подвергаются измѣненію, когда они образуются въ сомнѣніи и питаются мышленіемъ, но никогда силою характера.

Хлѣбъ питающій народъ, религія, которая его утѣшаетъ—вотъ весь кругъ его идей. Онѣ будутъ всегда просты какъ и его природа; процвѣтаніе государства, столѣтія, грядущія поколѣнія—слова которыя не могутъ его (? не народъ ли?) поразить. Онъ (?) принадлежитъ обществу лишь своими трудами (??!), и изъ всего этого громаднаго пространства, которое называютъ будущностью, онъ видитъ лишь одинъ только наступающій день.

И такихъ нелѣпостей много въ небольшой статьѣ.

Скажутъ, быть можетъ, что читатели „Русскаго Архива" могутъ обратиться непосредственно къ французскому тексту. Но допустимъ даже справедливость подобнаго соображенія. Къ чему же тогда—позволительно спросить—помѣщается подобный невозможный переводъ?

Впрочемъ, русскій языкъ всего болѣе страдаетъ въ „Русскомъ Архивѣ, какъ это доказываетъ напримѣръ статья г. Шугурова „Мисс Вильмотъ и княгиня Дашкова" (о подлинныхъ запискахъ княгини Дашковой). „При разборѣ"—говорится во введеніи—„въ прошломъ году архива графа С. Р. Воронцова найдена

*) Оставлено безъ перевода.

была переписка его „съ г-жею Бредфордъ, относящаяся къ 1813 году, по поводу записокъ сестры его, княгини Екатерины Романовны Дашковой, которую (конечно, переписку, а не Дашкову) г-жа Бредфордъ намѣрена была тогда издать въ свѣтъ“. Гр. Воронцовъ не считалъ записокъ Дашковой подложными, но, по мнѣнію г. Шугурова о происхожденіи и судьбѣ этихъ записокъ дастъ понятіе разсказъ г-жи Бредфордъ, „первоначально написанный (въ 1814 г.) въ видѣ письма къ лорду Гленьерви, пользовавшемуся, по словамъ ея, высокимъ уваженіемъ въ области вкуса и литературы“. „Такъ какъ“ добавляетъ введеніе „разсказъ былъ написанъ вслѣдъ за непріятными объясненіями его автора съ графомъ Воронцовымъ и написанъ главнымъ образомъ по наставленію лорда Гленьерви, принимавшаго живѣйшее участіе въ изданіи записокъ (Дашковой), то этимъ лучше всего объясняется и значеніе его“ (опять-таки, конечно, разсказа, а не лорда Гленьерви).

Обширная статья, писанная покойнымъ княземъ В. А. Черкасскимъ, подъ заглавіемъ „Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія“, помѣщена въ „Р. Архивѣ“ въ томъ самомъ видѣ, какъ она сохранилась въ черновыхъ листкахъ, найденныхъ въ бумагахъ князя. Это трудъ ранней его молодости, „замышленъ широко“—говоритъ г. П. Б.—„и веденъ хотя и юношескою, но твердою и смѣлою рукою“. Князь Черкасскій разсматриваетъ ходъ историческаго развитія русской волости и попутно объясняетъ термины, названія и вмѣстѣ юридическія отношенія, древняго сельскаго быта, „недостаточно или вовсе непонятыя прежними изслѣдователями“. По словамъ автора, исторія русской волости въ своемъ тысячелѣтнемъ растяженіи представляетъ четыре главные момента, которые въ рѣзкомъ противуположеніи могутъ быть изображены въ четырехъ отдѣльныхъ картинахъ. Первый моментъ—есть моментъ непосредственной, патріархальной, родовой жизни, которою открывается наша отечественная исторія. За этимъ періодомъ свободнаго родового быта славянской волости слѣдуетъ періодъ данничества и вмѣстѣ измѣненія родового начала въ другое, болѣе географическое, политическое,—свободные роды славянскія покоряются разноплеменнымъ завоевателямъ, пришедшимъ съ сѣверо-запада и юго-востока и подчиненіе свое выражаютъ въ ежегодномъ платежѣ дани. Послѣднее и главное изъ таковыхъ племенъ завоевателей Варяги—Руссы; они мало по малу покоряютъ себѣ всю древнюю славянскую волость; вмѣстѣ съ тѣмъ родовой бытъ постепенно исчезаетъ, власть старѣйшинъ слабѣетъ, дань превращается съ теченіемъ времени въ поземельный оброкъ, и происходитъ великое политическое раздвоеніе въ народѣ: земля дѣлается собственностью племени завоевательнаго, на ней сидятъ униженные смерды, прежніе коренные славяне; послѣднимъ знакомъ ихъ полуисчезнувшей вольности остается право свободнаго перехода изъ волости въ волость. Но, въ третьихъ, и это послѣднее преимущество свободнаго крестьянина утрачивается имъ въ концѣ XVI-го вѣка. Законы Бориса Годунова укрѣпляютъ крестьянъ къ однимъ мѣстамъ. Это новое начало, сперва внесенное въ исторію нашу только какъ временная, полицейская мѣра, не уничтожавшая въ сущности гражданской личности свободнаго селянина, постепенно, въ теченіе XVII-го вѣка, превращается въ твердое, „само въ себѣ крѣпкое“, вполнѣ юридическое отношеніе, почти равносильное съ настоящимъ рабствомъ. Высшаго своего догматическаго развитія оно достигаетъ въ концѣ XVIII-го вѣка подъ вліяніемъ западныхъ феодальныхъ теорій. Дворянская грамота какъ бы вполнѣ освящаетъ это новое христіанское рабство, эту немилосердую крѣпость, и даже сводъ законовъ еще признаетъ лице крестьянина и все его имущество неотъемлемою собственностью помѣщика. Только въ царствованіе Екатерины Великой, съ указовъ 1780, 1781 годовъ открывается новое направленіе законодательства, и какъ бы занимается заря новой свободы для крестьянъ. Сперва подъ общечеловѣческимъ, гуманнымъ, но за то нѣсколько отвлеченнымъ, теоретическимъ вліяніемъ плановъ Александра Благословеннаго, впослѣдствіи подъ вліяніемъ національнаго, чисто

историческаго и вмѣстѣ болѣе непосредственно-практическаго направленія новѣйшаго царствованія совершается огромная реакція противъ крѣпостной системы: эманципація, начавшись съ крестьянъ казенныхъ, постепенно распространяетъ свои благодѣянія и на владѣльческихъ. На эти четыре главные періода раздѣляется вся исторія русской волости; показать, какъ они другъ друга постепенно смѣняютъ и одинъ въ другой переходятъ, объяснить далѣе историческое значеніе и разумную необходимость каждаго, и составляетъ задачу любопытнаго труда князя Черкасскаго.

Наконецъ помимо упомянутыхъ статей, въ разсматриваемой части 3-й книжки „Архива" помѣщена неизданная глава „Капитанской Дочки" Пушкина по рукописи, хранящейся въ Московскомъ Публичномъ музеѣ, а также черновое письмо А. С. Пушкина къ Д. В. Давыдову (1836 г.). Остается пожелать, чтобы и будущіе выпуски „Архива" были въ такой же степени интересны, какъ вышеприведенная часть, а съ другой стороны позволительно думать, что редакція будетъ относиться съ большею внимательностью къ переводамъ историческихъ документовъ.

Ѳ. Б.

Отчетъ интенданта кавказской арміи съ 1-го іюня 1876 по іюнь 1878 г. Составилъ генералъ-лейтенантъ Шульманъ. С.-Пб. 1880.

Отчетъ бывшаго интенданта кавказской арміи, генерала Шульмана, за время отъ 1-го іюня 1876 г. по 1-е іюня 1878 г. хотя и не даетъ понятія о конечныхъ результатахъ бывшей войны въ Азіятской Турціи въ матеріальномъ отношеніи, тѣмъ не менѣе представляетъ много интересныхъ данныхъ о самомъ горячемъ періодѣ дѣятельности кавказскаго интендантства, застигнутаго войною, какъ и все вообще военное вѣдомство, почти въ расплохъ, да еще заторможеннаго въ своихъ распоряженіяхъ на нѣкоторыхъ окраинахъ Кавказа возстаніемъ мѣстнаго населенія. Интересно также видѣть изъ „Отчета", что кавказское интендантство воспользовалось вполнѣ своимъ законнымъ правомъ самостоятельности во время войны и, не затягивая дѣла ненужною перепискою съ центральною интендантскою властью, обращалось только къ ея содѣйствію, когда мѣстныя средства были недостаточны.

Кавказская армія, располагавшая до войны 125 тысячами человѣкъ, увеличилась къ концу ея до 300 тысячъ человѣкъ, а для такого количества требовавшихъ питанія желудковъ не было запасовъ продовольствія и ихъ приходилось заготовлять, какъ говорится въ „Отчетѣ" „почти одновременно съ распоряженіями о мобилизаціи, формированіи и передвиженіи частей", на перекоръ извѣстному правилу: si vis pacem, para bellum; мѣстныя же средства были недостаточны и хлѣбъ приходилось добывать изъ внутреннихъ губерній Россіи,— задача дѣйствительно не легкая по дальности разстоянія и трудности доставки. Впрочемъ, и въ мирное время часть хлѣба для кавказской арміи подрядчики закупали въ турецкихъ предѣлахъ; съ переходомъ же нашихъ войскъ, 12-го апрѣля, границы, удалось купить пшеницы въ Карской области съ небольшимъ пять тысячъ четвертей и еще того менѣе по пути движенія войскъ; но съ занятіемъ Ардагана получено конфискованной пшеницы до двѣнадцати тысячъ четвертей. Не обошлось и безъ приготовленія сухарей. Спиртъ, вмѣсто водки, чай и сахаръ отпускались войскамъ съ денежнымъ приварочнымъ окладомъ уже по переходѣ границы.

Въ 1878 году, независимо заботъ о продовольствіи кавказской арміи, интендантство должно было обезпечить продовольствіе и четырехъ-тысячнаго отряда въ Красноводскѣ, отряда, предназначавшагося для экспедиціи за Атрекъ,

а добывая вообще во время этой войны хлѣбъ не легкими способами, интендантство пріискивало его и въ Персіи; но въ виду дороговизны доставки получило оттуда только около 17 тысячъ пудовъ ячменя.

Трудность провоза грузовъ вообще ясно, выразилась не только въ стоимости, но и въ разнохарактерности перевозочныхъ средствъ. Были въ ходу не только обычныя конныя и воловыя фургоны и повозки и конечно неизбѣжныя въ Азіи арбы, но даже вьючныя лошади, верблюды и катера. Въ среднемъ выводѣ перевозка каждаго пуда обошлась помѣсячно отъ 2 руб. 12½ коп. до 3 руб. 33 коп. зимою, и отъ 1 руб. до 2 руб. 50 коп. лѣтомъ; всего дороже обходился наемъ вьючныхъ лошадей и катеровъ.

Размѣры врачебныхъ заведеній были доведены до полуторы тысячи офицерскихъ мѣстъ и болѣе 38 тысячъ солдатскихъ, а изъ этого слѣдуетъ заключить, что принятая нашими медиками норма, 8 больничныхъ мѣстъ на сто, не отвѣчаетъ дѣйствительности, если принять во вниманіе горькія указанія послѣдней войны, потребовавшія за Дунаемъ Богъ вѣсть на сколько мѣстъ больше нормы 8 на 100, а на Кавказѣ очевидно болѣе 10 на 100.

Въ отчетѣ показана и сумма денежныхъ расходовъ, не заключающихъ въ себѣ, повидимому, тѣхъ матеріальныхъ издержекъ, которыя произведены интендантствомъ изъ наличныхъ запасовъ, имѣвшихся до войны. Расходы эти за время войны по 1-е іюня 1878 г. можно подраздѣлить на двѣ группы: а) расходы, зависѣвшіе въ большой или въ меньшей степени отъ распорядительности самого интендантства; и б) расходы, обусловленные ходомъ самой войны и очевидно не подчинявшіеся волѣ интендантства. Относя къ первой группѣ заготовленіе предметовъ потребленія по продовольственной и вещевой части, содержаніе врачебныхъ заведеній, наконецъ наемъ перевозочныхъ средствъ, получается въ итогѣ 49.685,515 руб., на все же остальное израсходовано 44.989,268 р. а всего 94.674,783 р., сверхъ 35 милліоновъ, затраченныхъ по смѣтѣ мирнаго времени.

Но при такихъ громадныхъ затратахъ, вызванныхъ войною, по крайней мѣрѣ утѣшительно завѣреніе „Отчета", что операціи кавказскаго интендантства за прошлую войну не возбудили никакихъ начетовъ, ни взысканій, ни даже процессовъ съ подрядчиками. Слѣдовательно, выборъ дѣятелей былъ очень удаченъ, а этимъ едва ли можетъ похвастаться интендантство арміи, дѣйствовавшей на Балканскомъ полуостровѣ.

П. Д.

Исторія русской церкви. Е. Голубинскаго, экстра-ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи. Томъ I. Періодъ первый, кіевскій или домонгольскій. Первая половина тома. М. 1880.

Въ предисловіи авторъ раздѣляетъ исторію русской церкви на три періода: кіевскій, московскій и петербургскій, изъ которыхъ первые два собственно представляютъ собою одно цѣлое, характеризуемое отсутствіемъ дѣйствительнаго просвѣщенія и преобладаніемъ въ религіи внѣшней стороны надъ внутренней, а послѣдній можетъ быть названъ періодомъ водворенія у насъ настоящаго просвѣщенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе совершеннаго пониманія христіанства. Приступая къ изложенію исторіи русской церкви въ кіевскій періодъ, г. Голубинскій, прежде всего, въ видѣ введенія, разбираетъ лѣтописную легенду о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ и предположеніе о принятіи христіанства Аскольдомъ и Диромъ и доказываетъ историческую недостовѣрность первой и научную несостоятельность послѣдняго; затѣмъ, переходя уже къ достовѣрнымъ извѣстіямъ о христіанствѣ въ Россіи и начиная ихъ съ

договора Игоря съ греками, изъ нѣкоторыхъ фразъ котораго усматриваетъ среди бывшихъ у Игоря варяговъ преобладаніе христіанскаго элемента надъ языческимъ, если не въ численномъ, то въ нравственномъ отношеніи, предлагаетъ подробное изслѣдованіе о крещеніи Ольги и Владиміра Святого, причемъ указываетъ на недостовѣрность лѣтописнаго извѣстія о крещеніи Ольги въ Византіи и, основываясь на Константинѣ Багрянородномъ, полагаетъ, что она посѣтила Византію уже крещенною; относительно же Владиміра Святого, отвергая легенду объ испытаніи вѣръ и крещеніи его въ Корсунѣ, находитъ наиболѣе вѣроятнымъ, что онъ принялъ христіанство отъ кіевскихъ варяговъ христіанъ, а крестился въ Василевѣ. За этимъ изслѣдованіемъ идетъ разсказъ о дѣятельности Ярослава на пользу просвѣщенія Руси и объ окончательномъ распространеніи христіанства послѣ Владиміра. Далѣе г. Голубинскій разсказываетъ о введеніи церковнаго управленія, о митрополитахъ, ихъ значеніи и отношеніяхъ къ византійскимъ патріархамъ, о епископахъ и епархіальномъ управленіи и судѣ, о низшемъ духовенствѣ и его состояніи, о средствахъ содержанія духовенства какъ высшаго, такъ и низшаго и о его бытѣ; наконецъ о просвѣщеніи въ Россіи въ кіевскій періодъ и о литературѣ переводной и оригинальной, не только духовной, но и свѣтской, причемъ предлагаетъ библіографическій обзоръ переводной и вообще заимствованной литературы извѣстной у насъ въ кіевскій періодъ. Въ приложеніяхъ напечатано нѣсколько литературныхъ произведеній (Житіе Владиміра, Память и похвала ему же. Уставъ бѣлеческій митрополита Георгія, церковные уставы Владиміра и Ярослава), уже извѣстныхъ изъ другихъ изданій, съ приведеніемъ къ нимъ варіантовъ по неизслѣдованнымъ еще рукописямъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе первой половины перваго тома „Исторіи русской церкви" г. Голубинскаго. Въ ней во всей много новаго, много любопытнаго, но особенный интересъ представляютъ тѣ мѣста, гдѣ говорится о нашихъ церковныхъ древностяхъ и предлагаются характеристики литературныхъ памятниковъ. Наши церковныя древности находятся нѣсколько въ забросѣ у нашихъ изслѣдователей, причиною чего, вѣроятно, недостаточность и темнота значительной части дошедшихъ до насъ свѣдѣній о нихъ; но г. Голубинскому пришла мысль устранить по мѣрѣ возможности эти недостаточность и темноту путемъ отождествленія нашихъ церковныхъ древностей съ византійскими, и дополненія свѣдѣній о первыхъ свѣдѣніями о послѣднихъ. О томъ, каковъ былъ результатъ такого метода изслѣдованія, можно судить по слѣдующему примѣру. Мы часто употребляемъ слово наканунѣ; въ календаряхъ находимъ слово канунъ, какъ названіе дня, предшествующаго празднику; въ памятникахъ древней литературы это слово встрѣчаемъ въ другомъ, почти непонятномъ для насъ, смыслѣ; напримѣръ, въ Стоглавѣ, въ 13-й главѣ, мы читаемъ: „другой полъ олтаря кутейникъ зовется и въ него вносится о здравіи коливо и канонъ и прочее брашно; ... тако же и по отшедшихъ душахъ въ немъ понахиды поютъ и приносятъ кутьи и канонъ и прочее брашно, еже церковникомъ на потребу" (по изданію Кожанчикова, стр. 74—75). Ученые до сихъ поръ отождествляли слово канунъ со словомъ канонъ—правило, пѣсенное послѣдованіе (напримѣръ Miklosich, Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. p. 282). Но вотъ что говоритъ о немъ г. Голубинскій: „Названіе канунъ происходитъ не отъ каноновъ, а есть греческое κανοῦν. Греческое κανοῦν, сокращенное изъ κανεῦν, собственно значитъ корзина, сплетенная изъ тростника (κάννη), а переносно значитъ даръ, подарокъ, приношеніе, и именно по первоначальному употребленію — даръ изъ брашнъ, фруктовъ и овощей, такъ какъ эти дары приносились или посылались въ корзинахъ. Дни, предшествующіе праздникамъ, получили у насъ названіе кануновъ отъ того, что въ древнее время былъ у насъ, вслѣдъ за Греціей, обычай, приносить на вечерни въ эти дни, вмѣстѣ съ кутьею въ честь праздниковъ или святыхъ, брашна и овощи въ даръ священникамъ (которые пѣли надъ ними заздравный молебенъ, назы-

вавшійся также капуномъ)" (стр. 441). Столь же любопытно и то, что говоритъ г. Голубинскій о клирѣ или клиросѣ (стр. 323), о епископскихъ намѣстникахъ (стр. 329), о прощенникахъ (стр. 361), о дьякахъ (стр. 392 сл.), о просфорахъ и о происхожденіи просвирень (стр. 394 сл.), о причинѣ названія перваго воскресенья великаго поста сборнымъ (стр. 399), о придѣлахъ (стр. 417), о священническихъ рясахъ (стр. 465 сл.), о священническомъ гуменцѣ (тонзурѣ) (стр. 476 сл.) и пр.

Наша древняя литература не пользуется сочувствіемъ г. Голубинскаго. „Отличительная черта нашей письменности, говоритъ онъ, есть та, что она неподвижно оставалась все на одной и той же степени, съ которой началась, что она не имѣетъ исторіи въ смыслѣ постепеннаго движенія впередъ, или развитія и усовершенствованія. Наши писатели слѣдуютъ одинъ за другимъ въ преемствѣ времени или хронологическомъ порядкѣ, но не составляютъ между собою ни малѣйшаго преемства внутренняго и ни малѣйшаго порядка прогрессивно-историческаго. Какъ неподвижно было состояніе нашей умственной жизни, такъ неподвижно было состояніе и нашей письменности. Исторія нашей письменности домонгольскаго періода, какъ и послѣдующаго долгаго времени, есть не столько настоящая исторія, въ которой бы нельзя было измѣнить и нарушить внѣшней связи, сколько механическая библіографія, въ которой по произволу можно начинать, откуда угодно — съ начала, середины и конца. Наша письменность имѣла до нѣкоторой степени только внѣшнюю исторію, именно исторію внѣшней формы и внѣшнихъ пріемовъ" (стр. 614). Это впрочемъ нисколько не мѣшаетъ автору дать прекрасныя характеристики всѣхъ памятниковъ нашей древней литературы домонгольскаго времени, изъ которыхъ одна особенно замѣчательна по своей оригинальности. Это характеристика Слова или Моленія Даніила Заточника. До сихъ поръ на Даніила смотрѣли какъ на человѣка серьезнаго, желавшаго поучить и чрезъ это умолить своего князя и предложившаго ему съ этою цѣлью рядъ своихъ и чужихъ афоризмовъ. Для преосвященнаго Филарета харьковскаго Слово Даніила— „плодъ русской христіанской мудрости, благодушной среди скорбей" (Обзоръ русской духовной литературы); для проф. Буслаева оно „такое произведеніе, которое какъ въ своемъ содержаніи, такъ и въ лицѣ самого автора представляетъ печальный разладъ между идеаломъ и дѣйствительностью, между симпатичною личностью автора и жалкою его судьбою" (Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, т. II, стр. 94). И для г. Голубинскаго Слово — вещь замѣчательная, но только „какъ курьезъ, показывающій, что и въ періодъ домонгольскій были у насъ писатели, что называется съ вывороченной головою или печальные геніи — шуты". Цѣль, съ которою писалъ Даніилъ свое Слово, была, по мнѣнію г. Голубинскаго, получить освобожденіе, однако оно вовсе не моленіе. „Даніилъ воображаетъ себя величайшимъ мудрецомъ и какъ бы вторымъ Соломономъ и слагаетъ для князя нравоучительное слово о томъ и семъ и о tritum pertritum, которое онъ, какъ самъ сознается, повыписалъ изъ книгъ; это премудрѣйшее слово должно доказать князю то, что думаетъ о себѣ онъ самъ, а за симъ должно послѣдовать и освобожденіе, ибо такую тучу художества и ума, какъ говоритъ о себѣ Даніилъ, должно пустить на землю, т. е. такого мудреца странно держать въ заключеніи. По содержанію своему Слово есть нескладный рядъ нравоученій à la Соломонъ и Сирахъ, отчасти обращенныхъ къ князю, котораго нашъ мудрецъ поучаетъ безъ всякой церемоніи, отчасти ни къ кому или ко всѣмъ. Свои премудрыя рѣчи нашъ новый Соломонъ безъ всякаго жеманнаго скромничанья начинаетъ такимъ воззваніемъ: вострубимъ, братіе, яко въ златокованныя трубы, въ разумъ ума своего и начнемъ бити сребреные арганы и возвѣемъ мудрости своя, и затѣмъ далѣе, тоже безъ всякой церемоніи, неоднократно заявляетъ о своемъ великомъ умѣ, подъ потокъ капель котораго только подставляй скудельничи сосуды" (стр. 705—706).

Библіографическій обзоръ существовавшей у насъ въ періодъ домонгольскій переводной и вообще заимствованной письменности, составленъ г. Голубинскимъ довольно тщательно, хотя представляетъ не мало пробѣловъ и коегдѣ невѣрности; такъ мы замѣтили пропускъ: поученій Ксенофонта и Өеодоры дѣтямъ (въ Святославовомъ Изборникѣ 1076 года), апокрифическаго „Слова отъ видѣнія апостола Павла", изъ которыхъ приводится выписка въ „Словѣ нѣкоего христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ" (о немъ у нашего автора на стр. 681) и апокрифическихъ же Житья Макарія Римскаго и Хожденія Зосимы къ Рахманамъ, которыми пользовался въ первой половинѣ XIV вѣка новгородскій архіепископъ Василій; при тщательной провѣркѣ найдутся, навѣрное, и другіе пробѣлы. Положительно не вѣрно сужденіе г. Голубинскаго о такъ называемъ Святославомъ Изборникѣ 1076 года. „Сличеніе съ Изборникомъ 1073 года, говоритъ г. Голубинскій, и запись писца не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что сборникъ есть подлогъ, но подлогъ, какъ представляется вѣроятнѣйшимъ думать, не въ томъ смыслѣ, чтобы сфабрикованъ былъ въ XVIII вѣкѣ, ибо наши фальсификаторы XVIII вѣка были весьма невѣжественны, а въ томъ смыслѣ, что рукопись XIII—XIV вѣка была посредствомъ поддѣланной записи писца перенесена въ XI вѣкъ" (стр. 754). Если и давать вѣру палеографическимъ соображеніямъ Кеппена и Срезневскаго, то и въ этомъ случаѣ, на основаніи данныхъ языка Изборника 1076 года, невозможно относить его далѣе конца XII или начала XIII вѣка и при этомъ должно считать никакъ не за подлогъ, который въ XII—XIV вѣкѣ не имѣлъ ни малѣйшаго смысла, а за копію съ рукописи XI вѣка, сохранившую вмѣстѣ съ текстомъ и запись писца этой рукописи, точно также какъ сохранились въ копіяхъ болѣе поздняго времени записи попа Упиря Лихого 1047 года (книги пророческія; о нихъ у г. Голубинскаго на стр. 718) и игумена Сильвестра 1116 года (Лаврентьевскій списокъ лѣтописи).

При многихъ достоинствахъ „Исторія русской церкви" имѣетъ и нѣкоторые недостатки. Изложеніе г. Голубинскаго страдаетъ растянутостью и многословіемъ; небрежность слога доходитъ подчасъ до уродливости и мы встрѣчаемъ, напримѣръ, такія фразы: „Прежде чѣмъ говорить о головномъ покровѣ древнихъ священниковъ, скажемъ о томъ, какъ имѣли себя самыя ихъ головы, т. е. собственно волосы": „дѣло съ волосами ихъ было вовсе не такъ, какъ теперь" (стр. 476), „у насъ находились Греки, составлявшіе во первыхъ, свиту митрополитовъ, во вторыхъ, бывшіе при епископахъ, между послѣдними изъ которыхъ принадлежавшіе къ нимъ — грекамъ, почти никогда не переводились" (стр. 597). Сверхъ этого г. Голубинскій слишкомъ щедръ на гипотезы и иногда пускается въ длинныя разсужденія о такихъ предметахъ, какъ варяжскій вопросъ (стр. 48—54) или отношенія пресвитеровъ къ епископамъ въ древне-христіанской церкви (стр. 496—507), которые ни мало не касаются до исторіи русской церкви. Наконецъ онъ не соблюдаетъ надлежащей осторожности, когда обращается къ филологіи и представляетъ такія производства, какъ напримѣръ славянскаго роса отъ праславянскаго рось (?!) (стр. 51), русскаго бирки отъ нѣмецкаго Birke — береза (стр. 411). Но, не смотря на эти недостатки, сочиненіе г. Голубинскаго безспорно займетъ видное мѣсто въ нашей наукѣ и составляетъ значительный вкладъ въ нашу ученую литературу.

А. С—скій.

The Peasant-poets of Russia. By W. R. Morfill. London. 1880.

Англійскій ученый г. Морфилль пользуется вполнѣ заслуженною репутаціею весьма добросовѣстнаго изслѣдователя и популяризатора русской литературы въ Англіи. Время отъ времени, въ англійскихъ популярно-научныхъ періодическихъ изданіяхъ появляются его этюды, исполненные живого интереса, любви къ предмету и знанія дѣла. Одинъ изъ такихъ этюдовъ, напечатанный въ „Westminster Review“, подъ заглавіемъ „Русскіе-поэты изъ крестьянъ“, надняхъ любезно доставленъ намъ въ видѣ отдѣльнаго оттиска. Г. Морфилль представляетъ характеристику поэзіи Ломоносова, Кольцова, Шевченка, Слѣпушкина, Никитина и даже не такъ давно скончавшагося Сурикова. Авторъ этюда видимо перечиталъ все, что только имѣетъ дѣйствительную важность для вѣрной оцѣнки поименованныхъ представителей русской музы, вышедшихъ изъ народа. Прежде чѣмъ дать эту оцѣнку произведеній и указать ихъ отличительныя черты, г. Морфилль сообщаетъ существеннѣйшія біографическія свѣдѣнія о нашихъ поэтахъ, затѣмъ переводитъ на англійскій языкъ наиболѣе поддающіяся переводу мѣста въ стихотвореніяхъ ихъ и только тогда отмѣчаетъ главнѣйшія качества каждаго изъ названныхъ поэтовъ. Англійскій читатель изъ этюда г. Морфилля легко можетъ получить вѣрное представленіе о предметахъ вдохновенія, степени дарованія и глубины содержанія русскихъ поэтовъ, тѣмъ болѣе, что авторъ подыскалъ каждому изъ нихъ болѣе или менѣе подходящаго пѣвца и въ своей родной поэзіи.

Ѳ. Б.

Волга. Виктора Рагозина. Т. I. Спб. 1880.

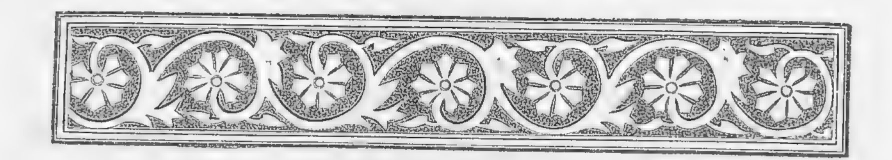
Популярно-научныхъ книгъ у насъ вообще немного, въ особенности же — географическаго содержанія. Предпріятіе, задуманное г. Рагозинымъ съ цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ примѣнительно къ волжскому бассейну, заслуживаетъ полнаго вниманія по его обширности, и по его выполненію, на сколько, по крайней мѣрѣ, позволяетъ судить объ этомъ вышеприведенный томъ. Все изданіе будетъ состоять изъ девяти томовъ; изъ нихъ первые три посвящены географическому описанію Волги, остальные шесть—описанію промышленной жизни волжскаго бассейна, земледѣлія, скотоводства, хлѣбной торговли, ихтіологической фауны, рыбной, соляной, фабричной и заводской промышленности, горнаго дѣла, кустарной и нефтяной промышленности, ярмарокъ, пароходства, желѣзныхъ дорогъ, подводныхъ путей. Изъ этого перечня рубрикъ видно, что предпріятіе это, если г. Рагозину удастся довести его до конца, обѣщаетъ быть въ высшей степени интереснымъ, полезнымъ и поучительнымъ.

Вышедшій пока томъ содержитъ въ себѣ географическое описаніе Волги лишь отъ ея истоковъ до сліянія съ Окою. Разсматриваемый районъ волжскаго бассейна описанъ въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Здѣсь и исторія его и строеніе береговъ рѣки, флора и фауна, минеральныя богатства и отчасти— правда, въ краткомъ довольно видѣ—этнографія. Мы не сдѣлаемъ упрека составителю за слишкомъ отрывочное описаніе быта мѣстнаго населенія, хорошо понимая, что выясненіе его найдетъ подобающее ему мѣсто въ будущихъ томахъ. Но за то нельзя пройти молчаніемъ весьма блѣдное и краткое изложеніе исторіи края. Если не считать такъ называемыхъ историческихъ конъектуръ, мало умѣстныхъ въ общедоступной книгѣ, то весь историческій очеркъ въ первомъ томѣ сведется къ повторенію самыхъ поверхностныхъ свѣдѣній, какія встрѣчаются въ любомъ учебникѣ.

Совсѣмъ иначе составленъ геологическій очеркъ края. Онъ отличается обстоятельностью, подробностью изложенія и массою любопытныхъ данныхъ, быть можетъ, впервые собранныхъ и приведенныхъ въ единство въ изданіи г. Рагозина. Вообще же книга г. Рагозина написана живо, картинно и мѣстами задушевно; помѣщенныя въ ней иллюстраціи исполнены чисто и отчетливо. Къ первому тому приложенъ атласъ и таблицы рѣкъ, рѣчекъ, нѣкоторыхъ ручьевъ, питающихъ Волгу, главнѣйшихъ волжскихъ притоковъ и самой Волги съ обозначеніемъ начальныхъ пунктовъ судоходства, пароходства, ширины, глубины, высоты уровня водъ, средняго паденія на версту, различныхъ видовъ мелей и притоковъ, а также алфавитный списокъ населенныхъ пунктовъ по Волгѣ въ Тверской губерніи. Короче сказать, „Волга“ г. Рагозина, и какъ справочная, и какъ книга для чтенія, принадлежитъ къ числу тѣхъ изданій, въ которыхъ очень нуждается русская публика.

Ѳ. Б.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Деревенскій лѣтописецъ.

НАМѢРЕНЪ познакомить читателей „Историческаго Вѣстника" съ однимъ безвѣстнымъ русскимъ лѣтописцемъ первой половины настоящаго столѣтія. Въ его краткой лѣтописи заключаются указанія на обыденную жизнь провинціальнаго захолустья. Въ ней говорится преимущественно о томъ, что особенно интересовало и волновало сельское населеніе, напримѣръ, объ урожаяхъ и такъ называемыхъ голодовкахъ, о пріѣздахъ въ деревенскую глушь губернскихъ сановниковъ, о семейныхъ событіяхъ самого автора и о чрезвычайныхъ происшествіяхъ, такъ или иначе нарушавшихъ обычное, тихое теченіе сельской жизни. Слѣдовательно, мой лѣтописецъ, о которомъ я сейчасъ поведу рѣчь, представитель лѣтописи особеннаго, новѣйшаго типа. Не о государственныхъ дѣлахъ и не о политическихъ матеріяхъ писалъ онъ, а о фактахъ деревенскаго захолустья. Такимъ образомъ его можно назвать деревенскимъ лѣтописцемъ. Къ сожалѣнію, я могъ воспользоваться только одною тетрадью нашей деревенской лѣтописи, въ которой описываются событія 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ. Въ началѣ тетради написано слѣдующее заглавіе: „Опыты моей жизни по части хозяйственной и прочимъ, съ 1812 года по 1857 годъ."

Авторъ „Опытовъ", священникъ о. Тимоѳей Лысогорскій, жилъ въ селѣ Двойнѣ, Тамбовскаго уѣзда. Это былъ замѣчательный знатокъ Библіи и человѣкъ весьма вліятельный во всемъ своемъ околоткѣ. Къ нему, какъ къ доброму пастырю, шли за совѣтами и наставленіями, не только крестьяне, но и сосѣди помѣщики. Около пятидесяти лѣтъ священствовалъ о. Тимоѳей Лысогорскій и за все это время, вслѣдствіе своего безкорыстія и прежнихъ консисторскихъ порядковъ, не получилъ ни одной служебной награды, даже набедренника. Такое постоянное и систематическое невниманіе тамбовскихъ епархіальныхъ властей къ священнослужителю села Двойни, между прочимъ, происходило отъ того, что о. Лысогорскій имѣлъ обыкновеніе объясняться съ епархіальными архіереями съ полною откровенностію, что, какъ извѣстно, далеко не всегда нравилось нѣкоторымъ изъ нихъ.

Однажды, по приказанію тамбовскаго архіерея Арсенія, впослѣдствіе кіевскаго митрополита, въ загородный архіерейскій домъ явилось множество сельскихъ священниковъ съ церковными книгами и кружками. Архіерей требовалъ ихъ для ревизіи церковныхъ суммъ. Шли сельскіе пастыри, въ томъ числѣ и о. Тимоѳей, большею частію пѣшкомъ, на пространствѣ пяти верстъ, при чемъ

церковныя кружки несли подъ мышками и въ это время у одного изъ нихъ нечаянно сломалась кружечная печать. За это архіерей Арсеній сталъ бранить провинившагося священника, подозрѣвая его въ похищеніи церковныхъ денегъ, и угрожать ему монастырскимъ заключеніемъ. Тогда о. Тимоѳей заплакалъ.

— Что ты плачешь? гнѣвно спросилъ его преосвященный.

— О вашей несправедливости, владыко, плачу...

Въ другой разъ, тотъ же архіерей Арсеній, хотѣлъ за что-то удалить изъ прихода самого о. Лысогорскаго.

— Я лишу тебя рясы и священства, говорилъ грозный тамбовскій епископъ.

— Можешь, преосвященный, лишить меня и рясы, и священства и даже куска хлѣба, но не долженъ, и слѣдовательно не лишишь.

Тамбовскій епископъ Аѳанасій довольно благосклонно относился къ о. Тимоѳею и разъ предложилъ ему какую-то награду и велѣлъ по этому поводу зайдти въ консисторію; но къ удивленію услышалъ отъ него такой отвѣтъ: „не надо мнѣ, ваше преосвященство, награды, да еще отъ консисторіи: и такъ проживу [1]).“

Приведенные факты рисуютъ намъ о. Лысогорскаго, повидимому, человѣкомъ несдержаннымъ и въ извѣстной степени гордымъ. Но онъ на самомъ дѣлѣ былъ только откровеннымъ человѣкомъ. А что онъ въ сущности былъ священникомъ, исполненнымъ христіанскаго смиренія, это видно изъ слѣдующаго:

Однажды о. Тимоѳей былъ въ домѣ тамбовской помѣщицы Колобовой. Тамъ же былъ и архимандритъ Платонъ, бывшій ректоръ тамбовской семинаріи, впослѣдствіи костромской архіепископъ. Между ними зашелъ разговоръ о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ жалѣть умирающихъ младенцевъ.

Архимандритъ Платонъ горячо спорилъ съ о. Лысогорскимъ и говорилъ, что младенцевъ жалѣть не стоитъ и даже грѣшно. Однако, о. Тимоѳей переспорилъ его, но, не желая пользоваться своимъ преимуществомъ, подошолъ къ о. архимандриту и поклонился ему до земли, испрашивая милостиваго прощенія за излишнюю смѣлость [2]).

Лѣтопись о. Тимоѳея Лысогорскаго, изъ которой въ настоящее время я приведу нѣсколько болѣе замѣчательныхъ выдержекъ, начинается описаніемъ одного семейнаго его торжества. Считаю не лишнимъ привести здѣсь это описаніе, такъ какъ оно отчасти характеризуетъ прошлый домашній бытъ нашего приходскаго духовенства.

„9-го октября 1832 года выдалъ я въ замужество старшую мою дочь за окончившаго курсъ богословскихъ наукъ П. Ф. Никольскаго. Радость моя тѣмъ совершеннѣе, что выдана она съ должною для христіанъ честію. Награждена она восемью платьями ситцевыми, двумя бѣлыми, 400 рублями, двумя лошадьми, двумя коровами, рясою да полукафтаньемъ суконными, да тулупомъ калмыцкимъ; шубы были у нея одна гарнитуровая, шубочка штофная, шуба нанковая, платье подвѣнечное шолковое...“

---

[1]) Къ характеристикѣ прежней тамбовской консисторіи можно отнести слѣдующій фактъ. Въ 1822 году епископъ Ѳеофилактъ велѣлъ всѣмъ консисторскимъ повытчикамъ справиться каждому въ своемъ повытьи: нѣтъ ли у нихъ свѣдѣній о суевѣріяхъ и о прочемъ... И на это получилъ коллективный отвѣтъ: „суевѣрій въ тамбовской эпархіи нѣтъ никакихъ и все обстоитъ благополучно.“

[2]) Личность о. Тимоѳея Лысогорскаго представляется намъ тѣмъ въ лучшемъ свѣтѣ, что въ его времена тамбовское духовенство, какъ извѣстно, было вообще далеко не въ удовлетворительномъ состояніи.

О. Тимоѳей былъ для своей деревенской паствы не только духовнымъ руководителемъ и совершителемъ церковныхъ требъ, но и врачемъ. Поэтому въ его лѣтописныхъ замѣткахъ заключается очень много простонародныхъ рецептовъ отъ разныхъ болѣзней. Вотъ напримѣръ какое лѣкарство предлагаетъ онъ отъ укушенія змѣи.

„Какъ скоро укуситъ змѣя человѣка или скотину и отъ того самаго сдѣлается великая опухоль, то взять самаго простого листового табаку, намочить въ уксусѣ или кисломъ квасу, истолочь хорошенько и тотчасъ приложить на ужаленное мѣсто и отъ сего вскорѣ ядъ уничтожится и опухоль пропадетъ."

А вотъ рецептъ нашего лѣтописца отъ укушенія бѣшеной собаки.

„Съ половины мая и до половы іюня въ степи или въ лѣсу отыскать большую муравьиную кучу, разрыть ее и нашедши тамъ два или болѣе орѣха положить оные орѣхи въ стеклянную банку; завязавъ обернутою бумагою отыкать иглою на бумагѣ, какъ можно больше скважинъ, послѣ чего изъ тѣхъ орѣховъ выведутся жуки, цвѣту зеленаго, тогда оные высушивъ давать больному человѣку въ молокѣ по одной рюмкѣ не болѣе половины того жука и отъ сего человѣкъ будетъ спать болѣе сутокъ и болѣзнь его прекратится. Барану давать сіе же лѣкарство въ водѣ, свиньѣ и собакѣ въ хлѣбѣ. Рогатому скоту и лошадямъ давать въ десять разъ больше."

Различныя явленія природы составляли предметъ особенно тщательныхъ наблюденій о. Лысогорскаго. Замѣтки о нихъ были слѣдующаго рода:

„1830 года, на второй день Рождества Христова, вечеромъ было на небѣ, на с. з., сѣверное сіяніе. Сперва похоже было на зорю, а потомъ были какъ будто бы лучи отъ солнца. Потомъ сдѣлалась бѣловатая дуга."

„28 мая 1834 года Богъ послалъ на насъ такую тучу съ громомъ, отъ котораго гулу все село перепугалось. Градъ былъ въ гусиное яйцо и побило много гусенятъ и гусей до смерти. У меня побило 12 до смерти, у пономаря 13 гусенятъ, у крестьянина Семена Миронова, убило ворону на сараѣ. Телятъ много побило до полусмерти. Вся земля была изрыта, какъ бы мышами."

Особенно часто въ нашей лѣтописи встрѣчаются указанія на голодные годы. Напримѣръ:

„Въ 1842 году, пишетъ о. Тимоѳей Лысогорскій, съ самаго начала онаго по самый свѣтлый праздникъ люди крайне нуждались въ хлѣбѣ, соломѣ и сѣнѣ и прочихъ всѣхъ жизненныхъ продовольствіяхъ и потому почти всѣ побирались. Ѣли сперва лебеду, жолуди, овесъ, потомъ гречишную мякину съ малымъ количествомъ муки. Люди больны были цѣлыми семьями, кто лихорадкою, кто цынготною болѣзнію. Отъ сей послѣдней болѣзни лѣчили такъ: ноги обкладывали напушнымъ пареным табакомъ, трухою и крапивою, а въ ротъ брали оттопленный дубовый листъ и кору и между прочимъ ѣли лукъ и всякую кислоту. Въ нѣкоторыхъ селахъ смертность была чрезвычайная".

Объясняя причины этаго голода, лѣтописецъ села Двойни говоритъ слѣдующее:

„Въ 1841 году сдѣлалась засуха, на поляхъ появился червь. Когда же мѣстами налился колосъ, то сталъ дуть такой вѣтеръ, что и на корню и при возкѣ хлѣбъ осыпался, такъ что пшеница совсѣмъ пропала. Кромѣ того, градъ такой былъ, что всѣ боялись свѣтопреставленія."

Въ іюнѣ 1842 года было извѣстное солнечное затмѣніе. О немъ въ лѣтописи записано такъ.

„26 іюня 1842 года во время тамбовской десятой ярмарки было затмѣніе солнечное, которое продолжалось не болѣе 2-хъ минутъ. Въ сіе время люди крайне испугались, ярмарка разбѣжалась, по дворамъ вопили, даже птицы и скоты стали кричать необыкновеннымъ голосомъ. День былъ какъ ночь. Многія звѣзды видимы были на небѣ."

Сравнительно подробно о. Тимоѳей описываетъ пріѣздъ въ село Двойню тамбовскаго епископа Арсенія.

„5 іюля 1835 года, повѣствуетъ онъ, къ намъ обѣщалъ пріѣхать епископъ и кавалеръ Арсеній. Двое нашихъ караульныхъ стояли у пашни и какъ увидѣли архіерейскую карету, то дали намъ знать объ этомъ. Между тѣмъ мы давно уже съ стариками стояли у колокольни съ большимъ пшеничнымъ хлѣбомъ и солью. На мнѣ были лучшія ризы, на діаконѣ лучшій стихарь. Дьячекъ и пономарь стояли съ подсвѣчниками. Пріѣзжаетъ преосвященный. Со страхомъ подалъ я ему св. крестъ и пошелъ въ церковь, а преосвященный за нами. Шолъ онъ до самыхъ царскихъ вратъ по бѣлому холсту, нарочно постланному. Отслужили литію. Сталъ я звать владыку къ себѣ: удостойте де меня вашимъ архипастырскимъ посѣщеніемъ. Преосвященный смилостивился. И когда онъ ѣхалъ до моего двора, то у всѣхъ крестьянскихъ воротъ были поставлены столы съ скатертями, съ хлѣбомъ и солью. У меня на дворѣ все усыпано было пескомъ. Мы съ попадьею ждали преосвященнаго у воротъ и поклонились до земли. Благословилъ онъ насъ и стали мы угощать его въ горницѣ. Подали мы ему сотерну въ 2 р. 50 к., мадеры въ 3 р., горскаго въ 1 р. 25 к. и полушампанскаго. Изъ яствъ было у насъ: сельди голандскія, икра въ 1 р. 40 к. за фунтъ, бѣлорыбица по 85 к., осетрина по 80 к. за фунтъ и балыкъ тоже, свѣжіе пискари, караси и язи. Преосвященный кушалъ мало, ибо передъ пріѣздомъ къ намъ обѣдалъ въ селѣ Волчкѣ у помѣщика Давыдова.“

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ встрѣчи епископа Арсенія съ о. Тимоѳеемъ былъ слѣдующій трагическій случай, едва не окончившійся смертію нашего лѣтописца. Передаемъ объ этомъ случаѣ словами нашей лѣтописи.

„1835 года, 2 іюля. Видимая сила Божія покрыла меня на 45 году моей жизни. Это было такъ. Бѣглый солдатъ моего прихода Василій Головкинъ назадъ тому два года поймапъ былъ мною на свѣтлой недѣлѣ во вторникъ, представленъ въ судъ и послѣ того прошелъ сквозь строй чрезъ 1500 человѣкъ солдатъ и былъ близъ смерти. Возненавидѣлъ меня солдатъ Василій, снова убѣжалъ изъ полку и началъ мнѣ грозить, то уводомъ лошадей, то пожаромъ, то убійствомъ. „Коли хочешь ты, говорилъ онъ мнѣ черезъ посланныхъ,—быть живымъ, то заплати мнѣ 200 рублей“. 2 іюля подъѣхалъ къ моему дому солдатъ Василій, утромъ, въ самую страдную пору и закричалъ мнѣ: „хочешь ли попъ мириться со мною?“ Тогда я выбѣжалъ съ своими работниками на улицу и сталъ кричать: караулъ! Но никто изъ сосѣдей на этотъ крикъ не выбѣжалъ и защиты мнѣ никакой не учинилъ, ибо всѣ почти держали его руку. Многія бабы наши, боясь его, подчивали его даже виномъ и ветчиною. Уѣхалъ Василій, а я пошелъ къ засѣдателю Кривенцеву, который съ офицеромъ Ознобишинымъ, да съ солдатами, и началъ дѣлать обыскъ. Нашли мы Василія во ржи. Глаза его были кровавые, впалые, лицо блѣдное, морщинистое, щеки выпуклыя и широкія, носъ острый, поздри раздувающіяся; хватился онъ за свой кинжалъ и пошелъ прямо на народъ. Какой ужасъ овладѣлъ нами! Всѣ оторопѣли, не смотря на то, что у многихъ были желѣзныя вилы, шесты и дубинки. Бросился на Василія одинъ только Ознобишинъ, но получилъ легкій ударъ кинжаломъ въ животъ. Тогда разбойника окружили (всѣхъ насъ было человѣкъ 20). Но онъ гонялся за всѣми и кричалъ: „не умру, пока не положу человѣкъ 5 мертвыхъ. Живой не отдамся въ руки“. Въ это время я подошелъ къ народу и сталъ убѣждать его поймать разбойника, но тотъ прорвался сквозь толпу и уже занесъ надо мною кинжалъ, какъ вдругъ подбѣжалъ къ намъ однодворецъ Максимъ Ильинъ и находившимся въ рукахъ у него ружьемъ ударилъ по кинжалу и вышибъ его и такимъ образомъ спасъ меня отъ смерти. Отъ страха я не чувствовалъ: живъ ли я былъ въ то время, или нѣтъ. И все таки Василія не захватили, съ него успѣли только сбить парикъ. Между тѣмъ онъ бросилъ солдатамъ 4 полтинника, съ тою цѣлью, чтобы они его не ловили, которыя деньги и взялъ унтеръ-офицеръ Ефимъ Федоровъ не стыдяся и не боясь. Тогда засѣдатель Кривенцевъ собралъ понятыхъ. День склонялся уже

къ вечеру. Послали за ружьемъ къ помѣщику Иванову, но онъ, горя ревностію къ общему благу, пріѣхалъ самъ и застрѣлилъ Василія. Застрѣлилъ онъ его подъ кустомъ, который и сталъ послѣ того называться Головкинымъ. За нѣсколько часовъ до смерти Головкинъ говорилъ нашимъ понятымъ: „разрубите попа на 4 части, будетъ у васъ 4 попа.“ Въ тоже время, желая показать всѣмъ, что жизнь ему не дорога, онъ сильно разрѣзалъ себѣ колѣнку кинжаломъ и послѣ того плясалъ и пѣлъ.“

Въ лѣтописи о. Тимоѳея Лысогорскаго, кромѣ разныхъ бытовыхъ чертъ, встрѣчаются отзывы о нѣкоторыхъ тамбовскихъ архіереяхъ. Отзывы эти чрезвычайно кратки. Очевидно, нашъ авторъ, по своему смиренію, не считалъ себя въ правѣ много говорить о лицахъ высокопоставленныхъ, на которыхъ онъ конечно смотрѣлъ съ извѣстной точки зрѣнія. Впрочемъ отзывы о. Тимоѳея были далеки отъ раболѣпства и лести предъ высокопоставленными особами.

„Епископъ тамбовскій Ѳеодосій, сказано въ лѣтописи, при Екатеринѣ II, за взятки при наборѣ, съ церковниковъ былъ судимъ, запрещенъ, но опять прощенъ. Епископъ Ѳеофилъ, преемникъ Ѳеодосія, тоже былъ судимъ за взятки при императорѣ Александрѣ Павловичѣ, но сей оправдался и получилъ за сіе орденъ св. Анны. Епископъ Ѳеофилактъ—добрѣйшій человѣкъ. Епископъ Арсеній—человѣкъ ученѣйшій. Епископъ Николай—по ученію превосходный, по добротѣ сердца примѣрный и по любви къ намъ сердобольный отецъ [1].“

Проживая въ своей деревенской глуши, о. Тимоѳей былъ отзывчивъ и на разныя политическія событія. Онъ выписывалъ на свои скудныя средства одну московскую газету и впечатлѣніями отъ прочитаннаго дѣлился съ сосѣдними помѣщиками, которые очень его уважали, и съ прихожанами—крестьянами. Вотъ что, напримѣръ, писалъ отецъ Лысогорскій въ началѣ Крымской компаніи:

„28 января 1854 года черезъ Тамбовъ проходилъ Уральскій казачій полкъ. Они пошли на войну съ турками, которые въ Іерусалимѣ всѣхъ нашихъ христіанъ помучили и гробъ Господень отбили и цареградскихъ грековъ многихъ также умертвили такою жестокою смертію, что отъ одного воспоминанія содрагается сердце. Именно: инымъ носы отрѣзали, инымъ груди, иныхъ бросали въ кипятокъ, съ иныхъ живыхъ сдирали кожу. Одному нашему священнику деревянною пилою перепелили шею. У одной беременной женщины ребенка изъ чрева вырѣзали и въ глазахъ еще дышущей матери разорвали. Это,—по наивному мнѣнію нашего лѣтописца,—и заставило императора Николая Павловича объявить туркамъ войну.“

Въ заключеніе краткаго обзора лѣтописи о. Тимоѳея Лысогорскаго можетъ сказать только то, что нашъ авторъ былъ несомнѣнно человѣкъ весьма скромный и добродушный. Это видно между прочимъ изъ слѣдующаго:

Въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ въ тамбовской духовной семинаріи былъ однимъ учитель и помощникъ инспектора іеромонахъ Іеронимъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени вредный для семинаріи. Онъ покровительствовалъ шпіонству, іезуитству и былъ замѣчательно жестокимъ человѣкомъ. Жестокость его иногда принимала игривый характеръ. Однажды его послали ревизоромъ въ 1-е тамбовское духовное училище. Вызываетъ онъ одного хорошаго ученика. Тотъ сробѣлъ и сталъ немного путаться въ словахъ. Тогда Іеронимъ закричалъ: „повѣсить его!“ а между тѣмъ приказалъ сдѣлать веревочную петлю и собственноручно накинулъ ее на шею перепуганнаго ученика. Эффектъ вышелъ необыкновенный. Ученикъ побѣлѣлъ, какъ полотно, въ классѣ всѣ притаили дыханіе, а Іеронимъ самодовольно улыбался. Тяжелая память объ этомъ Іеронимѣ, вполнѣ заслуживающемъ особой монографіи, еще и доселѣ хранится среди тамбовскаго духовенства. И вотъ о такомъ-то субъектѣ, въ

[1]) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что преосвященный Николай изъ всѣхъ тамбовскихъ епископовъ пользуется доселѣ въ средѣ тамбовскаго духовенства наибольшими симпатіями.

пору особенно свирѣпой его дѣятельности, о. Лысогорскій нашелъ возможнымъ, не мудрствуя лукаво, сказать только, что „Іеронимъ—іеромонахъ зловредный".

Здѣсь я оканчиваю мою замѣтку, такъ какъ другія лѣтописныя выдержки изъ имѣющейся у меня тетрадки представляютъ болѣе или менѣе однообразное повтореніе уже сказаннаго [1]).

Сообщено **И. И. Дубасовымъ**.

Стихотворное прошеніе придворныхъ пѣвчихъ Журавля и Кружка, поданное царицѣ Екатеринѣ I.

Царскіе пѣвчіе, до преобразованій Петра Великаго, были въ большомъ почетѣ и совершенно обезпечены въ матерьяльномъ отношеніи: квартиру, одежду, пищу и питіе, получали они отъ царскаго хозяйства, и сверхъ того награды деньгами и платьемъ во всѣ праздники храмовые въ дворцовыхъ церквахъ. Петръ I, оставивъ Москву и Кремлевскій дворецъ и переселясь со всѣмъ дворомъ въ Петербургъ, измѣнилъ совершенно старый дворцовый хозяйственный строй. Царскіе пѣвчіе потеряли свое значеніе, и только изъ особенно любимыхъ Петромъ пѣвчихъ составился при царѣ небольшой хоръ. Остальные доживали свой вѣкъ кое какъ, на скудномъ содержаніи. Двое изъ такихъ забытыхъ пѣвуновъ, въ 1716 году, обратились къ императрицѣ Екатеринѣ I съ просьбой о пособіи. Просьба эта въ стихахъ и можетъ служить образцомъ стихотвореній первой половины XVIII столѣтія.

Усердно милости у тебя Государыня просимъ,
Что уже послѣднія рубашенки на себѣ носимъ
Питаніе намъ нынѣ самое нужное,
И житіе наше здѣсь вельми скучное.
Жены наши живутъ нужно въ Москвѣ
А мы здѣсь живемъ въ великой тоскѣ.
Питаніе имѣемъ деньгами кормовыми,
Пропитаться жъ не можемъ съ своими домовыми,
По алтыну только въ день беремъ
И изъ того на себѣ платишко деремъ.
Изъ Москвы къ намъ грамотки пишутъ
И слезными глазами на силу мижутъ.
Просятъ женишки наши отъ насъ нынѣ пищи
А мы здѣсь живемъ и сами нищи.
Умилостивися всемилостивѣйшая Царица Государыня
Пречестнѣйшая Всея Россіи Боярыня,
Пожалуй насъ нищихъ убогихъ
Срамныхъ, бѣдныхъ и безногихъ,
Ради здравія всемилостивѣйшаго Государя
Чтобъ ему правдою служили Бояря,

[1]) Объ о. Тимоѳеѣ Лысогорскомъ была напечатана замѣтка въ „Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" за 1874 годъ, стр. 740—741. Въ этой замѣткѣ нашъ лѣтописецъ представленъ священникомъ дѣльнымъ, разумнымъ и заботливымъ о благолѣпіи приходскаго храма. Авторъ замѣтки, священникъ Иловайскій, между прочимъ говоритъ слѣдующее: „замѣчательно обыкновеніе о. Тимоѳея дѣлать письменныя замѣтки о событіяхъ, имѣющихъ историческій или другой какой либо интересъ. Замѣтки эти сохранились на первыхъ листахъ нѣкоторыхъ церковныхъ книгъ. Такъ на книгѣ „Духовный Регламентъ" написано: „Государь императоръ Александръ Павловичъ изволилъ посѣщать насъ 1824 г., августа 26 дня, во вторникъ вечеромъ. Мы его встрѣчали съ хоругвями и образами, всѣ въ облаченіяхъ; росту онъ былъ высокаго, лицомъ бѣлъ и чистъ, плѣшивъ; глаза острые."

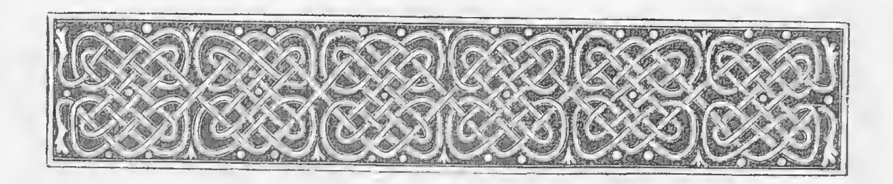
За что Господь Богъ продлитъ здравія и тебѣ Государынѣ
Всероссійской и милостивой нашей Боярынѣ
Подастъ Господь Богъ здравія великому Князю

Петру Алексѣевичу
и
Благороднымъ Царевнамъ
на многія лѣта.

А намъ убогимъ желаемая примѣта.
Журавль и Кружокъ
Милости просятъ.

Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.**

СМѢСЬ.

Панславянское общество основанное Петрашевскимъ. Заимствуемъ изъ статьи профессора Макушева, напечатанной въ газетѣ „Берегъ“ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія о недавно вышешей обширной книгѣ на польскомъ языкѣ подъ длиннымъ заглавіемъ: „Najpraktyczniejsza odezwa w imieniu zgodniemuślnych, szlachetnych, światłych i doświadczonych: Czechów i Lechów do takichże Russów rządzących i priwatnych, jako do swych bliżnich najbliższych to jest do swych braci Słovian i jako do jedynych możebnych zbawców Słowian zachodnich, południowych i środkowych, od hańbiącego Słowian ultramontanizmu i germanizacyi. (Pariż 1880, str. 413“). т. е. „Самое практическое воззваніе единодушныхъ, благородныхъ, образованныхъ и опытныхъ чеховъ и ляховъ къ такимъ же русскимъ, занимающимъ государственныя должности, и частнымъ лицамъ, какъ къ своимъ самымъ близкимъ, т. е. къ своимъ братьямъ славянамъ, и какъ къ единымъ возможнымъ спасителямъ славянъ западныхъ, южныхъ и центральныхъ, отъ постыднаго для славянъ ультрамонтанизма и германизаціи“.

Основная мысль этой книги—объединеніе славянъ подъ гегемоніею Россіи—не нова. Наиболѣе подробно ее развивали незабвенный словакъ Людевитъ Штуръ („Славянство и міръ будущаго“, переводъ профессора В. И. Ламанскаго) и просвѣщенный полякъ графъ Адамъ Гуровскій (La civilisation et la Russie. Spb. 1840); въ новѣйшее время эту идею проповѣдывали—изъ поляковъ—Кржививцкій (Polska i Russya w 1872 roku, Dresden (1872) и Микошевскій (La Pologne et la Russie dans la Slavie, Genève, 1872). Но съ гегемоніею Россіи въ славянскомъ мірѣ авторъ связываетъ „освобожденіе славянъ отъ постыдныхъ для нихъ ультрамонтанизма и германизаціи“. Онъ обращается къ намъ, русскимъ, „отъ имени единодушныхъ, благородныхъ, просвѣщенныхъ и опытныхъ чеховъ и ляховъ“. Такимъ образомъ его книга представляетъ сводъ мыслей, принадлежащихъ не ему одному, а цѣлому кружку, цѣлой партіи, и притомъ, какъ оказывается, весьма многочисленной (по словамъ автора, она состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ). На голосъ этой дружественной намъ партіи, объявляющей открытую войну папизму и германизму, нельзя не обратить вниманія.

Авторъ разсматриваемой книги оказывается г. Петрашевскій, мелкопомѣстный шляхтичъ изъ Литвы. Онъ сообщаетъ не мало любопытныхъ свѣдѣній о себѣ и основанномъ имъ панславянскомъ обществѣ.

Сорокъ семь лѣтъ тому назадъ, слѣдовательно въ 1833 году, родился Петрашевскій въ деревнѣ своихъ родителей, Савицке, лежащей между Кобриномъ и Брестомъ-Литовскимъ; учился сначала на родинѣ, а потомъ въ нѣсколькихъ университетахъ Западной Европы; по возвращеніи изъ-за границы сталъ помѣщикомъ и очень усердно занимался сельскимъ хозяйствомъ. Въ молодости съ увлеченіемъ изучалъ исторію ересей и познакомился съ ученіемъ не только еретиковъ первыхъ вѣковъ христіанства, но также богомоловъ (альбигойцевъ), гусситовъ, польскихъ и литовскихъ аріанъ и вольтеріанцевъ. Плодомъ этихъ занятій было разочарованіе, и онъ сталъ поэтомъ. Въ 1860 году онъ женился на дочери своего дяди, Петра Витановскаго, владѣльца деревни Свабиче и дворянскаго предводителя Пружанскаго уѣзда, человѣка благороднаго, всѣми уважаемаго, ученаго и притомъ одного изъ самыхъ большихъ патріотовъ славянскихъ. Витановскій укорялъ своего зятя, что онъ занимается, какъ молокососъ или барышня, такими пустяками, какъ подражаніе Ленартовичу, Крашевскому и т. п. и указалъ ему на болѣе достойныя его занятія славянщиною. Панславянскія теоріи Витановскаго сильно повліяли на молодого Петрашевскаго, и онъ сталъ проповѣдникомъ согласія, унін и объединенія всѣхъ славянъ подъ гегемоніею Россіи (108—118).

Для распространенія своихъ панславянскихъ идей, Петрашевскій отправился въ 1876 г. за границу, а въ апрѣлѣ того же года основалъ въ Львовѣ и Краковѣ нѣсколько отдѣленій (Gron) патріотическаго общества религіозно-панславянскаго. Изъ Галиціи онъ поѣхалъ въ Познань, гдѣ въ маѣ мѣсяцѣ открылъ еще нѣсколько такихъ же отдѣленій; потомъ въ томъ же мѣсяцѣ съѣздилъ въ столицы Чехіи и Моравіи и съ помощью рекомендательныхъ писемъ навербовалъ и тамъ своихъ послѣдователей. По его словамъ, просвѣщенные и опытные поляки, чехи и мораване, недовольные австрійскою конституціею, обходящею славянскіе интересы, весьма сочувственно относятся къ объединенію славянъ подъ гегемоніею Россіи. Члены всѣхъ этихъ отдѣленій, польскихъ и чешскихъ, выбрали изъ среды своей секретарей, которые находятся въ перепискѣ съ генеральнымъ секретаремъ общества т. е. Петрашевскимъ (336—337). По его приглашенію, въ іюлѣ нѣсколько секретарей или предсѣдателей отдѣленій пріѣхали изъ Праги, Познани, Кракова и Львова въ Вратиславъ (Breslau) для общихъ совѣщаній. На этомъ съѣздѣ былъ утвержденъ статутъ общества, составленный Петрашевскимъ. По этому статуту цѣль общества состоитъ въ пропагандированіи идей о соглашеніи, соединеніи и объединеніи славянъ подъ гегемоніею Россіи и въ противодѣйствіи германизаціи и папизму, а членами общества могутъ быть всѣ незаподозрѣнные славянскіе патріоты обоего пола, съ тою только разницею, что женщины не могутъ участвовать въ публичныхъ совѣщаніяхъ. Экземпляръ статута, подписанный всѣми присутствовавшими, былъ вложенъ въ толстый графинъ изъ чешскаго стекла, запечатанъ и зарытъ въ землю; а всѣ они, поднявъ правую руку къ небу, поклялись не открывать имени ни одного изъ членовъ общества. На этомъ же съѣздѣ было постановлено, чтобы каждый, кто только можетъ, старался объ основаніи отдѣленій общества въ Конгресувкѣ, Литвѣ и Россіи, и чтобы, въ виду укрѣпленія нѣмцами Познаня и Торуня, Петрашевскій просилъ наше правительство объ укрѣпленіи города Пыздры, прозваннаго уже нѣмцами „Peisern", весьма важнаго стратегическаго пункта въ Привислянскомъ краѣ. На одномъ изъ слѣдующихъ собраній, было рѣшено просить наше правительство, чтобы оно ввело латинскій шрифтъ, дабы всѣ славяне могли легко читать русскія газеты. Послѣ этихъ совѣщаній, нѣсколько членовъ, имѣвшихъ паспорты, отправились для пропаганды въ Конгресувку, Литву и Россію. Туда же поѣхалъ и неимѣвшій паспорта Петрашевскій съ женою (340—343). Получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Россію, Петрашевскій началъ пропагандировать свои идеи въ Варшавѣ между литвинами (т. е. поляками изъ западно-русскихъ губерній), „весьма

многочисленными въ столицѣ Мазовша и всегда весьма склонными къ братскому согласію". Политическая пропаганда между ними не совсѣмъ удалась, но они охотно поддались пропагандѣ экономической и согласились покупать товары, на сколько возможно, только отъ купцовъ, носящихъ славянскія имена, „ради обогащенія несомнѣнныхъ славянъ, т. е. неимѣющихъ нѣмецкихъ фамилій". Этою мѣрою Петрашевскій надѣется отнять у нѣмцевъ охоту къ поселенію между чешскими, польскими и русскими славянами, и тѣмъ прекратить увеличеніе гражданскихъ форпостовъ пангерманизма, подъ личиною торговли и промышленности. „Притомъ, думаетъ онъ, такая пропаганда заставитъ нѣкоторыхъ жидовъ, носящихъ нѣмецкія фамиліи, перемѣнить ихъ на славянскія, — польскія или русскія, и тѣмъ увеличитъ число несомнѣнныхъ (?!) славянъ" (346).

Позже, нѣсколько пріятелей Петрашевскаго собрались въ домѣ одного изъ нихъ на улицѣ Лѣшной для совѣщаній объ увеличеніи числа отдѣленій патріотическаго общества. Послѣ рѣчи Петрашевскаго, присутствовавшіе на этомъ собраніи согласились „простить братьямъ-русскимъ свои обиды", но жаловались, что поляки не пользуются одинаковыми съ русскими правами относительно землевладѣнія и занятія государственныхъ должностей, что русскіе употребляютъ средневѣковыя буквы, ложно называемыя старославянскими, а потому рѣшили просить наше правительство объ уравненіи поляковъ въ правахъ съ русскими и о введеніи у насъ въ употребленіе общеевропейской, латинской азбуки, ради сближенія съ западными славянами. При этомъ было сдѣлано еще слѣдующее заявленіе: „чтобы братья наши русскіе не считали насъ консерваторами или фанатиками, рѣшительно заявляемъ, что мы нисколько не будемъ противиться, если русскіе замѣнятъ всѣ римскіе костёлы и костёлки въ Литвѣ и Польшѣ славянскими церквами и часовнями, и притомъ желаемъ, чтобы приказали священникамъ жениться и не отличаться отъ свѣтскихъ одеждою". На этомъ же собраніи было рѣшено сдѣлать слѣдующее дополненіе къ статуту общества: „въ члены общества безусловно не принимаются не только лица, носящія не-славянскія фамиліи, но также всякій, имѣющій иностранный титулъ графа или барона; славянскіе же князья допускаются въ члены общества наравнѣ съ мелкою шляхтою". Такое постановленіе было мотивировано тѣмъ, что лица, носящія иностранные титулы, рады были бы только импонировать, интриговать и іезуитничать. Затѣмъ, былъ введенъ парламентарный порядокъ въ собраніяхъ общества и наконецъ постановлено сдѣлать слѣдующее замѣчательное дополненіе къ седьмому параграфу статута: „если бы даже русское правительство запретило говорить по-польски на улицахъ Вильно и Варшавы, все-таки согласіе и унія чеховъ, ляховъ и литвиновъ съ русскими противъ соединеннаго пангерманизма, т. е. противъ бранденбурговъ и австріаковъ, крайне неизбѣжны и потому наше патріотическое общество, религіозно-панславянское, никогда не можетъ закрыться" (349—352).

Въ Варшавѣ было учреждено нѣсколько отдѣленій общества подъ предсѣдательствомъ секретарей.

Подробностей о пропагандѣ въ Литвѣ и Россіи авторъ не сообщаетъ: онъ говоритъ только, что въ Вильнѣ были также основаны отдѣленія общества и что въ члены варшавскаго и виленскаго отдѣленій поступило нѣсколько русскихъ, которые приняли латиницу и западный календарь. Эти „русскіе" переписывались съ Петрашевскимъ на русскомъ языкѣ, но латиницею, и онъ счелъ нужнымъ напечатать письмо одного „изъ этихъ благородныхъ русскихъ", писанное латинскою азбукою и польскимъ правописаніемъ. Но что оно писано не русскимъ, а полякомъ, видно изъ неправильности языка и встрѣчающихся въ немъ полонизмовъ.

Ради курьеза же приводимъ въ точномъ переводѣ профессора Макушева слѣдующій отрывокъ изъ книги Петрашевскаго (стр. 371—372):

„На вчерашнемъ (10-го августа 1879) вечернемъ собраніи 14 секретарей виленскихъ отдѣленій нашего общества, изъ которыхъ 11 ляховъ и литвиновъ изъ всѣхъ странъ, а трое русскихъ, постановили... что всѣ члены всѣхъ отдѣленій этого общества обязаны... стараться, на сколько возможно, чтобы русское правительство дозволило: 1) чтобы вывѣски, надписи и афиши въ Вильнѣ были писаны и печатаны общеевропейскими буквами; 2) чтобы извощики (zwoszczyki) въ Вильнѣ были одѣты по-европейски, 3) чтобы въ Виленскомъ театрѣ артисты играли попеременно одинъ день по-польски, а другой день по-русски; 4) чтобы старинный памятникъ несогласія и неуніи или образъ римской богини, находящійся въ Вильнѣ на воротахъ, ложно называемыхъ „Острыми", былъ отосланъ въ подарокъ предсѣдателю авгуровъ новоримскаго оракула (т. е. папѣ), а самыя ворота и улица были расширены; 5) чтобы на мѣсто нынѣшняго памятника несогласія и неуніи или деморализаціи славянъ, т. е. на мѣсто часовни, былъ поставленъ памятникъ братскаго согласія и уніи, т. е. памятникъ чеха, лѣха и руса, трехъ братьевъ славянъ, подающихъ другъ другу руки; 6) чтобы такіе же памятники согласія и уніи были поставлены во всѣхъ городахъ Россіи, Литвы и Ляхіи, и въ числѣ ихъ въ Варшавѣ на мѣсто памятника шведа Вазы, т. е. Сигизмунда іезуита; 7) чтобы панславянское русское правительство позволило въ Вильнѣ печатать ляшскія газеты и устроить польскія читальни при книжныхъ магазинахъ; 8) чтобы тоже правительство приказало перенесть университетъ и политехнику изъ Дерпта и Риги въ Вильно... 9) чтобы тоже панславянское русское правительство замѣнило всѣ церкви въ Вильнѣ, такъ называемыя „православныя" и „римско-католическія", славянскими святынями общими чехамъ, ляхамъ, литвинамъ и русскимъ и чтобы приказало всѣмъ священникамъ ляшскимъ, литовскимъ и русскимъ, жениться и носить такую одежду, какую носятъ вообще городскіе жители въ Европѣ и государственные чиновники. Все это панславянское русское правительство можетъ сдѣлать легче, чѣмъ правительства конституціонно-іезуитскія".

На томъ же собраніи было рѣшено издать воззваніе къ русскимъ и вести устно и письменно черезъ знакомыхъ пропаганду анти-австрійскую и анти-ультрамонтанскую.

10-го сентября 1879 года посѣтили Петрашевскаго два русскихъ литератора изъ партіи младорусовъ, прибывшіе нарочно изъ С.-Петербурга въ Вильно, чтобы съ нимъ познакомиться и переговорить. Поблагодаривъ Петрашевскаго за его дѣятельность и высказавъ ему полное сочувствіе, старшій изъ нихъ замѣтилъ ему: „Въ одномъ мы не соглашаемся съ вами: вы не хотите конституціи, потому что прусскія и австрійскія конституціи безполезны для славянъ, а полезны только ультрамонтанофиламъ и германофиламъ; мы же, младорусы, стремимся къ славянской конституціи и не хотимъ, чтобы вы намъ мѣшали въ этихъ нашихъ стремленіяхъ, иначе мы будемъ принуждены кричать противъ васъ въ газетахъ, что вы — фанатикъ и ретроградъ, о чемъ васъ предупреждаемъ".

Поблагодаривъ за такое предупрежденіе Петрашевскій сказалъ: „васъ не болѣе тысячи, а насъ нѣсколько сотъ тысячъ; дѣйствуйте, какъ хотите, и оставьте насъ дѣйствовать, какъ мы хотимъ и можемъ". Затѣмъ онъ обратился къ посѣтителямъ съ вопросомъ: „скажите лучше, чего хочетъ Драгомановъ съ своею партіею русскихъ коммунистовъ, называемыхъ нигилистами"?

— „Чортъ ихъ знаетъ, чего они хотятъ (Czort ich znajet, czewo oni chotiat)", отвѣчалъ младшій изъ нихъ, которому однако было подъ 50 лѣтъ.

„Нигилисты сами не знаютъ чего хотятъ, или лучше хотятъ „nihil", т. е. ничего, что въ переносномъ смыслѣ значитъ: всего. Они хотятъ всего, а потому и древне-греческаго Ликургова коммунизма, противъ котораго, какъ естественно, мы протестуемъ. Это — развратные и жадные на поживу холостяки, „дармоѣды" и т. п. (стр. 383 и 385).

Вопросъ о конституціи былъ обсуждаемъ въ собраніи 22-го сентября. Одинъ изъ чешскихъ секретарей писалъ: „Славянамъ нужно не конституціи, а только панславизма, вопреки всему, что декламируетъ партія Драгоманова или русскихъ соціалистовъ и нигилистовъ, которые хотятъ коммунистичной революціи или рѣзни въ Россіи" и т. д. Въ томъ же собраніи разсуждали о равноправности польскаго языка съ русскимъ и объ уравненіи поляковъ въ политическихъ правахъ съ русскими (стр. 387 и 390).

Слѣдующее собраніе состоялось 25-го числа того же мѣсяца. На немъ, по предложенію одного изъ варшавскихъ членовъ, былъ утвержденъ гербомъ панславянскимъ подъ гегемоніею Россіи гербъ литовскій, былъ пересмотренъ статутъ общества и составлена новая его редакція, было доложено о дѣятельности женскихъ отдѣленій общества, занимавшихся преимущественно организаціею народныхъ школъ, въ духѣ панславянскомъ, и наконецъ было рѣшено написать воззваніе къ братьямъ славянамъ русскимъ, чтобы они ходатайствовали передъ панславянскимъ царемъ объ уничтоженіи всѣхъ распоряженій Муравьева, о назначеніи губернаторами славянскихъ земель только несомнѣнныхъ славянъ, о воспрещеніи гг. Каткову и Костомарову писать противъ поляковъ, о разрѣшеніи основывать общеславянскія святыни и кладбища и публично открывать отдѣленія панславянскаго общества во всѣхъ городахъ имперіи (стр. 400 и 407).

По порученію общества, Петрашевскій написалъ воззваніе къ братьямъ русскимъ. Писалъ его въ разныхъ мѣстахъ, съ іюня же 1879 г. въ Вильнѣ, гдѣ онъ жилъ въ самомъ центрѣ города, на углу улицъ Замковой и Ботанической, въ домѣ Здановича. Приступить къ печатанію онъ былъ намѣренъ въ октябрѣ, по окончаніи демонстраціи, устроенной іезуитами Крашевскому, потому что напечатать это воззваніе ранѣе было бы неделикатностью (стр. 359). Впрочемъ предположенія его не сбылись: въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ еще писалъ свое воззваніе, а для напечатанія его долженъ былъ ѣхать въ Парижъ, гдѣ и издалъ его въ свѣтъ въ 1880 году (стр. 365).

Сперанскій въ ссылкѣ въ Перми. Въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", г. Иванъ Вологдинъ сообщаетъ о пребываніи Сперанскаго въ Перми слѣдующія свѣдѣнія, почерпнутыя имъ изъ рукописной лѣтописи О. А. Прядильщикова и служащія дополненіемъ къ другимъ извѣстіямъ, относящимся ко времени опалы Сперанскаго. Сперанскій, прибывъ въ Пермь 23-го сентября 1812 года, имѣлъ три недѣли отводную квартиру у купца Н. Л. Попова; затѣмъ все остальное время, до 19-го сентября 1814 года, жилъ въ нанятомъ на собственный счетъ помѣщеніи у наслѣдниковъ купца Иванова. Домъ Попова сохранился и до сихъ поръ, и въ настоящее время занятъ губернскою почтовою конторой; домъ Ивановыхъ, сломанный въ 1837 году за ветхостью, находился на углу Торговой улицы и Верхотурскаго переулка. Въ то время въ Перми губернаторомъ былъ Б. А. Германъ, но всѣми дѣлами заправляла его жена. Предписаніе о томъ, чтобъ имѣть Сперанскаго подъ строгимъ надзоромъ, она истолковала такъ, что въ переднюю къ Сперанскому посадила двухъ будочниковъ, а городничему Грену и частнымъ приставамъ вмѣнено было въ обязанность посѣщать безъ церемоніи и во всякое время дня квартиру ссыльнаго и о томъ, что увидятъ или услышатъ тамъ, доносить куда слѣдуетъ, то-есть собственно говоря ей, губернаторшѣ. На вопросъ одного близкаго ей человѣка: для чего же сажаютъ къ Сперанскому будочниковъ? она отвѣчала:

„пускай господинъ временщикъ при видѣ караульныхъ солдатъ пойметъ конецъ своей роли". Она не ограничилась и этимъ; по какимъ побужденіямъ дѣйствовала она, сказать трудно, но ей пришла мысль предать мнимаго врага отчизны даже публичному поруганію. Поэтому слуги губернаторскіе, раздавая мальчишкамъ лакомства, научали ихъ гоняться за Сперанскимъ по городу и кричать: „измѣнникъ! измѣнникъ!" Къ стыду, нельзя умолчать, что между этими мальчишками отличались воспитанники гимназіи. Нашелся еще оскорбитель даже изъ взрослыхъ. Нѣкто Воронинъ, выгнанный изъ службы чиновникъ, перѣдко являлся пьяный предъ домомъ, занимаемымъ Сперанскимъ, и распѣвалъ во все горло псаломъ, напоминающій положеніе изгнанника. Когда Сперанскій сначала по пріѣздѣ сдѣлалъ визиты старшимъ лицамъ въ городѣ, никто не отдалъ ему визиты, даже и архіерей Іустинъ, опасаясь прогнѣвать губернаторшу. Только три лица изъ средняго класса: хозяинъ первой его квартиры, Н. Л. Поповъ, соликамскій игуменъ Иннокентій и Д. Е. Смышляевъ, отнеслись къ Сперанскому почтительно и дружески, и заслужили навсегда его пріязнь. Когда соликамскаго игумена, проживавшаго въ Перми, по званію члена консисторіи, предостерегали, что онъ можетъ повредить себѣ своими отношеніями къ Сперанскому, то онъ отвѣчалъ: „Мнѣ, монаху, что за дѣло до политики! Я вижу вниманіе къ себѣ Михаила Михайловича и обязанностію христіанина считаю воздавать ему за честь честію". Смышляевъ же, тогда еще не очень богатый человѣкъ, ссудилъ Сперанскаго безъ всякихъ залоговъ весьма значительною по тогдашнему времени суммой, въ 5,000 р.; этого пособія Сперанскій не забывалъ до самой своей смерти. Нѣсколько времени спустя, нѣкоторые изъ чиновниковъ рѣшились, однако, предостеречь губернатора, что онъ можетъ подвергнуться отвѣтственности за дѣйствія своей супруги и посовѣтовали ему по крайней мѣрѣ спросить у кого слѣдовало, какъ должно разумѣть личныя права состоящаго подъ строгимъ присмотромъ Сперанскаго. На представленіе губернатора, министръ полиціи Балашевъ отвѣчалъ довольно лаконически: „разумѣть сосланнаго государственнаго секретаря, какъ тайнаго совѣтника." Такой отвѣтъ смутилъ всѣ пермскія власти. Мгновенно исчезли будочники и прекратились посѣщенія городничаго и частныхъ приставовъ. Губернаторъ спохватился, какой сдѣлалъ промахъ по вліянію своей супруги и вздумалъ загладить свою вину, но не прямымъ извиненіемъ предъ оскорбленнымъ, а хитрою уловкой. Дождавшись перваго высокоторжественнаго праздника, онъ со всѣми старшими чиновниками въ полной формѣ явился къ Сперанскому съ поздравленіемъ. „Михаилъ Михайловичъ, говоритъ очевидецъ Б..., принялъ насъ очень просто; онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ шлафрокѣ. На поздравленіе наше онъ отвѣтилъ, едва поднявшись со стула, легкимъ наклоненіемъ головы. Чувство стыда смѣшалось въ насъ съ чувствомъ страха." При отъѣздѣ Сперанскаго, на проводы собрался весь городъ. Соликамскому игумену Иннокентію Сперанскій сказалъ, что никогда не забудетъ его благороднаго образа дѣйствій; впослѣдствіи Иннокентія перевели во Псковъ, и наконецъ, онъ былъ архіепископомъ на Волыни.

Путешествіе полковника Пржевальскаго. Въ письмѣ изъ города Гуйдетинъ, писанномъ въ маѣ и напечатанномъ въ извлеченіи въ „Русскомъ Инвалидѣ", полковникъ Пржевальскій сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о своемъ путешествіи на верховья Желтой Рѣки:

„20 марта, мы отправились изъ Синика въ небольшое урочище Гоми, лежащее на изворотѣ Желтой Рѣки. Простоявъ въ Гоми дней десять, мы двинулись далѣе, вверхъ по Хуан-хэ. Здѣсь, съ большимъ трудомъ, благодаря лишь угрозамъ, достали себѣ проводника, притомъ, идіота, весьма мало знавшаго мѣстность лишь на 100 верстъ впереди. Несомнѣнно, что между мѣстными жителями выбранъ былъ самый худшій проводникъ и, притомъ, по приказанію изъ Си-нина. Оттуда прежде насъ пріѣзжалъ посланецъ амбаня, который приказалъ обманывать насъ на каждомъ шагу и затруднять

наше движеніе всевозможными скрытными уловками; въ то же время, наружно оказывается намъ полный почотъ и притворная услужливость. Такъ было и въ Гоми. Проводника дали только тогда, когда я рѣшилъ потащить съ собою мѣстнаго старшину. Изъ Гоми началось наше трудное слѣдованіе вверхъ по Жолтой Рѣкѣ. Приходилось проходить по мѣстности, изрѣзанной глубокими пропастями. Къ неудобствамъ движенія присоединилось еще и враждебное настроеніе мѣстныхъ жителей, си-фаней. Лишь только мы вступили въ ихъ предѣлы, какъ тотчасъ явился какой-то всадникъ, который издали прокричалъ намъ, что мы надняхъ будемъ перебиты, и ускакалъ. Пришлось опять, какъ зимою въ Тибетѣ, перейти на военное положеніе: ночью караулъ; спимъ съ оружіемъ подъ изголовьемъ; на охоту ходимъ съ револьверами; пасемъ скотъ не далѣе разстоянія винтовочнаго выстрѣла отъ своего стойбища. Однако, угрозы си-фаней остались только на словахъ".

„Отойдя верстъ 130 отъ Гоми, мы встрѣтили въ глубокихъ рѣчныхъ ущельяхъ, въ высокихъ, мѣстами снѣговыхъ горахъ, порядочные лѣса, въ которыхъ нашли много птицъ; въ числѣ ихъ оказались три вида еще неизвѣстныхъ. Особенно много было голубыхъ ушастыхъ фазановъ (crossoptilon auritum). Эта красивая птица, нѣсколько экземпляровъ которой имѣется только въ музеяхъ Парижа и Петербурга (да еще, кажется, Лондона), встрѣчалась очень часто, какъ въ лѣсахъ, такъ и въ кустарникахъ, начиная отъ 9,500 футовъ абсолютной высоты. Мы били каждый день по нѣсколько экземпляровъ. Другая рѣдкость описываемыхъ мѣстностей—это лекарственный ревень, мѣстами растущій въ невѣроятномъ изобиліи. Старые корни достигаютъ громадной величины.

„Перебираясь изъ одного ущелья въ другое и перейдя еще, вдобавокъ, полосу песковъ верстъ на 20 шириною, мы добрались до устья рѣки Чурмынъ, впадающей въ Хуан-хэ". Дальнѣйшій путь, однако, оказался столь труднымъ, что экспедиція рѣшилась возвратиться назадъ въ Гоми, а оттуда въ городъ Гуй-дэ, лежащій въ 60-ти верстахъ ниже, на правомъ (южномъ) берегу Жолтой Рѣки.

„Переводчикъ нашъ, таранча изъ Кульджи, очень усердный и намъ преданный, посланъ былъ въ Си-нинъ для сообщенія амбаню, что мы пойдемъ черезъ Гуй-дэ въ снѣговыя горы, которыя лежатъ верстахъ въ 50—60-ти къ югу отъ названнаго города. Узнавъ о таковомъ моемъ намѣреніи, си-нинскій амбань думавшій, что я уже возвращаюсь домой, пришолъ въ неописанную ярость и объявилъ, что не опустить меня на южную сторону Хуан-хэ, такъ какъ имѣетъ объ этомъ приказаніе изъ Пекина. Тогда переводчикъ объяснилъ амбаню, что онъ присланъ только объявить ему о моемъ рѣшеніи, а не спрашивать позволенія, и что я пойду, не обращая никакого вниманія на гнѣвъ амбаня. Дѣло, наконецъ, уладилось тѣмъ, что амбань далъ приказаніе перевезти насъ на правый берегъ Хуан-хэ.

„Погода стоитъ весьма дурная: дождь каждый день, въ горахъ снѣгъ; въ ночь съ 10-го на 11-е мая было 12° Ц. мороза въ открытой степи; въ горахъ же еще холоднѣе. Тѣмъ не менѣе, растеній въ горахъ много, и мы уже собрали 250 видовъ; наловили рыбы въ Хуан-хэ; препарировали около 500 экземпляровъ птицъ. Сверхъ, того, снята карта пройденныхъ мѣстностей; сдѣланы наблюденія астрономическія, барометрическія и термометрическія; нарисовано много типовъ. Словомъ, изслѣдовано довольно полно".

„Откровенно говоря, въ странѣ дикихъ си-фаней намъ было бы гораздо лучше, нежели теперь, среди китайцевъ. И какихъ только нелѣпостей не распускаютъ здѣсь про насъ, чтобъ еще болѣе усилить и безъ того сильное подозрѣніе простого народа! Такъ, напримѣръ, си-нинскій амбань спрашивалъ теперь нашего переводчика: правда ли, что я вижу на 40 саженъ въ глубь земли и могу сразу отыскать тамъ всякія драгоцѣнности? Си-фани всѣ твердо были увѣрены, что мы—колдуны и по ночамъ летаемъ куда угодно; перелетѣть же

черезъ горы не могутъ только наши вьючныя животныя. О графѣ Сечепьи тотъ же си-нинскій амбань говорилъ, что въ Гуй-дэ этотъ путешественникъ (дѣлавшій промѣръ Хуан-хэ) вытащилъ со дна рѣки волшебный камень, стоющій десять тысячъ ланъ золота. Сказки, да и только.

„Въ горахъ возлѣ Чейбсена пробуду іюль; затѣмъ пойду въ Алашань; буду тамъ около 20-го августа".

Археологическое открытіе. Принадлежащій Московскому Археологическому Обществу домъ на Берсеневской набережной, извѣстный своею оригинальною и нѣсколько неуклюжею архитектурой, происшедшею отъ смѣси разновременныхъ пристроекъ и передѣлокъ, началъ строиться, какъ извѣстно, въ половинѣ XVII столѣтія, одновременно съ сосѣднею, замѣчательною по красотѣ стиля, церковью Николы Берсеневскаго. Нижній этажъ дома внутри давно уже реставрированъ Археологическимъ Обществомъ въ древнемъ „московскомъ" вкусѣ, и служитъ помѣщеніемъ для археологическаго музея, библіотеки и ученыхъ собраній. Нынѣшнимъ лѣтомъ, во время ремонтныхъ работъ, секретарь Археологическаго Общества В. Е. Румянцевъ (извѣстный по открытію и реставраціи царскаго книгопечатнаго дома во дворѣ нынѣшней синодальной типографіи) и преподаватель Строительнаго Училища въ Петербургѣ г. Султановъ, изслѣдуя древность кладки, открыли на восточномъ лицевомъ выступѣ дома, подъ толстымъ слоемъ штукатурки, на всѣхъ трехъ сторонахъ этого выступа фигурную кладку кирпича, ясно свидѣтельствующую, что на этомъ лѣвомъ выступѣ, нынѣ очень безобразномъ и тяжеломъ, всѣ окна въ древности были богато украшены сандриками и дугообразными ушинистыми арками эллиптической и троечастной формы, съ розетками въ тимпанахъ. По бокамъ сохранились слѣды кирпичныхъ и бѣлокаменныхъ столбиковъ съ перехватами и подвѣсками. 25-го сентября, большая коммиссія археологовъ и архитекторовъ составили на мѣстѣ формальный актъ открытія, свѣрили и утвердили снимки и проекты реставраціи, представленные гг. архитекторами Никитинымъ и Поповымъ. Всѣми учеными была заявлена необходимость возстановленія украшеній въ ихъ прежнемъ видѣ. Кирпичные выступы, вѣроятно въ концѣ прошлаго вѣка, были безжалостно сшиблены, и стѣны стали плоскими. Слѣды древнихъ формъ вполнѣ ясны. Реставрированный домъ Московскаго Археологическаго Общества будетъ однимъ изъ самыхъ рѣдкихъ памятниковъ частнаго гражданскаго зодчества прошлыхъ вѣковъ, а художественныя рельефныя украшенія возвратятъ прежнее изящество древнему зданію, которое, благодаря своему мѣстоположенію, будетъ эффектно выдаваться со стороны новой площади при храмѣ Спасителя.

затрогиваетъ ли онъ его сердце? пусть звуки эти напутствуютъ ему, лаская его слухъ...

Соната кончена; тихо звучатъ еще клавиши. Руки Магдалены упали на колѣни. Неподвижно, погруженный въ свои мысли, стоитъ Эгбертъ. Съ образами юности смѣшиваются фантастическія картины будущности, которыя заранѣе рисуетъ ему воображеніе. Она чувствуетъ, что онъ наклонился къ ней...

— Эгбертъ, мой дорогой Эгбертъ! чуть слышно произноситъ она, обнимая его обѣими руками; горячій поцѣлуй горитъ на его губахъ. Въ одно мгновеніе она исчезла изъ комнаты; онъ не успѣлъ произнести ни одного слова, ни удержать ее.

— Вотъ твое счастье, шепчетъ ему внутренній голосъ, удержи его... или ты тогда только поймешь это, когда будетъ слишкомъ поздно!...

Наступили вечерніе сумерки; предметы въ комнатѣ казались подернутыми сѣроватымъ туманомъ.

— Не сонъ ли это? спрашивалъ себя Эгбертъ.

Но вотъ стулъ, на которомъ она сидѣла, здѣсь покоилась ея рука...

Конецъ второй части.

Часть III.

ГЛАВА I.

Ъ ЦАРСТВОВАНІЕ Наполеона I, Парижъ былъ первымъ городомъ въ мірѣ. Со временъ императорскаго Рима, ни въ одномъ городѣ не было столько побѣдныхъ трофей, такого благосостоянія и широкаго развитія образованности, какъ при строгой и ревнивой власти Бонапарта.

На почвѣ стараго общества опустошенной и изрытой землетрясеніемъ, выросъ новый порядокъ. Глядя на улицы и площади, наполненныя оживленной и пестрой толпой, жаждущей наживы и наслажденія, всякій счелъ бы сказкой или давно забытымъ преданіемъ, что здѣсь свирѣпствовала гроза революціи. Все это совершилъ одинъ человѣкъ; онъ закрылъ пропасть революціи, водворилъ внутренній миръ, возвратилъ гражданамъ ихъ собственность и дома, возстановилъ церкви и храмъ музъ. Только кое-гдѣ наблюдательный взглядъ иностранца замѣчалъ кровавые слѣды недавняго переворота, оставшіеся въ понятіяхъ и поступкахъ парижскаго населенія, какъ кровь убитаго Дункана, которую леди Макбетъ напрасно силится смыть съ своихъ рукъ.

Вмѣсто прежнихъ революціонныхъ надписей на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ, дворцахъ, музеяхъ, колонахъ, тріумфальныхъ воротахъ, красовался теперь вензель N съ короной, окруженный лавровыми вѣтками.

Во Франціи явился властелинъ. Силою своего генія онъ вырвалъ изъ бездны великую націю и сдѣлалъ ее первою въ мірѣ, но въ своемъ лицѣ навязалъ ей императора. Онъ думаетъ и желаетъ за всѣхъ, насыщаетъ Францію золотомъ и почестями, увеселяетъ дорого стоющими зрѣлищами, доставляетъ работу неимущимъ; но за все это

французы обязаны служить ему. Они вправѣ называть себя повелителями міра! Пока блескъ и обаяніе непобѣдимости еще не разлучны съ его именемъ. Народы европейскаго материка благоговѣютъ передъ нимъ; двое изъ нихъ осмѣлились сопротивляться ему и онъ не замедлилъ наказать ихъ. Быстрымъ походомъ онъ разогналъ испанцевъ; изъ Бургоса онъ направился въ Сомо-Сіерра, перешелъ эти Ѳермопилы Испаніи и войско его вошло въ Мадритъ; — походъ оконченъ менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ. Парижане улыбаясь принимаютъ это извѣстіе: они привыкли къ блеску молніи; и невѣроятное сдѣлалось для нихъ обычнымъ явленіемъ. На дняхъ пронесся слухъ, что маршалъ Сультъ отразилъ англичанъ на морѣ.

Это происходило въ январѣ 1809 года. Празднества, балы, различныя увеселенія слѣдуютъ непрерывно одни за другими въ блистательномъ городѣ. Императоръ не скупится на государственную казну и военную добычу, но требуетъ отъ своихъ маршаловъ и сенаторовъ, чтобы они съ своей стороны тратили деньги и внѣшнею пышностью показывали бы себя достойными своего высокаго положенія. Благодаря этому, развитіе роскоши достигло крайнихъ предѣловъ, такъ какъ клевреты Бонапарта охотно исполняютъ его волю. Испанская война, которую пессимисты считали предвѣстникомъ паденія императорскаго величія, не замедлила ни одно празднество, не помѣшала ни одному увеселенію. Враги правительства жалуются на стѣсненіе торговли съ Англіей, на застой въ дѣлахъ и уменьшеніе столичнаго населенія, но посторонній наблюдатель не замѣчаетъ ничего подобнаго. Передъ нимъ въ яркихъ краскахъ выступаетъ величественный образъ гигантскаго всеміриаго города съ безчисленными куполами, башнями, колоннами и дворцами, гдѣ все грандіозно и полно гармоніи и гдѣ самые диссонансы еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе цѣлаго. Если подъ этой блестящей внѣшностью скрываются источники несчастія, то они лежатъ на такой глубинѣ, куда рѣдко проникаетъ взглядъ людской. Кругомъ на далекомъ пространствѣ тянется богато обработанная земля; всюду виднѣются деревни, выступающія среди садовъ, красивые дома, замки и дворцы, окруженные большими роскошными парками.

Но помимо красоты, французская столица съ ея окрестностями представляла еще другого рода прелесть для путешественника. Онъ чувствовалъ, что вступаетъ на классическую почву, имѣвшую свою историческую жизнь, свои трагическія и свѣтлыя воспоминанія. Парижъ, какъ нѣкогда столица древняго Рима, считаетъ тысячелѣтіями время своей постоянно прогрессирующей культуры.

Эгбертъ прожилъ здѣсь уже нѣсколько недѣль, но все еще не могъ прійти въ себя отъ массы новыхъ впечатлѣній. Хотя онъ пріѣхалъ изъ большого города, но развѣ можно сравнить Вѣну съ Парижемъ! вѣнская жизнь вращалась на небольшомъ пространствѣ узкихъ улицъ и маленькихъ площадей. Въ австрійской столицѣ не было

ни широкихъ дорогъ, обсаженныхъ деревьями, какъ парижскіе бульвары, ни красивой набережной, ни такихъ зданій, какъ Лувръ, Тюльери и Люксембургскій дворецъ. Вѣна поражала различіемъ нарядовъ, языковъ и народовъ, которые встрѣчались въ ней, между тѣмъ, какъ въ Парижѣ всѣ были похожи другъ на друга; и это однообразіе имѣло въ себѣ нѣчто подавляющее. Всякій иностранецъ и провинціалъ по мѣрѣ силъ старался отдѣлаться отъ своихъ особенностей и казаться парижаниномъ по фасону платья, манерѣ говорить и обращенію. Это былъ идеалъ, которому всѣ старались подражать изъ боязни казаться смѣшнымъ въ томъ или другомъ отношеніи. Рядомъ съ этимъ во всѣхъ слояхъ общества господствовало одинаковое стремленіе къ случайнымъ отличіямъ и то же театральное тщеславіе. Орденъ Почетнаго Легіона составлялъ любимую мечту даже противниковъ императора, которые втайнѣ выдавали себя за республиканцевъ. У кого была красная ленточка въ петличкѣ, тотъ считалъ себя выше большинства своихъ согражданъ. Вотъ удочки, на которыя ловится умный народъ, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ писалъ на стѣнахъ своего города: „свобода и равенство“,— думалъ Эгбертъ, познакомившись ближе съ парижскимъ населеніемъ.

Все, что онъ видѣлъ и слышалъ въ Парижѣ еще болѣе усиливало его уваженіе къ великому человѣку. Онъ чувствовалъ суевѣрный страхъ передъ его счастьемъ и понялъ, что самъ императоръ считаетъ себя избранникомъ судьбы и заодно съ окружающими вѣритъ въ свою звѣзду. Ослѣпленный умъ юноши не видѣлъ, какъ шатки основанія этой новой Вавилонской башни и какими недостойными средствами достигнуто все это могущество.

Онъ восхищался обиліемъ художественныхъ произведеній, которыя были привезены сюда изъ различныхъ странъ Европы въ видѣ военной добычи. Такъ поступали и римляне! Развѣ не свозили они въ свой Капитолій драгоцѣнности цѣлаго міра! Всеобъемлющая культура, говорили поклонники императора, немыслима, пока сокровища науки и искусствъ разсѣяны по всей землѣ и доступны немногимъ путешественникамъ. Необходима свѣтовая точка, которая распространяла бы блескъ и теплоту по всей землѣ и только при этомъ условіи возможенъ быстрый и равномѣрный прогрессъ различныхъ народовъ. Подобныя фразы были въ модѣ и повторялись сотни разъ съ большимъ или меньшимъ краснорѣчіемъ.

Постоянно раздавались звуки воинственныхъ трубъ, бой барабановъ, но среди шума и ужасовъ битвъ, за которыми въ недалекомъ будущемъ можно было предвидѣть рядъ новыхъ сраженій, люди не переставали мечтать о вѣчномъ мірѣ и братствѣ. Насколько эти мечты были прекрасны и естественны въ устахъ идеалистовъ, настолько казались они какой-то насмѣшкой, когда ихъ выражалъ главный виновникъ всей пролитой крови, и въ кругу своихъ маршаловъ и депутатовъ народа распространялся о своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ и

неприязни невѣрнаго Альбіона. Тѣмъ не менѣе эти увѣренія, торжественно произнесенныя могущественнымъ императоромъ, казались многимъ отголоскомъ правды и обаятельно дѣйствовали на мечтательнаго Эгберта при его искренности и стремленіи къ идеалу.

Эгбертъ не считалъ себя въ правѣ откладывать дѣло, возложенное на него графомъ Стадіономъ, и выполнилъ его въ день своего пріѣзда. Изъ пріема, который оказалъ ему графъ Меттернихъ, онъ могъ ясно видѣть, что содержаніе переданнаго имъ письма важнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Посланникъ не расточалъ общепринятыхъ любезныхъ фразъ, но обошелся съ нимъ какъ съ человѣкомъ, къ которому чувствовалъ особенное уваженіе.

Меттернихъ подробно разспрашивалъ юношу о настроеніи умовъ въ Вѣнѣ и въ Германіи. Хотя отвѣты Эгберта не представляли ничего новаго для опытнаго дипломата, но они были чрезвычайно важны для него въ томъ отношеніи, что онъ могъ почерпнуть изъ нихъ точныя свѣдѣнія относительно взглядовъ и надеждъ нѣмецкаго юношества и народа.

Уже въ то время графъ Меттернихъ былъ врагъ всякаго народнаго движенія. Ему никогда не пришло бы въ голову, подобно графу Стадіону, прибѣгать къ помощи австрійской аристократіи, вооруженнаго народа и дворянства, ограбленнаго и подавленнаго Бонапартомъ и князьями Рейнскаго Союза и связывать съ ними судьбы государства и царствующей династіи. Но Меттернихъ, какъ вѣрный слуга своего государя, считалъ своимъ долгомъ слѣпо придерживаться политики, принятой въ столицѣ. Ему было давно извѣстно, изъ оффиціальныхъ депешъ, что австрійское правительство для предстоящей войны противъ Наполеона разсчитываетъ на возстаніе въ Тиролѣ, Форарльбергѣ, Швабіи и Гессенѣ и на союзъ съ Пруссіей, но теперь представлялся удобный случай узнать настоящее положеніе дѣлъ и онъ спѣшилъ воспользоваться имъ. Эгбертъ подробно передалъ ему свои личныя наблюденія относительно броженія въ сельскомъ населеніи всего Зальцбурга и ненависти гессенцевъ къ навязанному имъ королю Іерониму.

— Тѣмъ не менѣе, сказалъ въ заключеніе Эгбертъ — общее возстаніе возможно только въ томъ случаѣ, если мы одержимъ рѣшительную побѣду.

— А вы не ожидаете побѣды съ нашей стороны? спросилъ улыбаясь Меттернихъ.

Эгбертъ молчалъ.

— Вотъ причина, продолжалъ посланникъ—почему я твердо убѣжденъ, что наша ссора съ императоромъ Наполеономъ кончится миролюбивымъ образомъ. Но намъ не миновать временной бури. Вооруженіе Австріи возбудило неудовольствіе Бонапарта. Онъ не помнитъ себя въ гнѣвѣ, и мнѣ придется вынести первую вспышку!

Разговоръ перешелъ на Цамбелли. Меттернихъ не имѣлъ о немъ никакихъ извѣстій, такъ какъ въ Парижѣ его не видѣли.

Эгбертъ разсказалъ какимъ образомъ онъ познакомился съ шевалье, но умолчалъ о своихъ подозрѣніяхъ противъ него.

— Это должно быть опасный и недюжинный человѣкъ! замѣтилъ посланникъ.—Наполеонъ охотно пользуется такими людьми...

Благодаря покровительству Меттерниха, Эгберту открытъ былъ доступъ въ кружки военной аристократіи. Никто не находилъ предосудительнымъ его бюргерское происхожденіе, такъ какъ многіе изъ приближенныхъ Наполеона, щеголявшіе теперь княжескими и графскими титулами, вышли изъ простонародья. Скромность Эгберта и его поклоненіе военной славѣ Наполеона располагали въ его пользу мужчинъ; женщины восхищались его красотой и рыцарскимъ обращеніемъ. Его считали нѣмецкимъ ученымъ, который пріѣхалъ въ Парижъ чтобы познакомиться съ его научными сокровищами; и всѣ старались наперерывъ сдѣлать ему пріятной жизнь въ столицѣ и познакомить съ ея достопримѣчательностями.

Посланникъ счелъ своей обязанностью представить его Жозефинѣ въ St.-Cloud, которая сказала ему нѣсколько ласковыхъ словъ. Императрица показалась Эгберту необыкновенно привлекательной. Но ни въ одномъ изъ блестящихъ кружковъ, гдѣ ему случалось бывать, онъ не встрѣчалъ Антуанеты. Она жила уединенно въ семействѣ графа Мартиньи, жена котораго была родная сестра маркиза Гондревилля, отца Антуанеты.

Молодая графиня не скрывала отъ друзей своихъ причину, побуждавшую ее удаляться отъ всякихъ празднествъ. До сихъ поръ всѣ старанья Мартиньи и ея просьбы къ вліятельнымъ лицамъ остались безъ успѣха. Она съ нетерпѣніемъ ожидала возвращенія императора въ Парижъ; Жозефина обѣщала исходатайствовать ей аудіенцію у своего супруга, но и тутъ судьба молодого маркиза зависѣла отъ расположенія духа Наполеона и ея собственнаго краснорѣчія. При такой заботѣ „la belle allemande", какъ называли Антуанету французы, не могла принимать участія въ общественныхъ удовольствіяхъ.

Ярко свѣтитъ полуденное солнце. Тюльерійскій садъ наполненъ гуляющими. На голубомъ небѣ нѣтъ ни одного облачка; воздухъ такой теплый, какъ въ мартѣ. Нигдѣ не видно и слѣда инея, который утромъ покрывалъ землю; только кое-гдѣ въ тѣни отсвѣчиваютъ серебрянныя точки и звѣздочки.

Смѣясь, разговаривая и глазѣя по сторонамъ, тѣснится толпа передъ дворцомъ въ аллеяхъ и на лугахъ. Сегодня 22 января и воскресный день. Рядомъ съ знатными господами выступаетъ буржуа съ женой и дѣтьми и работникъ изъ С. Антуанскаго предмѣстья, въ блузѣ. Вниманіе гуляющихъ обращено на новую желѣзную рѣшетку съ позолоченными верхушками вокругъ цвѣтника и новыя постройки со стороны Лувра. Въ одномъ мѣстѣ подъ деревьями сплотился тѣсный кружокъ любителей новостей и толкуетъ о скоромъ пріѣздѣ императора.

— Правда ли, что онъ долженъ на дняхъ вернуться въ Парижъ?, спрашиваютъ другіе. Развѣ онъ уже справился съ англичанами?

— Нѣтъ еще, но говорятъ скоро начнется война въ Германіи.

— Ну, это не испугаетъ нашихъ храбрыхъ солдатъ.

— Война будетъ серьезная, потому что маленькій капралъ опять видѣлъ сѣраго.

— Сѣрый! Кто это? Ужъ не герцогъ-ли Марципанъ!

Всѣ захохотали. Множество вновь пожалованныхъ герцоговъ и князей служило постояннымъ поводомъ для насмѣшекъ парижанъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя имена были совершенно неизвѣстны публикѣ.

— Такъ вы никогда не видали сѣраго?

— Нѣтъ, sacre bleu! А вы знакомы съ нимъ?

— Онъ всегда посѣщаетъ императора передъ важными событіями. Вотъ онъ проскользнулъ тутъ въ полночь за каштановыми деревьями и прошелъ черезъ калитку, у которой стоитъ часовой.

— Императоръ теперь въ Испаніи! Развѣ тамъ есть Тюльери.

— Я говорю не о теперешнемъ случаѣ. Дайте мнѣ досказать. Сѣрый являлся также къ Бонапарту въ открытомъ полѣ при бивуачныхъ огняхъ, такъ что солдаты видѣли его...

— Да кто-же онъ такой?

— Онъ управляетъ погодой, отвѣтилъ разсказщикъ, понижая голосъ. Когда Наполеонъ возвращался изъ Египта и нечаянно очутился среди флота проклятыхъ англичанъ, то сѣрый для его спасенія нагналъ такой туманъ, что въ двухъ шагахъ нельзя было различить человѣка.

— Вотъ какъ!

— Этотъ же сѣрый при Аустерлицѣ приказалъ солнцу выглянуть изъ тумана...

— Въ тотъ моментъ, когда это было нужно императору, — добавилъ со смѣхомъ одинъ изъ присутствующихъ.

Но всѣ были настолько поглощены разсказомъ, что шутка эта прошла не замѣченною.

— Сѣрый, продолжалъ ораторъ возвращаясь къ своей любимой темѣ—до сихъ поръ былъ милостивъ къ маленькому капралу и посылалъ ему попутный вѣтеръ и солнце, но...

— Въ чемъ дѣло? воскликнули слушатели.

— Прійдетъ время, когда онъ измѣнитъ Бонопарту и карточный домъ обрушится сразу.

— Императоръ? Имперія?

— Исчезнутъ съ лица земли! Все на свѣтѣ имѣетъ свой конецъ. Вы и сами не вѣрите, что вся эта исторія можетъ продолжаться! Тоже было и съ Робеспьеромъ... Sauve qui peut!

Но едва было произнесено страшное имя, настолько-же ненавистное императору, какъ и сама революція, кружокъ слушателей разсѣялся какъ стая голубей, надъ которыми паритъ ястребъ.

Среди гуляющихъ шумятъ и рѣзвятся дѣти въ платьяхъ обшитыхъ мѣхомъ; одни бѣгаютъ, играютъ въ серсо; другіе идутъ чинно съ своими няньками. Проходитъ группа разряженныхъ дамъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ элегантныхъ кавалеровъ съ высокими воротничками по модѣ заимствованной изъ Англіи, такъ какъ тогдашніе французы, не смотря на вражду къ англичанамъ, насколько возможно подражали имъ въ одеждѣ и держали англійскихъ лошадей. Кавалеры толковали о театрѣ, прекрасной игрѣ Тальмы, смѣлыхъ выходкахъ мадемуазель Марсъ, которая многое позволяла себѣ, благодаря близости къ извѣстному лицу. Дамы улыбались и съ своей стороны дѣлали разныя замѣчанія. Разговоръ отъ хроники послѣднихъ дней перешелъ къ предстоящему представленію новой трагедіи „Гекторъ" Luce de Lancival'я.

— Говорятъ трагедія написана по греческому образцу и чуть ли не цѣликомъ взята изъ Гомера, сказалъ одинъ изъ кавалеровъ.

— Неужели намъ недостаточно грабить живыхъ и мы еще обкрадываемъ мертвыхъ! воскликнулъ другой.

— Вы не знаете самаго забавнаго... сказала со смѣхомъ одна изъ дамъ уже не первой молодости, съ лицомъ Юноны и темными блестящими глазами. которые кокетливо выглядывали изъ подъ высокой шелковой шляпы.

— Ну, это можно себѣ легко представить, мадемуазель Атенаисъ! Вѣрно какая нибудь закулисная исторія!

— Мы бѣдные оперные пѣвцы и пѣвицы теперь въ самомъ жалкомъ положеніи и слухи доходятъ до насъ стороной. Императоръ не любитъ музыки.

— Такъ и должно быть. Человѣкъ, который изъ году въ годъ слышитъ трубы и барабаны не можетъ понимать музыки. Совсѣмъ другія были времена при нашей доброй королевѣ Маріи Антуанетѣ, которая велѣла поставить на сцену оперы божественнаго Глюка. О Ифигенія!

Это говорилъ человѣкъ, которому было далеко за шестьдесятъ, судя по сѣдинѣ и морщинамъ, но который былъ также щеголевато одѣтъ какъ двадцатилѣтній юноша; увлеченный воспоминаніями молодости онъ вытянулъ губы и запѣлъ дрожащимъ голосомъ арію изъ оперы „Ифигенія въ Тавридѣ".

— Что вы дѣлаете, мосье Фондретъ! воскликнула Атенаисъ— можно ли пѣть при такомъ холодѣ! Если бы мы сидѣли съ вами за десертомъ у Фери передъ бутылкой шампанскаго, то я готова была бы прослушать цѣлаго Орфея и не остановила бы васъ; но зимою въ Тюльерійскомъ саду!..

— И на тощій желудокъ!

— Что хотѣли вы разсказать намъ, мадемуазель Атенаисъ, по поводу новой трагедіи? Будьте добры сообщите; мы не станемъ прерывать васъ.

— Вообразите себѣ, что онъ приложилъ руку къ трагедіи.

Съ этими словами Атенаисъ указала рукой на окна дворца.

— Какъ, императоръ сочиняетъ стихи!

— Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, сказала одна изъ дамъ. Говорятъ онъ пишетъ довольно сносныя любовныя посланія.

— Ужъ не къ императрицѣ ли Жозефинѣ?

— Знаете ли какъ я узнала объ его авторствѣ? продолжала Атенаисъ. Случайно проговорился Тальма. На дняхъ онъ декламировалъ передъ своими пріятелями какое то мѣсто изъ „Гектора" и, когда одинъ изъ нихъ замѣтилъ что „такіе стихи пишутъ только дикари или капралы", то нашъ знаменитый актеръ воскликнулъ: „Эти стихи божественны! поймите, что онъ написалъ ихъ!"

— Ну въ такомъ случаѣ мы не должны пропустить представленія.

— Разумѣется, сказала Атенаисъ съ иронической улыбкой. Аплодисменты ваши не пропадутъ даромъ и будутъ вознаграждены надлежащимъ образомъ.

— Не знаете ли вы, кто этотъ красивый юноша, который такъ задумчиво смотритъ на игру дѣтей? спросила молоденькая дама, прерывая разговоръ, который началъ принимать не совсѣмъ пріятный оборотъ.

— Гдѣ? Не тотъ ли, что стоитъ у рѣшетки? Съ бѣлокурыми волосами?

— Да. Посмотрите какой онъ высокій и стройный!

— У тебя не дурной вкусъ, Зефирина, сказала Атенаисъ. Я видѣла его недавно въ оперѣ и обратила на него вниманіе. Онъ сидѣлъ въ первыхъ рядахъ и такъ погрузился въ музыку, какъ будто его заколдовали.

— Не подлежитъ сомнѣнію, что это нѣмецъ! воскликнулъ молодой человѣкъ, котораго звали Артуромъ. Нѣмцы всѣ мечтатели и мистики, въ ихъ странѣ вѣчный туманъ; они никогда не видятъ солнца.

— Однако Аустерлицкое солнце взошло въ Германіи!..

— Это случилось всего одинъ разъ и то въ честь нашего императора и великой арміи, отвѣтилъ поспѣшно Артуръ. Но въ остальное время у нихъ туманъ и сумерки, старые дома съ исторіями о привидѣніяхъ, призраки, лѣсные цари, а люди любятъ платонически и неизмѣнны въ своихъ привязанностяхъ.

Въ это время мимо разговаривающихъ прошелъ Эгбертъ. Онъ узналъ издали знакомый образъ Юноны, которую видѣлъ раза три на оперной сценѣ. Въ афишахъ она была названа мадемуазель Дешанъ. Вспомнивъ, что графъ Вольфсеггъ говорилъ о ней съ большимъ участіемъ, Эгбертъ хотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы взглянуть на нее вблизи. Но тутъ муфта ея неожиданно очутилась у его ногъ. Выпала ли она случайно изъ ея рукъ или это было сдѣлано съ намѣреніемъ?

Эгбертъ поднялъ муфту и подалъ ее пѣвицѣ съ легкимъ поклономъ.

— Позвольте возвратить вамъ эту муфту, сказалъ онъ. Если не ошибаюсь, она принадлежитъ вамъ.

— Благодарю васъ. Мнѣ очень пріятно получить ее изъ рукъ такого знатока музыки, какъ вы.

— Да вы понимаете божественное искусство! сказалъ мосье Фондретъ, узнавъ молодаго человѣка, котораго онъ не разъ встрѣчалъ въ оперѣ. Вы не пропускаете ни одного значительнаго представленія. Въ наше время любители музыки сдѣлались рѣдкостью.

— Я пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы насладиться художественными произведеніями, которыми такъ богата ваша столица, хотя я самъ изъ музыкальнаго города.

— Простите мое любопытство. Не соотечественникъ ли вы безсмертнаго Глюка? спросила мадемуазель Атенаисъ.

— Да, я уроженецъ Вѣны и съ наслажденіемъ услышалъ здѣсь знакомые звуки тѣхъ самыхъ оперъ, которыми я восхищался въ моемъ отечествѣ. Всякое великое музыкальное произведеніе не можетъ быть исключительною принадлежностью какой нибудь отдѣльной страны или города; оно неизбѣжно становится достояніемъ всѣхъ; тутъ исчезаетъ всякое различіе языковъ и національностей и люди чувствуютъ себя братьями.

Фондретъ въ порывѣ восторга обнялъ Эгберта и прижалъ къ своему сердцу.

— Вы видите я былъ правъ, шепнулъ мосье Артуръ стоявшей возлѣ него молоденькой танцовщицѣ. Это мистикъ, кончившій образованіе въ какомъ нибудь германскомъ университетѣ, въ родѣ тѣхъ господъ, которыхъ такъ мѣтко описала г-жа Сталь въ своей книгѣ о Германіи.

Эгбертъ хотѣлъ снять шляпу, чтобы проститься съ своими новыми знакомыми, но остановился, увидя на другой сторонѣ графа Мартиньи, который шелъ подъ руку съ Антуанетой. Красота молодой графини и ея траурный нарядъ, представлявшій рѣзкій контрастъ среди пестрыхъ шалей и цвѣтныхъ платьевъ другихъ дамъ, тотчасъ же привлекли вниманіе мадемуазель Атенаисъ.

Антуанета поравнялась съ группой разговаривающихъ, привѣтливо улыбнулась Эгберту въ отвѣтъ на его поклонъ и слегка кивнула ему головой.

— Вы знакомы съ этой красавицей? спросила съ живостью Атенаисъ. Это, вѣроятно, ваша соотечественница!.. Кто она?

— Да, она пріѣхала изъ Вѣны. Это племянница графа Вольфсегга и носитъ его титулъ, отвѣтилъ Эгбертъ, не рѣшаясь произнести фамилію Гондревиллей, которые были включены въ число эмигрантовъ.

Лицо Атенаисъ покрылось багровымъ румянцемъ

— Вольфсегга! воскликнула она. Вы говорите, что это племянница Ульриха Вольфсегга?..

Эгбертъ растерялся, видя смущеніе своей собесѣдницы. Но она тотчасъ же овладѣла собой и съ искусствомъ, пріобрѣтеннымъ въ жизни и на сценѣ, придала лицу своему спокойное выраженіе.

— Въ молодости я была знакома съ однимъ графомъ Вольфсеггъ... Еще разъ благодарю васъ за любезность... Позвольте узнать сись вашу фамилію?..

— Эгбертъ Геймвальдъ.

— Надѣюсь, вы побываете у меня и доставите мнѣ удовольствіе поговорить съ вами о нѣмецкой музыкѣ.

Разставшись съ обществомъ, въ которомъ онъ очутился такъ неожиданно, Эгбертъ пошелъ вдоль набережной къ улицѣ Taranne, гдѣ жилъ докторъ Веньяминъ Бурдонъ, которому онъ хотѣлъ отдать визитъ. Сегодня же рано утромъ гоффурьеръ привезъ ему приглашеніе отъ императрицы Жозефины въ ея загородную резиденцію Malmaison. Воображеніе рисуетъ ему блистательную картину придворнаго вечера, но тутъ мысли его переходятъ къ Антуанетѣ и случайному знакомству съ Атенаисъ Дешанъ. Сколько новыхъ и постоянно мѣняющихся впечатлѣній! Припоминая день за днемъ свое пребываніе въ Парижѣ, Эгбертъ чувствуетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Ему кажется—и онъ уже писалъ объ этомъ Магдаленѣ,—что въ этотъ короткій промежутокъ времени онъ больше пережилъ, чѣмъ во всю свою предшествующую жизнь.

Сравненіе блистательнаго Парижа съ австрійской столицей не выгодно для послѣдней, но тѣмъ не менѣе непреодолимое чувство влечетъ его къ далекой родинѣ, въ его тихій домъ на уединенной улицѣ. Пока живо это чувство, онъ можетъ смѣло идти на встрѣчу будущности и восхищаться окружающимъ великолѣпіемъ; никто не назоветъ его измѣнникомъ.

Размышленія его были прерваны непріятнымъ ощущеніемъ невидимой опасности. Ему показалось, что кто-то идетъ по его слѣдамъ замедляя и ускоряя свои шаги, сообразно съ нимъ. Онъ оглядывается съ испугомъ, но трудно отличить кого либо въ толпѣ воскресныхъ гуляющихъ, которые, повидимому, не обращаютъ на него никакого вниманія. Одни заняты разговоромъ, другіе глядятъ на рѣку, облокотившись на перила; нѣкоторые замѣтивъ, что онъ остановился, слѣдуютъ его примѣру и съ недоумѣніемъ смотрятъ на него.

Эгберту становится стыдно за свой страхъ. Что можетъ случиться съ нимъ при дневномъ свѣтѣ, при такой массѣ народа? У него не можетъ быть враговъ въ чужомъ городѣ, гдѣ онъ еще такъ недавно и гдѣ онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ ни малѣйшаго столкновенія. Меттернихъ предостерегалъ его отъ полиціи Фуше, которая охотно вмѣшивается во все безъ всякой необходимости. Но ей нѣтъ никакой надобности преслѣдовать его на улицахъ, она знаетъ его имя и

адресъ. Ей, вѣроятно, также извѣстно, какъ онъ восхищается Бонапартомъ!

Эгбертъ перешелъ мостъ и очутился на другой сторонѣ рѣки; но и здѣсь онъ слышалъ за собой тотъ же шумъ шаговъ.

— У меня положительно галлюцинація слуха, сказалъ про себя Эгбертъ для своего успокоенія. Мои нервы разстроены въ ожиданіи предстоящаго вечера. Хорошо, что я иду къ доктору...

Онъ дошелъ до угла улицы Taranne и St.-Benoit, гдѣ стоялъ старый четырехъ-этажный домъ мрачнаго и неуклюжаго вида, нижнія окна котораго были снабжены желѣзными рѣшетками. Тяжелое впечатлѣніе, производимое этимъ темнымъ огромнымъ зданіемъ, еще болѣе усиливалось близкимъ сосѣдствомъ больницы. Въ этомъ домѣ жилъ Веньяминъ Бурдонъ, одинъ изъ главныхъ врачей госпиталя, чтобы быть по близости тѣхъ, которые нуждались въ его помощи, такъ какъ онъ проводилъ съ ними большую часть дня.

Вотъ онъ выходитъ изъ госпиталя и переходитъ улицу.

— Г-нъ Эгбертъ Геймвальдъ! Очень радъ видѣть васъ. Я только что собирался сдѣлать вамъ визитъ!

Съ этими словами Бурдонъ пожалъ руку Эгберту и безъ всякаго намѣренія по привычкѣ попробовалъ ему пульсъ.

— Что съ вами? спросилъ онъ. — У васъ лихорадочный пульсъ! Вы должно быть бѣжали сюда.

— Не знаю, я не замѣтилъ этого... Мнѣ все казалось, что кто-то гонится за мной.

— Ну, здѣсь вы въ безопасности. Кромѣ насъ съ вами никого нѣтъ на улицѣ.

— Вы ошибаетесь! вотъ идетъ какой-то человѣкъ въ черномъ плащѣ; онъ остановился среди улицы.

— Да, вижу, вотъ онъ смотритъ на насъ. Что ему нужно! Но вы вздрогнули и измѣнились въ лицѣ!...

— Обратите вниманіе на его физіономію, сказалъ поспѣшно Эгбертъ. Это шевалье Цамбелли.

Но въ этотъ моментъ человѣкъ въ черномъ плащѣ повернулся къ нимъ спиной и поспѣшными шагами направился къ набережной.

Веньяминъ Бурдонъ и Эгбертъ поднялись на крыльцо стараго дома и исчезли за тяжелою дверью.

Графъ Вольфсегъ не ошибся. Бурдонъ обошелся съ Эгбертомъ самымъ дружескимъ образомъ, но противъ ожиданія выслушалъ довольно хладнокровно его разказъ о насильственной смерти своего отца. Причина такой философской покорности судьбѣ, какъ убѣдился вскорѣ Эгбертъ, настолько же заключалась въ характерѣ и докторской профессіи Бурдона, при которой смерть становится самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, насколько и въ разладѣ, который существовалъ между отцомъ и сыномъ изъ-за политическихъ убѣжденій. Веньяминъ не скрывалъ своихъ республиканскихъ взглядовъ и замѣ-

тилъ, что онъ никогда не одобрялъ таинственныхъ поѣздокъ отца своего въ Австрію къ Гондревиллямъ. Эгбертъ ничего не возразилъ на это, зная, что цѣль этихъ поѣздокъ не могла нравиться молодому Бурдону. Съ другой стороны, онъ намѣренно избѣгалъ съ нимъ разговоровъ о политикѣ, такъ какъ съ перваго же свиданія опредѣлилась разница ихъ взглядовъ на государственное устройство и порядки. Во всемъ остальномъ они вполнѣ симпатизировали другъ другу; помимо трагической смерти стараго Бурдона ихъ соединяли научные интересы. Хотя Эгбертъ никогда не занимался практически медициной, и въ этомъ отношеніи не могъ сравниться съ своимъ новымъ другомъ, но много думалъ и читалъ о медицинѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ хорошо знакомъ съ натуральной философіей, на которую первые умы Германіи смотрѣли какъ на своего рода евангеліе и ждали отъ нея спасенія для цѣлаго міра и о которой Бурдонъ имѣлъ самое смутное понятіе.

Не послѣднимъ поводомъ къ сближенію молодыхъ людей служили общія удовольствія и развлеченія. Веньяминъ жилъ въ Парижѣ съ дѣтства, пережилъ всѣ ужасы революціи и зналъ чуть ли не каждый камень, съ которымъ были связаны какія нибудь историческія воспоминанія. Для Эгберта было большимъ наслажденіемъ ходить по улицамъ съ такимъ проводникомъ.

— Такъ это Цамбелли! сказалъ задумчиво Веньяминъ, когда они поднялись на лѣстницу перваго этажа.

Они вошли въ большую мрачную комнату съ двумя высокими окнами, изъ которыхъ одно выходило на дворъ госпиталя, гдѣ росли тополи и сирень, а другое на улицу St. Benoit. Стѣны были оклеены зелеными обоями и украшены четырьмя ландшафтами Клода Лоррена въ простыхъ рамкахъ. Надъ жесткимъ диваномъ съ рѣзной спинкой висѣли портреты Вашингтона, Франклина, въ честь котораго Бурдонъ получилъ имя Веньямина и жирондиста Верньо. Мебель была обита зеленымъ шерстянымъ дама; на полу лежалъ зеленый коверъ. На широкомъ столѣ, уставленномъ книгами и хирургическими инструментами, стояли двѣ бронзовыя лампы античной формы. Въ стѣнѣ надъ зеркаломъ была вдѣлана маска Медузы, противъ которой постоянно возставалъ Эгбертъ, находя ее неумѣстной въ кабинетѣ врача.

Бурдонъ пригласилъ своего гостя сѣсть и, не снимая шляпы съ головы, подбѣжалъ къ окну.

— Вотъ онъ огибаетъ уголъ и обернулся сюда. Мы издали магнетически дѣйствуемъ другъ на друга!... Ну, кончено! онъ исчезъ...

Бурдонъ отошелъ отъ окна и бросивъ свою шляпу на кресло безпокойно ходилъ по комнатѣ. Голова его съ густыми темными волосами и рѣзко очерченнымъ лбомъ была слишкомъ велика для его тонкой фигуры; правое плечо было значительно выше лѣваго, что въ соединеніи съ его живостью придавало ему видъ кобольда; легкая насмѣшливая улыбка, не сходившая съ его лица во время разговора

еще болѣе увеличивала это сходство. Выраженіе его темныхъ глазъ было кроткое и мечтательное, но вслѣдствіе привычки или изъ желанія придать себѣ строгій и мрачный видъ онъ постоянно морщилъ брови и лобъ.

— О чемъ вы думаете, Эгбертъ? спросилъ онъ останавливаясь передъ нимъ.

— О смерти вашего отца. Впечатлѣніе было настолько сильно, что я до сихъ поръ помню малѣйшія обстоятельства, сопровождавшія ее. Неужели опалъ, который я показывалъ вамъ, не поможетъ намъ отыскать убійцу! На опалѣ вырѣзанъ орелъ...

— Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что это набалдашникъ хлыста, а не палки, какъ вы предполагали, но это безразлично. Всадникъ, играющій темную роль въ этой исторіи, вѣроятно, принялъ мѣры предосторожности и давно купилъ себѣ новый хлыстъ.

— Вы опять будете смѣяться надо мной и назовете мечтателемъ, но я тѣмъ не менѣе вѣрю въ возмездіе...

— Въ Немезиду? Это своеобразное вѣрованіе очень распространено въ Парижѣ. Но пройдитесь по улицѣ Риволи, или по которому нибудь изъ бульваровъ, и вы увидите прямое противорѣчіе этому. Кто владѣетъ тамъ лучшими домами? Подрядчики, которые крали и крадутъ у нашихъ бѣдныхъ солдатъ сапоги, одѣяла, хлѣбъ; подкупные льстецы, которые теперь лижутъ ноги у императора, а передъ этимъ ползали передъ Дантономъ и Робеспьеромъ, креатуры Фуше, отребіе всѣхъ партій, у которыхъ на душѣ столько же постыдныхъ дѣлъ, сколько волосъ на головѣ. Во главѣ ихъ клятво-преступникъ, воръ и убійца! Но я не долженъ говорить о Бонапартѣ; вы поклоняетесь ему и онъ въ своемъ родѣ недюжинный человѣкъ. Что же касается всѣхъ остальныхъ, то это ничтожныя и негодныя гадины; а Немезида слишкомъ приличная и чистоплотная богиня, чтобы заниматься ими.

— Вы озлоблены потому, что вашъ идеалъ не осуществился и Франція предпочла имперію республикѣ. Что дѣлать, если въ рѣшительную минуту оказался одинъ Цесарь и не было Брута.

— Вы иностранецъ, Эгбертъ, и не можете понять, что этотъ человѣкъ сдѣлалъ изъ Франціи. Онъ развратилъ насъ до мозга костей, привилъ народу рабскія понятія и отуманилъ похмѣльемъ побѣдъ. Онъ велѣлъ уничтожить деревья свободы и замѣнилъ ихъ колоннами своей славы. Наступитъ день, когда и онѣ будутъ разрушены и слава исчезнетъ, какъ и свобода. До сихъ поръ ему благопріятствуетъ счастье, которое даже превосходитъ сумму его преступленій; но счастье измѣнчиво, какъ вѣтеръ, волна и женщина.

— У васъ слишкомъ мрачный взглядъ на вещи. Вы видите частности и упускаете изъ виду блескъ и великолѣпіе цѣлаго.

— Можетъ быть, отвѣтилъ съ печальной усмѣшкой Бурдонъ, поднимая еще выше свое уродливое плечо.—За что мнѣ любить этотъ міръ, который представляется вамъ въ такомъ розовомъ свѣтѣ? Развѣ

за мое физическое безобразіе и неудачную жизнь. Я потерялъ мать въ пору безсознательнаго дѣтства и полюбилъ всѣми силами своей души свободу и отечество. Сражаться я не могъ и въ состояніи былъ только залечивать раны. Я видѣлъ безобразныя послѣдствія войны, не испытывая ея обаянія. При такихъ условіяхъ трудно сдѣлаться поклонникомъ героя войны. Теперь они убили моего отца и я безсиленъ противъ нихъ. За что они убили его? За то, что онъ былъ добродушный дуракъ, который таскалъ для другихъ каштаны изъ огня и для кого?—для высокомѣрныхъ и нахальныхъ аристократовъ! И вы еще хотите, чтобы я восхищался свѣтомъ и его порядками!...

— Но отецъ вашъ умеръ съ сознаніемъ исполненнаго долга. Графъ Вольфсеггъ оплакивалъ его какъ родного брата, а молодая графиня...

— Была гораздо больше опечалена его смертью, нежели я. Она пролила ручьи слезъ, вспоминая вѣрнаго слугу. И какъ ей не плакать! Отецъ мой качалъ ее на своихъ колѣняхъ, счастливый и гордый тѣмъ, что ему позволено прикасаться своими мужицкими руками до маленькой принцессы и никому не было дѣла до меня, уродливаго и некрасиваго мальчика. У васъ, г-нъ Геймвальдъ, другія воспоминанія дѣтства, поэтому вы никогда не поймете моей ненависти...

— Скажите пожалуйста, исполнили ли вы просьбу молодой графини побывать у ней?

— Какъ же! развѣ можно не исполнить просьбу молодой дамы! отвѣтилъ съ улыбкой Бурдонъ.—Я сдѣлалъ ей визитъ и нашелъ, что она похорошѣла. Трауръ очень идетъ къ ней. Женщины всегда знаютъ, что имъ къ лицу. Я надѣюсь встрѣтить ее сегодня вечеромъ. Жаль, что мнѣ прійдется разстаться съ вами. Императрица Жозефина приказала мнѣ явиться сегодня вечеромъ въ восемь часовъ въ Malmaison.

— Отлично! воскликнулъ Эгбертъ.—Мы будемъ вмѣстѣ. Я также получилъ приглашеніе.

— Вы! Какое странное совпаденіе! Вѣроятно хозяйка Malmaison придумала что-нибудь особенное. Она охотница дѣлать сюрпризы.

— Это сдѣлалось гораздо проще, чѣмъ вы предполагаете. Нѣсколько дней тому назадъ я былъ у Редутэ...

— Цвѣточнаго живописца?

— Да. Я познакомился съ нимъ у нашего посланника. Узнавъ, что я любитель цвѣтовъ, онъ любезно пригласилъ меня къ себѣ посмотрѣть его работу. Я зналъ, что у него есть рисунки всѣхъ рѣдкихъ растеній Malmaison и въ томъ числѣ Bonapartea speciosa, выращенной самой императрицей. Подобное приглашеніе не скоро получишь. Я воспользовался первымъ свободнымъ утромъ и отправился къ Редутэ. Мнѣ сказали, что онъ дома и я вошелъ; въ первой комнатѣ я встрѣтилъ даму въ простомъ, но очень изысканномъ нарядѣ, которая съ удивленіемъ посмотрѣла на меня. Когда же я объяснилъ ей цѣль своего посѣщенія, она попросила меня подождать

немного, такъ какъ у г-на Редутэ гости. Дѣйствительно я услышалъ его голосъ въ сосѣдней залѣ и увидѣлъ въ полуотворенную дверь, что онъ показываетъ свои рисунки и масляныя картины какой-то дамѣ. Другой на моемъ мѣстѣ, конечно, тотчасъ же сообразилъ бы въ чемъ дѣло, но я при своей нѣмецкой недогадливости...

— Скажите лучше наивности.

— Ну, какъ хотите называйте это, но въ настоящемъ случаѣ на мою долю выпала самая глупая роль. Встрѣтившая меня дама отвела меня въ оконную нишу, чтобы я не могъ слышать разговора между живописцемъ и его гостьей. Эта предосторожность задѣла мое самолюбіе и я храбро пустился въ бесѣду съ незнакомой дамой, чтобы доказать ей, что я не имѣю никакого желанія подслушивать чужія тайны. Мой нѣмецкій выговоръ и нѣкоторыя погрѣшности противъ французскаго языка послужили поводомъ къ шуткамъ съ ея стороны и мы черезъ нѣсколько минутъ разговорились другъ съ другомъ какъ старые знакомые. Зашла рѣчь объ императрицѣ. Я отъ всего сердца хвалилъ ее и передавая то впечатлѣніе, которое она произвела на меня, выразилъ сожалѣніе, что мнѣ вѣроятно никогда не удастся больше увидѣть ее вблизи. Моя собесѣдница погрозила мнѣ пальцемъ, изъ сосѣдней комнаты послышался смѣхъ, но я опять не обратилъ на это никакого вниманія. Чѣмъ дальше, разговоръ становился все задушевнѣе и наконецъ дама сказала мнѣ: „Однако какъ вы довѣрчиво смотрите на жизнь; можно подумать, что Ленорманъ предсказала вамъ самую счастливую будущность“.—„Нѣтъ, отвѣтилъ я,—мнѣ не приходилось встрѣчаться съ знаменитой гадательницей, но въ эту минуту всѣ предсказанія безразличны для меня, потому что я имѣю счастье говорить съ вами о вашей императрицѣ“. Едва успѣлъ я договорить эту фразу, какъ изъ сосѣдней комнаты вышла сама императрица въ сопровожденіи хозяина дома. Я такъ растерялся, что не помню какъ поклонился ея величеству и пробормоталъ какое-то извиненіе. „Такъ вы не боитесь картъ Ленорманъ?“ спросила она меня съ улыбкой. Мнѣ оставалось только повторить фразу, сказанную мной ея статсъ-дамѣ, хотя въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ. „Посмотримъ, сказала императрица,—мы сдѣлаемъ опытъ“. Съ этими словами она уѣхала, а сегодня утромъ мнѣ прислано приглашеніе.

— Я такъ и думалъ, что тутъ кроется какая нибудь затѣя.

— Вы предполагаете, что императрица хочетъ свести насъ съ Ленорманъ? Она можетъ вѣрить этимъ вещамъ послѣ всѣхъ превратностей ея судьбы и при томъ страхѣ, который она должна постоянно испытывать за жизнь любимаго человѣка. Но мы не въ такомъ положеніи. Мнѣ нѣтъ надобности обращаться къ гадальщицамъ, чтобы знать мое будущее; оно и безъ того извѣстно мнѣ въ общихъ чертахъ. Ну, а вы мой другъ почему не вѣрите...

— Это не совсѣмъ справедливо; но наши вѣрованія различны. Разумѣется, Ленорманъ интересуетъ меня только въ смыслѣ физіологиче-

ской задачи, которую представляетъ собою она и тѣ, передъ которыми она упражняется въ своемъ искусствѣ. Это богатый матеріалъ для наблюденій, какъ для доктора, такъ и занимающаго натуральной философіей. Мы увидимъ сегодня любопытное зрѣлище.

— Обыкновенно вы меня обвиняете въ фантазерствѣ — сказалъ Эгбертъ;—но сегодня мы перемѣнились ролями. Мы можемъ не увидѣть ничего подобнаго.

— Я только сопоставляю факты. Императрица въ крайне возбужденномъ состояніи и страдаетъ нервными припадками. Ей необходимо развлеченіе въ видѣ общества, музыки, гаданія и т. п. Несмотря на извѣстія о побѣдахъ императора въ Испаніи, въ народѣ распространились странные слухи: толкуютъ о новой войнѣ съ Австріей, о заговорахъ...

— Вы этому не вѣрите?

— Узурпаторъ долженъ бояться заговоровъ. Это старая исторія меча Дамоклеса. Бонапартъ одинаково обманывалъ республиканцевъ и роялистовъ, сажалъ ихъ въ тюрьмы, казнилъ, а въ обѣихъ партіяхъ есть рѣшительные люди, которые ничего не забываютъ и не прощаютъ. Противъ этого факта безсиленъ Фуше со своими помощниками.

— Вы думаете, что всѣ эти толки и разговоры дѣйствуютъ на императрицу?

— Разумѣется, и въ самой сильной степени, благодаря ея живой фантазіи креолки. Отсутствіе императора служитъ ей удобнымъ поводомъ прибѣгать къ картамъ; самъ императоръ называетъ все это бабьими сказками и шарлатанствомъ, чтобы убѣдить себя, что онъ неуязвимъ и непобѣдимъ, подобно Александру Македонскому, который воображалъ, что онъ сынъ боговъ, пока ядъ, подсыпанный ему Антипатромъ не доказалъ ему противнаго... Однако мы нафилософствовались вдоволь — теперь три часа. Какъ вы думаете, не заняться ли намъ вопросомъ, гдѣ мы будемъ сегодня обѣдать?

— Ведите меня куда хотите, я согласенъ на все, а къ восьми часамъ вечера мы отправимся вмѣстѣ въ Malmaison и предстанемъ передъ Сивиллой. Скажите пожалуйста, она очень стара?

— Кто? Ленорманъ? Вы очень ошибаетесь, ей пѣтъ и сорока лѣтъ и, вдобавокъ, она искусно пользуется разными тайнами женскаго туалета. Жаль только, что сегодня въ Malmaison мы не встрѣтимъ нашего рыцаря въ черномъ плащѣ. Это было бы очень кстати.

— Онъ очень занимательный собѣсѣдникъ; но отъ него трудно что либо вывѣдать.

— Да развѣ я хочу что нибудь вывѣдать отъ него! отвѣтилъ Веньяминъ съ неопредѣленной улыбкой. Судя по вашимъ разсказамъ, это какой-то необыкновенный человѣкъ. Но теперь въ модѣ возвеличивать мнимыхъ героевъ и даже преступниковъ. Впрочемъ, если сорвать красивую драпировку то кто окажется подъ ней? Бѣдный голодный бѣднякъ съ

волчьимъ апетитомъ. Голодъ вывелъ на свѣтъ Картуша, Бонапарта и быть можетъ нашего шевалье.

ГЛАВА II.

Посреди многочисленныхъ извилинъ Сены къ западу отъ Парижа между великолѣпными королевскими резиденціями находится скромный загородный замокъ Malmaison. Противъ него возвышается гора Mont-Valérien, которая господствуетъ надъ ландшафтомъ.

Мимо дворца идетъ большая дорога отъ столицы къ St-Germain-en-Laye. Нѣсколько дальше къ сѣверу расположена небольшая деревня Rueil съ сельскимъ домомъ, въ которомъ жилъ нѣкогда Ришелье. Въ Malmaison находился тогда постоянно отрядъ гвардіи, всегда готовый явиться на защиту кардинала или для выполненія его приказаній. Во времена революціи Malmaison сдѣлался національнымъ достояніемъ и перешолъ въ руки одного парижскаго купца. Домъ былъ маленькій, почти развалившійся, но съ роскошнымъ паркомъ. Во всей окрестности не было болѣе привлекательнаго мѣста. Высокія старинныя деревья давали тѣнь даже въ полдень, близость Сены еще больше увеличивала прохладу въ жаркіе лѣтніе дни. Но вотъ уже одинадцатый годъ, какъ Жозефина купила Malmaison, перестраивала и украшала его, такъ что онъ сдѣлался вполнѣ подходящей резиденціей для французской императрицы. Во дворцѣ были превосходныя картины и множество драгоцѣнныхъ вещей; въ большихъ оранжереяхъ росли рѣдкіе цвѣты и растенія. Къ прежнему саду прибавленъ былъ англійскій паркъ, благодаря покупкѣ земли со стороны Rueil.

Четыре года консульства Бонапарта были солнечными днями Malmaison'а и счастливѣйшимъ временемъ въ жизни Жозефины. Послѣ побѣдъ при Маренго и Гоэнлинденѣ жажда военной славы какъ будто притихла въ груди этого человѣка; онъ правилъ безраздѣльно судьбами Франціи, испытывая терпѣніе простодушныхъ рыцарей свободы и равенства. Его самого удивляло, какъ охотно они покорялись его игу; и въ немъ еще больше утвердилось презрѣніе къ людямъ, составлявшее отличительную черту его характера. Отъ перваго до послѣдняго всѣ стали для него не болѣе какъ орудіями. Въ то время, когда мечтатели восхваляли его какъ втораго Вашингтона, просвѣтителя и обновителя старой Европы, онъ составлялъ планы о порабощеніи цѣлаго свѣта. Только самовластіе и шумъ битвы могли удовлетворить его. Но живя въ Malmaison'ѣ во времена своего консульства онъ игралъ роль Мецената, хвалилъ Жозефину, когда она собирала вокругъ себя художниковъ и ученыхъ. Здѣсь въ угоду ему исполнялись пе-

большія комедіи на домашнемъ театрѣ; онъ даже по временамъ принималъ участіе въ играхъ и разныхъ увеселеніяхъ, которые устраивались на большой лужайкѣ передъ замкомъ. Иногда, сидя подъ липами въ саду, онъ заставлялъ читать себѣ вслухъ „Духъ христіанства" Шатобріана.

Но все это продолжалось не долго. Роль миролюбиваго Августа наскучивала Бонапарту; у него не хватало на это ни желанія, ни спокойствія духа. Сдѣлавшись императоромъ, онъ переселился въ St. Clond, гдѣ 18 брюмера (9-го ноября 1799 года), разогналъ совѣтъ пятисотъ и, какъ ему казалось, окончательно подавилъ революцію. St. Cloud долженъ былъ обратиться въ великолѣпный храмъ его славы; Malmaison потерялъ для него значеніе. Но тѣмъ болѣе привязалась къ нему Жозефина. Она тяготилась императорской мантіей, большіе дворцы казались ей золотыми клѣтками. Каждый день, которымъ она могла располагать, она проводила въ своемъ любимомъ замкѣ. Въ полчаса она доѣзжала въ каретѣ изъ St. Cloud въ Malmailon по прекрасной дорогѣ, проведенной черезъ лѣсъ и избѣгая скучнаго придворнаго этикета и жизни на показъ.

Наполеонъ не допускалъ вмѣшательства жены въ государственныя дѣла и въ свою жизнь. Дворецъ St. Cloud сдѣлался какимъ-то Капитоліемъ, на который было обращено вниманіе цѣлаго свѣта. Изъ него была изгнана всякая идиллическая и романическая прелесть. Въ домѣ Цесаря не существовало уютныхъ уголковъ, уединенныхъ бесѣдокъ въ саду — все было величественно, торжественно, чопорно и оффиціально. Здѣсь могла идти игра или въ государственныя акціи, или разыгрываться трагедіи; то и другое было одинаково чуждо Жозефинѣ. Съ самаго дня ея коронованія въ соборѣ Notre Dame de Paris она жила въ постоянномъ страхѣ паденія и не вѣрила въ прочность своего счастья, если можно назвать этимъ именемъ внѣшній блескъ окружавшій ее. Она была ближе къ сердцу и судьбѣ своего мужа когда онъ былъ первымъ консуломъ; въ минуты малодушія, неудачъ и заботъ онъ находилъ утѣшеніе въ ея дружбѣ и снисходительно выслушивалъ ея просьбы за другихъ. Тогда многіе обращались къ ней въ надеждѣ на ея заступничество, особенно представители древнихъ дворянскихъ фамилій. Республиканцамъ не нравилось это и они упрекали Жозефину, что она покровительствуетъ эмигрантамъ и врагамъ революціи, старается склонить консула на сторону дворянства и въ маломъ видѣ устроила вокругъ себя подобіе прежняго версальскаго двора.

Теперь эти нареканія кончились, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что императрица не имѣетъ болѣе никакого вліянія на своего супруга. Просители только въ рѣдкихъ случаяхъ обращались къ ея заступничеству. Наполеонъ проводилъ большую часть времени въ лагерѣ и на полѣ битвы. Между супругами не было никакихъ общихъ интересовъ. Только воинственные планы и политика занимали его.

чѣмъ больше пожиналъ онъ лавровъ, тѣмъ холоднѣе становилось его сердце. Привѣтливость въ обращеніи и склонность къ мечтательности, которыми онъ отличался въ молодости и которые такъ обаятельно дѣйствовали на всѣхъ знавшихъ его, исчезли подъ строгими и жесткими манерами и замѣнились холодностью повелителя и порывами бѣшенаго гнѣва.

Ко многимъ ошибкамъ и поводамъ къ отчужденію, которые внесли разладъ въ это супружество, не смотря на нѣжную привязанность со стороны Жозефины и дружбу Наполеона къ ней, присоединилось еще желаніе послѣдняго имѣть сына и наслѣдника своей власти. Она уже давно привыкла дѣлиться любовью Наполеона съ другими женщинами, если только онъ способенъ былъ испытывать это чувство, но теперь ей предстояло уступить свое мѣсто на престолѣ. Тѣ, которыхъ онъ называлъ своими друзьями, жертвовали ему жизнью на полѣ битвы; жена обязана была отказаться для него отъ личнаго счастья и обречь себя на печальное, одинокое существованіе.

Жозефина въ ожиданіи грозящаго ей развода жила мучительною тревожною жизнью. Она по возможности избѣгала великолѣпныхъ празднествъ и собраній и проводила большую часть времени въ тѣсномъ кругу преданныхъ ей лицъ.

Бурдонъ и Эгбертъ, войдя въ маленькую залу Malmaison застали тутъ нѣсколькихъ дамъ и кавалеровъ. Тотъ, кто подобно Эгберту входилъ сюда въ первый разъ, невольно удивлялся количеству драгоцѣнныхъ вещей, украшавшихъ комнаты. Тутъ были столы съ флорентинской мозаикой, вазы изъ lapis lazuli и агата стояли въ нишахъ у оконъ и стѣнъ; на мраморныхъ каминахъ виднѣлись бронзовыя фигуры тончайшей работы и дорогой севрскій фарфоръ. Обивка креселъ и дивановъ была вышита самой императрицей и ея придворными дамами, на бѣломъ шелковомъ фонѣ рельефно выступало J окруженное розами. На карнизахъ дверей и оконъ виднѣлся императорскій вензель N съ орломъ и короной наверху.

Роскошь всей этой царской обстановки въ первый моментъ произвела подавляющее впечатлѣніе на Эгберта; онъ чувствовалъ себя неловко въ непривычномъ придворномъ костюмѣ, бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, черныхъ шелковыхъ панталонахъ по колѣно и въ голубомъ фракѣ съ золотыми пуговицами. Но это впечатлѣніе скоро разсѣялось благодаря любезности хозяйки Malmaison и простотѣ ея обращенія. Всѣ болѣе или менѣе чувствовали себя свободно въ ея присутствіи, хотя въ числѣ гостей было не мало лицъ, вышедшихъ изъ низшихъ классовъ общества. Кромѣ Редуте былъ еще другой живописецъ Изабэ, знаменитый актеръ Тальма, на короткое время появился Денонъ, сопровождавшій Наполеона въ Египтѣ, который занимался составленіемъ отборной коллекціи камней и медалей и т. п. Появленіе Эгберта обратило на себя общее вниманіе, такъ какъ въ это время

ожидали войны съ Австріей; но тѣмъ не менѣе каждый старался сказать что нибудь любезное иностранцу.

Говорили о Гёте и Виландѣ и милостивомъ обхожденіи императора при встрѣчѣ съ Гёте. Затѣмъ разговоръ перешелъ на исторію страданій молодого Вертера. Дамы пожелали познакомиться съ нею подробнѣе, но оказалось, что только одинъ Эгбертъ могъ удовлетворить ихъ любопытство. Его своеобразный способъ изложенія, красивая стройная фигура и бѣлокурые вьющіеся волосы произвели такое пріятное впечатлѣніе на слушательницъ, что онѣ нашли удивительное сходство между героемъ исторіи и самимъ разсказщикомъ и удвоили свою любезность къ нему.

Жозефина воспользовалась минутой, когда большая часть общества занялась разсказомъ Эгберта и, обнявъ рукою шею Антуанеты по своей любимой привычкѣ, отвела ее въ сосѣднюю комнату съ особенной свойственной ей граціей, которая покоряла ей сердца всѣхъ близко знавшихъ ее.

Хотя императрицѣ было уже за сорокъ, но она была еще очень красивая женщина съ темными глазами, полными огня, роскошными волосами и съ тонкой изящной фигурой. Она не отличалась ни блестящимъ умомъ, ни даромъ слова, но у ней была какая-то особенная улыбка, которая придавала прелесть всему, что она говорила. При сухости и лаконизмѣ Наполеона въ повседневной жизни, ея разговорчивость и добродушіе производили чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Лицо ея, утративъ красоту молодости, приняло съ годами, вслѣдствіе горя и заботъ, выраженіе кроткой покорности судьбѣ. Тѣ, которые не видали ее въ пору молодости и счастья не могли себѣ иначе представить ее какъ съ грустными задумчивыми глазами, отяжелѣвшими отъ слезъ. Такою изображается она въ историческихъ мемуарахъ наполеоновскаго времени.

Въ описываемый нами вечеръ на Жозефинѣ было серебристо-сѣрое платье съ длиннымъ шлейфомъ и короткой тальей. Ея головной уборъ былъ крайне простъ и состоялъ изъ заплетенныхъ косъ и маленькой діадемы съ рубинами и брилліантами. Когда она пошла съ Антуанетой черезъ залу, дорогая красная шаль соскользнула съ ея плечъ и волочилась за нею по полу.

Она опустилась въ кресло и сдѣлала знакъ Антуанетѣ, чтобы та сѣла около нея.

— Я очень благодарна вамъ, дорогая маркиза Гондревилль, за то письмо, которое вы передали мнѣ по порученію графа Мартиньи. Мнѣ извѣстно теперь, что его выборъ палъ на русскую великую княжну Екатерину. Развѣ я могу сравниться съ дочерью одного изъ самыхъ могущественныхъ владѣтельныхъ домовъ Европы? До меня уже доходили слухи объ его намѣреніяхъ, но я не знала самаго главнаго. Поэтому переданное вами письмо имѣетъ для меня большое значеніе.

— Я утѣшаю себя тѣмъ, что это письмо не должно было особенно

огорчить ваше величество, потому что въ немъ говорится о прошлой и давно забытой исторіи.

— Вы не знаете императора. Никакія препятствія не заставятъ его отказаться отъ принятаго плана. Они, напротивъ того, еще больше увеличиваютъ его рвеніе и силу его генія. Если не ошибаюсь, въ настоящее время у него нѣтъ наготовѣ ни одного военнаго корабля, но онъ день и ночь думаетъ объ уничтоженіи Англіи и высадкѣ на ея берега. Колебанія русскаго царя отдать за него великую княжку заставятъ его обратить взоры на другой дворъ. Во второй разъ онъ не получитъ отказа или вѣрнѣе сказать не допуститъ его.

— Французскому императору трудно будетъ найти принцессу, къ которой онъ могъ-бы посвататься, сказала Антуанета.

— Будьте покойны, дитя мое. За этимъ не будетъ остановки. Онъ не можетъ считать меня помѣхой въ этомъ дѣлѣ. Я уже пожилая женщина; любовь и дружба великаго человѣка возвысили меня сверхъ моихъ заслугъ. Я часто упрекаю себя въ томъ, что слишкомъ долго блистала на сценѣ, для которой была слишкомъ ничтожна. Здѣсь я на своемъ мѣстѣ, а не въ Тюльери. Развѣ я похожа на жену Цезаря? Наконецъ я не могу дать ему сына, котораго онъ такъ желаетъ, и потому должна разстаться съ нимъ. Среди моихъ любимыхъ цвѣтовъ я проживу нѣкоторое время воспоминаніями. Мало женщинъ могутъ похвалиться такимъ прошлымъ...

— Еще вопросъ, ваше величество, была ли женщина лучше васъ на французскомъ престолѣ? Съ вашимъ удаленіемъ можетъ зайти счастливая звѣзда императора.

— Наши звѣзды уже нѣсколько лѣтъ идутъ по разнымъ путямъ. Даже теперь, неблагодарные, которыхъ онъ вывелъ изъ пропасти революціи, говорятъ, что его счастье клонится къ упадку. Они пророчатъ что онъ погибнетъ въ Испаніи отъ удара кинжала или на Дунаѣ отъ пушечнаго выстрѣла. Иногда и на меня находятъ минуты смертельнаго страха, но я утѣшала себя тѣмъ, что Господь сохранитъ его дни для исполненія великихъ дѣяній. Но для достиженія блестящей будущности, которая предназначена ему судьбой необходимы жертвы... Я одна изъ нихъ... Меня уже считаютъ падшимъ величіемъ. Недавно Фуше осмѣлился уговаривать меня, чтобы я сама потребовала развода и такимъ образомъ избавила бы императора отъ тяжелаго объясненія.

— Надѣюсь, что это сдѣлано не по желанію императора!

— Къ счастью,—сказала Жозефина съ принужденнымъ смѣхомъ, приподнимаясь немного изъ своего полулежачаго положенія, — пока я императрица. Меня могутъ отправить въ ссылку, но изъ глупаго великодушія я не сдѣлаюсь добровольно изгнанницей и настолько еще буду имѣть вліянія, чтобы съ вашею помощью, моя милая маркиза, освободить вашего брата.

Антуанета поцѣловала руку императрицы.

— Съ моей помощью?—спросила она съ удивленіемъ. Какой вѣсъ могутъ имѣть мои слова!.. Судьба моего брата въ рукахъ ваше величества.

— Императоръ очень любитъ красивыхъ женщинъ, но не терпитъ чтобы онѣ вмѣшивались въ политическія дѣла. Помню, какъ онъ бранилъ бѣдную прусскую королеву, когда до него дошелъ слухъ, что она подстрекала своего супруга къ войнѣ. По его мнѣнію мы должны только шутить, смѣяться и забавлять его. Въ былыя времена женщины играли болѣе завидную роль во Франціи. Но къ вашей просьбѣ и изъ вашихъ устъ онъ отнесется милостиво. Только остерегайтесь чтобы Фуше не провѣдалъ цѣли вашего пріѣзда. Этотъ человѣкъ вмѣшивается во все, хочетъ все знать и выдаетъ всѣхъ и каждаго. Это самый отъявленный мошенникъ во Франціи.

Но едва Жозефина произнесла эту фразу, какъ уже раскаялась въ этомъ и улыбнулась чтобы смягчить рѣзкость своего выраженія.

Въ дверяхъ стоялъ Бурдонъ.

— Вы вѣроятно найдете докторъ—сказала она,—что я говорю слишкомъ много и скоро. Я заранѣе ожидаю отъ васъ строгаго выговора.

— Для состоянія здоровья вашего величества конечно было бы лучше, еслибы вы предоставили другимъ говорить за васъ, но ваше молчаніе было бы слишкомъ большимъ лишеніемъ для всѣхъ насъ.

— Я не знала, что и вы умѣете льстить, Бурдонъ.

— Если вы это считаете лестью, то она относилась не къ императрицѣ.

— Онъ неисправимъ, сказала Жозефина съ своей привлекательной улыбкой, обращаясь къ Антуанетѣ. Вы его не знаете, это у насъ древне-римскій республиканецъ.

— Которому не достаетъ республики, возразилъ Бурдонъ. Меня поэтому и причисляютъ къ классу идеологовъ.

— Идеологовъ?—съ удивленіемъ спросила Антуанета.

— Императоръ называетъ такимъ образомъ республиканцевъ, философовъ, половину нѣмцевъ, объяснила Жозефина. Актеръ Тальма по его мнѣнію также идеологъ...

— Тальма!—воскликнулъ Бурдонъ. Мнѣ кажется его нужно вычеркнуть изъ списка. Какой онъ идеологъ! Онъ изображаетъ королей и побѣдителей и даетъ уроки монархамъ, какъ имъ лучше носить пурпуровую мантію.

Намекъ былъ слишкомъ смѣлъ. Въ кругу придворныхъ всѣмъ было извѣстно, что Наполеонъ подъ руководствомъ Тальмы дѣлалъ не одну репетицію въ полномъ парадѣ, прежде чѣмъ рѣшался выступить передъ насмѣшливыми парижанами въ качествѣ главнаго лица во время своего коронованія.

Жозефина многое позволяла говорить Бурдону въ благодарность за его успѣшное леченіе, но теперь погрозила ему пальцемъ и поспѣшила перемѣнить разговоръ.

— Вы не замѣтили Бурдонъ, спросила она, что дѣлаетъ теперь молодой нѣмецъ, который съ такимъ воодушевленіемъ говорилъ о Гете?

— Я его оставилъ въ залѣ, ваше величество, отвѣтилъ Бурдонъ.

Императрица взяла подъ руку Антуанету и въ сопровожденіи доктора вышла къ своимъ гостямъ.

Приходъ любезной хозяйки Malmaison живительно подѣйствовалъ на собравшихся гостей. Каждый наперерывъ старался принять участіе въ разговорѣ и сообщить что нибудь интересное. Говорили о послѣднихъ городскихъ новостяхъ, о театрѣ, художественныхъ произведеніяхъ и т. п. Дошла очередь до цвѣтовъ. Императрица была очень довольна похвалами Эгберта ея растеніямъ. Оказалось, что Эгбертъ обладалъ искусствомъ вырѣзывать цвѣты и силуэты изъ черной бумаги. Редуте совѣтывалъ ему не оставлять этого таланта подъ спудомъ. Принесли бумаги и ножницы. Эгберту посчастливилось вырѣзать довольно удачно любимый цвѣтокъ императрицы. Остальныя дамы также пожелали получить отъ него на память по цвѣтку.

Но сюрпризъ, котораго ожидалъ Бурдонъ не являлся. Императрица нѣсколько разъ смотрѣла на часы, стоявшіе на каминѣ и, въ ней стали проявляться признаки нервнаго нетерпѣнія.

— Вы не должны забывать, мосье Геймвальдъ, сказала ему придворная дама, которую онъ встрѣтилъ у Редуте—что изъ всѣхъ присутствующихъ здѣсь кромѣ ея величества, я познакомилась съ вами раньше другихъ; и потому вы должны вырѣзать мнѣ что нибудь особенное.

— Вы правы, милая Полинъ, сказала императрица. Задайте ему работу.

— Неужели вы находите, что у меня мало работы, ваше величество! отвѣтилъ Эгбертъ, указывая на вырѣзанные цвѣты, лежащіе передъ нимъ на столѣ. — Я къ вашимъ услугамъ, добавилъ онъ, обращаясь къ придворной дамѣ.

— Я желала бы имѣть силуэтъ вашей невѣсты, отвѣтила она — говорятъ нѣмцы всегда обручаются передъ путешествіемъ.

— У меня нѣтъ невѣсты! проговорилъ съ смущеніемъ Эгбертъ.

— Такъ и быть, я готова пощадить васъ, но съ условіемъ, что вы мнѣ вырѣжете силуэтъ самой красивой изъ австрійскихъ принцессъ.

— Вотъ отлично, покажите ваше искусство, сказала Жозефина.

— Вы требуете отъ меня невозможнаго, сказалъ Эгбертъ, я видѣлъ нашихъ принцессъ мелькомъ и всего нѣсколько разъ. Наконецъ я дилетантъ, а не художникъ.

— Вамъ не помогутъ никакія отговорки. Принимайтесь за работу. Маркиза Гондревилль знаетъ эрцгерцогинь и должна рѣшить похожъ ли вашъ силуэтъ на оригиналъ.

Эгбертъ повиновался, но съ видимымъ нежеланіемъ.

Его просили сперва вырѣзать портретъ его невѣсты. Но чей силуэтъ могъ онъ представить дамамъ въ видѣ портрета своей возлюбленной. Онъ боялся, что какой нибудь насмѣшливый кобольдъ будетъ руководить его ножницами и вызоветъ сходство съ Антуанетой. На этомъ основаніи, онъ рѣшилъ вырѣзать силуэтъ принцессы. Пусть лучше осмѣютъ его въ случаѣ неудачи, но онъ не выдастъ тайну своего сердца.

Кавалеры также подошли къ столу.

— Я кончилъ, сказалъ Эгбертъ, нѣсколько минутъ спустя, положивъ силуэтъ передъ императрицей. Прошу ваше величество о снисхожденіи къ моей неискусной работѣ.

— Да это прелесть какъ хорошо! Какая красивая дѣвушка! воскликнула Жозефина задумчиво разглядывая силуэты. Скажите пожалуйста милая маркиза Гондревилль, которая это изъ Габсбургскихъ принцессъ?

— Это дочь императора Франца, эрцгерцогиня Марія Луиза, сказала Антуанета. Я не ожидала отъ васъ такого искусства, г-нъ Геймвальдъ!

— Она должно быть очень хороша собой? спросила императрица, не выпуская изъ рукъ силуэта. Mesdames, совѣтую вамъ взглянуть. Это портретъ эрцгерцогини Маріи Луизы. Можетъ быть вы будете имѣть счастье увидѣть эту молодую дѣвушку на престолѣ.

Къ императрицѣ подошелъ дежурный камергеръ и сказалъ ей что-то вполголоса.

— Наконецъ-то, сказала Жозефина, положивъ силуэтъ на столъ. Г-жа Ленорманъ! очень рада видѣть ее.

Появленіе знаменитой гадальщицы, которой предсказанія пользовались тогда въ Парижѣ большимъ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ суевѣрнымъ страхомъ, произвело замѣтное впечатлѣніе на общество и въ особенности на тѣхъ, которые не были обычными гостями въ Malmaison.

Эгбертъ съ удивленіемъ переглянулся съ Бурдономъ, хотя въ душѣ былъ крайне доволенъ, что его теперь оставятъ въ покоѣ и онъ будетъ избавленъ отъ скучной обязанности занимать общество.

Въ городѣ дружба Жозефины къ Аннѣ Ленорманъ ни для кого не была тайной. Всѣ знали также, что императрицѣ приходилось часто выдерживать насмѣшки отъ супруга за свои отношенія къ гадальщицѣ, но суевѣріе брало верхъ надъ другими соображеніями. Она доказывала при всякомъ удобномъ случаѣ, что должна вѣрить предсказаніямъ по собственному опыту, и что въ дѣтствѣ, когда она жила еще на островѣ Мартиникѣ въ домѣ своего отца, капитана Таше-деля-Пажери, одна старуха предсказала ей по линіямъ руки, что она сдѣлается императрицей.

Марія Анна Ленорманнъ была одѣта въ черное атласное платье съ длиннымъ шлейфомъ, узкими рукавами и въ черныхъ перчаткахъ

на рукахъ; темно-красная шаль была накинута на плечи. Она шла, медленно, низко и чопорно кланяясь по сторонамъ и остановилась передъ императрицей.

— Кажется намъ еще нечего ожидать скораго пріѣзда императора, сказалъ господинъ, стоявшій около камина своему сосѣду, занимавшему должность камергера въ штатѣ императрицы, указывая на Ленорманъ.

— Вы думаете это на основаніи пословицы: котъ со двора, а мыши на столъ?

— Я сегодня говорилъ съ Фуше: онъ не ожидаетъ императора раньше конца недѣли.

— Хотите держать пари, что онъ пріѣдетъ сегодня ночью въ Парижъ?

— Какая ему надобность спѣшить такимъ образомъ?

— Видите ли, императоръ хочетъ застать врасплохъ Фуше и Талейрана. Эти господа ошибутся въ расчетѣ. Они воображаютъ, что императору неизвѣстны ихъ тайныя совѣщанія. У его величества шпіоны умнѣе и въ большемъ количествѣ, чѣмъ у Фуше. Онъ имъ больше платитъ.

— Ты не изъ шпіоновъ ли Бонапарта? подумалъ испуганный камергеръ отыскивая предлогъ, чтобы присоединиться къ остальному обществу, но тотъ продолжалъ:

— Императоръ не можетъ долѣе оставлять столицу въ томъ безпокойномъ состояніи, въ какомъ она теперь находится. Развѣ онъ допуститъ, чтобы двое изъ первыхъ сановниковъ его государства сговаривались заранѣе о мѣрахъ, которыя нужно предпринять въ случаѣ его внезапной смерти.

— Въ случаѣ его смерти!

— Да онъ можетъ неожиданно умереть отъ кинжала испанскаго фанатика. Неужели до васъ не дошли слухи, которыми теперь полонъ Парижъ. Насъ окружаетъ атмосфера заговоровъ, какъ во времена Пишегрю и Кадудаля. Но вотъ идетъ Бурдонъ, онъ скажетъ намъ, что дѣлается въ лагерѣ республиканцевъ.

— Ничего! отвѣтилъ Бурдонъ. Они отдаютъ Кесарево Кесарю, а до остальнаго имъ дѣла нѣтъ.

— Скажите пожалуйста, кому это гадаетъ Ленорманъ? спросилъ камергеръ, довольный появленіемъ третьяго лица и пользуясь удобнымъ случаемъ, чтобы прервать непріятный для него разговоръ. Надѣюсь не ея величеству; это было бы противно этикету.

— Нѣтъ, императрица смотритъ, какъ Ленорманъ предсказываетъ судьбу молодому нѣмцу г-ну Геймвальдъ.

— Не пойти ли и намъ послушать, что говоритъ сивилла? сказалъ камергеръ, взявъ подъ руку Бурдона и подходя съ нимъ къ столу, у котораго сидѣла императрица.

Эгбертъ съ особеннымъ любопытствомъ разглядывалъ знаменитую

гадальщицу. При его поэтическомъ воззрѣніи на міръ, онъ считалъ вполнѣ возможнымъ, что нѣкоторымъ избраннымъ людямъ дана способность предвидѣнія. Развѣ не бываютъ у обыкновенныхъ смертныхъ удивительныя и непонятныя предчувствія! Разсудокъ можетъ легко опровергнуть существованіе міра духовъ, привидѣній и доказать невозможность видѣть будущее, но нельзя ни вполнѣ отрицать, ни объяснить единичные случаи двойнаго зрѣнія и исполненія того или другого предсказанія. Эгбертъ не былъ убѣжденъ, что все заключено въ опредѣленныхъ границахъ, доступныхъ человѣческому уму и что за ними нѣтъ ничего вѣчнаго, не поддающагося изслѣдованію. Однако какъ ни привлекала его своеобразная сила, которою была повидимому одарена эта женщина, но его отталкивалъ способъ примѣненія этой силы.

— Я не понимаю, какъ она можетъ пользоваться своимъ необыкновеннымъ даромъ для пріобрѣтенія денегъ? сказалъ Эгбертъ Бурдону.

— Это объясняется тѣмъ, что во всемъ этомъ шарлатанство играетъ первую роль, отвѣтилъ Бурдонъ.

Не менѣе непріятное впечатлѣніе произвели на Эгберта неестественныя манеры Ленорманъ и ея театральный костюмъ. Въ тѣ времена во всемъ французскомъ народѣ проявлялось желаніе подражать римлянамъ, какъ въ политическихъ и воинственныхъ стремленіяхъ, такъ и въ одеждѣ. Сообразно съ этимъ и Ленорманъ старалась изобразить изъ себя древнюю пророчицу въ одеждѣ, пріемахъ и рѣчи. Но она была слишкомъ свѣтская женщина, чтобы постоянно выдерживать принятую на себя роль и изъ тона оракула часто переходила къ пустой болтовнѣ.

Въ наружности ея не было ничего необыкновеннаго. Это была женщина лѣтъ сорока съ тонко очерченнымъ, недурнымъ, но и не красивымъ лицомъ, однѣ только руки поражали нѣжностью кожи и изяществомъ.

Она употребляла выраженія, цѣликомъ заимствованныя изъ Апокалипсиса и только слегка смягчала краски, говоря о страшныхъ бѣдствіяхъ, ожидающихъ Францію и паденіи великихъ государствъ. Все это имѣло глубокій смыслъ для Жозефины и придворныхъ, которые наравнѣ съ народомъ осуждали испанскую войну и желали мира. Въ этомъ гадальщица была только отголоскомъ общаго настроенія.

Но Эгбертъ напрасно старался уловить въ ея прорицаніяхъ что нибудь положительное или характерное. Каждый образъ расплывался у ней въ туманѣ Апокалипсиса, едва принявъ сколько нибудь осязательную форму. Онъ уже готовъ былъ признать справедливость мнѣнія Бурдона о Ленорманъ и отвернуться отъ зрѣлища, которое оскорбляло его нравственное чувство.

Между тѣмъ разговоръ перешелъ отъ далекаго будущаго къ настоящему.

Ленорманъ разсказывала, что ее посѣтилъ какой-то русскій вельможа и потребовалъ отъ нея, чтобы она вызвала для него тѣнь императора Павла. При этомъ гадальщица очень комично передразнивала русскаго знатнаго барина, вѣроятно созданнаго ея воображеніемъ, и замѣтила, что въ послѣднее время большой приливъ иностранцевъ въ Парижъ.

Тутъ императрица вспомнила объ Эгбертѣ и представила его Ленорманъ.

— Позвольте познакомить васъ, сказала она улыбаясь, съ молодымъ австрійцемъ, который не вѣритъ въ ваше искусство.

Гадальщица взглянула на него своими выразительными глазами, которые обыкновенно не останавливались долго ни на одномъ предметѣ. Его спокойствіе и равнодушіе не понравились ей.

— Будетъ ли у васъ на столько мужества, чтобы испытать мое искусство? спросила она торжественнымъ тономъ.

— Мужества? повторилъ Эгбертъ.

Онъ вѣроятно громко расхохотался бы, еслибы его не стѣсняло присутствіе императрицы. Онъ вспомнилъ народныя гулянья на Пратерѣ, гдѣ цыганки за серебряную монету предсказываютъ будущность легковѣрнымъ.

— Если ваше величество позволитъ мнѣ?... обратился онъ къ Жозефинѣ.

— А вы не боитесь? спросила она съ принужденнымъ смѣхомъ.

Ленорманъ подала Эгберту колоду картъ. Они стояли другъ противъ друга у стола, на которомъ еще лежалъ силуэтъ Маріи Луизы. Прежде чѣмъ снять карты, Эгбертъ осмотрѣлся, какъ бы желая убѣдиться, что все это не сонъ. Вокругъ нихъ зрители перешептывались и улыбались; императрица казалась взволнованною. Антуанета удалилась отъ стола и стояла задумчиво въ оконной нишѣ съ графиней Мартиньи. Эгбертъ прочиталъ молчаливое неодобреніе на лицѣ Антуанеты и вѣроятно бросилъ бы карты, еслибы это было въ его власти. Но уже было слишкомъ поздно; неудержимое любопытство увлекало его — онъ снялъ карты.

Ленорманъ оставалась нѣкоторое время въ задумчивой позѣ съ полузакрытыми глазами. Эгбертъ слегка облокотился рукою на столъ и пристально смотрѣлъ на гадальщицу, ожидая ея приговора.

Она дотронулась рукой до своего лба, подняла голову и нахмурила брови. Лицо ея приняло серьезное сосредоточенное выраженіе. Хотя это было только слѣдствіемъ мимическаго искусства, но внезапная перемѣна въ наружности прорицательницы оказала свое дѣйствіе на зрителей. Эгбертъ снялъ руку со стола.

— Вы дитя счастья, сказала она, медленно разглядывая карту за картой, богато одарены природой; у васъ доброе и благородное сердце. Вотъ убійство...

Императрица придвинула свое кресло къ столу; Эгберту стоило

усилій оставаться спокойнымъ. На всѣхъ лицахъ замѣтно было напряженное вниманіе.
— Вы не могли помѣшать убійству, ни устранить его послѣдствій, продолжала гадальщица. — Оно дало новое направленіе вашей жизни... Вы пріѣхали въ Парижъ. Я вижу, что вы замѣшаны въ важныя и опасныя дѣла. Нить вашей жизни тѣсно связана съ высокопоставленными лицами. Вы будете участвовать въ страшной битвѣ...
— Война съ Австріей! воскликнуло нѣсколько голосовъ.
— Васъ спасетъ случай! добавила Ленорманъ, которая казалась совсѣмъ погруженною въ свои размышленія и указывала пальцемъ, то на одну, то на другую карту. Вы переѣзжаете съ императоромъ большую рѣку. Точно какое-то бѣгство.
— Вѣрно черезъ Дунай! сказалъ кто-то изъ зрителей.
Сердце Эгберта усиленно билось, но онъ сохранилъ наружное спокойствіе.
— Изъ воды въ огонь... Горитъ большой огонь. Это въ Парижѣ... какое-то особенное празднество! вы участвуете въ немъ, а это — Боже мой, это что такое!... Императрица...
Глаза прорицательницы сдѣлались неподвижными отъ испуга, палецъ ея остановился на силуэтѣ Маріи Луизы.
Ленорманъ покачнулась на креслѣ и сдѣлала видъ, что падаетъ въ обморокъ.
— Безсовѣстное фиглярство! сказалъ вполголоса Бурдонъ, подходя къ императрицѣ, которая въ смертельномъ испугѣ поднялась съ своего кресла.—Это бредъ безумной!.. Ваше величество не погибнетъ на пожарѣ...
— На дворѣ шумъ. Горятъ факелы! Курьеръ!.. сказала графиня Мартиньи, выходя изъ оконной ниши, гдѣ она стояла съ Антуанетой.
— Гонецъ отъ императора?.. Изъ Испаніи?..
По корридорамъ, на лѣстницѣ, въ сосѣднихъ комнатахъ слышалась бѣготня слугъ. Камергеры поспѣшно вышли изъ залы, чтобы узнать причину шума.
Одинъ изъ нихъ тотчасъ же вернулся назадъ и, подойдя къ Жозефинѣ, доложилъ взволнованнымъ голосомъ:
— Его величество императоръ! Онъ вышелъ изъ экипажа!
— Императоръ! воскликнула съ удивленіемъ Жозефина.
Придворныя дамы поспѣшно увели растерявшуюся прорицательницу въ спальню императрицы, откуда былъ выходъ въ садъ. Остальныя гости бросились собирать карты. Бурдонъ спряталъ ихъ къ себѣ въ карманъ.
— У меня никто не вздумаетъ искать ихъ, сказалъ онъ.
Между тѣмъ императрица вышла изъ комнаты, чтобы встрѣтить своего супруга.
Они вошли подъ руку въ зало.

— Вы видите, я благополучно вернулся сюда! сказалъ онъ своимъ рѣзкимъ, почти грубымъ голосомъ. Нашлись люди, которые воображаютъ, что я могу погибнуть отъ испанскаго ножа. Испанцы трусливый народъ, который только умѣетъ бѣгать отъ непріятеля. 19 января я былъ еще въ Байоннѣ и ѣхалъ сюда не останавливаясь. Я прежде всего явился къ вамъ, зная, что вы больше всѣхъ безпокоились обо мнѣ.

На щекахъ Жозефины выступилъ легкій румянецъ. Она улыбнулась ему въ отвѣтъ.

Пробили часы.

— Уже половина одинадцатаго. Сегодня же ночью я долженъ отправиться въ Тюльери.

Онъ дошелъ до половины залы и остановился подъ люстрой. Жозефина стояла около него, безпокойно оглядываясь по сторонамъ изъ боязни, что бы кто нибудь изъ присутствующихъ не вызвалъ его неудовольствія. Она видѣла, что прядь его темныхъ волосъ опустилась ему на лобъ; для тѣхъ кто близко зналъ его, это былъ предвѣстникъ усиленной мысли или затаеннаго гнѣва, который можетъ вспыхнуть при малѣйшемъ поводѣ. На немъ было сѣрое верхнее платье, доходившее до отворотовъ его высокихъ сапоговъ, подъ которымъ виднѣлся зеленый мундиръ съ красной ленточкой Почетнаго Легіона. Въ правой рукѣ онъ держалъ шляпу. При блескѣ множества свѣчей его красивое и строгое лицо напоминало изображенія римскихъ императоровъ, изваянное изъ мрамора. Всѣ чувствовали себя неловко въ присутствіи могущественнаго властителя. Антуанета, которая видѣла императора въ первый разъ не могла себѣ представить, что онъ произведетъ на нее такое сильное впечатлѣніе. Всѣ остальные люди казались ей незначительными передъ нимъ, даже дядя Вольфсеггъ, котораго она уважала болѣе всѣхъ на свѣтѣ.

Общество встало полукругомъ: мужчины направо, женщины налѣво; онъ окинулъ ихъ взглядомъ и не встрѣтивъ ни одного лица, которое было ему непріятно или ненавистно, сказалъ Жозефинѣ:

— Вы хорошо дѣлаете, что собираете около себя ученыхъ и художниковъ. Это задача достойная государыни. Я не люблю королевъ, которыя вмѣшиваются въ политику. Это губительницы народовъ.

Онъ подошелъ къ группѣ кавалеровъ и сказалъ имъ нѣсколько ласковыхъ словъ, но Эгберту показалось, что онъ принуждаетъ себя къ этому и сердце его непричастно къ тому, что онъ говоритъ.

— Добрый вечеръ мой милый графъ Меневаль. Вашъ племянникъ храбро сражался при Само-Сіеррѣ. Пуля засѣла у него въ рукѣ. Но это не опасно.

Затѣмъ императоръ обратился къ другому:

— Какъ поживаете, Фонтенъ? Подвигаются ли наши постройки? Для славы моего царствованія весьма важно чтобы Лувръ былъ оконченъ при мнѣ. Я разсчитываю на васъ.

— Каждое ремесло, ваше величество, имѣетъ свои невыгодныя стороны, отвѣтилъ архитекторъ. Легче начертить планъ, чѣмъ привести его въ исполненіе.

Императоръ слегка пожалъ плечами и подошелъ къ Тальмѣ.

— Очень радъ видѣть васъ Тальма. У васъ отличный видъ. Пребываніе въ Эрфуртѣ принесло вамъ пользу. Своей игрой вы сдѣлали честь мнѣ и Франціи.

— Вы слишкомъ милостивы, ваше величество.

— Я не знаю кто изъ нашихъ академиковъ доказывалъ превосходство испанскаго театра передъ нашимъ...

— Гингене—подсказала ему Жозефина, которая отличалась превосходною памятью.

— Да, Гингене. Но я долженъ сказать вамъ, mesdames,—онъ обратился къ дамамъ,—что мы видѣли на испанской сценѣ только жалкіе фарсы бездарныхъ актеровъ. Даже ихъ знаменитый Fandango не болѣе какъ однообразный полуварварскій танецъ. Мы должны цивилизовать Испанію и мы можемъ это сдѣлать. Пиринеевъ не существуетъ больше! Этого не могъ сказать ни Людовикъ XIV, ни Карлъ Великій.

Затѣмъ, сдѣлавъ быстрое движеніе, чѣмъ онъ такъ часто озадачивалъ окружающихъ, онъ опять очутился около Тальмы.

— Ну какъ идетъ нашъ Гекторъ?

— Мы надѣемся сыграть его передъ вашимъ величествомъ въ первыхъ числахъ этого мѣсяца.

— Это превосходная трагедія, продолжалъ Наполеонъ. Она совершенно въ греческомъ стилѣ. Въ ней изображенъ идеалъ женщины въ лицѣ домовитой и нѣжной Андромахи, восхваляется любовь къ отечеству и военныя доблести. Это цѣль поэзіи великаго народа. Пускай другія менѣе воинственныя націи, какъ напримѣръ нѣмцы, занимаются романическими бреднями. Разсчитываете ли вы на успѣхъ?

— Съ своей стороны я употреблю всѣ старанія ваше величество.

— Вы не отвѣчаете на мой вопросъ. Говорите прямо. Въ этомъ дѣлѣ вы лучшій судья, нежели я.

— По мнѣнію публики, авторъ выбралъ слишкомъ отдаленный сюжетъ; парижане желаютъ чтобы имъ изображали событія изъ нашей исторіи, которыя имѣли бы непосредственную связь съ настоящимъ...

— Вы правы, Тальма, прервалъ Наполеонъ. Я не понимаю почему наши поэты не изображаютъ намъ событія изъ французской исторіи. Можетъ ли быть лучше сюжета, какъ возстановленіе имперіи Карломъ Великимъ, его побѣды надъ лонгобардами и саксами, его коронованіе, и т. п. Поэты вывелись у насъ. Неужели войны, которыя вынуждаетъ насъ вести невѣрная Англія, убиваютъ поэтическій геній? Примѣръ Греціи и древняго Рима доказываетъ противное. Все зависитъ отъ націи, а не отъ правленія. Кажется намъ пріидется выписывать поэтовъ изъ Германіи. Посмотрите на Виланда и Гёте! Это

величайшіе поэты нашего столѣтія и вмѣстѣ съ тѣмъ умные люди, которые съ благодарностью относятся къ тому, что я сдѣлалъ для міра. Въ этомъ они стоятъ неизмѣримо выше нашихъ такъ называемыхъ писателей, которомъ приличнѣе было бы взять въ руки чулокъ, нежели перо.

Разсуждая такимъ образомъ, Наполеонъ ходилъ взадъ и впередъ по залѣ и случайно остановился передъ Эгбертомъ. Незнакомое лицо привлекло его вниманіе. Онъ вопросительно взглянулъ на Жозефину.

— Г. Эгбертъ Геймвальдъ, сказала она поспѣшно.—Его представилъ намъ австрійскій посланникъ графъ Меттернихъ.

— Вы, австріецъ? спросилъ Наполеонъ повелительнымъ тономъ.

У Эгберта внезапно забилось сердце.

— Да, ваше величество, я изъ Вѣны, отвѣтилъ онъ.

— Изъ Вѣны! воскликнулъ Наполеонъ нахмурихъ брови. — Кажется въ Вѣнѣ течетъ теперь не Дунай, но потокъ Леты. Скоро же забываютъ тамъ уроки данные опытомъ! Австрія получитъ новый урокъ, милостивый государь, если она этого желаетъ и хуже прежняго. Я ручаюсь вамъ въ этомъ. Я не желаю войны. Беру въ свидѣтели всю Европу, что теперь всѣ мои усилія направлены противъ Испаніи. Австрія въ 1805 году спасла Англію, когда я собирался переѣхать проливъ и взять приступомъ Лондонъ. Теперь она останавливаетъ мои побѣды въ Испаніи. Она отвѣтитъ мнѣ за это. Я разобью ваши войска, уничтожу ихъ до послѣдняго человѣка...

Буря разразилась. Давно накопившаяся ярость нашла себя выходъ. Присутствіе австрійца при дворѣ Жозефины послужило для императора удобнымъ поводомъ, чтобы излить свое неудовольствіе.

Въ подобныя минуты въ Наполеонѣ было величіе всесокрушающей силы. Его лицо принимало выраженіе неумолимой жестокости и, благодаря правильнымъ и благороднымъ очертаніямъ, пріобрѣтало своеобразную красоту.

Всѣ стояли молча въ боязливомъ ожиданіи, опустивъ глаза. Въ головѣ Антуанеты промелькнула мысль: это высшій изъ смертныхъ! Ни Александръ Македонскій, ни Цезарь не могутъ сравниться съ нимъ!

Эгбертъ спокойно выдержалъ первую вспышку грознаго властелина и не измѣнилъ себѣ ни однимъ движеніемъ. Но когда Наполеонъ внезапно оборвалъ свою рѣчь, онъ поднялъ голову и громко сказалъ:

— Ваше императорское величество, вы ошибаетесь, я не солдатъ и не государственный человѣкъ, я ученый.

Жозефина еще болѣе поблѣднѣла. Всякое противорѣчіе раздражало Наполеона даже при его спокойномъ состояніи.

На этотъ разъ онъ былъ озадаченъ и взглянувъ съ удивленіемъ на смѣлаго юношу своими сверкающими глазами спросилъ:

— Вы видите меня не въ первый разъ?

Онъ не могъ иначе объяснить спокойствіе молодого австрійца.

— Я видѣлъ ваше величество въ Шенбруннѣ за три дня передъ Аустерлицкой битвой.

Присутствующіе, услыхавъ этотъ отвѣтъ, вздохнули свободнѣе. Воспоминаніе о битвѣ трехъ императоровъ всегда приводило Наполеона въ хорошее расположеніе духа. Эта битва была не только одна изъ его самыхъ крупныхъ побѣдъ, но и вѣнецъ его военнаго искусства.

— Однако вы, или лучше сказать вашъ императоръ, хочетъ отважиться на новый Ауестерлицъ!

— Кто видѣлъ тогда ваше величество какъ я, тотъ не будетъ желать войны Франціи съ Австріей.

— Вы давно въ Парижѣ? спросилъ императоръ уже болѣе милостивымъ тономъ.

— Полтора мѣсяца, ваше величество.

— Какъ васъ зовутъ?

— Эгбертъ Геймвальдъ, ваше величество.

— Такъ вы ученый! Дѣйствительно, вы напоминаете мнѣ молодыхъ людей въ сѣверо-германскихъ университетахъ—Галле и Іенѣ. Прекрасная, сильная молодежь. Жаль, что вамъ внушаютъ ложныя понятія и увеличиваютъ вашу природную склонность къ мечтательности и романтизму. Чего только не выполнила бы эта молодежь подъ моими знаменами!... Какая у васъ спеціальность, г. Геймвальдъ?

— Я изучалъ медицину, ваше величество, но вслѣдствіи преждевременной смерти моего отца...

— Вы сдѣлались богаты и независимы и бросили науку?

— Да, ваше величество! и я пріѣхалъ въ вашу столицу, чтобы изучать сокровища искусствъ, которыя собраны здѣсь, благодаря вашимъ побѣдамъ и мудрости.

— Мнѣ пріятно слышать это отъ нѣмца. Если я приказывалъ свозить сюда художественныя произведенія изъ полуразрушенныхъ церквей и замковъ, изъ далекихъ монастырей и маленькихъ городковъ, чтобы выставить ихъ въ свѣтлыхъ и обширныхъ залахъ, то это было сдѣлано для общаго блага. Но мои лучшія намѣренія всегда остаются непонятыми. Вотъ, напримѣръ, ваши соотечественники приписываютъ мнѣ желаніе начать войну съ Германіей! Но къ этому принуждаютъ меня ваши князья и дворянство. Они неисправимы. Но вашъ народъ благодарнѣе и послушнѣе французскаго. Ему предстоитъ великая будущность, если онъ когда нибудь найдетъ себѣ достойнаго предводителя.

Императоръ при этихъ словахъ пристально посмотрѣлъ на Эгберта какъ бы ожидая отвѣта.

— У насъ многіе убѣждены, что такой человѣкъ посланъ намъ провидѣніемъ въ лицѣ вашего величества. Васъ называютъ у насъ новымъ Карломъ Великимъ.

— Но вы лично не раздѣляете этого мнѣнія?

— У меня не можетъ быть мнѣнія въ этомъ случаѣ, но я покло-

няюсь генію. Не сочтите это за лесть, ваше величество. Я не имѣю чести быть вашимъ подданнымъ и потому могу позволить себѣ подобное заявленіе.

Наполеонъ улыбнулся. Такой милости удостоивались немногіе; но на Эгберта эта улыбка произвела отталкивающее впечатлѣніе. Улыбался одинъ ротъ, между тѣмъ какъ лобъ и глаза оставались серьезными и мрачными.

— Я надѣюсь, что вижу васъ не въ послѣдній разъ, сказалъ Наполеонъ, кивнувъ едва замѣтно головой Эгберту и отошелъ отъ него.

Жозефина бросила на Эгберта ласковый взглядъ. Сверхъ ожиданія юноша счастливо выдержалъ опасное испытаніе и имѣлъ счастье понравиться властелину.

Наполеонъ вообще благосклонно относился къ смиренію и покорности, но въ этомъ отношеніи не довѣрялъ своимъ придворнымъ, и потому былъ особенно чувствителенъ къ похваламъ нѣмцевъ и англичанъ, которыя всегда пріятно дѣйствовали на него.

Милостивое расположеніе духа тотчасъ же отразилось на Жозефинѣ. Она окончательно успокоилась и смѣло отвѣчала на его вопросы съ своей милой улыбкой, сама налила ему стаканъ Chambertin'a— единственное вино, которое онъ пилъ охотно.

Онъ сѣлъ къ столу, за которымъ только что гадала Ленорманъ, взялъ въ руку цвѣты, вырѣзанные Эгбертомъ и опять бросилъ ихъ на столъ. Онъ разговаривалъ въ полголоса съ Жозефиной; изъ бѣглаго взгляда, брошеннаго имъ на Эгберта, придворные заключили, что рѣчь шла о молодомъ нѣмцѣ.

Императоръ поставилъ свой стаканъ на столъ и увидѣлъ силуэтъ красивой женской головы.

— Это кто? спросилъ онъ.

— Говорятъ, что этотъ силуэтъ очень похожъ на австрійскую эрцгерцогиню Марію Луизу, отвѣтила Жозефина.—Г. Геймвальдъ вырѣзалъ его по просьбѣ одной изъ моихъ придворныхъ дамъ.

Наполеонъ былъ актеръ въ душѣ. Постоянно упражняясь въ своемъ природномъ талантѣ, онъ дошелъ до извѣстной степени совершенства и любилъ казаться удивленнымъ и недовольнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда торжествовалъ въ душѣ. Такъ было и теперь. Глядя на вырѣзанные цвѣты, онъ былъ очень радъ, что люди окружавшіе его супругу занимаются такими невинными развлеченіями, такъ какъ по словамъ его довѣренныхъ лицъ эти собранія были гнѣздомъ тайныхъ козней его враговъ, которые старались возстановить противъ него Жозефину и заранѣе обсуждали мѣры, которыя имъ слѣдуетъ предпринять въ случаѣ его внезапной смерти. Вмѣсто заговорщиковъ и сообщниковъ Фуше и Талейрана, онъ встрѣтилъ художниковъ и ученыхъ, которымъ сочувствовалъ какъ безвреднымъ людямъ и молодого простодушнаго иностранца, который не могъ внушить и тѣни

подозрѣнія. Тѣмъ не менѣе онъ счелъ нужнымъ показаться удивленнымъ и выразить свое неодобреніе.

— Я не подозрѣвалъ, сказалъ онъ, возвысивъ голосъ,—что при нашемъ дворѣ чувствуютъ такое расположеніе къ Австріи, что собираютъ портреты австрійскихъ эрцгерцогинь. Кто сказалъ, что этотъ силуэтъ похожъ на оригиналъ? Вѣроятно не самъ художникъ; онъ слишкомъ скроменъ для этого!

Жозефина при этомъ неожиданномъ вопросѣ измѣнилась въ лицѣ. Она боялась новой вспышки со стороны Наполеона и невольно взглянула на Антуанету, которая выступила нѣсколько впередъ и опять остановилась въ нерѣшимости. Наполеонъ тотчасъ же замѣтилъ ее, такъ какъ ея темное бархатное платье рѣзко отличалось отъ нарядовъ другихъ дамъ. Онъ былъ пріятно пораженъ необыкновенной красотой и благороднымъ выраженіемъ лица молодой дѣвушки. Ему казалось, что онъ никогда не видалъ болѣе привлекательнаго существа.

Антуанета почувствовала что для нея наступилъ рѣшительный моментъ; если она не воспользуется этимъ случаемъ, то быть можетъ потеряетъ навсегда возможность спасти своего брата.

Пересиливъ свою робость, она вышла на средину залы и громко сказала.

— Я имѣю честь, ваше величество, быть лично знакомой съ эрцгерцогиней...

Наполеонъ вопросительно взглянулъ на нее.

— Извините, — сказалъ онъ,—я не подозрѣвалъ присутствія австрійской придворной дамы.

— Я на столько же австрійская подданная, насколько и вашего величества. Я у вашихъ ногъ...

У Эгберта разрывалось сердце отъ негодованія. Онъ видѣлъ, что Антуанета готова была преклонить колѣни передъ Бонапартомъ; — это было для него поруганіемъ его идеала. Онъ готовъ былъ громко воскликнуть: остановись! какъ можетъ твоя свободная душа дойти до подобнаго униженія!

Но императоръ предупредилъ желаніе молодой дѣвушки, взявъ ее за руку.

— Нѣтъ, сказалъ онъ такимъ кроткимъ голосомъ, насколько было для него возможно—это лишнее! Вы хотите обратиться ко мнѣ съ просьбой и для этого пріѣхали изъ Германіи. Говорите, въ чемъ дѣло?

— Ваше величество, отъ вашего слова зависитъ жизнь и свобода самаго близкаго для меня человѣка. Я Антуанета Гондревилль, несчастная сестра...

— Молодаго маркиза Франца Гондревилль, который поднялъ противъ насъ оружіе въ Испаніи?

— Онъ былъ австрійскимъ офицеромъ и считалъ себя свободнымъ отъ обязательствъ относительно Франціи.

— Француза ничто не можетъ освободить отъ его долга къ императору и Франціи, отвѣтилъ сурово Наполеонъ.

Онъ все еще держалъ за руку, Антуанету.

— Вы мужественная дѣвушка, сказалъ онъ. Вашъ братъ, какъ мнѣ сообщилъ испанскій король сражался геройски у нихъ. Я всегда любилъ храбрыхъ людей. Участь вашего брата еще не рѣшена. Еслибы всѣ французы живущіе за границей относились ко мнѣ съ такимъ довѣріемъ какъ вы, то имъ не пришлось бы пожалѣть объ этомъ. Надѣюсь видѣть васъ въ Тюльери, маркиза Гондревилль.

Затѣмъ Бонапартъ обратился къ Жозефинѣ и сказалъ:

— Благодарю васъ за пріятный сюрпризъ, который вы приговили мнѣ. По возвращеніи моемъ въ Парижъ, я постараюсь доказать, что умѣю отличить заблужденіе храбраго, дурно направленнаго юноши отъ коварныхъ казней извѣстныхъ людей. Поручаю эту дѣвушку вашему покровительству... Однако мнѣ пора въ Парижъ, добавилъ онъ взглянувъ на часы. До свиданія.

Наполеонъ былъ въ наилучшемъ расположеніи духа. Онъ былъ доволенъ положеніемъ дѣлъ въ Malmaison. Съ другой стороны онъ былъ польщенъ, что дѣвушка стариннаго дворянскаго рода обратилась къ нему съ просьбой о помилованіи своего брата въ присутствіи всего двора, такъ какъ не смотря на свое могущество, Бонапартъ оставался parvenu до конца своего царствованія. Приверженцы Бурбоновъ, перешедшіе на его сторону, имѣли въ глазахъ его больше цѣны, чѣмъ революціонеры, которые возвысились вмѣстѣ съ нимъ. Къ послѣднимъ онъ относился съ недовѣріемъ. Изъ нихъ одни завидовали его возвышенію, другіе были неисправимы въ своихъ республиканскихъ убѣжденіяхъ.

Онъ уже собирался уходить, но замѣтилъ Бурдона, стоявшаго въ сторонѣ.

— И вы здѣсь, сказалъ онъ, сжавъ въ рукахъ поля своей шляпы. Жаль, что вы не поѣхали со мной въ Испанію. Тамъ удобно изучать людей помѣшанныхъ на фанатизмѣ.

— Такихъ людей можно встрѣтить и въ Парижѣ, ваше величество.

— Ваши друзья республиканцы также фанатики, сказалъ Наполеонъ презрительнымъ тономъ. Дураки и идеологи, которые воображаютъ себя Брутами и Кассіями! Кстати не знакомы ли вы съ извѣстнымъ Бонелли?

— Я не понимаю вопроса, вашего величества!—отвѣтилъ Бурдонъ слегка поблѣднѣвъ. Каждый полицейскій чиновникъ знаетъ теперь, что нѣкоторые безмозглые люди называютъ этимъ именемъ ваше величество.

— Вы также не одобряете это? Я видѣлъ васъ при Эйлау; мнѣ было бы очень жаль, еслибы вы были замѣшаны въ такихъ глупыхъ продѣлкахъ. Вашъ отецъ недавно умеръ; вы теперь богатый человѣкъ и владѣете значительными помѣстьями въ Лотарингіи. Развѣ ваше

присутствіе необходимо въ Парижѣ? Подумайте объ этомъ... Тацита вы можете читать и у себя въ деревнѣ. — И повернувшись къ нему спиной, Наполеонъ поклонился на обѣ стороны и вышелъ изъ комнаты. Нѣкоторымъ показалось, что уходя, онъ взглянулъ на Антуанету.

Пока императоръ и его супруга были въ передней, никто не произнесъ ни одного слова и даже не тронулся съ мѣста, но всѣ почувствовали, что имъ какъ то легче дышется съ уходомъ Бонапарта.

— Неужели ему необходимо сказать всегда какую нибудь непріятность? сказалъ вполголоса Бурдону архитекторъ Фонтанъ, когда послышался стукъ отъѣзжающаго экипажа.

— Иначе онъ, какъ Титъ, только въ обратномъ смыслѣ, считалъ бы свой день потеряннымъ—возразилъ Бурдонъ.

Теперь всѣ сторонились отъ Бурдона, какъ отъ зачумленнаго; одинъ только Эгбертъ пожалъ ему руку; но тѣмъ любезнѣе отнеслось общество къ Антуанетѣ. Ее хвалили за присутствіе духа.

— Вашъ братъ внѣ опасности, говорили одни.—Императоръ былъ необыкновенно милостивъ къ вамъ, говорили другіе.

Мужчины умоляли ее бросить свое затворничество; дамы соперничали другъ передъ другомъ въ изліяніяхъ нѣжной дружбы. Съ горькимъ чувствомъ смотрѣлъ Эгбертъ на молодую графиню и не рѣшался подойти къ ней. Отчего она такъ взволнована и такая сіяющая? спрашивалъ онъ себя. На лицѣ ея отражается гордое сознаніе одержанной побѣды. Однимъ своимъ взглядомъ и кроткимъ голосомъ она обезоружила гнѣвъ императора. Она поняла могущество своей красоты... Но радость Антуанеты печально настроила Эгберта. Онъ видѣлъ, что его богиня поддается власти темныхъ силъ. Опъяненіе, счастье, которое онъ замѣтилъ на ея лицѣ, открыло ему честолюбивые помыслы, которые болѣе чѣмъ когда нибудь наполняли душу Антуанеты.

— Недаромъ называютъ его Люциферомъ, промелькнуло въ головѣ Эгберта; онъ подчинилъ ее своей власти.

Между тѣмъ императрица вернулась въ залу и подошла къ Бурдону.

— Вы останетесь, сказала она, подавая ему руку,—онъ не могъ говорить это серіозно. — Затѣмъ, понизивъ голосъ, она добавила: я говорила съ нимъ о Фуше. Надѣюсь, что онъ уже не выпутается на этотъ разъ.

Слуги разносили десертъ; нѣкоторые изъ болѣе пожилыхъ господъ собирались уѣзжать, извиняя себя тѣмъ, что до Парижа около часа ѣзды.

— Программа нашего вечера не удалась, сказала улыбаясь Жозефина, обращаясь къ своимъ гостямъ. Вы собрались чтобы слушать предсказанія Ленорманъ, но она...

Жозефина остановилась, не зная какъ лучше выразиться.

— Обратилась въ бѣгство, если ваше величество позволитъ мнѣ употребить это выраженіе,—сказала одна изъ придворныхъ дамъ.

Жозефина улыбнулась и погрозила ей пальцемъ. — Ну, а гдѣ же карты?—спросила она.

— Здѣсь, ваше величество, отвѣтилъ Бурдонъ и выложилъ ихъ на столъ.—Видно Ленорманъ, предсказывая опасности другимъ отъ воды и огня, не предвидѣла ихъ для себя...

Императрица сдѣлала видъ, что не слышитъ этой фразы.

ГЛАВА III.

Неожиданный пріѣздъ Наполеона смутилъ парижанъ. Всѣ были увѣрены, что онъ въ Испаніи, между тѣмъ какъ онъ сидѣлъ въ Тюльери, составляя планы для новыхъ войнъ.

Многіе жестоко осуждали его, что онъ, не покончивъ покоренія Испаніи, прервалъ его на половинѣ. Кровь нашихъ солдатъ текла напрасно; шайки испанскихъ инсургентовъ опять соберутся въ Манха и въ Андалузіи и прійдется опять усмирять ихъ и быть можетъ съ меньшими шансами на успѣхъ. Безпокоило также французовъ намѣреніе императора начать третью войную съ Германіей. Бѣдняки боялись новаго набора, достаточные люди потери состоянія, такъ какъ, въ случаѣ неудачи и сверженія Бонапарта, могла опять наступить революція со всѣми ея ужасами.

Эгбертъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что французы, несмотря на свое тщеславіе и жажду славы, смотрѣли съ недовѣріемъ на свою будущность. Они смѣялись надъ мечтами Эгберта о наступленіи вѣчнаго мира и устройствѣ всемірной монархіи, гдѣ бы процвѣтала торговля, ремесла, искусства и науки. Имперія—возражали ему, въ одинъ прекрасный день распадется и исчезнетъ съ лица земли какъ дворцы фей въ волшебныхъ сказкахъ. Наполеонъ, какъ всякій сказочный любимецъ счастья, забудетъ когда нибудь произнести во-время магическое слово, съ которымъ связано его превосходство надъ другими людьми, и въ одинъ прекрасный день проснется такимъ же безсильнымъ и простымъ смертнымъ, какъ мы всѣ.

Но за всѣми этими толками о благѣ Франціи и судьбѣ императора, скрывалась общее нежеланіе новыхъ приключеній и риска. Это настроеніе замѣтно было не только въ низшихъ классахъ, но и между маршалами и высшими сановниками, которые хотѣли спокойно наслаждаться случайно пріобрѣтеннымъ положеніемъ и богатствомъ. Но что могло значить настроеніе публики для Бонапарта! Оно не имѣло настолько

силы, чтобы даже замедлить на одинъ часъ его приказанія. Въ тайнѣ могли проклинать его, но наружно все покорялось ему.

Съ невѣроятною быстротою шли приготовленія къ новой войнѣ: производился наборъ войска; безъ устали работали въ арсеналахъ. Послѣ отставки Талейрана, всѣ были увѣрены, что Фуше будетъ также удаленъ отъ своей должности. Но это ожиданіе не испугало министра полиціи, испытавшаго столько переворотовъ въ своей жизни.

— Этотъ господинъ воображаетъ, что можетъ царствовать безъ насъ, сказалъ Фуше о Наполеонѣ одному изъ своихъ пріятелей. Годъ или два куда ни шло, а потомъ онъ будетъ внизу, а мы на верху. Революція поглотила Дантона и Робеспьера; не стоило труда дѣлать ее, если она и его не поглотитъ.

Прежніе любимцы императора съ неудовольствіемъ замѣчали, что со времени своего возвращенія изъ Испаніи онъ приблизилъ къ себѣ какого-то иностранца съ вкрадчивыми манерами и красивой наружностью. Это былъ шевалье Цамбелли. Никто изъ придворныхъ не зналъ его; только нѣкоторые помнили, что видѣли его мелькомъ при дворѣ вице-короля Евгенія. Тотчасъ по прибытіи своемъ въ Тюльери императоръ потребовалъ его къ себѣ. Почти ежедневно они работали вмѣстѣ: всѣмъ было извѣстно, что шевалье пріѣхалъ изъ Австріи и потому не могло быть сомнѣнія относительно сущности этихъ совѣщаній.

Событіе въ игорной комнатѣ гостинницы „Kugel“ имѣло рѣшающее вліяніе на судьбу Цамбелли. Онъ уже давно служилъ императору, представилъ ему много доказательствъ своей вѣрности, смѣлости и хитрости, но его завѣтная мечта занять видное мѣсто при французскомъ дворѣ осталась неисполненною. Наполеонъ считалъ его за ловкаго и ни передъ чѣмъ не останавливающагося шпіона и авантюриста, щедро награждалъ его деньгами, но держалъ его въ почтительномъ отдаленіи отъ себя и видимо избѣгалъ его.

Цамбелли чувствовалъ эту холодность и она была для него источникомъ нескончаемыхъ мученій, но когда секретарь французскаго посольство сообщилъ ему о желаніи императора видѣть его, то это было для него пробужденіемъ къ новой жизни. Любовь къ Антуанетѣ еще нѣкоторое время сдерживала его честолюбивыя стремленія и измѣнническіе планы, пока ему не показалось, что Антуанета не любитъ его. „Она еще честолюбивѣе меня, подумалъ онъ—и только тогда будетъ считать меня приличной для себя партіей, когда я къ ней явлюсь маршаломъ или съ титуломъ герцога. Я отправлюсь къ Бонапарту и достигну цѣли моихъ стремленій“.

Это рѣшеніе окончательно созрѣло въ его головѣ, когда въ рукахъ его очутилось шифрованное письмо, переданное ему Армгартомъ въ гостинницѣ „Kugel“. Теперь онъ могъ смѣло расчитывать на хорошій пріемъ со стороны императора.

Заручившись письмомъ, Цамбелли заблаговременно удалился изъ

игорной комнаты и въ ту же ночь уѣхалъ изъ Вѣны, воспользовавшись медленностью австрійской полиціи. Во владѣніяхъ князей Рейнскаго союза онъ былъ уже въ полной безопасности и безпрепятственно переѣхалъ французскую границу, благодаря паспорту, которымъ снабдилъ его генералъ Андраши. Только въ Парижѣ Фуше задержалъ его нѣкоторое время подъ разными предлогами. Предполагая, что Цамбелли везетъ какія нибудь важныя бумаги императору, онъ хотѣлъ выманить ихъ у него, чтобы присвоить себѣ главную заслугу. Онъ пробовалъ подкупить итальянца деньгами и видя, что это не удается ему, задумалъ арестовать его. Но шевалье предупредилъ его и обратился за помощью къ парижскому префекту Дюбуа, который былъ заклятымъ врагомъ Фуше. Дюбуа не только доставилъ ему средства ѣхать въ Испанію къ императору, но еще сообщилъ ему подробныя свѣдѣнія о преступныхъ дѣйствіяхъ Фуше, его тайныхъ совѣщаніяхъ съ Талейраномъ и сношеніяхъ съ Бурбонами. Когда Фуше послѣ нѣкотораго колебанія рѣшился наконецъ арестовать Цамбелли, то этотъ выѣхалъ изъ Бордо.

2-го января 1809 года Витторіо уже былъ на королевской военной дорогѣ изъ Вальядолида въ Кастилію и настигъ императора въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Асторги.

Встрѣча произошла среди большой дороги при сильнѣйшей мятели, снѣгѣ и вѣтрѣ. Императоръ ѣхалъ во главѣ своего войска; на немъ была богатая шуба, подарокъ царя Александра I; онъ осадилъ свою лошадь, когда къ нему подъѣхалъ Цамбелли въ своемъ развѣвающемся плащѣ, держа высоко бумаги надъ головой.

— Депеши изъ Франціи!

— Вы дрожите отъ холода, сказалъ императоръ.

Цамбелли ѣхалъ день и ночь, чтобы обогнать курьера, котораго министръ полиціи ежедневно посылалъ къ императору.

— Нѣтъ, отъ счастья видѣть ваше величество, отвѣтилъ Цамбелли, спрыгнувъ съ лошади.

Наполеонъ прежде всего распечаталъ донесеніе префекта Дюбуа, которое показалось ему на столько важнымъ, что онъ велѣлъ развести бивачный огонь у гигантскихъ дубовъ, ростущихъ около дороги. Онъ пригласилъ шевалье къ огню и около часу говорилъ съ нимъ. Витторіо разсказалъ ему ловко придуманную исторію о своемъ бѣгствѣ изъ Австріи и о томъ, какъ онъ съ опасностью жизни овладѣлъ важными документами. Съ этими словами онъ передалъ императору письмо графа Стадіона, гдѣ было сказано: „1 марта 1809 года вооруженіе Австріи будетъ кончено и мы безъ замедленія начнемъ войну...“ Не менѣе важно было для императора то обстоятельство, что Цамбелли могъ сообщить ему подробныя свѣдѣнія объ этомъ вооруженіи, число полковъ, орудій, имена начальствующихъ лицъ и т. д.; и также относительно того направленія, какое приняло народное движеніе въ Германіи за послѣднее время.

Бонапартъ слушалъ Цамбелли въ глубокой задумчивости. Опасность со стороны Германіи была на столько очевидна, что онъ рѣшился противъ своего желанія оставить преслѣдованія англичанъ въ Испаніи и немедленно вернуться въ Парижъ.

Цамбелли пріѣхалъ двумя днями раньше. Со времени разговора на дорогѣ подъ дубами Асторги, Витторіо сдѣлался любимцемъ императора. Теперь онъ съ избыткомъ былъ вознагражденъ за всѣ тѣ униженія, которыя ему пришлось испытать въ высшемъ австрійскомъ обществѣ. Онъ собралъ такія свѣдѣнія о людяхъ, ихъ отношеніяхъ и характерахъ, что въ ожиданіи новой войны съ Австріей сдѣлался необходимымъ человѣкомъ для Бонапарта.

— Этотъ итальянецъ точно упалъ съ неба, разсказывали адъютанты и придворные, сопровождавшіе императора въ испанскомъ походѣ. Никто изъ насъ не слыхалъ даже его имени. Въ нѣсколько дней онъ умудрился заслужить расположеніе подозрительнаго Наполеона!

— Онъ могъ привлечь императора магнетизмомъ, утверждали придворныя дамы, очарованныя наружностью и ловкими манерами Цамбелли.

Даже въ небольшомъ кружкѣ пріятелей, которыхъ собралъ у себя Веньяминъ Бурдонъ нѣсколько разъ заходила рѣчь о шевалье. Бурдонъ сговорился съ Эгбертомъ, чтобы тотъ не упоминалъ о своемъ знакомствѣ съ Цамбелли, такъ какъ это могло помѣшать свободному высказыванію мнѣній.

Всѣ въ одинъ голосъ признавали за Цамбелли недюженный умъ и умѣнье обращаться съ людьми и предсказывали ему блестящую будущность, тѣмъ болѣе, что императоръ чувствовалъ особое расположеніе къ людямъ, которые, подобно шевалье, отдавшись ему, сжигали за собою корабли и возлагали на него все свое спасеніе и надежду.

— Я вполнѣ согласенъ, что онъ даровитѣе многихъ изъ прежнихъ любимцевъ императора и ведетъ себя съ большимъ тактомъ, но вѣдь и онъ пользуется не завидной репутаціей, сказалъ одинъ изъ гостей, съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ, изрытымъ оспой и съ преждевременно посѣдѣвшими волосами. Повидимому онъ участвовалъ въ дурномъ дѣлѣ...

— Да говори же яснѣе, Дероне, сказалъ съ нетерпѣніемъ Бурдонъ.

— Мнѣ лично ничего не извѣстно. Но Фуше не давно разсердившись на него за что-то сказалъ: „Онъ забываетъ, что еслибы я захотѣлъ, то могъ-бы сразу отправить его на галеры“.

— Куда онъ отправилъ не мало честныхъ людей! возразилъ Бурдонъ. Развѣ ты можешь поручиться за Фуше?

Дероне и Бурдонъ были друзьями со школьной скамейки. Дероне былъ старше пятью годами и перешелъ черезъ всѣ перевороты того времени: въ качествѣ уличнаго гамена участвовалъ при взятіи Бастиліи, юношей — во время приступа Тюльери и теперь состоялъ на

службѣ имперіи въ должности коммисара сыскной полиціи. Однако, не смотря на это, онъ оставался вѣрнымъ своей дружбѣ къ Бурдону и своимъ республиканскимъ убѣжденіямъ, какъ утверждалъ Бурдонъ.

Большинство гостей были ярые республиканцы и близкіе пріятели Бурдона, которыхъ онъ угощалъ дружескимъ обѣдомъ. Всѣ были въ наилучшемъ расположеніи духа, чему не мало способствовало хорошее бургонское.

Здѣсь для Эгберта наглядно выяснилась разница между двумя національностями: французской и нѣмецкой. Въ Германіи разговоръ друзей одинаковыхъ убѣжденій, перейдя изъ узкаго круга личныхъ интересовъ, неизбѣжно вращался бы около поэтическихъ и философскихъ идеаловъ, между тѣмъ, какъ для гостей Бурдона и его самого ничто не имѣло цѣны, кромѣ политики. Эти люди въ ранней юности пережили волненія раволюціи, съ ея событіями были связаны лучшія воспоминанія ихъ личной жизни. Припоминая свою молодость, они говорили о Мирабо, жирондистахъ, засѣданіяхъ конвента, народныхъ собраніяхъ, какъ нѣмцы стали бы говорить о своихъ школьныхъ товарищахъ, ученіи и преподавателяхъ. Государственная жизнь у этихъ людей поглотила всякую другую дѣятельность; къ ней направлены были всѣ ихъ завѣтныя желанія и надежды; въ ней заключалась слава и счастье, какъ ихъ самихъ, такъ и отечества.

На замѣчаніе Эгберта, что большинство образованнаго парижскаго общества по его наблюденіямъ занято мелочными интересами и увлекается пустяками, ему отвѣтили, что это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы отвлечь вниманіе подозрительнаго Бонапарта.

— Парижане, сказалъ одинъ изъ гостей, во избѣжаніе его гнѣва, дѣлаютъ видъ, что боятся политики какъ заразы. Но пусть Наполеона постигнетъ большое несчастіе, напримѣръ, безпримѣрное пораженіе...

— Кто можетъ побѣдить его? прервалъ съ живостью Эгбертъ. Онъ уничтожилъ лучшія войска Европы, изъ земли не выростутъ новыя.

— За границей, замѣтилъ Бурдонъ, преувеличиваютъ силу этого человѣка. Его вѣнчаютъ лаврами; всѣ его побѣды приписываютъ ему лично. Но что въ сущности составляетъ его силу? Революція, республика. Они создали войска, передъ которыми трепещетъ Европа. Не его орлы воодушевляютъ ихъ, а мысли о свободѣ и равенствѣ. Весь вопросъ въ томъ, долго ли продлится это ослѣпленіе. Онъ какъ безумный расточаетъ людей и богатства страны. Европа покланяется ему какъ герою. Онъ только ловкій и счастливый воръ. Каждый изъ насъ достигъ бы тѣхъ же результатовъ, еслибы также безцеремонно какъ Наполеонъ распоряжался средствами, предоставленными ему великой націей въ минуту заблужденія.

Противъ этого трудно было возражать что-либо. Эгбертъ вполнѣ понималъ, что республиканцы не могутъ простить Наполеону 19-е брюмера и низверженіе республики.

— Повѣрьте, добавилъ Дероне, что недалеко то время, когда вся Францiя открыто выразитъ ему свою ненависть. Онъ могъ обуздать насъ на время, но ему не удастся превратить французовъ въ рабовъ. Ни одинъ укротитель львовъ не умеръ своею смертью.

— Это говоритъ блюститель закона! сказалъ съ удивленiемъ Эгбертъ.

— Да, я придерживаюсь существующихъ законовъ, пока новая революцiя не создастъ лучшихъ. Права народа выше закона.

Эгбертъ молчалъ. Логика революцiонеровъ возмущала его.

— Вы нѣмецъ и аристократъ, сказалъ съ улыбкой Бурдонъ. Вы не можете понять насъ.

— Между моими соотечественниками врядъ ли нашлось бы много людей, которые бы примкнули къ вашимъ принципамъ.

— Наши побѣды, быть можетъ, научатъ васъ гражданскимъ доблестямъ, высокомѣрно отвѣтили ему республиканцы. Мы надѣемся, что современемъ всѣ нѣмцы сдѣлаются французскими гражданами.

— Предоставьте намъ устраивать у себя нашу жизнь по нашему собственному усмотрѣнiю. Мы любимъ наше государственное устройство и учрежденiя, и мало по малу не торопясь стараемся уничтожить то, что уже устарѣло и отжило свой вѣкъ. Кто знаетъ, не было ли величайшей ошибкой вашего императора, что онъ не пощадилъ особенностей нашего быта и подвелъ насъ подъ общую мѣрку.

— Скорѣе можно сказать, что уничтоженiе германской имперiи, этой средневѣковой руины, его величайшая заслуга. Въ этомъ случаѣ онъ оказался достойнымъ сыномъ революцiи.

— Для насъ германская имперiя имѣла и всегда будетъ имѣть значенiе въ смыслѣ объединенiя и сознанiя общей нацiональности, сказалъ Эгбертъ. Съ нею связаны наши лучшiя историческiя воспоминанiя. Наконецъ, позвольте вамъ замѣтить, господа, что если вы любите и защищаете свободу, то не лишайте и насъ права самимъ распоряжаться въ нашемъ государствѣ.

— Во всеобъемлющей республикѣ всѣ люди будутъ одинаково счастливы: это будетъ всемiрное братство.

— Но если мы не желаемъ республики!

— Мы не можемъ допустить существованiе такихъ государствъ, какъ ваше около нашихъ границъ. Мы васъ принудимъ покориться свободѣ. Впрочемъ, мы сильнѣе васъ; опытъ показалъ, что мы непобѣдимы.

— Мы это увидимъ. Вы непобѣдимы, потому что во главѣ вашихъ войскъ Наполеонъ. Неизвѣстно, что будетъ безъ него. Ваши отзывы о немъ крайне несправедливы.

— Вы любите угнетателя вашего отечества, мосье Геймвальдъ! Вы первые должны желать его гибели.

— Я не люблю его, но поклоняюсь ему и нахожу страннымъ, что французы ненавидятъ человѣка, который распространилъ ихъ госу-

дарство до Эльбы. Онъ же выполняетъ вашу мечту о покореніи Германіи. Для насъ разумѣется не существуетъ разницы между французской республикой и имперіей въ томъ смыслѣ, какъ вы говорите. Если мы должны быть подъ гнетомъ чужеземнаго ига, то мы скорѣе подчинимся, какъ наши предки саксы какому нибудь Карлу Великому, нежели республиканскому конвенту.

Эгбертъ замолчалъ. Онъ видѣлъ въ этихъ республиканцахъ, толкующихъ о свободѣ и всемірномъ братствѣ, тѣ же завоевательныя наклонности и жажду славы, которая охватила тогда всю Францію. Развѣ могъ Наполеонъ вести войну за войной, еслибы французскій народъ не раздѣлялъ его воинственныхъ стремленій! Неразрѣшимую загадку представлялъ для Эгберта народъ, который во имя свободы совершилъ невѣроятный переворотъ, чтобы отдать эту свободу въ руки одного человѣка. Точно пораженные слѣпотой шли французы за побѣдителемъ изъ страны въ страну, не замѣчая, что съ каждымъ увеличеніемъ границъ своего государства, они все глубже и глубже погружались въ рабство. Не имѣя ни способности, ни силъ провести въ собственной странѣ возвышенные принципы великой революціи, они какъ будто поставили себѣ задачей уничтожать счастье и независимость другихъ народовъ.

Между остальными гостями въ это время шелъ оживленный разговоръ о предстоящей войнѣ съ Австріей и ея послѣдствіяхъ для Франціи, въ случаѣ побѣды или пораженія. Толковали о томъ, что въ войскѣ много республиканцевъ и возлагали большіе надежды на полковника Армана Луазеля. — Неужели это тотъ Лаузель, который жилъ у насъ въ домѣ! съ удивленіемъ подумалъ Эгбертъ. Большинство присутствующихъ было того мнѣнія, что не слѣдуетъ желать новыхъ побѣдъ.

— Сдѣлайте одолженіе побейте насъ въ этой войнѣ, сказалъ Бурдонъ, потрепавъ Эгберта по плечу; какъ ни тяжело будетъ для французовъ вынести пораженіе, но оно намъ необходимо. Вотъ до чего довелъ насъ этотъ человѣкъ, что мы сами желаемъ гибели нашему отечеству!

— Да, Австрія окажетъ намъ этимъ положительную услугу, сказалъ другой, а всего остального мы сами добьемся.

— Позвольте высказать вамъ откровенно мое мнѣніе, сказалъ Дероне, обращаясь къ Эгберту. — Вамъ не удастся побѣдить его. Наполеона можетъ ниспровергнуть только революція и притомъ не наша, а чужая революція. Если по ту сторону Рейна ненависть къ его игу пересилитъ поклоненіе его генію, если всюду раздастся крикъ о мести...

— Месть за безнаказанныя убійства! воскликнулъ съ горячностью Бурдонъ, вскакивая съ своего мѣста.

— Месть за попранную свободу, за несчастныхъ, которыхъ онъ погубилъ въ Каенѣ, сказало разомъ нѣсколько голосовъ.

Всѣ молча допили свои стаканы.

— Но помимо зла, которое онъ сдѣлалъ Франціи, у меня еще личные счеты съ нимъ! сказалъ Бурдонъ взволнованнымъ голосомъ. — Онъ отнялъ у меня отца!

Эгбертъ съ удивленіемъ взглянулъ на своего друга. Бурдонъ никогда не вспоминалъ о смерти отца и насильственно прерывалъ разговоръ, когда другіе говорили объ этомъ.

— Что заставило его самого заговорить сегодня о своемъ отцѣ? спрашивалъ себя Эгбертъ.

— Я не могу понять, какимъ образомъ австрійская полиція не открыла ни малѣйшаго слѣда преступленія, сказалъ Дероне, который былъ сыщикъ по призванію и тѣмъ болѣе интересовался таинственнымъ приключеніемъ, что оно касалось его друга.

— Убійство совершено среди дня... Жаль, что мнѣ не удалось разслѣдовать это дѣло! Но вы, мосье Геймвальдъ, были на мѣстѣ преступленія и кажется еще застали въ живыхъ стараго Бурдона, неужели у васъ не явилось никакихъ подозрѣній...

Эгбертъ отрицательно покачалъ головой.

— Онъ ничего не знаетъ! сказалъ съ нетерпѣніемъ Бурдонъ, который ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. — Онъ принялъ участіе въ умирающемъ, какое ему дѣло розыскивать убійцъ. Вотъ еслибы камень могъ говорить!...

— Какой камень? Въ чемъ дѣло? Я первый разъ слышу объ этомъ, сказалъ Дероне, съ видомъ охотничьей собаки, которая напала на слѣдъ дичи.

— Нѣсколько дней спустя послѣ убійства, началъ нехотя Эгбертъ, я получилъ опалъ въ золотой оправѣ отъ полусъумасшедшей крестьянской дѣвушки изъ той мѣстности. На камнѣ вырѣзанъ орелъ. Очевидно, что эта вещь была набалдашникомъ палки или хлыста, а такъ какъ въ этой странной исторіи играетъ роль какой-то всадникъ, то опалъ вѣроятно придѣланъ былъ къ хлысту.

— Скажите пожалуйста, сдѣланы ли были попытки отыскать всадника?

— Нѣтъ, мѣстный судья изъ робости самъ старался замять дѣло.

— Они знали кто замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, сказалъ Бурдонъ.

— Но это не помѣшаетъ мнѣ, Фуше, или лучше сказать правосудію воспользоваться находкой. Не можете ли вы, мосье Геймвальдъ, показать мнѣ этотъ опалъ, или вы велѣли передѣлать его.

— Нѣтъ, возразилъ краснѣя Эгбертъ. — Можетъ быть вы будете смѣяться надо мной, но я всегда ношу его съ собой.

Съ этими словами Эгбертъ вынулъ опалъ изъ кармана и подалъ его Дероне, который сперва ощупалъ его, а потомъ поднесъ къ свѣчкѣ и сталъ внимательно разглядывать его?

— Ну, разумѣется, сказалъ онъ, тутъ нѣтъ и слѣда запекшейся крови; золотой ободокъ совершенно гладкій; надъ орломъ маленькая

царапина, какъ будто отъ иголки. Не помнишь ли ты, Бурдонъ, не было ли у твоего отца хлыста съ опаломъ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Веньяминъ.

— У несчастнаго Жана Бурдона въ день убійства, сказалъ Эгбертъ, была палка съ самымъ обыкновеннымъ набалдашникомъ, которая и была найдена при немъ.

— Ну, а кромѣ таинственнаго всадника никто не проѣзжалъ по дорогѣ въ этотъ день?

— Тутъ начинается область предположеній, позвольте мнѣ не сообщать ихъ.

— Да это и не по вашей части, сказалъ улыбаясь Дероне. — Вотъ еслибы мнѣ поручили сдѣлать допросъ, то мы узнали бы нѣчто объ этомъ дѣлѣ.

Дероне опять поднесъ опалъ къ свѣчкѣ и сталъ разглядывать его противъ свѣта.

— Вотъ тутъ что-то нацарапано, какъ будто латинское V..... Если не ошибаюсь, къ вамъ пожаловали гости, мой милый Бурдонъ. Кто-то поднимается на лѣстницу. Спрячьте опалъ, мосье Геймвальдъ, онъ можетъ пригодиться намъ современемъ.

Послѣдняя фраза была сказана такъ громко, что посѣтитель входя въ переднюю долженъ былъ слышать ее.

Вслѣдъ затѣмъ явился слуга и, подойдя къ Бурдону, сказалъ ему что-то въ полголоса.

Веньяминъ измѣнился въ лицѣ.

— Онъ хочетъ видѣть меня? Если онъ здѣсь, проси...

Бурдонъ едва успѣлъ шепнуть сидѣвшему возлѣ него Эгберту: „шевалье Цамбелли!“, какъ слуга отворилъ ему дверь.

Всѣ встали съ своихъ мѣстъ, любопытствуя узнать причину такого несвоевременнаго визита. Бурдонъ изъ вѣжливости сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу вошедшему.

— Извините меня, мосье Бурдонъ, я не ожидалъ, что застану васъ за обѣдомъ и среди веселаго общества, сказалъ Цамбелли своимъ звучнымъ голосомъ, но съ видимымъ смущеніемъ на лицѣ, которое онъ не могъ скрыть, не смотря на свой свѣтскій навыкъ. Но меня послала ваша паціентка, мадемуазель Атенаисъ Дешанъ... Она заболѣла внезапно.

— Какъ это случилось? Гдѣ? когда? спросило разомъ нѣсколько голосовъ.

— Вѣроятно съ ней былъ опять нервный припадокъ, замѣтилъ Бурдонъ, взявъ со стола свою шляпу.

— Вы не ошиблись, сказалъ Цамбелли;—я оставилъ ее въ сильнѣйшихъ судорогахъ. Если мнѣ позволено будетъ выразить мое мнѣніе, то, повидимому, это сдѣлалось съ нею вслѣдствіе сильнаго волненія, такъ какъ она разсердилась до бѣшенства. Окружавшіе ее знакомые вспомнили объ васъ, какъ объ единственномъ докторѣ, ко-

торому вѣритъ больная; и я, не теряя ни минуты, бросился въ карету, чтобы привезти васъ.

Чувство обязанности пересилило въ Бурдонѣ всѣ другія соображенія; но онъ не рѣшился ѣхать одинъ съ шевалье и попросилъ Эгберта сопровождать его.

— Не поѣдете ли вы со мной, мой другъ Геймвальдъ? сказалъ онъ.—Вы изучали медицину и можете дать мнѣ добрый совѣтъ. Надѣюсь, что вы, мосье Цамбелли, ничего не имѣете противъ этого?

— Напротивъ, отвѣтилъ Цамбелли съ вѣжливымъ поклономъ,—я считаю за честь и удовольствіе возобновить мое случайное знакомство съ мосье Геймвальдомъ.

Онъ говорилъ спокойно и на лицѣ его не видно было теперь ни малѣйшаго волненія.

Бурдонъ, уходя, извинился передъ своими гостями, что долженъ оставить ихъ и выразилъ надежду, что скоро вернется назадъ.

Передъ домомъ ждала карета. Витторіо сѣлъ въ нее послѣдній; и они быстро понеслись по улицамъ.

Дешанъ жила на другомъ берегу Сены въ rue de Helder, по близости Итальянскаго бульвара. Трудно передать всѣ разнообразныя ощущенія этихъ трехъ людей, случайно запертыхъ въ тѣсномъ пространствѣ покачивающагося во всѣ стороны экипажа. Окружавшая ихъ темнота, при слабомъ мерцаніи крошечнаго каретнаго фонаря на козлахъ, скрывала ихъ лица своимъ благодѣтельнымъ покровомъ. Сотни разъ Витторіо проклиналъ въ душѣ свою злополучную фантазію ѣхать за Бурдономъ. Какое ему было дѣло до жизни или смерти пѣвицы! Развѣ около нея было мало людей, которые могли исполнить это не хуже его, вотъ, напримѣръ, Арманъ Луазель виновникъ несчастнаго приключенія. Цамбелли даже не могъ никого обвинять въ этомъ, потому что самъ вызвался на рыцарскую услугу. Разумѣется, тутъ не малую роль играло желаніе познакомиться съ сыномъ Жана Бурдона. Но какая надобность была торопиться съ этимъ; развѣ не могъ представиться другой не менѣе удобный случай! Цамбелли глубоко вѣрилъ въ фатализмъ и всѣ его разсужденія привели къ тому, что онъ печально опустилъ голову съ мыслью:—„такъ должно быть! по крайней мѣрѣ я увидѣлъ своего врага и буду знать, чего я могу опасаться отъ этого человѣка“. Смутное предчувствіе говорило ему, что Бурдонъ подозрѣваетъ его въ убійствѣ своего отца. Теперь онъ ѣдетъ съ нимъ въ одной каретѣ и съ Геймвальдомъ, котораго онъ еще сильнѣе ненавидѣлъ. Отъ обоихъ онъ могъ ожидать для себя всего худшаго. По временамъ кровь приливала къ его головѣ и ему казалось, что онъ видитъ при мерцающемъ свѣтѣ фонаря стальной блескъ кинжала. Ему хотѣлось броситься изъ кареты и позвать на помощь; но горло его было какъ въ тискахъ и онъ не могъ двинуть рукой, которая точно приросла къ рукояткѣ ножа, спрятаннаго у него на груди. Но вслѣдъ затѣмъ, онъ опять успокоивался и убѣж-

далъ себя, что все это только игра его разстроеннаго воображенія. По его мнѣнію не только Эгбертъ, но и Веньяминъ, не способны были на рѣшительное дѣло. Наконецъ, въ чемъ могли они уличить его? Развѣ милость Наполеона не достаточно ограждала его отъ всякихъ нападокъ и опасностей? Еслибы извѣстныя желанія и взгляды могли бы убивать людей, то спутники Цамбелли не доѣхали бы живыми до мѣста. При этой мысли Цамбелли едва не расхохотался вслухъ.

— Чего только не бываетъ на свѣтѣ! думалъ между тѣмъ Эгбертъ. Сынъ убитаго слѣдуетъ за убійцей по первому зову. Они ѣдутъ вмѣстѣ къ больной, а тамъ возможно большее сближеніе. Что за бездна лжи и притворства во всемъ этомъ! А ты самъ? спрашивалъ себя Эгбертъ. Какую роль играешь ты въ этой драмѣ? Отчего ты не встанешь съ своего мѣста и не закричишь ему: убійца! Развѣ не подтверждается подозрѣніе, которое ты имѣлъ противъ него? Покажи ему опалъ: ты увидишь, какъ онъ поблѣднѣетъ отъ ужаса. Ты колеблешься, развѣ ты хочешь играть роль укрывателя убійцы! Но чѣмъ дальше думалъ Эгбертъ, тѣмъ больше терялся онъ въ лабиринтѣ сомнѣній и догадокъ. Развѣ онъ зналъ причину гибели Жана Бурдона! Несчастный! могъ ему сказать Цамбелли, ты хочешь осудить на постыдную смерть графа Вольфсегга—они вмѣстѣ съ Жаномъ Бурдономъ составляли заговоръ противъ жизни французскаго императора, иначе австрійская судебная власть и самъ графъ не прервали бы процеса объ убійствѣ такимъ неожиданнымъ образомъ, а Веньяминъ не избѣгалъ бы такъ старательно всякаго намека на эту таинственную исторію. Если люди, близко стоявшіе къ Жану Бурдону, считаютъ нужнымъ щадить убійцу, то какое право имѣетъ онъ подымать это дѣло; развѣ онъ можетъ предвидѣть всѣ послѣдствія своего заявленія. Какъ спокоенъ Бурдонъ! Онъ, повидимому, исключительно занятъ мыслью о больной и уже нѣсколько разъ обращался къ Цамбелли съ разными вопросами относительно ея здоровья и причинъ, вызвавшихъ припадокъ.

Витторіо давалъ опредѣленные, но крайне односложные отвѣты. Изъ его словъ можно было понять, что въ одной изъ залъ Пале-Рояля собралась за обѣдомъ веселая компанія; тутъ была и мадемуазель Атенаисъ Дешанъ съ другими оперными пѣвицами и танцовщицами. Атенаисъ была остроумна, какъ всегда, и въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, что ничто не предвѣщало приближенія болѣзни. Разговоръ былъ самый оживленный, разсказывались анекдоты и забавныя приключенія. Но тутъ одинъ изъ присутствующихъ офицеровъ, безъ всякаго умысла, упомянулъ въ разговорѣ о какой-то давнишней привязанности мадемуазель Атенаисъ. Та покраснѣла и разсердилась. Затѣмъ они довольно рѣзко поговорили другъ съ другомъ и Атенаисъ схватила ножъ и бросила его въ своего противника. Весьма возможно, добавилъ Цамбелли, что ярость бѣдной жен-

4 рубля без доставки. | **6 рублей съ пересылк.**

О ПОДПИСКѢ НА 1881 ГОДЪ

НА

„ОГОНЕКЪ",

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКЪ и ИСКУССТВЪ.

52 нумера въ годъ.

ДВѢ БЕЗПЛАТНЫЯ, БОЛЬШІЯ, РОСКОШНЫЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ ПРЕМІИ:

1) ПОРТРЕТЪ ЕГО ИМПЕР. ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА.
2) ПРОВОДЫ НОВОБРАНЦА, картина академика И. Е. Рѣпина.

ПРОГРАММА „ОГОНЬКА":

1. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія, юмористическіе очерки, оригинальн. и перевод. (съ рис. къ нимъ).
2. Историческіе очерки, бытовыя картины изъ жизни древнихъ народовъ (съ рисунками къ нимъ).
3. Записки, мемуары, жизнеописанія великихъ людей и общественныхъ дѣятелей (съ портретами).
4. Систематическій обзоръ (съ рисунками, по надобности) замѣчательныхъ явленій въ области всѣхъ наукъ: Естествознанія, Археологіи, Географіи, Медицины, Механики и т. д., и искусствъ: Скульптуры, Живописи, Архитектуры, Музыки и т. д. Библіографія и замѣчательные процессы (безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній).
5. Хроника наукъ, искусствъ и литературы.
6. Смѣсь, анекдоты, афоризмы и т. п.
7. Почтовый ящикъ; отвѣты редакціи.
8. Тиражи выигрышей 1-го и 2-го внутреннихъ займовъ.
9. Частныя объявленія.

Громадный успѣхъ **„Огонька"** въ первый и второй годы изданія, дѣлаетъ лишними всякія пышныя обѣщанія. Успѣху этому **„Огонекъ"** обязанъ: 1) Объемомъ своимъ онъ равенъ большимъ литературнымъ журналамъ, но дешевле ихъ **вчетверо.** 2) Въ немъ принимаютъ участіе лучшія литературныя и художественныя силы.

Въ **„Огонькѣ"** были помѣщены произведенія, между прочимъ, слѣдующихъ писателей: **В. Г. Авсѣенко, Д. В. Аверкіева, К. Алексѣева, К. П. Галлера, Г. М. Данилевскаго, В. В. Крестовскаго, В. Корніевскаго** (псевд.), **К. Орловскаго, А. Н. Майкова, А. Ѳ. Писемскаго, Я. П. Полонскаго, П. Полевого, Гр. Е. А. Саліаса, К. К. Случевскаго, Д. Н. Садовникова, А. Фета** и др.

При томъ-же составѣ редакціи, при стремленіи къ улучшенію журнала съ каждымъ нумеромъ, въ 1881 г. съ первыхъ нумеровъ редакція начнетъ печатать: **„Принцесса Владимірская"**, историческій романъ **Гр. Е. А. Саліаса; „Порченая"**, повѣсть **А. А. Потѣхина; „Очарованные"**, повѣсть **В. Г. Авсѣенко** и др.

☞ Къ журналу „Огонекъ" 1881 г. будутъ приложены, безплатно,

☞ **Двѣ большихъ, роскошныхъ, олеографическихъ картины:**

1) **Портретъ Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича.**
2) **„Проводы новобранца"**, картина академика И. Е. Рѣпина.

☞ Такъ какъ преміи эти, во избѣжаніе порчи ихъ въ дорогѣ, будутъ разосланы гг. подписчикамъ въ прочной картонной трубкѣ, что требуетъ большихъ расходовъ,—то **цѣна за доставку „Огонька" увеличивается: для подписчиковъ въ С.-Петербургѣ на 50 к., а для иногороднихъ на 1 р.**

Для удобства и въ интересахъ подписч., редакція вошла въ соглашеніе съ лучшими магазин. объ изготовленіи для премій **„Огонька"** рамъ, по превосходнымъ рисункамъ редакціи и по возможно дешевой цѣнѣ. Рисунки и цѣны будутъ сообщены въ одномъ изъ №№ **„Огонька".**

Годовая цѣна **„Огонька"** съ преміями: безъ доставки 4 р., съ дост. въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к.; съ перес. во всѣ города Россіи 6 р.

Подписка принимается въ конторѣ издателя журнала **„Огонекъ"**, въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая улица, д. Коровина, № 16.

Редакторъ журнала «ОГОНЕКЪ» **Н. Н. Аловертъ.** | Издатель журнала «ОГОНЕКЪ» **Германъ Дмитр. Гоппе.**

„НУВЕЛЛИСТЪ“

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ФОРТЕПІАНО
СЪ МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНОЮ ГАЗЕТОЮ.

Съ 1-го января 1881 года „**Нувеллистъ**“ вступая въ 42-й годъ своего существованія, будетъ выходить какъ и прежде перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадями отъ 30—35 страницъ избранной музыки. Каждая тетрадь будетъ содержать въ себѣ: 1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ. 2) Одинъ или два новыхъ танца. 3) Русскій романсъ. Сверхъ того въ „**Нувеллистѣ**“ будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.

„**Нувеллистъ**“ Музыкально-Театральная Газета, будетъ выходить ежемѣсячно въ прводолженіи музыкальнаго сезона: въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ и состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Руководящія статьи, посвященныя обзору всего примѣчательнаго въ области музыки и театра, какъ въ Россіи такъ и за границей. 2) Музыкальная хроника: отчеты о новыхъ операхъ и концертахъ. 3) Возможно полный сводъ статей, касающихся музыки и сценическаго искуства. 4) Фельетонъ.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и музыкально-театральной газеты, подписчики „**Нувеллиста**“ получатъ въ концѣ года **премію** — полную оперу въ двѣ руки, или другія сочиненія по ихъ выбору изъ 70-ти нумеровъ указанныхъ Редакціею.

Цѣна годовому изданію музыкальнаго журнала „**Нувеллистъ**“ съ Музыкально-Театральною Газетою и преміею **5** рублей. Съ доставкою или пересылкою **6** рублей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ „**Нувеллиста**“ при музыкальномъ магазинѣ М. Бернарда поставщика Двора Его Величества, Невскій проспектъ, № 10. **Въ Москвѣ:** въ музыкальномъ магазинѣ А. М. Гутхейль поставщика Двора Его Величества, Кузнецкій мостъ, домъ Юнкера. **Въ Казани:** въ музыкальномъ магазинѣ „Восточная Лира“. **Въ Харьковѣ:** у Гергарда.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

МОСКВА ВЪ РОДНОЙ ПОЭЗІИ.

Сборникъ стихотвореній русскихъ и славянскихъ писателей и прозаическихъ характеристикъ, относящихся къ Москвѣ, Кремлю, московскимъ событіямъ, московскому быту и проч., пословицы, относящіяся къ Москвѣ, библіографія книгъ и статей литературнаго содержанія, имѣющихъ своимъ предметомъ Москву, перечень русскихъ писателей, родившихся и умершихъ въ Москвѣ, и проч. Сборникъ составленъ С. И. Пономаревымъ.

Цѣна книгѣ 1 р. 25 к., на обыкновенной хорошей бумагѣ. Кромѣ того, для любителей напечатано:

100 экз. нумерованныхъ на слоновой бумагѣ большого формата—3 р. за экз.

КЪ ЦАРСКОМУ ЮБИЛЕЮ

(1855—1880).

Собраніе прозаическихъ и стихотворныхъ отрывковъ, относящихся къ Государю Императору, со дня его рожденія до 19-го февраля 1880 г.

Собралъ С. П—въ.

Спб., 1880. Ц. 40 к., съ перес. 45 к., въ перепл. 80 к., съ перес. 1 р. с.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ.

С. С. Шашкова.

Содержаніе: Предисловіе.—I. Женщина въ древнѣйшей славянорусской жизни.—Факторы ея постепеннаго порабощенія.—II. Родовое начало, какъ главная основа древнерусской жизни.—III. Византизмъ и его вліяніе на положеніе женщины.—Полное порабощеніе женщины въ XVI и XVIII вв.—IV. Положеніе женщины въ семействѣ.—V. Паденіе патріархальныхъ порядковъ.—Семейныя преступленія и всеобщій развратъ.—VI. Противодѣйствіе женщины домостройнымъ порядкамъ и ея борьба за свои интересы.—VII. Реформа Петра I.—Половая свобода и развращенность.—Успѣхи женской самостоятельности.—Воспитаніе женщинъ.—Начатки эмансипаціонныхъ движеній и элементы, противодѣйствующіе имъ.—Семья и женщина по Своду законовъ.—VIII. Женское дѣло во второй половинѣ XIX вѣка.—IX. Русская проституція. Приложеніе: Образчикъ семейнаго „Житія непорядочнаго“ въ старинной Руси.

Изданіе второе, исправл. и дополн. Спб. 1879. Ц. 1 р. 75 к., въ англійскомъ переплетѣ 2 р. 25 к.

„ВЪ ОБЛАСТИ ВѢЧНАГО ЛЬДА“.

Исторія путешествій къ сѣверному полюсу съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени.

Соч. Фридриха Гельвальда.

Предлагаемое русской читающей публикѣ иллюстрированное сочиненіе Фр. Гельвальда „Въ области вѣчнаго льда“ („Im Ewigen Eis“), снабженное большимъ количествомъ рисунковъ въ текстѣ и отдѣльно, составляетъ, по интересу содержанія, одну изъ лучшихъ и популярнѣйшихъ книгъ во всемъ современномъ читающемъ мірѣ.

Русскій издатель намѣренъ издавать вышеупомянутое сочиненіе отдѣльными выпусками, какъ оно выходитъ и заграницей, въ Германіи.

Многочисленныя иллюстраціи и карты, служащія какъ для объясненія текста, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для украшенія (ибо достоинство рисунковъ въ этомъ смыслѣ дѣйствительно обусловливаетъ собою украшеніе книги г. Гельвальда и дополняетъ изящество его произведенія), дѣлаютъ то, что книга Ф. Гельвальда можетъ занять достойное мѣсто и въ каждой домашней и общественной библіотекѣ, и въ каждомъ кабинетѣ, и въ каждомъ салонѣ.

Цѣна каждаго выпуска въ 5 печатныхъ листовъ большого формата 65 коп.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

ПОЭМА ВАСИЛІЯ МАРКОВА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Цѣна 60 коп.

САМУИЛЪ СМАЙЛЬСЪ

ПУТЕШЕСТВІЕ МАЛЬЧИКА

ВОКРУГЪ СВѢТА.

Жизнь въ Викторіи и переѣздъ по желѣзной дорогѣ чрезъ Сѣверную Америку. Переводъ съ англійскаго Н. С. **Кутейникова.**

Изданіе второе, исправленное и дополненное, съ 6 рис. и картою.

Спб. 1880. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА:

ЦАРЬ-ДѢВИЦА

Романъ-хроника XVII вѣка, въ трехъ частяхъ. Спб. 1880 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 руб. 25 коп.

ОЧЕРКИ И ОТРЫВКИ.

В. Крестовскаго (псевдонимъ).

Содержаніе: За стѣною.—Вѣра.—На вѣчерѣ.—Недописанная тетрадь.—Старый портретъ, новый оригиналъ.—Старое горе.

Спб. 1880. Цѣна 1 р. 50 к.

АЛЬБОМЪ.

ГРУППЫ И ПОРТРЕТЫ.

В. Крестовскаго (псевдонимъ).

Содержаніе: I. У фотографа.—II. Въ судѣ.—III. Риднева.—IV. Верягинъ.—V. Между друзьями.—VI. Счастливые люди.

Спб., 1879 г. Ц. 1 руб. 75 коп., въ англійскомъ переплетѣ 2 руб. 25 к.

БАРИТОНЪ

РОМАНЪ

В. Крестовскаго.

(псевдонимъ).

Спб., 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., въ англійскомъ переплетѣ 2 р.

„МАДОННА".

ПОВѢСТЬ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Сочиненіе графа Саліаса.

Цѣна 2 р.

РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1881 годъ.

А. С. Суворина.

(Десятый годъ изданія).

Изданіе это вновь переработано и дополнено по всѣмъ отдѣламъ. Такъ, справочныя и календарныя свѣдѣнія пересмотрѣны и провѣрены по новымъ даннымъ. разнообразныя статистическія свѣдѣнія, составляющія особый отдѣлъ **„статистическій ежегодникъ"**, составлены не только по новѣйшимъ источникамъ, но и снабжены необходимыми поясненіями и сопоставленіями и такимъ образомъ представляютъ собою на столько полную картину современнаго состоянія Россіи, на сколько можно было получить ее по оффиціальнымъ и не оффиціальнымъ изслѣдованіямъ. Наибольшая полнота свѣдѣній заключается въ слѣдующихъ отдѣлахъ **„Ежегодника"**: по сельскому хозяйству и промышленности помѣщены послѣднія данныя о хлѣбопашествѣ, горномъ дѣлѣ и фабричной промышленности; по торговлѣ даны свѣдѣнія о ярмарочной и внѣшней, причемъ въ таблицахъ о послѣдней показано количество главнѣйшихъ товаровъ по привозу и вывозу за пятилѣтіе, а для сравненія цѣнъ даны курсы на нашъ кредитный рубль на Лондонъ и Парижъ; по кредиту помѣщены свѣдѣнія объ операціахъ всѣхъ русскихъ кредитныхъ учрежденій; отдѣлъ „Финансоваго хозяйства" даетъ подробныя свѣдѣнія о госуд. доходахъ и расходахъ за пятилѣтіе. На ряду съ данными о ходѣ выкупной операціи помѣщены свѣдѣнія о покупкѣ и арендованіи земель крестьянами, новыя свѣдѣнія о крестьянскомъ землевладѣніи по новому обслѣдованію Цент. Стат. Комитета. Наконецъ въ прибавленіи даны свѣдѣнія о Финляндіи и эмиграціи по всѣмъ государствамъ и новыя данныя объ иностр. государствахъ. Вообще этотъ отдѣлъ заключ. въ себѣ сводъ данныхъ изъ большого количества источниковъ, недоступныхъ большей части общества не только по своей дороговизнѣ, но и рѣдкости ихъ въ продажѣ.

Прибавлены **„Матеріалы для словаря псевдонимовъ"**.

Цѣна въ бум. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к., въ папкѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к., въ перепл. 1 р. 60 к., съ перес. 2 р.

Н. С. ЛѢСКОВЪ.

ТРИ ПРАВЕДНИКА

И ОДИНЪ

ШЕРАМУРЪ.

(Однодумъ, Пигмей, Кадетскій монастырь, Русскій демократъ и Шерамуръ).

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Альфонсъ Додэ.

КОРОЛЕВА ФРЕДЕРИКА.

РОМАНЪ.

Переводъ **М. Трубниковой.** Спб, 1880. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2.